

Уткин А. И.

Правда об Ираке, или Битва в Месопотамии

Предисловие. Крах Вестфальской системы

«До того как большинство стран не начнет считать более надежным прежде всего сохранить то, что у него есть, чем стремиться к сомнительному приобретению того, чем владеют другие, до тех пор не наступает строй, основанный на праве и разуме»¹.

Фихте, 1976

Америка обратилась к односторонним действиям там, где родилась революция неолита, где десять тысяч лет назад были одомашнены растения и животные, где в Шумере появилась первая человеческая цивилизация, в окрестностях заложенного шесть тысяч лет назад Багдада, где родилась первая в мировой истории империя Саргона Великого, где был рожден Авраам, зародились иудаизм и христианство – и чуть южнее – ислам, а неподалеку зороастризм и бахаизм, в сердцевине арабской цивилизации, где проходили фаланги Александра, римские легионы и орды Чингизхана, наступил момент для Америки»².

Дж. Гаррисон, 2004

Перед Америкой, как лидирующим государством мирового сообщества, после 1991 года встал подлинно важный вопрос: быть «первым среди равных», опираться на принцип *национального суверенитета*, или подняться над всей совокупностью мирового созвездия наций и не лидировать, а попытаться *контролировать* мировую семью наций, манкируя суверенитетом недружественных стран. В данной главе мы попытаемся проанализировать дихотомию «государство-нация»: гегемон или член мировой семьи народов? Именно так стал вопрос перед тремя президентами США, возглавившими свою страну после окончания противостояния с Советским Союзом. И все три (два Буша и Клинтон) ощутили необычайные возможности, не воспользоваться которыми им, президентам, казалось *противоположным интересам Америки*.

Вестфальская система: до и после

Легко увидеть сходство предвестфальской модели с американской доктриной гуманитарных интервенций (а сегодня и превентивных ударов) начала XXI века. Французская дипломатия почти четыреста лет назад выдвинула в 1623 г. схему, от которой, возможно, не отказались бы сегодня в Вашингтоне. Париж пожелал создать четкую мировую иерархию. На первое место в предлагаемой мировой Ассамблее предлагался Папа Римский, его авторитет представлялся безупречным. На второе место претендовал турецкий султан, ибо лишь примирение с Турцией европейских христианских держав могло быть основанием общего – мира; а главное – турецкий султан по величию и могуществу естественным образом выдвигался на второе место. Третьим становился австрийский император-христианин. Четвертое и пятое место предполагалось предоставить королям

---

¹ Фихте И. 2003. К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта// Тракаты о вечном мире. С. 248.

² Garrison J. America as Empire. Global Leader or Rogue Power? San Francisco: Berrett-Koehler, Inc. 2004, p. 15.

Франции и Испании, по могуществу и богатству превосходящим прочим. Шестое место оспаривали правители Персии, Китая, Московии. Ниже предлагались места королям Англии, Польши, Дании, Швеции, Японии, Марокко и индийского Великого Могола.

«И когда мнения ассамблеи государств, правителей и их послов совпадут, либо будут разделены лишь частично, находясь в равновесии, тогда следует призвать парламентариев от имеющих совещательный голос стран, чтобы завершить дебаты и ликвидировать противоречия мирным голосованием. Если же могущественные государи не захотят сделать уступки один другому, то в этом случае будет правильнее решить... что либо первый среди них, либо наиболее опытный получит преобладающую над другими власть»³. Мы видим, что желание закрепить иерархическую систему неравенства народов имеет давнюю историю. Особенно стараются идеологи главенствующей страны (в первой половине XVII века – это Франция, четырем веками позже – Соединенные Штаты). То, что так близко начало XVII и начало XXI веков, объяснимо тем, что предвестфальский мир не знал универсальной политической единицы – суверенного национального государства, имел основой мирового порядка иерархию правителей. Сегодняшний же мир, открывшийся после бомбардировок Югославии в 1999 г. (направленной против суверенного и неагрессивного государства), крушит то драгоценное, чего мировое сообщество достигло после кровавой Тридцатилетней войны и обрело в 1648 году – запрета на вмешательства во внутренние дела *суверенного* государства. Оказалось, что поствестфальский мир, как и 350 лет назад, начал отрицать суверенное национальное государство в качестве гарантии от внешнего насилия. А ведь не так давно казалось, что со свирепым бесправием уже покончено и принцип *cuius regio, eius religio* возобладает навечно. Увы, прав был гениальный Фихте: «По-видимому, беспорядок еще возобладает над порядком. Значительная часть людей при всеобщем беспорядке приобретает больше, чем теряет, а у тех, кто теряет, остается надежда, что однажды он тоже выиграет... Многие из благ, созданных в наших государствах, еще можно требовать и захватывать, и наконец, если у тебя дома все уже исчерпано, то угнетение других народов и континентов – постоянный и обильный вспомогательный источник». Уже в наше время, неполных два десятилетия назад, сорокалетняя «холодная война» завершилась каскадом событий, знаменовавших неслыханное расширение зоны беспорядка. В 1989 г. Западная Германия, в которой США держат свои войска, поглотила ГДР, а в два последующих года в зону влияния Америки попала вся Восточная Европа и Прибалтика. 1991 г. ознаменован прибытием оружия – от Аргентины до Венгрии – к сепаратистским силам СФРЮ, и страна взорвалась. В 1994 году военно-морская пехота США восстановила власть президента Аристида на Гаити. Вашингтон провозгласил грядущее вхождение восточноевропейских стран в НАТО. В 1995 г. Дэйтоновские соглашения навязали американское решение в Боснии. Между 1995 и 1999 годами США укрепили свое влияние на огромной территории – от Косово до Восточного Тимора.

На пути от «сверхдержавы» к «гипердержаве» были две ступеньки. На *первой* президенты Джордж Буш-старший и Билл Клинтон еще не осмеливались «идти в отрыв в одиночку». Они укрепляли НАТО и совещались с союзниками. Но на *второй* ступеньке, в новом веке – при президенте Джордже Буше-младшем внешнеполитические успехи окончательно «ослепили дядю Сэма». Сплошной триумф создал восхитительное чувство вседозволенности, чувство невозможности противостоять в этом мире американской мощи. В этой ситуации ценность союзников для Вашингтона резко уменьшилась, а уважение к мировому праву исчезло напрочь.

Президент Буш-младший выразил это чувство в желании «действовать самостоятельно» на мировой арене. Он с презрением отнесся к опасности глобального «одиошества» гегемона: «На определенном этапе нашего пути в этом мире мы можем

---

³ Крюсе Э. 2003. Новый Киней // Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетейя, с. 91–93.

остаться в одиночестве. У меня это тревоги не вызывает. Мы – Америка»⁴.

К осени 1998 года стало ясно, что диктат Америки не поколеблет решимость Сербии сохранить Косово в составе своей государственной территории. В октябре 1998 г. главный американский дипломат на Балканах Ричард Холбрук привез в Белград «решающие аргументы» в пользу отказа Сербии от Косово, которые должен был объяснить несговорчивому президенту Милошевичу генерал-лейтенант авиации Майкл Шорт, ответственный за воздушную войну против сербов. Шорт сказал сербскому президенту, что у него «У-2 в одной руке и Б-52 в другой руке, выбор за сербами». Милошевичу детально объяснили, что будет означать американская воздушная война против Сербии. И все же сербское руководство отвергло американские предложения. Пусть будет война⁵. В войну против Сербии, как и пятью годами позже – в войну против Ирака в 2003 году, Соединенные Штаты вступили без санкции Совета Безопасности ООН, собрав «коалиции желающих». В обоих случаях руководители США дали понять, что не считают обязательным условием согласие мирового сообщества на применение силы.

Империя – это форма правления, когда главенствующая страна определяет *внешнюю* и, частично, *внутреннюю* политику всех других стран. Кто будет спорить, что современная индустриальная Америка не похожа на аграрный Рим античности? Но Вашингтон стал уподобляться Риму в *обеих* указанных функциях. А их осуществление неизбежно ставит задачу создания иерархического порядка, системы организованного соподчинения. Имперское мироощущение вернуло себе немалое обаяние в Америке после 2001 года. Для влиятельного политолога Краутхаммера, для издателя неоконсервативной «Уикли стандарт» Уильяма Кристола, для популярного ныне аналитика Роберта Кэгена – и даже для главы Всемирного банка Пола Вулфовица в имперских орлах, в имперском влиянии, в самом слове *империя* нет ничего, что заставляло бы опустить глаза. Как написал Уильям Кристол, «если кто-то желает сказать, что мы имперская держава, ну что ж, очень хорошо, мы имперская держава»⁶.

Термин «империя» теряет свое значение антонима республики и свободы. Иельский историк Джон Льюис Геддис призывает трезво оценить ситуацию: «Мы определенно империя, мы *более чем империя*, и у нас сейчас есть (мировая) роль»⁷. А как иначе сказать о державе, чьи вооруженные силы расположились в 120 странах, которая контролирует мировой океан и космическое пространство, тратит на разведку в глобальных масштабах более 40 млрд дол., которая как на подчиненные смотрит на международные организации; о державе, которая вела три войны за последние пять лет против стран, не причинивших вреда собственно Соединенным Штатам и расположенных на расстоянии полэкватора от американской территории. Пирамида централизованной мощи в глобальных масштабах, построенная после окончания «холодной войны» и осуществляющая фактический контроль над миром, иначе и определена быть не может.

Этим термином уже свободно пользуются от правого политического фланга до левого, от Майкла Игнатьева и Пола Кеннеди до Макса Бута и Тома Доннели. Именно это и наиболее примечательно; все участники дебатов знают, о чем идет речь: о *принуждающей* внешней политике, об использовании вооруженных сил США на глобальных просторах, на

---

⁴ Цит. по Daalder I. And Lindsay J. *America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy*. Washington: Brookings Institution Press, 2003, p. 86.

⁵ Daalder I. and O'Hanlon M. *Winning Ugly: NATO's War to Save Kosovo*. Washington: Brookings Institution Press, 2000, p. 57.

⁶ Nye J. *U.S. Power and Strategy After Iraq* («Foreign Affairs»), July-August 2003, p. 60).

⁷ Tolson J. *The New American Empire?* («U.S. News and World Report», January 13, 2003, p. 37).

всех материках и на всех океанах. Создание «неоконсервативной фалангой» нового идейного обоснования американской внешней политики свершилось вследствие наличия жесткого самоутверждения и желания опередить потенциального противника в стране, которую историк из Университета Пенсильвании Уолтер Макдугал назвал: «Земля обетованная, государство крестоносцев»⁸. Выявилось немало других проявлений презрения к взглядам и мнениям огромного мирового сообщества. К сентябрю 2001 г. администрация Буша отвергла «протокол Киото» (относительно глобального потепления), решительно отказалась от участия в работе Международного суда по уголовным преступлениям, поставила под сомнение Конвенцию о запрете биологического оружия, выступила против международных ограничений в торговле и передаче полевых мин и малого стрелкового оружия, против Конвенции ООН, запрещающей полевые мины. Английский журнал «Экономист» 28 июля 2001 г. писал: «Попадался ли Бушу договор, который ему бы нравился? Сама идея *многостороннего* сотрудничества неприемлема для Буша».

Результатом стала «доктрина Буша» (сентябрь 2002), утверждавшая, что «величайшей угрозой свободе является совмещение радикализма и передовой технологии». Солью доктрины стало следующее: «Соединенные Штаты *не могут больше* полагаться на ответные действия, подобные тому, какие мы предпринимали в прошлом... Теперь США готовы к упреждающим действиям ради самозащиты, даже если существует некоторая неясность относительно времени и места вражеской атаки»⁹.

Дело «ответа» активно или пассивно сопротивляющимся взяли на себя неоконсерваторы. Один из их лидеров – т. н. «черный принц» Ричард Перл безапелляционно заявил, что «мощь Соединенных Штатов *всегда* является источником всего лучшего на планете»¹⁰. Чарльз Краутхаммер: цивилизацию от варварства охраняет «не парламентская говорильня, но мощь, а в однополярном мире – американская мощь – применяемая, если это нужно, односторонне. А если необходимо – предваряющими ударами»¹¹. Еще более цветисто высказался корреспондент «Ньюсвика» Майкл Хирш: «При всех огрехах роль, которую играют ныне Соединенные Штаты, является величайшим – за многие века – подарком миру. Возможно, это самый большой подарок за всю историю существования человечества»¹². Вторжение в Ирак было первой демонстрацией «доктрины Буша» в действии. Решение начать боевые действия было принято исходя из неверной интерпретации разведданных, из неверной оценки последствий этого вторжения для США. В Ираке не оказалось средств массового поражения, и Багдад не имел касательства к Аль-Каиде. Ирак был оккупирован за три недели, но оккупационные силы столкнулись с упорным и самоотверженным сопротивлением, с рухнувшей экономикой страны, с убийственным соперничеством шиитов, суннитов и курдов. Созданный собственными руками кошмар начал затягивать Америку в опасное болото. По сию пору «комиссия Бейкера» изучает последствия нападения на суверенную страну. Односторонние действия Вашингтона в отношении не угрожающей ему суверенной страны смутили даже самых верных из союзников США. Повсюду обсуждается вопрос, уместно ли иметь союзником страну,

---

⁸ McDougal W. Promised Land, Crusader State. New York, 2002.

⁹ George W. Bush. «Statement by the President in His Address to the Nation». Washington, D.C., September 11, 2001.

¹⁰ Walt S. Taming American Power. The Global Response to U.S. Primacy. New York: W. W. Norton and Company. 2006, p. 72.

¹¹ Krauthammer, «Democratic Realism», p. 5.

¹² Hirsh M. At War With Ourselves. New York: Oxford University Press, 2003, p. 39–40.

которая готова вести превентивные войны по своему выбору, на основе сугубо *собственной* интерпретации складывающейся мировой ситуации. Парадокс: в созвездии независимых государств сильнейшее из них являет собой потенциальную угрозу всем остальным. Тенденция еще терпима, если лидер «мудро осторожен». Но, как выяснилось, то, что кажется мудростью американцам, вовсе не воспринимается подобным образом в других мировых столицах.

Глава первая Как в мире ценят суверенитет

Ценнейшее национальное достояние

Как в мире ценят суверенитет? Писатель Джон Ле Карре высказался в лондонской «Таймс» о начале войны против Ирака так: «США сошли с ума». Нобелевский лауреат Гюнтер Грасс: «Буш представляет собой опасность для собственной страны». Мэр Лондона Ливингстон: «Буш представляет собой опасность для жизни всей планеты». Не испытывая тени сомнений, президент Буш-младший в своей «Стратегии национальной безопасности» заявил: «Наши ценности свободы хороши и справедливы для всех народов, где бы они ни жили»¹³.

Американский народ, в общем и целом, воспринял как «приемлемые» потери полтора человека в ходе боевых действий между Тигром и Евфратом (примерно такими же были потери в афганской кампании). Но американское общество начало испытывать конвульсии после 1 мая 2003 г., когда президент Буш объявил об одержанной победе, а ежедневные потери американских военнослужащих начали исчисляться в тысячах. Только тогда обозначилась цена отхода от Вестфальской системы, запрещавшей вторгаться во внутренние дела суверенных государств.

Учитывает ли гегемон чужие интересы?

В этом вопросе между американцами и остальным миром существуют большие противоречия (в процентах ко всем опрошенным в данной стране).

Учет Вашингтоном чужих интересов (в процентах)

Источник – американские аналитические центры: www.people-press.org, 2006.

Уже значительно меньше половины американцев поддерживают внешнеполитический курс президента Дж. Буша-младшего; его поддерживают менее 30 процентов европейцев. Его личная популярность уступила Бен Ладену в Пакистане, Иордании, Марокко. Короче говоря, американцы видят свою страну как позитивную силу на мировой арене, но этого мнения никак не придерживается остальной мир. Протест «ощетинившегося» мира вызывают не собственно *Соединенные Штаты*, а *американская односторонняя политика, готовая к «предупредительным» односторонним акциям.*

Министр иностранных дел ФРГ выразил эту мысль так: «Мировой порядок, в котором национальные интересы сильнейшей державы являются критерием для начала боевых действий, просто нежизнеспособен»¹⁴. Мнение России? Уже в 2000 году в официальной Российской национальной концепции безопасности есть предупреждение относительно

---

¹³ National Security Strategy of the United States, 2002, p. 34.

¹⁴ «The Economist», May 17, 2003, p. 45.

«попыток создать такую структуру международных отношений, которая базируется на доминировании развитых западных стран... под руководством США и ориентируется на односторонние действия (включая использование вооруженных сил) при решении ключевых вопросов мировой политики».

Все декларации о приносимых американцами благодеяниях могут найти дружественный отклик в «патриотической» американской аудитории, но не у других народов (скажем, мексиканцев), у которых США отняли половину территории. А британский историк Тимоти Гартон Эш заметил: «Проблема американской мощи заключается не в том, что это *американская* мощь, а в том, что это *мощь*. Было бы преступно даже архангелу вручить в руки такую мощь»¹⁵. За последние 15 лет американцы свергли *девять* свободно избранных правительств (не обращая при этом внимания на жестокую практику поддерживаемых ими диктаторских режимов). Они свергли правительства Афганистана, Гаити, Сербии, Ирака, принося в жертву при этом тысячи жителей этих стран. Мы уже не говорим о том, что после окончания «холодной войны» Соединенные Штаты навязали серию односторонних соглашений своим повергнутым противникам¹⁶.

Как в мире смотрят на гегемона?

Массовое неприятие в мире получили американский индивидуализм, коммерческая жадность, откровенный гедонизм, прославление насилия в американской популярной культуре, сексуальная развязность. Высокий уровень преступности в США – выше, чем в любой индустриальной демократии – вызывает шок. Особенно откровенны в этом отношении французы: «С точки зрения европейцев, Америка все еще является варварской страной, Диким Западом, который не знает, как сдержать свое население, как контролировать судей и шерифов»¹⁷. Ощувив холод в отношениях к ним ближайших союзников, Исследовательский отдел Государственного департамента предпринял исследование союзнических взаимоотношений. И пришел к следующему выводу: «Половина или даже более половины населения Британии, Франции, Германии и Италии полагают, что американская экономическая система игнорирует слишком много социальных проблем из-за отсутствия страхования по работе и бонусов за занятость»¹⁸.

Как относится внешний мир к Соединенным Штатам?

Степень позитивности отдельных стран по отношению к США (в %).

Источник – американские аналитические центры: www.people-press.org.

Источник – американские аналитические центры: www.people-press.org.

Обзор «Евробарометра» в 2005 году показал, что французы, немцы и англичане огромным большинством отвергли «копирование американской модели». В целом страны

---

¹⁵ Ash T.G. The Peril of Too Much Power («New York Times», April 9, 2002).

¹⁶ Walt S. Taming American Power. The Global Response to U.S. Primacy. New York: W.W. Norton and Company. 2006, p. 89.

¹⁷ Lacorne D. The Barbaric Americans («Wilson Quarterly», Spring 2001, p. 53).

¹⁸ Dean A. and Demeri M. Europeans and Anti-Americanism: Fact vs Fiction. Washington: U.S. Department of State, Office of Research, September 2002, p. 26–27.

ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) негативно отнеслись к попыткам имитировать американский путь развития¹⁹.

Американский социальный порядок и манера поведения США на мировой арене далеко не восхищают огромный внешний мир.

Опасная позиция «над остальным миром»

Согласно американским исследователям, «Соединенные Штаты не могут подвергнуть себя риску отказа к доступу в ключевые регионы, и поэтому будет диверсифицирован и расширен список баз, с которых могут быть начаты боевые операции»²⁰. Встав *над*, а не *рядом* с мировым сообществом, Соединенные Штаты предприняли крупную авантюру. Пока Вашингтон полагает, что сил ему хватит. Американская армия ныне расположила 368 тысяч солдат в 120 странах. До 11 сентября 2001 г. за границей Соединенных Штатов находились 20 процентов наличного армейского персонала; через пять лет на воинской службе за пределами страны находилась почти половина американской армии²¹. Десять американских дивизий как десять имперских легионов стремятся контролировать огромный мир. Их *не хватает*. Сенатор-демократ Дж. Рид предлагает призвать на действительную службу семь бригад национальной гвардии, чтобы увеличить армию США еще на 20 тысяч, создать одиннадцатую дивизию.

Предлагаемое создание *двух* армейских дивизий обойдется американским налогоплательщикам в 10 млрд дол. в год (в добавление к уже достигнутому 476 млрд дол. военному бюджету Соединенных Штатов. Расширяется Миротворческий институт армии США в Карлейле (Пенсильвания). Американские планировщики предполагают осуществить «более радикальные изменения в размещении американских вооруженных сил за пределами США, чем это было полстолетия назад, чем было сделано после Вьетнама, после холодной войны»²².

В будущем крупные базы (Рамштейн в Германии, Мисава и Йокосука в Японии) будут основой для менее масштабных баз по всему мировому спектру. Огромные запасы военного оборудования будут подготовлены во многих странах для принятия быстро растущего персонала. Пентагон уже готовит серию новых баз в Азии, Европе, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе, в Азии. Вашингтон увеличивает совместное проведение учений и маневров на Филиппинах, Малайзии и в Сингапуре. Присутствие здесь будет уже «освоенным» базированием на островах Гуам и Диего-Гарсия (дополнительно оснащаемым бомбардировщиками и запускающими крылатые ракеты подводными лодками). Предполагается, что Вашингтон запросит о военном присутствии во Вьетнаме, Индии, в Южной Азии, в Катаре. «Новые американские базы в Центральной Азии, созданные в ходе афганской кампании, будут оставаться необходимыми Соединенным Штатам на долгое время и для таких долговременных целей, как война с терроризмом и, возможно, контроль над растущим Китаем»²³.

В Европе Болгария и Румыния предлагают свои порты и аэродромы, «близкие к

---

¹⁹ «Eurometer», Spring 2003, p. 6.

²⁰ Campbell K. and Ward C. New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 99).

²¹ Thompson M. and Duffy M. Is the Army Stretched Too Thin? («Time», September 1, 2003, p. 36).

²² Campbell K. and Ward C. New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 95).

²³ Campbell K. and Ward C. New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 98).

потенциальным конфликтам на Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке»²⁴. Готовится расширение военного присутствия в Африке, региону колоссальных потенциальных конфликтов. Размещение двух тысяч американских военнослужащих в Джибути предполагает контроль над Африканским Рогами и шире. Ведутся переговоры о подобных же базах в Западной Африке.

Америка отвергла позицию «одной из наций». Она пошла по пути государственной исключительности, о которой нынешний глава Всемирного банка Пол Вулфовиц сказал так: «Давать знать своим друзьям, что они будут защищены; показывать противникам, что они будут наказаны; а те, кто отказывается предоставить нам помощь, будут сожалеть об этом»²⁵. Если другие нации не склонят головы, то они будут либо проигнорированы, либо сокрушены.

Кто осмелится перечить Америке? Редактор либеральной «Нью Рипаблик» Эндрю Салливан в упоении писал, что единственное, в чем нуждается Америка, – это «политическая воля и общественная поддержка... Единственное, что может остановить Америку, – это только внутриамериканское сопротивление или сдержанность»²⁶. Ему вторит историк Нейл Фергюсон: «Америке не грозят империи-соперники, которые находятся еще в эмбриональном состоянии... Угроза может прийти только от отсутствия волевого фактора изнутри»²⁷. Не только. Статус Америки как независимой, суверенной и *доминирующей* державы зависит от общего признания другими странами ее надгосударственного статуса. США не могут *сами* решать «условия» собственной суверенности для себя. Америка может покинуть статус «нации как все» и подняться на уровень определителя степени чужой суверенности только в случае согласия на это всего мирового сообщества. 192 страны либо будут подчиняться общим правилам, либо пойдут на немыслимое – согласятся со своим урезанным статусом в пользу одной-единственной державы, без особого внимания обращающейся даже с ближайшими союзниками, манкирующей общими договоренностями и едиными организациями. Мировому сообществу уже сейчас приходится переживать колоссальное давление североамериканского гиганта.

НАТО над ООН

Американцы были инициаторами создания как Лиги Наций, так и Организации Объединенных Наций. Неимоверные усилия были приложены для того, чтобы право стало выше силы, чтобы международная солидарность поднялась над партикулярной, узкой межнациональной ненавистью, чтобы суд народов ограничил частные интересы.

И вот происходит нечто важное: впервые за более чем полувековую историю Организации Объединенных Наций ее американские творцы начинают убеждать мир, что воля, стратегия и действия группы счастливчиков из золотого миллиарда Запада не нуждаются в санкциях обиженных и менее развитых стран, что США в своих действиях *не* обязаны спрашивать согласия Совета Безопасности ООН, что силовые действия НАТО автономны, а в смысле эффективности – несоизмеримо выше карающего меча Объединенных Наций.

Это важный момент – время возвратной исторической волны Запада. Пока влияние НАТО при всей ее мощи (миллионы под ружьем, три ядерные державы, громадное число

---

²⁴ Campbell K. and Ward C. New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 97–98).

²⁵ Wolfowitz. Remembering the Future («The National Interest», Spring 2000, p. 41).

²⁶ Sullivan A. «Unbound: Liberation's New World Order» at www.andrewsullivan.com, April 14, 2003.

²⁷ Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire. New York: Penguin, 2004, p. 29, 302.

спутников слежения и т. п.) не простирается, скажем, на Китай, на Индию. Но именно в тот момент, когда (и без подсказки Самюэла Хантингтона) явственно видно обращение большинства мира к цивилизационным основам (религия, язык, традиции, исторический опыт), США начинают вести себя как самодовлеющая величина, как военная сила, покинувшая прежние географические пределы своей «ответственности», и устремившаяся осуществлять полицейские функции вовне. Начиная с 2001 г. колоссальным полем эксперимента стал Большой Ближний Восток, где США начали посягать на суверенные государства. Результат?

Американский арабист Фуад Аджамид: «Антиамериканизм в этом регионе являет собой ярость отвергнутого арабского мира – реакция культуры, которая еще не взяла на себя ответственность за нанесенные увечья своему сознанию»²⁸. На Ближнем Востоке не забывают слова президента Буша-старшего, сказанные после того, как американские вооруженные силы сбили пассажирский иранский Боинг-747 в 1988 г.: «Я никогда не позволю себе просить прощение от лица Соединенных Штатов Америки – и меня не волнует, каковы подлинные факты»²⁹. Считают ли американцы жертв своих действий настолько ниже себя? Если жертвы не заслуживают американского извинения, то их эмоции уходят в историческую память.

США выступили против Ирака под предлогом удержать Саддама Хусейна от овладения ядерным оружием. Но американцы провели *более тысячи* испытаний ядерного оружия и держат в своем арсенале более 7 тысяч единиц ядерного оружия³⁰. Значит, одна суверенность не равна другой. Окружающий мир понял лишь одно: настоящая суверенность – это не вишиловое кресло в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Это еще и такое оружие, которое исключит вторжение на территорию данной страны. Как минимум такой вывод (после Нью-Дели и Исламабада) сделал Тегеран и Пхеньян. Но и в более широком мире сомневаются в причинах американского броска в Месопотамию. Согласно вашингтонскому Центру прессы, наиболее убедительны следующие причины (в процентах ко всем опрошенным в данной стране):

Мотив американской политики (в % опрошенных)

Источник: www.people-press.org.

Когда госсекретаря США Кондолизу Райс спросили, почему Германия и Франция противостоят американской политике в Ираке, та ответила: «Скажу вам очень откровенно – мы не понимаем почему»³¹. Это говорит о степени «глухоты» гипердержавы к *принципу суверенитета*. Ведущая египетская газета «Аль-Ахрам» заявила, что «между декларациями прежних колониальных метрополий и этой, современной, нет никакого различия»³².

Но было бы неправильным полагать, что непонимание менее наделенного соседа просто непроницаемо. Свидетельством может служить тур осенних выборов 2006 г. В

---

²⁸ Ajami F. Iraq and the Arab Future («Foreign Affairs», January/February 2003, p. 2–4)

²⁹ «Newsweek», August 15, 1988, p. 34.

³⁰ The Military Balance 2003–2004. London: International Institute for Strategic Studies, 2003, p. 214–215.

³¹ Workshop on the Future of Transatlantic Relations. Bertelsmann Foundation Transatlantic Strategy Group. Frankfurt, July 17–18, 2003.

³² Ottaway M. and Carothers Th. The Greater Middle East Initiative: Off to a False Start («Policy Brief 29. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, March 2004.

американской столице понимание этого растет с каждым годом. В 2005 году Пентагон в своей ежегодной «Стратегии национальной обороны» признал, что «лидирующая позиция Америки в мировых делах будет продолжать порождать неприятие, озлобление и сопротивление»³³. Почему? В меру утраты суверенности.

Ограничить чужие суверенитеты в мегасоюзе

В ноябре 2006 г. в латвийской Риге произошло очень важное событие – превращение Североатлантического союза в глобальную организацию. Расширяется и география, и спектр деятельности альянса. Было учтено, что с ростом количественной нехватки живой силы США в Ираке и недостаточного участия Европы в операциях на удаленных территориях, НАТО с трудом выполняет свои функции. При этом американцы настаивают на силовом и гуманитарном вмешательстве за пределами Европы.

Эту инициативу выдвинули совместно Вашингтон и Лондон: «глобальное партнерство» между НАТО и неевропейскими странами. Это лишь первый шаг. Второй – приглашение крупных далеких стран вступить в НАТО – изменение статьи 10 Вашингтонского договора, согласно которому *только* европейские страны могли входить в блок. Кроме того, статья 6 того же договора ограничивала сферу деятельности блока. В 1999 г. численность членов блока увеличилась до 19 за счет Польши, Чехии и Венгрии, а пять лет спустя достигло 26 за счет семи стран Центральной и Восточной Европы.

С учетом количественной нехватки живой силы США в Ираке и недостаточного участия Европы в операциях, проводимых на удаленных территориях, НАТО с трудом выполняет даже свои текущие обязательства. К тому же при том, что альянс постепенно осознает настоятельную потребность силового и гуманитарного вмешательства за пределами Европы, круг его потенциальных членов до сих пор ограничен требованием, чтобы участниками были североамериканские и европейские страны. Эта проблема обсуждалась на ноябрьском саммите 2006 г. НАТО в Риге.

Ее лидеры рассмотрели предложение о переосмыслении роли организации с точки зрения углубления отношений с государствами, не входящими в трансатлантическое сообщество, начиная с таких партнеров альянса, как Австралия, Новая Зеландия и Япония. В основе предстоящих изменений лежит инициатива США и Великобритании по установлению «глобального партнерства» между НАТО и неевропейскими странами в целях расширения диалога с другими крупнейшими демократиями мира. Но это лишь первый шаг. Следующей инициативой должно стать открытие доступа в НАТО всем демократическим странам, готовым и способным помочь организации в выполнении ее новых обязательств. Только глобальный союз государств будет в состоянии справиться с насущными глобальными проблемами.

В августе 2003-го в освобожденном от талибов Афганистане под официальный контроль НАТО перешли Международные силы содействия безопасности (МССБ). Действуя поначалу в Кабуле, а также на прилежащих к нему территориях и не подвергаясь особому риску, МССБ постепенно расширяли зону ответственности на «горячие» области юга страны. Военное присутствие НАТО в Афганистане выросло с пяти тысяч в начале операции до сегодняшних пятнадцати тысяч человек.

На данный момент командование операцией в Афганистане далеко не единственный пример деятельности Североатлантического альянса за пределами Европы. Несмотря на внутренние разногласия по поводу Ирака, НАТО обеспечило подготовку 1500 иракских офицеров и доставку необходимого военного снаряжения местным силам безопасности. Блок организовал воздушный мост для переброски пяти тысяч военнослужащих стран

---

³³ The National Defense Strategy of the United States of America. Washington: Department of Defense, March 2005, p. 5.

Африканского союза в Дарфур и способствовал ротации размещенных там войск. Альянс также взял на себя подготовку офицеров и техническое содействие миссии Африканского союза в его штаб-квартире в Аддис-Абебе. Соединенные Штаты и их европейские союзники «пришли к пониманию того, что фокус деятельности альянса смещается из Европы в сторону остального мира. Американско-европейские отношения все больше зависят от событий на Ближнем Востоке, в Азии и Африке» – так сказал в декабре прошлого года заместитель госсекретаря США по политическим вопросам Николас Бернс.

С расширением географии НАТО расширяются и масштабы ее деятельности; сегодня альянс осуществляет операции, которые уже не связаны напрямую с целостностью и безопасностью конкретной территории, но проводятся в более широком контексте международной стабильности. К примеру, в прошлом году НАТО переправило по воздуху в пострадавший от землетрясения Кашмир 3500 тонн припасов, предоставленных участниками альянса и прочими странами, а также оказало населению медицинскую и иную помощь. Приходящая в себя от последствий цунами Индонезия получила стройматериалы для сооружения четырех новых мостов, а жертвы «Катрины» в США – продукты питания, водоочистительные установки, электрогенераторы и вертолеты. «Поскольку НАТО осуществляет операции на стратегическом удалении, необходим диалог с другими заинтересованными странами», – заявил генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер. Он выступил с инициативой по превращению Организации Североатлантического договора в «альянс с глобальными партнерами».

Подобное предложение – долгожданное свидетельство того, что НАТО постепенно склоняется к глобальной модели. Но партнеры – не то же самое, что союзники, и ведение диалога нельзя приравнять к межнациональному планированию, тренировкам и операциям. Глобальное партнерство – не самоцель, а первый шаг к официальному членству. Альянс уже использовал подобного рода многоступенчатый подход в середине 1990-х, на заре сотрудничества с бывшими странами – членами Организации Варшавского Договора. На начальном этапе, в рамках программы «Партнерство во имя мира», воинские контингенты указанных стран получили право участвовать в учениях и отдельных миротворческих операциях совместно с членами НАТО. И хотя некоторые изначально воспринимали такое партнерство как альтернативу членству, вскоре оно превратилось в средство вступления в альянс. Новый проект глобального партнерства должен сыграть схожую роль, подготовив альянс к переходу от трансатлантической модели к глобальной. Нет необходимости заранее определять, кого пригласят в НАТО, – нужно лишь решить принципиальный вопрос о доступности альянса неевропейским странам.

Постепенное расширение НАТО более предпочтительно по сравнению с созданием коалиций специально для решения конкретно возникающих проблем. Во-первых, европейских воинских контингентов едва хватает для осуществления целого ряда новых миссий в Афганистане, а также в Судане, Конго и других частях африканского континента. В условиях роста потребности в военной силе чем более многочисленны – и более квалифицированы – союзники, тем лучше. Во-вторых, формальное членство облегчит сотрудничество в рамках военных операций. Именно отлаженность взаимодействия внутри альянса – результат совместного планирования, проведения учений и участия в боевых действиях – позволяет его членам эффективно сотрудничать в кризисных ситуациях. США значительно опережают своих союзников с точки зрения принятых на вооружение технологий, однако потенциал американских подразделений максимально раскрывается именно в операциях с теми воинскими частями, которые знакомы им по регулярным совместным учениям.

В новом, расширенном альянсе обязанности Верховного главнокомандующего мог бы по-прежнему выполнять представитель американского генералитета, а генерального секретаря НАТО – его коллега из любой другой (возможно, даже не европейской) страны. Вероятность расширения НАТО в будущем поможет обеспечить принятие ряда промежуточных мер наподобие тех, что предшествовали вступлению в альянс

восточноевропейских государств. Такие меры могут включать в себя уже упомянутое глобальное партнерство, а также установление официальных контактов между военными стран-партнеров и Штабом ОВС НАТО в бельгийском Монсе. Полезно создать Совет по глобальному партнерству НАТО подобно уже существующему Совету евроатлантического партнерства, который обеспечивает регулярный диалог между всеми членами НАТО и 20 странами-партнерами из Европы и Центральной Азии.

Глобализация альянса не требует изменения основных параметров структуры, хорошо зарекомендовавшей себя на протяжении многих лет, однако в текст Североатлантического договора следует внести поправки. В особенности это касается статьи 10, допускающей расширение НАТО лишь за счет европейских государств. В настоящее время действие данной статьи распространяется на целый ряд стран, не проявляющих достаточной приверженности принципам демократии и прав человека, например на Белоруссию, тогда как кандидатуры подлинно демократических держав, таких как Австралия и Япония, в соответствии с этой статьей даже не рассматриваются. Приверженность общим ценностям следует считать более значимым критерием членства в организации, нежели географический. Любая страна, разделяющая цели альянса, должна обладать таким же правом претендовать на вступление, каким наделены центрально- и восточноевропейские государства со времени крушения коммунизма.

Что касается Соединенных Штатов, то следование этому принципу не должно составить для них серьезную проблему – даже по сравнению с принятым в свое время обязательством предоставить защиту Латвии и Польше, которые не могли рассчитывать на нее до вступления в НАТО. В конце концов, официально или неофициально США уже являются гарантом безопасности таких государств, как Австралия, Израиль, Новая Зеландия, Южная Корея и Япония. Но захочет ли Испания либо Эстония взять на себя подобные обязательства в отношении, скажем, Австралии или Японии? Америка заинтересована в том, чтобы ее сателлиты взаимно ограничили свой и чужой суверенитет, оставив стоять надо всеми прочими американскую гегемонию.

Суверенность как Божий дар

Суверенитет является жертвой не только вырвавшихся вперед стран с неумными притязаниями. Против суверенности отдельных стран мощной волной выступают «панцивилизационные» объединители, организаторы противостояния бедного Юга против богатого Севера, неистовые жрецы «плоской Земли» – глобализации. Для всех их есть нечто более важное, чем независимость, собственное решение своей судьбы, суверенность. Американцы начинают признавать, что «Бен Ладен выступает против Америки не за то, что они существуют, а за их присутствие в Саудовской Аравии, в землях Ислама – отнимая их богатства, терроризируя их, превращая базы в Саудовской Аравии в плацдарм контроля над всем регионом, и оказывая помощь Израилю»³⁴. Россияне, уставшие от критики своих несовершенств, выдвинули тезис «суверенная демократия». Юг пытается организовать ряды бедняков.

Пока не многие страны отваживаются противостоять прямо Соединенным Штатам, но многие государства ощутили отсутствие комфорта в случае контактов с могущественной Америкой, решившей реализовать свое первенство. Некоторые же страны выступили против гегемона открыто. Эпигоны 90-х годов превратили легитимное орудие военной дипломатии в незаконное дитя национализма, уничтожили тонкую пленку цивилизации, сокрушили Хельсинкский Акт 1975 года об абсолютном превосходстве принципа государственного суверенитета, об окончательности европейских границ.

---

³⁴ National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States (The 9/11 Commission), «Outline of the 9/11 Plot». Staff Statement #16, June 16, 2004.

Соединенные Штаты стоят первыми на пути изменения геополитической картины мира, столь благоприятной для ее крушителя. Вот, к примеру, какую позицию обрисовал представитель США на переговорах в Канкуне (Север–Юг): «В то время как ВТО размышляет о будущем, США не будут ожидать: мы двинемся к созданию системы свободной торговли с теми странами, с которыми желаем иметь дело мы»³⁵. И все же. Если США не смогут сделать свою позицию безусловного превосходства приемлемой для других, то численность держав, противостоящих им, будет увеличиваться как минимум по трем причинам: 1) Америка видится фундаментально враждебной и союз с ней будет видеться противоположным национальным интересам. 2) Противоречия проявятся по ряду вопросов, тогда как будут иметься и сближающие мотивы. 3) Страх перед враждебным проявлением Америкой своей силы. Президент России В. В. Путин высказался в этом духе после встречи с французским коллегой: «Мы считаем – как и президент Франции Жак Ширак, что архитектура будущей между народной безопасности должна быть основана на многополярном мире – только такой мир предсказуем и стабилен»³⁶.

Сербия сдалась на 78-й день бомбардировок. Но отныне каждый, кто ощущал противодействие Соединенных Штатов, вынужден был думать о реалистическом противостоянии – которое «на всех фронтах» было невозможно и требовало исключительной избирательности. Это ощутили и в Пентагоне. Согласно изданному в 2002 году руководству военного ведомства США «Стратегия национальной обороны», американские вооруженные силы «преобладают в мире традиционных форм ведения войны. Соответственно, потенциальные противники США уйдут от вызова Соединенным Штатам посредством *традиционных* военных действий и перейдут к асимметричным методам, используя свои возможности лишь в избранных пунктах противостояния»³⁷. США объявили, что Соединенные Штаты «без колебаний будут действовать в одиночестве ради самообороны, действуя предваряющим образом... Защита Америки будет осуществляться без приглашения международных инспекторов, без обращения к Международному уголовному суду, юрисдикция которого не распространяется на американцев и которую мы отвергаем»³⁸. Все это жестко указывает на полное игнорирование Америкой в данном случае международных институтов, которым Америка *никогда* (американское заявление) не позволит контролировать себя. Даже когда союзники США по НАТО объявили задействованной статью V Североатлантического договора (сразу после 11 сентября), администрация Буша-мл. отвергла эту помощь, объясняя свои действия так: «Чем меньше число тех, на кого тебе нужно положиться, тем меньше разрешений ты должен получить»³⁹.

Разумеется, речь идет о вооруженности ядерным оружием, которое в 1998 году осуществили Индия и Пакистан, а в первой декаде XXI века стремятся реализовать Иран и Северная Корея. (Ведущий иранский реформатор Мостафа Таджазаде: «Если у нас нет атомной бомбы, у нас нет безопасности»)⁴⁰. По мнению американских военных, целью

---

³⁵ Zoellick R. America Will Not Wait for the Won't-Do Countries («Financial Times», September 22, 2003, p. 23).

³⁶ «Известия». 9 февраля 2003 г.

³⁷ The National Defense Strategy of the United States of America. Washington: Department of Defense, March 2005, p. 2.

³⁸ The National Security Strategy of the United States of America. Washington: Department of Defense, March 2005, p. 3.

³⁹ «New York Times», October 7, 2001, p. 1A.

⁴⁰ Takeyh R. Iran Nuclear Calculations («World Policy Journal», Summer 2003, p. 40).

подобной стратегии будет не непосредственный удар по Соединенным Штатам, а скорее «использование нетрадиционных методов для подрыва американского влияния, терпения и политической воли... чтобы принудить США к стратегическому отступлению в ключевом регионе»⁴¹.

Соединенные Штаты будут мировым лидером еще значительное время. Вопрос будет в том, как другие страны будут воспринимать американское поведение в мире. Что будет, если они ощутят угрозу. Как сказал в 2003 году президент Ирана Хатами: «Нам говорят, что следующей жертвой будет Сирия. Но, по нашим расчетам, ею будем мы». В Тегеране при этом понимают, что ни один американский президент не рискнет нанести ядерный удар по своей территории ради свержения любого иноземного правителя. И так – обращаясь к оружию массового поражения – поступит любая потенциальная жертва США.

Президент Абрахам Линкольн называл американцев *избранным народом*. Во втором инаугурационном президентском послании Линкольн упоминает Господа четырнадцать раз, внося в текст послания четыре прямые цитаты из Библии. И он не был последним владельцем Белого дома, кто полагал именно так. Следующее религиозное возрождение пришлось на XX век, являясь одной из основ взглядов Т. Рузвельта, В. Вильсона, Ф. Рузвельта. Один из подлинных творцов современного американизма – сын и внук пресвитерианских священников – президент Вудро Вильсон просто *говорил и писал* языком Библии. Его первое инаугурационное послание: «Нация глубоко взволнована торжественной страстью, она поколеблена, видя повергнутые идеалы, несправедливое правительство... Она желает Божьей справедливости, где правда и милость примирились, где судья является еще и братом». Вильсон видел руку провидения во всех своих действиях, при нем американизм окончательно приобрел современные формы. Он просто жаждал распространить американизм на весь мир.

Историк Уильям Лойхтенберг пишет о периоде Вудро Вильсона: «Соединенные Штаты верили в то, что американский моральный идеализм может быть распространен на внешнюю сферу и что он приложим повсеместно... Кульминацией долгой политической традиции упора на жертвенность и решающую моральную схватку стала Первая мировая война, которую американцы восприняли как финал борьбы за праведный мир на стороне Бога». Объявляя войну Германии, президент Вильсон призвал американский конгресс «сделать мир обеспеченным для демократии». Говоря об Америке, Вильсон утверждал, что «Бог помогает ей, и никому другому».

Сторонники гражданских прав всюду цитировали Библию. При президенте Эйзенхауэре слова «в Бога мы верим» стали официальным лозунгом Соединенных Штатов. В Капитолии была открыта молельная комната. В официальных клятвенных текстах начало «по воле Божьей» стало обязательным.

Начиная «холодную войну», президент Трумэн в «доктрине Трумэна» выступил с выражением классического американизма: «Свободные народы мира ждут от нас поддержки в борьбе за свою свободу». Это едва ли не прямой повтор Линкольна и Вильсона. В мемуарах президент Трумэн рассказывает, что впервые полностью прочитал Библию в четырнадцать лет, а затем повторил это еще семь раз. В окончании «холодной войны» президент Рейган так же называл Америку «сияющим градом на холме», как и первые американские пуритане (Джон Уинтроп в 1630 г. процитировал эту фразу пророка Исаяи и евангелиста Матфея).

В целом, как формулирует американский политолог У. Миллер, религия в Америке определяет едва ли ни все. «Либеральный протестантизм и политический либерализм, демократическая религия и демократическая форма правления, американская система ценностей и христианская вера проникли друг в друга и оказывают огромное воздействие

---

⁴¹ Arreguin-Tofi I. How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, p. 57.

друг на друга». Особенностью этого общенационального явления стала массовая убежденность в возможности очевидного для всех выделения и противопоставления *добра и зла*. В том числе и в формировании национального характера. Ничего подобного нет ни в одной другой стране мира. Такая откровенная вера в собственную избранность – явление в истории нечастое.

Понятие *свободы* американские теологи выводили из «Исхода» Ветхого завета (Сэмюэль Мэзерс: «Фигуры и типы Ветхого завета», 1673 г.; Коттон Мэзерс: «История Новой Англии в семнадцатом веке», 1702 г.; Джереми Ромейн: «Американский Израиль», 1795 г.). Вот слова из проповеди Николаса Стрита в 1777 г.: «Британский тиран действовал в той же порочной и жестокой манере, что и фараон – король египетский по отношению к детям Израилевым 3 тысячи лет тому назад». В день принятия Декларации американской независимости Бенджамин Франклин, Джон Адамс и Томас Джефферсон готовили новую печать для новорожденного государства. Они избрали образ израильтян, пересекающих Красное море, и Моисея, освещающего путь со словами «Мятеж в отношении тиранов является знаком покорности Богу». Эта печать не была принята, но каждый может познакомиться с ней в архиве Континентального конгресса.

Понятие *равенства* вышло из ветхозаветного «Генезиса», в котором говорится, что Бог создал человека по образу и подобию своему и где пророк Самуил страстно выступает против коронованных земных владык. Президент Линкольн считал это самым важным шагом во всей американской истории. Он так интерпретировал это обращение к Библии: «То было возвышенное, мудрое и благородное понимание справедливости Создателя в отношении своих созданий. Да, джентльмены, ко всем своим созданиям, ко всей огромной человеческой семье».

И понятие *демократии* американцы взяли не из античных республиканских Афин и Рима, но из пуританской интерпретации Библии. Считающаяся первым словесно и законодательно закрепленным выражением демократических принципов, конституция Коннектикута 1638 года («Фундаментальные законы Коннектикута») была создана знатоком Библии Томасом Хукером, цитировавшем ее в своем законодательстве: «Изберите себе мудрых людей, знающих ваши племена, и я сделаю их вашими вождями» («Дейтерономия» 1: 13). Через полтора столетия, в 1780 г., пастор Симеон Хауард из Бостона на основе того же места в Библии призвал хранить демократические ценности: «Моисей избрал способных людей и сделал их правителями израильтян в пустыне, и то был выбор народа». Проповедники до- и революционного периода Америки были более влиятельны, чем более знакомые нам теперь идеологи типа Томаса Пейна и Джона Локка. В годы рождения независимых Соединенных Штатов *три четверти* американцев были пуританами, еженедельно слушавшими злободневные проповеди.

Создатели американского государства определили *свободу, равенство, демократию* не как философско-политические идеалы, а как особые дары, данные Америке Богом. И Соединенные Штаты на протяжении двухсот с лишним лет обозревают не степень приближения к этим умозрительным идеалам, а как свое достояние – которое нужно защищать как бесценный дар Божий. Более того, эти дары нужно преумножать, и не в цивилизационно близких им странах, а во всех углах мира. В XX веке американцы самозабвенно несли эти «дары» на Филиппины, в Корею, во Вьетнам. В XXI веке «осчастливленными» стали Афганистан и **Ирак**, о котором идет речь в данной книге. Для помощи в распространении этих идеалов американские вооруженные силы расположились в 120 странах мира.

Мировой демографический взаимообмен. Иммигранты составили 42 процента демографического роста в 1990-е годы. При этом в Америку устремилась самая образованная часть мирового населения. И самая работоспособная: между 1990–2001 годами половину шестнадцатимиллионного прироста рабочей силы составили в США иммигранты. За последние четыре года 12 Нобелевских лауреатов родились вне пределов страны, а получили премию, работая внутри. Немыслимое число докторов наук прибывает в США из Китая,

Японии, Германии, Индии. Половина иностранных студентов, получив степень, остается в Соединенных Штатах. 27 предприятий Кремниевой долины основаны иностранцами. Исследователи, работавшие в американских университетах, получили 70 процентов всех Нобелевских премий за последние два десятилетия.

Мировое научное сообщество. Начиная с 1900 г. (когда центры мировой науки размещались еще в Европе) Америка сместила центры мировой науки на свою сторону Атлантического и Тихого океанов при помощи обратившегося к науке государства (проект «Манхэттен» и пр.). Теперь на США приходится 70 процентов мировых научных исследований. На НИОКР идут 2,63 процента ВВП страны.

Наступательный реализм

В 2001 г. Джон Миерсхаймер, влиятельный сторонник «реализма» как теории международных отношений, предложил фундаментально новую картину в своей книге «Трагедия политики великих держав»⁴². Соединенные Штаты, согласно его анализу, должны руководствоваться «наступательным реализмом», чтобы закрепить свои доминирующие позиции. Преобладающие ныне в США неоконсерваторы консолидируются на общей вере в то, что Америка выше других в *моральной* сфере, ближе других к Богу. А как иначе послать фермера из Айдахо или Небраски освобождать мир от саддамов хусейнов? Еще Честертон называл Америку «нацией с душой церкви». Современные американцы говорят это без тени сомнения или иронии.

Президент Джордж Буш-мл. многократно утверждал, что американские принципы «даны Богом». Это не риторическое украшение, президент *верит* в это. И неправ тот, кто думает, что современная Америка вырвалась из секулярных просвященческих взглядов Томаса Джефферсона. Джордж Буш – «новообращенный христианин» – верит в то, что говорит.

В начале XXI в. примерно треть американцев определяет себя как «возродившиеся христиане» – 39 процентов американцев назвали себя таковыми. К ним принадлежит и нынешний президент. Речь идет о большинстве баптистов в стране, примерно трети методистов и более четверти лютеран и пресвитериан. Очень существенно отметить, что основной рост идет в рядах тех, кого следовало бы отнести к рядам консервативных христиан – евангелических протестантов, тех, кто определяет себя как «зановорожденные христиане», мормонов (рост за десятилетие на 19,3 процента), консервативных евангелических христианских церквей, церковью Христа (рост на 18,5 процента), южных баптистов (17 процентов роста). Характерным признаком является формирование т. н. «Христианской коалиции» преподобного Пэта Робертсона, объединившей 1,7 млн человек. Более 2 млн вошли в такие организации, как «Фокус на семье», «Ассоциация американской семьи», «Женщины, беспокоящиеся об Америке» (крупнейшая женская организация в стране с 600 тыс. членов).

В новой трансформации Америки 93 процента населения объявили себя верующими. Такие организации, как «Христианская коалиция», устремились в американскую политику, чрезвычайно влияя на выборы всех уровней. Напомним, что в 2000 г. Дж. Буш-мл. получил голоса 84 процентов членов белых евангелических протестантов – не менее 40 процентов всех, кто за него голосовал. И то же повторилось в 2004 г.

Евангелисты стали основной силой республиканской партии. На вопрос, кто является наиболее существенным, с его точки зрения, политическим философом, Дж. Буш-мл. ответил: «Христос, потому что он изменил мое сердце». Творец всего сущего – неперемный персонаж речей Джорджа Буша. Нет числа его прокламациям, что «Бог на нашей стороне», «Бог с нами», «мы с Богом не можем потерпеть поражение» и т. п. Повторим: Как могли относиться эти люди к чужим верованиям? Не слишком ли легкое обращение? Не слишком

---

⁴² Mearsheimer J. The Tragedy of Great power politics. New York; Norton, 2002.

ли обжитым богом стал скромный тexasский Кроуфорд? Вспомним, что посреди поразительной битвы – гражданской войны – полтора года назад и Абрахам Линкольн рискнул *однажды* помянуть Господа. «В глубине своей души я скромно надеюсь, что, приложив праведные усилия, мы сможем оказаться *на стороне Бога*». Величайший из американских президентов лишь *скромно надеялся*. В 2001 году впервые за столетие республиканская партия во второй раз подряд завладела Белым домом, сенатом и палатой представителей. Так было только во времена после победы Севера над Югом в гражданской войне. Произошла немыслимая прежде концентрация колоссальной власти в руках руководства именно одной партии – республиканской. Но и у этой партии есть центр, правое и левое крыло. Посмотрим на соотношение этих фракций на подходе к верховной власти в стране.

Если быть точнее, то *левое* крыло, прежний атлантический истеблишмент, ныне оттеснены от власти правым флангом республиканцев (*которых обычно называют неоконсерваторами*). Это бывший первый замминистра обороны, ныне возглавляющий Всемирный банк – Пол Вулфовиц; замминистра обороны по выработке политики Дуглас Фейт; начальник штаба вице-президента Льюис «Скутер» Либби; ведущий в Совете национальной безопасности Ближний Восток, Юго-Западную Азию и Северную Африку Элиот Эбрамс; член Совета по выработке оборонной политики Ричард Перл. Остальные «неоконы» судят и рьят о политике, но не формируют ее, они ее «философы» – Макс Бут в «Уолл-Стрит джорнэл», Уильям Кристол в «Уикли стандарт», Чарльз Краутхаммер в «Паблик интерес» и «Комментари». Философ Сидни Хук, Ирвинг Кристол и Роберт Каган пишут книги. Джин Киркпатрик преподает. Экс-директор ЦРУ Джеймс Вулси размышляет о мемуарах, Майкл Новак ударился в теологию. «Неоконы» сильны в таких аналитических центрах, как Американский предпринимательский институт, Проект нового американского века, в таких фондах, как Бредли, Джона Олина, Смита Ричардсона. Кредо неоконсерватизма: открытое провозглашение первенства США в международных делах, снижение роли международных организаций, предваряющие удары по потенциальным противникам, любые действия, предотвращающие распространение оружия массового поражения, подозрение в отношении даже старых союзников (не говоря уже о таких новых доброхотах, как РФ), сокрушение «оси зла» (Иран, Сирия, Северная Корея), активное использование уникального факта американского всемогущества («история не простит бездействия»). Мантра «неоконов»: величайшей опасностью для Америки сегодня является возможность создания одним из «rogue states» («агрессивных государств») ядерного оружия, которым оно может снабдить диверсионные группы, стремящиеся проникнуть в Соединенные Штаты.

Когда потрясенная страна в сентябре 2001 г. озиралась в поисках утраченного равновесия, «неоконы» молниеносно вышли на национальную арену и предложили президенту и администрации в целом серию активных действий, отвечавших тогдашнему паническому сознанию страны, полтора года не знающей войны на своей территории. Войны в Афганистане и Ираке вывели «неоконов» из идеологических пещер в самые главные кабинеты. Как пишет едва ли не самый активный «неокон» Макс Бут, «после самой крупной в истории США террористической атаки президент Буш-мл. пришел к выводу, что администрация не может более позволить себе „скромной“ внешней политики». Особое ликование «неоконов» вызвала принятая администрацией Буша в 2002 г. амбициозная «Стратегия национальной безопасности», главной мыслью которой было продекларированное право федерального правительства США наносить «предваряющие удары» в случае, если государственные органы страны посчитают политику государства X грозящей антиамериканскими действиями. Это наиболее лелеемый американскими неоконсерваторами документ. И вот эта необычная консервативная администрация встретила на глобальной арене несогласных с собой представителей иной религии, иных миропредставлений, иного мироощущения. Сентябрьское унижение диктовало ветхозаветное «око за око». «Левиафан» американской армии ринулся в Месопотамию, где

царила нефть и чужая религия.

Глава вторая Будущее и нефть

Вестернизации – до сегодняшних фундаменталистов – сопротивлялись в начале двадцатого века японские националисты, русские славянофилы, фашисты и японские милитаристы. И если Запад сохраняет единство, радикальных исламистов встретит судьба прежних противников Запада: поражение и присоединение.

М. Хирш, 2002

Смена лидера

Пятьсот лет нашей планетой владели белые христиане, почти все время между 1500 и 2000 годами. Но в последней четверти XX века вперед выдвинулись Китай, Индия, Бразилия, Южная Корея, Таиланд, Тайвань, Малайзия, Сингапур, вдохновляемые примером Японии и броском Китая. Все вместе это составляет примерно четыре миллиарда человек. Новая «функционирующая основа» стремится заместить собой «старую основу» – Америку, Европу и Японию. Лидерами «новой основы» выступают Китай, Россия, Индия, Бразилия – именно им предстоит изменить полутысячелетнюю историческую тенденцию, характерную безусловным господством Северной Атлантики.

«Вялый Запад не имеет ни малейшего представления, сколь ужасные вещи готовятся. Время – *на их стороне*, не на нашей, особенно с тех пор, как эти хитрые китайцы лишь поверхностно имитируют наше развитие, чтобы успокоить нас и приучить к мысли, что они дружественны нам, в то время как на самом деле они готовят немыслимые по технической сложности версии оружия четвертого поколения. *Эти народы никогда не сдаются!*»⁴³

Отчаяние овладело восьмью государствами (Турция, Иран, Нигерия, Пакистан, Египет, Саудовская Аравия, Индонезия, Алжир) исламской цивилизации, *не сумевшей* войти в группу стран, намерившихся осуществить смещение Запада как лидера мирового развития. Сегодняшняя ярость мусульман являет собой финальную стадию окончательного упадка исламского общества после тысячелетней борьбы с Западом за выживание и самоутверждение. И. Бурума и А. Маргалит видят в исламском фундаментализме лишь последнее воплощение «оксидентализма» – волнами надвигающихся попыток незападных цивилизаций организовать действенное сопротивление вестернизации.

Вестернизации сопротивлялись все незападные цивилизации, и никто не смог ей противостоять. Но до полного поражения незападных цивилизаций, видимо, много еще жителей Запада может погибнуть от рук террористов. Основная стратегия Запада – создание консервативных прозападных режимов – Мубарака в Египте, Мушарафа в Пакистане, прозападных шейхов в Саудовской Аравии и Иордании.

Что же касается партии арабского социалистического возрождения (БААС) и фундаменталистов типа Талибана, то неоконсерваторы в США жестко выступили за *силовое* решение вопроса взаимоотношений с этими (наименее прозападными – с точки зрения неоконсерваторов) силами в среде ислама. Америка должна убедить мир ислама в невозможности противостоять мощи Запада. Война с антизападными силами должна закончиться так, как заканчивались предшествующие американские войны против враждебных идеологий: американская сторона должна победить тотально. И, будучи хорошими наследниками президента Вильсона, американцы должны сделать этот мир

---

⁴³ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 90.

«лучшим местом для демократии», чтобы противостояние не возобновилось вновь. Так раньше было в борьбе с Германией и Японией. «Даже самые опасные элементы этих противников подчинились западным нормам»⁴⁴.

Чувство исторического унижения, столь очевидное для мира ислама, с трудом – в условиях отсутствия соответствующего эмоционального опыта – ощущается на Западе. Как формулирует У. Эко, «Бен Ладен знал, что в мире есть миллионы исламских фундаменталистов, которые, чтобы восстать, только и ждут доказательств того, что западный враг может быть „поражен в самое сердце“. Так оно и произошло в Пакистане, в Палестине и в других местах. И ответ, данный американцами в Афганистане не только не сократил этот сектор, но заметно усилил его»⁴⁵.

В цивилизационном противостоянии Западу особую силу набирает авангард исламского фундаментализма, получивший военную подготовку в Алжире в ходе войны за независимость в 1954–1962 годах, в пяти антиизраильских войнах 1948–1973 гг., в иранской и ливийских революциях, в укреплении партии БААС в Сирии и Ираке, исламском самоутверждении боснийцев и албанцев в 1994–1999 гг., в движении талибов, северокавказских и синьцзянь-уйгурских сепаратистов в 1990-е годы. Не без поддержки Запада Усама бен Ладен стал тем, кем он является сегодня для миллионов людей в ходе военной мобилизации исламского фундаментализма в Афганистане, направленного против советских войск. Центральное разведывательное управление США было активно в Афганистане с 1980 г., оно на протяжении 1980-х гг. разместило в Афганистане несколько тысяч тонн оружия⁴⁶.

Те, кого американцы решили сокрушить в 2001–2003 годах (Афганистан и Ирак), рассматривались ими не в пределах политико-военных катаклизмов нескольких лет, а в масштабах десятилетий. Чтобы продемонстрировать свою решимость, Америка пошла на то, что развила в себе жестокою воинственную решимость в духе Роберта Каплана («Почему лидерство требует языческой этики»)⁴⁷. (Теоретики типа Мартина ван Кревельда и Роберта Каплана полагают, что народы *просто любят войну* ⁴⁸.)

А теоретики типа Томаса Барнета считают, что, если Соединенные Штаты уйдут с Ближнего Востока, то туда придет Восточная Азия. «Если мы позволим этому процессу разворачиваться в русле острого соперничества, то мы придем к тому, что поделим в новом ялтинском духе весь Ближний Восток»⁴⁹.

В таких странах, как Египет, Иордания, Пакистан, исламская ортодоксия находится на подъеме, в то время как в Саудовской Аравии феноменальное процветание правящей элиты вступило в явное противоречие с устремлениями основной массы населения, приверженного ваххабизму. Фактом является то, что Саудовское государство *не может* после Войны в заливе умиротворить исламских активистов.

Ирак, развиваясь на идеях БААС, очень отличался от, скажем, соседнего Ирана,

---

⁴⁴ Hirsh M. Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 40).

⁴⁵ «El Pais», 31, 03, 2002.

⁴⁶ Bearden M. Afghanistan, Graveyard of Empires («Foreign Affairs», November-December 2001, p. 20).

⁴⁷ Kaplan R. Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos. New York: Random House, 2001, p. 31

⁴⁸ Creveld, Martin van. The Transformation of War: The Most Radical Reinterpretation of Armed Conflict Since Clausewitz. New York: Free Press, 1991; Kaplan R. The Coming Anarchy: Shattering the Dream of the Post – Cold War. New York: Random House, 2000.

⁴⁹ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 96.

руководимого аятоллами. Президент Саддам Хусейн видел в Усаме бен Ладене прямую угрозу своему светскому правлению.

Гражданская война в мире ислама

Настойчивость исламского мира, во многом противопоставившего себя западному миру, стала ощутимой в 1970-е годы: инициативы ОПЕК, иранская революция и пр. Уже тогда началась отчаянная борьба против того, чтобы «западный конструкт ограниченной применимости» был признан всемирно универсальным. Исламский мир не пожелал взять в качестве эталона набор стандартов, ограниченный цивилизационными правилами Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Мусульманская историческая матрица не совпадала с канонами либерального индивидуализма, и ей помогла марксистская критика прав человека, антропологическая критика высокомерия буржуазного империализма девятнадцатого века, отрицание универсализаторских претензий просвещенческой мысли североатлантического мира. Западная интеллектуальная гегемония превратилась в объект яростной критики: не имея возможности более владеть всем миром, Запад стремится замаскировать свою волю в якобы нейтральном и универсальном языке гражданских прав, которые навязываются без разбора всему миру. Примерам «идейного» столкновения цивилизаций, особенно открыто ощутимых в противостоянии с мусульманским миром, несть числа.

Скажем, администрация Клинтона поддерживала избирательные права женщин в Катаре, Омане и Кувейте; поддерживала основы парламентаризма в Йемене и в других. (Но когда речь зашла о двух «краеугольных камнях» американской политики в арабском мире – Египте и Саудовской Аравии, у Вашингтона опустились руки. Администрация Клинтона особенно опасалась перебрисывания «алжирской болезни» на Египет)⁵⁰.

После Войны в заливе

Вовсе не Коран, а иракская геополитика бросила Багдад на нефтеносный Кувейт (который согласно баасистской идеологии был отторгнут от Ирака английскими колонизаторами еще в первой половине XX века.

Триумфализм Запада (возглавляемого Америкой) после победы над Ираком в 1991 г. – нежелание ни республиканцев, ни демократов в США вооружиться конструктивной политикой в отношении своего рода «пасынков истории», привело к утере контактов со средним классом мусульманского мира, отторгнутого деятелями типа Мубарака, алжирского и турецкого военного руководства от непосредственных контактов с западным миром технологии, денег и идей. Э. Коэн называет это отношение Запада, и прежде всего США, «сочетанием клиентеллизма, реальполитик и культурного презрения» к миру ислама, в то время как «Израиль платит цену за отсутствие интереса к прогрессу в гражданском обществе Палестины» в той степени, в какой «американские лидеры закрывают свои глаза на реальности больного и отвергнутого арабского сообщества как части большого исламского мира, они будут терпеть поражения в попытках понять подлинную природу войны, в которую они оказались вовлеченными»⁵¹. Ожесточение маргинализируемого дважды – и глобально, и на национальной арене – мусульманского мира (уммы в целом) стало зримым фактором мировой политики.

Самой большой угрозой Западу после Черного Сентября 2001 г. был объявлен исламский фундаментализм, порождающий убежденных террористов, готовых сразиться на

---

⁵⁰ Indyk M. Back to the Bazaar («Foreign Affairs», January–February 2002, p. 75).

⁵¹ Cohen E. A Strange War («The National interest», Spring 2002, p. 32).

западной почве и вопреки всей мощи западной идеологии. Самых свирепых борцов порождает ваххабизм, возникший в Саудовской Аравии в XVIII веке, – воинствующая секта, которая приобрела особое влияние в последние десятилетия. Воинствующие институты ваххабизма обрели чрезвычайное влияние, и эти институты не сформировались спонтанно. Ваххабисты как радикальные исламисты создали организации трансконтинентального размаха.

Кто питает этот источник, бросивший вызов западному миру? Адрес очевиден и неоспорим: поддержку радикальному исламу оказывает в первую очередь Саудовская Аравия, она создала превосходных специалистов по идейному воздействию на огромную мусульманскую умму. Правящая династия саудитов согласилась оказывать огромную помощь ваххабитам как один из путей умиротворить клерикальную общину, сосредоточенную у священных мусульманских городов. Выступая с экспертными данными перед комиссией конгресса США, один из ведущих специалистов показал, что саудовская династия израсходовала на проекты по поддержке ваххабизма после нефтяного бума 1970-х годов *более 70 млрд дол.* Саудовская династия выступила спонсором 1500 мечетей и 2000 школ по всему миру, от Индонезии до Франции. Ваххабистские медресе заменили менее воинственные и хуже финансируемые исламские школы. Что может противопоставить этому потоку даже богатый западный мир, если его лидер – Соединенные Штаты расходуют на общественную дипломатию в масштабах всего исламского мира ежегодно примерно 150 млн дол.?

Почему при этом секулярный баасистский Ирак был объявлен угрозой терроризма – одна из загадок американского мыслительного процесса.

Как можно подействовать на умеренных мусульман, на тех, кто не встал на самоубийственный путь джихада? На Западе предлагают три типа стратегии в воздействии на умы и сердца потенциальных жертв ваххабизма: 1) Быстрее реагировать с собственной интерпретацией происходящих событий (американцы уже создали «Радио Сава» и телевизионный спутниковый канал «Аль Хурра», они стремятся создать подлинного конкурента «Аль Джазире»). 2) Создать «позитивный» облик Запада, предложить схему возможной модернизации, обратиться к ценностям, понятным «среднему мусульманину» – как добиться ускоренного развития мусульманских стран, как достичь позитивных социоэкономических целей. 3) Наиболее важным на Западе начинают считать выработку долговременной стратегии, включающей в себя культурных и образовательных обменов, направленных на создание в исламском мире прозападной среды. Западные специалисты особенно настаивают на необходимости расширения образовательных обменов. Частные западные компании, равно как и корпорации, фонды, университеты и не ориентированные на прибыль организации, должны предложить все возможные методы воздействия на модернизацию мусульманского мира. Наиболее эффективными апологетами вестернизма считаются не западная ангажированная профессура, а местные специалисты, вышедшие из мусульманской среды и проделавшие карьерный путь в западном мире. Насущно необходимо исследование истории исламских стран, профессиональный подход к исламским проблемам. Исключительно важен такой опыт в журналистике. Западные правительства просто обязаны финансировать изучение западных языков.

Саддам Хусейн

После поражения в войне 1991 года Саддам Хусейн оценил выгоду своего положения. Он делился с заместителем премьер-министра Тарик Азизом, что американцы отставят идею нападения на Ирак. «Он был очень уверен в этом». В крайнем случае Франция и Россия предотвратят вторжение Соединенных Штатов. Саддам: «Франция и Россия вложили миллиарды долларов в торговые и прочие контракты с Ираком и в вопросе о санкциях они

будут стоять за Ирак. Они в любом случае используют свое право вето»⁵².

Начальник генерального штаба армии Ибрагим Ахмад Абд аль-Саттар убеждал Саддама Хусейна, что, если даже Соединенные Штаты начнут войну против Ирака, они ее скоро остановят под давлением пресса мирового общественного мнения. Глава Ирака верил также в героическое сопротивление, которое понесет американцам немислимые потери. «Ирак – это не Афганистан. Мы не позволим войне стать пикником для американцев и англичан».

Но есть и более широкий аспект проблемы – цивилизационный конфликт, желание освободиться от контрольных механизмов западной цивилизации. Напомним, что американские вооруженные силы взяли под свое крыло политические режимы Египта, Саудовской Аравии, Пакистана, Турции. Пытались контролировать Ливан и Сомали. В 1990 г. американская армия высадилась в Саудовской Аравии, а позднее в Кувейте. В то же время окончилось противостояние Запада с Востоком, которое периодически позволяло (скажем, Египту, Алжиру, Индонезии, Сирии, Ливии, Ираку, Судану, Сомали) играть на великом противостоянии «холодной войны». Последовала буквально массовая фрустрация ожесточенных мусульманских политиков. Об этом ныне отчетливо свидетельствуют такие исламские средства массовой информации, как телекомпания «Аль Джазира» из Катара. Руководитель арабского отдела ЦРУ «Аноним» акцентирует внимание на том, *что* провоцирует межцивилизационное ожесточение – на жестких высказываниях христианских проповедников, четко фиксируемых в исламской среде. Пэт Робертсон: «Гитлер делал много дурного, но мусульмане поступают с евреями еще хуже». Преподобный Джереми Фолвэлл назвал Мухаммеда «террористом». Телепроповедник Джимми Свагарт: «Пусть Господь благословляет тех, кто благословляет Израиль и проклянет того, кто проклинает Израиль». Преподобный Франклин Греэм назвал ислам «порочной религией»; он сказал, что христианство и ислам противостоят друг другу как «свет и тьма». «Аноним» обобщает: «Мир ислама никогда – за всю свою историю не слышал подобных оскорблений»⁵³. И такие оценки следуют не только от Аль-Каиды, но от алжирской группы салафитов, кашмирской Лашкар-э-Тайиба, афганской Хисби Ислами, индонезийской Джемаа Исламия и многих сотен других исламских организаций, члены которых истово верят в то, что они – «рабы Аллаха».

Шииты и сунниты Ирака, контролируемые баасистами, жили все же в арабском мире и воспринимали межцивилизационное ожесточение серьезно.

Соединенные Штаты, руководствуясь сугубо геополитическими соображениями, не видят уязвимости курса полагаться только на проамериканские, прозападные режимы своих сикофантов – президента Мушарафа в Пакистане, Мубарака в Египте, на феодальную династию в Саудовской Аравии, отставляя на задний план коренные проблемы материального развития мусульманского мира, равно как и соответствие этих режимов демократическим ценностям.

США «потеряли победу в Афганистане из-за своего высокомерия, поскольку стали стараться создать в Кабуле демократию западного типа – религиозной терпимости и прав женщин – все то, что является анафемой для трайбалистской политической культуры афганцев»). Режим Карзая ненадолго переживет уход американских войск. «Мы преуспели только в одурачивании самих себя»⁵⁴. Но подлинно смертельную ненависть вызвала

---

⁵² Woods K. , Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs», May/June 2006, p. 15.

⁵³ Anonymous. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 3.

⁵⁴ Anonymous. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. XVI.

оккупация и расчленение мусульманских земель: создание христианского государства в Восточном Тиморе. Относительно убитого в августе 2003 г. С. Виера де Мелло Аль-Каида высказалась так: «Он был крестоносцем, который оторвал от нас часть земли ислама (Восточный Тимор)». Журнал Аль-Каиды «Аль-Ансар» оценивает ситуацию в Персидском заливе так: «Все страны Залива оккупированы без особых потерь в рядах врага. Кувейт стал военной базой противника без борьбы. Миниатюрный Пентагон создан в Катаре. В Саудовской Аравии военные установки американцев разместились вокруг Мекки и Медины без всякой борьбы. Оккупирован весь регион».

Нефть

Нефть – «кровь» индустриального подъема. Растущая Азия вступает в борьбу за нефть Ближнего Востока. Как пишет американский стратег Томас Барнетт, «Индия, Китай, Корея и Япония – все придут в Персидский залив со своими войсками в ближайшие годы. У них два пути: присоединиться к начатому американцами в Ираке процессу своеобразной демократизации или постараться разделить весь регион на зоны влияния»⁵⁵.

Будущее начало определяться в 2005 году, когда Китай и Индия подписали соглашение по газу и нефти с Ираном. В американском военном сообществе сразу же стал обсуждаться вопрос: делается ли это в чисто экономических нуждах, или в этих действиях есть стратегический аспект антиамериканского направления? Многое зависит от грядущей роли Ирана во всем процессе трансформации Ближнего Востока. Что бы ни пытались делать американцы – изолировать Иран или стремиться вовлечь его в общие акции, но без Ирана эволюция Ближнего Востока будет *неполной*.

США в высшей мере заинтересованы в контроле над главной нефтяной кладовой мира, гарантирующем поток арабской нефти в самые важные регионы мира, что позволяет американцам владеть долей контроля над экономикой регионов-конкурентов – Западной Европы, Японии, Китая. При этом (указывает «Аноним») «ради дешевой и легкодобываемой нефти Вашингтон и поддерживает те тирании, которые Бен Ладен стремится сокрушить»⁵⁶.

Но ничего не стало важнее жидкого топлива для нации автомобилистов и частных домов. В 1947–2000 годы цифры между 78 и 100 процентов американского нефтяного импорта приходили из трех регионов: Западное полушарие, Ближний Восток и Африка; пять стран – Саудовская Аравия, Канада, Мексика, Венесуэла и Нигерия давали 69 процентов американского импорта в 2000 г.

Объем денежного фонда. Со времени начала американского вторжения поток инвестиций на Ближний Восток *удвоился*. Объем фондового рынка Большого Ближнего Востока возрос только за 2005 г. на 30 процентов, здесь была капитализирована почти половина триллиона долларов.

В конечном счете характер эволюции Ближнего Востока будет зависеть от того, какие отношения сложатся у Соединенных Штатов с Китаем и Индией. Соединенные Штаты могут воспринять движение двух азиатских гигантов как «опасное соперничество за критические ресурсы» – или, хуже того, как «гигантскую обструкцию», а могут постараться выработать общую стратегию. Вашингтон постарается вовлечь Тегеран в общее экономическое взаиморазвитие региона.

Со своей стороны полтора миллиарда мусульман стремятся защитить свой суверенитет и одновременно «восстановить прежнюю исламскую славу в огромном исламском

---

⁵⁵ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 83.

⁵⁶ Anonymous. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. XI.

государстве, распростершемся от Марокко до Филиппин... Глобальная версия этого движения устремлена к поражению западных держав, предотвращающих создание единого исламского государства»⁵⁷. Мусульманская элита Саудовской Аравии, Египта и многих других стран Магриба, Леванта, стран Персидского залива, начиная с Ирана и Ирака, ощутила чрезвычайную ненависть к тем, кого эта мусульманская элита считает компрадорами и «продавшимися Западу». Аятолла Хомейни и Саддам Хусейн стояли в том же ряду антизападных деятелей, где занял место Усама бен Ладен. Именно Саудовская Аравия и Египет дали основу Аль-Каиды, Хезболлы и прочих антизападных террористических организаций, действующих от Марокко до Филиппин. В рекрутах и жертвованиях здесь нет недостатка, и уход Бен Ладена в данном случае ничего не изменит.

Но в Ираке и Сирии ответ вестернизму давали не ваххабиты и не сторонники Бен Ладена. Образовавшаяся еще в 1950-е годы партия Арабского социалистического возрождения отвергла чисто мусульманский ответ Западу и создала в лице БААС некий гибрид собственного варианта кемализма. В Ираке БААС была у власти с 1958 по 2003 год.

11/9

Американские граждане были не раз жертвами террористических атак – в Ливане в 1983 г., в Средиземноморье в 1985 г., над Шотландией в 1988 г., в двух американских посольствах в Восточной Африке в 1998 г. Но все это происходило далеко от американских пределов. На этот раз, в сентябре 2001 г., террористические акты были совершены на американской территории и, собственно, в нервных центрах американской мощи. Погибло в один день в пять раз больше американцев, чем за три предшествующих десятилетия террористических атак. Вдвое больше, чем в Пирл-Харборе, в 30 раз больше, чем от рук Тимоти Маквея в Оклахома-сити.

Запад 11 сентября 2001 г. подвергся нападению не просто террористов, а при этом и истовых верующих ислама. Неудивительно, что президент-протестант, как и все соответствующее окружение, бросились доказывать, что ислам – это прекрасная и чистая, мирная и восхитительная религия, а смертники над Нью-Йорком и Вашингтоном являют собой отщепенцев-фундаменталистов.

С точки зрения внутрицивилизационной исламской консолидации целью самоубийственной атаки 11 сентября 2001 г. были не две башни Международного торгового центра, а главные основы западного влияния в мусульманском мире – прозападные режимы Пакистана, Саудовской Аравии, Египта и Алжира. Исламские активисты указывают, что только западное вмешательство (через посредство компрадорских прозападных режимов) не позволило исламским фундаменталистским партиям прийти за последние десять лет к политической власти в Алжире, Турции, Пакистане, Индонезии. В своей «Декларации войны» (октябрь 2001 г.) Бен Ладен указывает, что размещение американских вооруженных сил на Аравийском полуострове представляет собой величайшее надругательство на исламом со времен смерти Пророка. Цель этих сил – вытеснить американцев с Ближнего Востока, свергнуть так называемые «умеренные» (т. е. прозападные) режимы и воссоздать единую мусульманскую нацию, руководимую воинствующей религиозной идеологией.

Ведущий во второй половине XX века идеолог ислама Саид Кутб объясняет единоверцам враждебность Запада так: «Самый главный элемент – дух Крестовых походов, вошедший в кровь всего Запада. Он влияет на весь их мыслительный процесс, ответственный за империалистический страх пред духом ислама и за попытки сокрушить ислам. Инстинкты и интересы всего Запада связаны с сокрушением этой силы»⁵⁸. Запад и ислам вступили в

---

⁵⁷ Sageman M. Understanding Terror Networks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004, p. 2.

⁵⁸ Цит. по: «Foreign Affairs», January–February 2002, p. 30.

продолжительную войну друг с другом. «Ислам в конечном счете, конечно же, победит, но только после преодоления величайших трудностей. Современная история, характерная доминированием Запада, представляет собой самое темное время во всей истории ислама»⁵⁹.

Грозный знак впереди – возможная эволюция позиции Пакистана. Многочисленные пуштуны – офицеры армии исламской республики Пакистан при всех прозападных связях и симпатиях не могут в конкретной ситуации быть надежной прозападной силой в противостоянии президента Пакистана со своим исламским населением. И если США окажут на президента Мушарафа давление выше неощутимой в Америке нормы, его режим будет просто сметен. В чьих руках будет тогда ядерное оружие Пакистана? Не будем пугать себя сами, но представьте на минуту этот огромный, неудовлетворенный, самый быстрорастущий мир от Атлантики до Тихого океана, от Лагоса до Джакарты, вооруженный ядерным оружием Пакистана. И не только его. Такие страны, как Нигерия, Иран, Египет, Ирак, Саудовская Аравия, Бангладеш, Индонезия, имеют два необходимо-обязательных компонента: нефтедоллары и получивших образование в западных университетах физиков. Остальное – воля, минимальное менеджерское умение и определенная степень закрытости.

Рамсфелд размышлял над тем, чтобы найти в террористической атаке на США «оправдание» удара по Ираку. В эти дни лишь Колин Пауэлл отчаянно отказывался видеть связь между Саддамом и 11 сентября. «Этим мы разрушим колоссальную антитеррористическую коалицию». Он использовал свои старые связи в Пентагоне и вращал глазами, глядя на председателя объединенного комитета начальников штабов генерала Шелтона, когда тот, вслед за Рамсфелдом, стал говорить о «возможности» удара по Ираку. Глава ЦРУ Джордж Тенет настаивал на том, что первоочередной целью должен быть Афганистан, а не Ирак.

Вулфовиц желал «поменять» Афганистан на Ирак. Он предвидел полугодичное сидение 100 тысяч американских солдат в негостеприимных горах Афганистана. В сравнении с этим блестящая короткая победа американских сил в пойме Тигра и Евфрата была подлинным триумфом американцев на Ближнем Востоке.

Ключевой была роль президента. 17 сентября 2001 г. президент Джордж Буш подписал в высшей степени секретный план «Жемчуг», объявлявший *всемирную войну с терроризмом*. Но Афганистан значился в этом плане на первом месте. А Ирак – следующим.

Выпускники Вест-Пойнта и Аннаполиса могли снисходительно относиться к одетым в странные шаровары темным крестьянам, но те знали свой способ выживания и в этом превосходили дипломированных специалистов иной цивилизации, поспешивших возвестить победу.

И Запад, если он желает выиграть цивилизационную битву, должен иметь в виду, что тысячи забытых богом деревушек в реальности не поддаются контролю завоевателя. Это в XIX в. ощутили англичане, в XX в. – русские, а в XXI в. – американцы. Исламские ветераны прежних битв (Кашмир, Чечня, Узбекистан, Эритрея, Йемен, Саудовская Аравия, Алжир, Таджикистан, Египет, Босния, Северо-Западный Китай, Индонезия, Малайзия, Македония, Косово, Филиппины) рассредоточены преимущественно на пыльных трактах Северного Пакистана и Южного Афганистана. «Их было трудно переместить за пределы Афганистана, многие рыдали»⁶⁰.

Самый большой ненавистник Америки

За что же мусульмане не любят Америку? Президент Буш-младший ответил на этот

---

⁵⁹ Doran M.S. Somebody Else's Civil War («Foreign Affairs», January–February 2002, p. 30).

⁶⁰ Anonymous. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 64.

вопрос сразу же после трагедии 11 сентября 2001 г.: «За нашу свободу». Мусульманский мир негативно относится к Соединенным Штатам по совершенно определенным причинам:

1. Нахождение вооруженных сил США близ мусульманских святынь Мекки и Медины вызывает ропот миллиардного мира. Нечувствительность официального Вашингтона к религиозным устоям исламского мира, активное использование базы Дахран и других военных структур на Аравийском полуострове порождает впечатление и мнение о нечувствительности американского гиганта к религиозным основам других народов, о презрительности его к одной из великих мировых религий.

2. Соединенные Штаты поддерживают только проамериканские, прозападные режимы, укрепляют лишь своих сикофантов, ставя проблему развития мусульманского мира заведомо на второстепенное место. Президент Мушараф в Пакистане, Мубарак в Египте, феодальная династия в Саудовской Аравии – вот приемлемые для Вашингтона правители мусульманского мира – вне зависимости от того, соответствуют ли эти режимы собственным американским демократическим ценностям.

3. Соединенные Штаты в высшей мере заинтересованы в контроле над главной нефтяной кладовой мира. Это гарантирует поток самой легкодобываемой арабской нефти собственно в США; это позволяет американцам владеть ключом к поставкам органического топлива в регионы-конкуренты, в Западную Европу, Японию, Китай.

Пассивность губительна

В 2001 г. обрел чрезвычайное влияние тезис американского политолога Чарльза Краутхаммера о том, что пассивность губительна; что «покорная международная гражданственность» Соединенных Штатов рискует погасить светоч демократии и справедливости во всем мире. Неоконсервативные идеологи обнаружили друг друга по одному кодовому определению: Америка может избежать трагической судьбы в качестве жертвы террора *только в том случае*, если сознательно сбросит с себя оковы созданных после Второй мировой войны организаций, начиная, разумеется, с ООН. Даже обращение натовских союзников к параграфу пять статута Североатлантического союза после сентябрьского нападения террористов на США (объявлявшего фактически всеобщую мобилизацию) вызвало гримасу неудовольствия неоконсервативной когорты. В деле обеспечения своего выживания инструменты, созданные для других целей, не помогают. Помогает новообретенная, нововозвращенная вера в себя, *односторонние* действия лидера.

Министр обороны США Д. Рамсфелд поставил стоящих в замешательстве союзников на место: «Проблемы определяют формирование коалиции, а вовсе не коалиции определяют наиболее актуальные проблемы». Главной такой идеей стало нанесение предваряющего удара по странам, *потенциально способным* создать инструмент насилия, который может быть использован в террористических целях против Соединенных Штатов, и распространить американские ценности по всему миру.

Право

Но несколько иного ждал остальной мир. Прежде всего, исчезла *общая точка зрения*. Как пишет американский исследователь М. Хирш, «вместо общего видения будущего, мир получает боевые приказы от Буша; в результате мир все менее склонен следовать этим приказам, особенно в том случае, если Соединенные Штаты начнут крупномасштабную превентивную акцию против таких государств, как Ирак»⁶¹. (А если завтра Индия нанесет превентивный удар по Пакистану?) Можем только изменить цель: Ирану, Сирии, КНДР?

Вместо битвы за умы и сердца людей началось соревнование в военной эффективности.

---

⁶¹ Hirsh M. Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 23).

А страдающей стороной выступила деятельность разведывательного сообщества. И потом. Тот, кто в глазах одних – террорист, в глазах других «борец за свободу». А терроризм может быть сокрушен только тогда, когда общественное мнение и внутри страны, и за рубежом поддерживает антитеррористическую деятельность, видя в террористах преступников, а не героев. Весь прежний немалый опыт показывает, что террористы начинают побеждать, когда им удается спровоцировать противостоящие власти на применение против них регулярных вооруженных сил. Когда ситуация для них становится беспроигрышной, они либо ухитряются избежать решающей битвы, либо попадают в нее, погибают и становятся героями, мучениками, жаждущими отмщения.

В любом случае проблема терроризма оказывается неверно оцененной и неправильно решаемой.

Но напомним еще раз о юридической стороне дела. Провозглашение войны означает противодействие *некоему государству*. И сегодня уже не звучит апелляция к международному праву, к *господству закона*. Разговор о сокрушении государств и снятии ограничений на внеюрисдикционное преследование может соответствовать эмоциональному порыву, но это бумеранг, он возвращается. Если подорвать созданную преимущественно Соединенными Штатами систему международного права, то что станет ее заменой? Ряд даже американских юристов и историков полагает, что «незамедлительный выбор Америкой войны *не совпадает с принципами международного сообщества*, которые требуют отвечать на международные угрозы – включая революционные, подрывные, террористические атаки на ту или иную страну – руководствуясь не старым принципом *lex talionis* (око за око), но посредством организованных действий международных организаций. Подобные акции, включая легальные, моральные, дипломатические, военное давление, рассчитаны на то, чтобы предотвратить возможный кризис от эскалации в войну и, если это возможно, найти решение, приемлемое для всех сторон с легальной, юридической точки зрения... В данном случае немедленное объявление войны терроризму может рассматриваться как несдержанная риторика на потребу дня, а вовсе не как тщательно продуманное решение»⁶².

Даже в трагических условиях после сентября 2001 г. США *отказались* создать Международный суд и отвергают международное Соглашение по запрету использования биологического оружия. США отказались ратифицировать протокол Киото; отвергли позитивную значимость договора по ПРО и в декабре 2001 года вышли из этого договора; не признали юрисдикцию международного суда в Гааге; постарались поставить Североатлантический Союз вне и над системой ООН; уменьшили уровень международной помощи – создавая тем самым респектабельность односторонним действиям, неподчинению коллективным международным нормам.

П. Шредер полагает, что «даже успешная кампания максималистского типа, направленная на другие предполагаемые террористические государства, может принести огромный ущерб международной системе, вызвать обращение к односторонности и превентивному использованию силы... Сравнение 2001 года с 1914 должно заставить нас глубже задуматься над судьбой международного права»⁶³. Праву в таком мире не будет места. Если Запад во главе с США не сумеет достичь солидарности с глобальными международными организациями, попытается идти собственным путем, не сообразуясь с волей огромного большинства мирового населения, конфликт с не-Западом практически неотвратим.

«Создание широкой коалиции может успокоить Америку в том отношении, что она не одна в исламском мире. Удары по Афганистану – самое простое из возможного, гораздо

---

⁶² Schroeder P. The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 28).

⁶³ Schroeder P. The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 29).

менее сложное, чем решать проблемы в Персидском заливе и Египте... Но среди тех, кто обрушился на башни из стекла и стали, кто нанес удар по Пентагону, нет афганцев. Эти пришли из арабского мира, где антиамериканизм принимает отчаянные формы, где террор действует с молчаливого одобрения мужчин и женщин»⁶⁴.

«Ни одна нация, – напомнил *urbi et orbi* президент Дж. Буш-мл., – не может себя чувствовать вне зоны действия подлинных и неизменных американских принципов свободы и справедливости... Эти принципы не обсуждаются, по их поводу не торгуются».

Взлет имперских орлов сделал классическую историю популярной наукой. Обращение к Римской и Британской империям за несколько месяцев стало захватывающим чтением, изучение латинского языка вошло в моду (даже «Гарри Поттер» переведен на латинский язык) и приобрело новый смысл. Буквально повсюду теперь в республиканской Америке можно найти статьи о положительном воздействии на мир *Пакс Романум*, подтекст чего не нужно никому расшифровывать: новая империя пришла в современный мир, и мир должен найти в ней признаки и условия прогресса. Парадокс эволюции американской демократии: *Пакс Американа* изживает (по крайней мере, для американцев) свой негативный подтекст.

Посетившие Вашингтон после Сентября иностранцы в один голос указывают на новую ментальность страны, где главное общественное здание – *Капитолий*, где римские ассоциации *сенат* вызывает не только как термин, но и как архитектурное строение, где по одной оси расположены *пантеон* Линкольна, *obelisk* Вашингтона и *ротонда* Джефферсона. Менталитет «римских легионов» проник даже в Североатлантический Союз (жалуются англичане) ради жестких односторонних, *имперских* действий. Вольно или невольно готовилась Америка к этому звездному часу своей исторической судьбы. Посмотрите на архитектуру основных зданий Вашингтона, обратите внимание на название государственных учреждений: сенат, Верховный Суд; не упустите факта колоссальных прерогатив *принцепса*, именуемого в данном случае президентом. Не упустите того факта, что согласно американской конституции внутреннее законодательство и конгресс стоят выше международного законодательства и международных институтов.

«Мыслительные центры» столицы новой империи – Вашингтона с готовностью обсуждают стратегию односторонних действий по всему мировому периметру. Прежде республикански сдержанная «УоллСтрит джорнэл» находит благосклонную аудиторию, когда пишет: «Америка не должна бояться свирепых войн ради мира, если они будут вестись в интересах „империи свободы“». Все это означает, что Америка действует без оглядки на других. Международные соглашения типа „протокола Киото“ являются жертвами представления о неподсудности американцев никому, кроме собственных национальных учреждений. Сенат США, в частности, не ратифицировал „Ковенант экономических и социальных прав“, „Конвенцию искоренения дискриминации в отношении женщин“, „Конвенцию прав детей“, участие в „Международном уголовном суде“, против „протокола Киото“ вместе с президентом Бушем выступили 95 американских сенаторов. Многие проводят линию на наличие в американской истории давней и неистребимой традиции „американской исключительности“. Гарвардский профессор Э. Моравчик: Америка, стабильная демократическая, идеологически консервативная и политически централизованная, является *сверхдержавой и может обходить обязательные для всех правила и законы*.

Мировая история подсказывает: США не преминут воспользоваться редчайшей исторической возможностью. В этом случае главной геополитической чертой мировой эволюции станет формирование *однополярной мировой структуры*. Америка прилагает (и будет в обозримом будущем прилагать) огромные усилия по консолидации своего главенствующего положения. С этим выводом согласны наблюдатели за пределами страны-гегемона, да и сами американские прогнозисты: «Соединенные Штаты сознательно

---

⁶⁴ Fouad Ajami. The Sentry's Solitude («Foreign Affairs», November/December 2001, p. 15).

встанут на путь империалистической политики, направленной на глобальную гегемонию. Они умножат усилия, выделяя все более растущую долю ресурсов на амбициозные интервенции в мировом масштабе». Свернуть с этой дороги пока не сможет ни один ответственный американский политический деятель, любой президент должен будет опираться на массовое приятие страной своего положения и миссии. Уже сейчас высказывается твердое убеждение, что «еще не одно поколение американцев будет готово идти этой дорогой: тяжело отказываться от всемогущества».

Проконсулы докладывают из провинций о завершении военных операций. Тацит, историк имперского Рима, почувствовал бы себя в своей тарелке.

Английский историк Фергюсон считает надуманным противопоставление односторонности и многосторонности в действиях Соединенных Штатов: империя всегда действует односторонне, а мощь Америки значительно больше, чем значимость международных организаций, даже таких как ООН. «Суть в том, что Организация Объединенных наций не может служить альтернативой Соединенным Штатам, хотя бы потому, что бюджет ООН составляет 0,07 процента федерального бюджета США». ООН не может выступить против США и победить. Валовой продукт четырех постоянных членом СБ ООН составляет 4,5 трлн дол. – менее половины американского. ООН, полагает Фергюсон, ныне нуждается в США больше, чем США в ООН. Во многом потому, что невиданный рост суверенных государств в XX веке не сделал эти государства процветающими и они обратились за помощью. «Эксперимент с политической независимостью стал несчастьем для многих бедных стран», а причиной бедности явилось «отсутствие необходимых государственных институтов»⁶⁵. Ключом к экономическому успеху является наличие эффективных государственных институтов, которые *империя* обеспечивает быстрее, чем кто бы то ни было. «Моим центральным тезисом является следующее: либеральный империализм является *хорошим* феноменом»⁶⁶.

Неизбежен вопрос: кто *более всего* получает от имперского всевластия внутри самих Соединенных Штатов? Фергюсон *с долей одобрения* приводит ответ экономиста Пола Крюгмена: «Богатейшая часть республиканской партии и нефтяная промышленность». Роковой вопрос: укрепляет или ослабляет американская империя свою значимость и влияние в мире? И выступает апологетом империй: это более старое государственное образование, чем суверенные государства, и главный носитель цивилизующих институтов. После крушения СССР мир стоял перед выбором – совокупность наций-государств или американская империя. И империя возобладала. Остается определить, надолго ли.

Исключительной особенностью американской империи, по мнению Фергюсона является «чрезвычайно короткий период существования». Римская империя существовала полторы тысячи лет, Британская империя – полтора столетия; американской империи отведено несколько десятилетий. Почему?

Во-первых и прежде всего потому, что, в отличие от классических империй, американцы *не заселяют* завоеванные или зависимые страны. «Несмотря на огромные богатства страны и на грандиозную военную мощь, американцы не склонны к тому, без чего подлинная империя не бывает долговременной. Они не хотят „идти туда“ – и если они все же обязаны идти, то считают дни до возвращения домой»⁶⁷. Они игнорируют зависимые страны, они привязаны к метрополии. Но это, увы, не способствует созданию имперской сплоченности.

Во-вторых, хронический дефицит «человеческого материала» явственно ослабляет

---

⁶⁵ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 181.

⁶⁶ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 198.

⁶⁷ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 202.

империю. В Британской империи не было недостатка в энтузиастах освоения завоеванной и заселенной четвертью мира. Выпускники Оксбриджа с готовностью брали на себя «имперское бремя» и отправлялись в неведомые углы мира. Не то с выпускниками Гарварда: проконсульская миссия не привлекает их. Да и с солдатами еще дело сложнее – 12-месячное ограничение на пребывание за границей. При этом недостаточность военного персонала в Ираке признана практически всеми. «Кризис принял такие пропорции, что (американская) администрация была вынуждена проглотить свою гордость и просить союзников о подкреплениях».

В-третьих, ЦРУ далеко до британской Интеллидженс сервис. У американской разведки нет ни одного подлинно квалифицированного, говорящего по-арабски агента на Ближнем Востоке, где в свое время блистали Лоуренс Аравийский и Филби-старший. Американцы этой службы «предпочитали жить в окрестностях Вашингтона, исключая для себя операции, грозившие диареей». Никакого киплингского героизма у этих «тихих американцев», давно описанных Грэмом Грином.

В-четвертых, электоральный цикл в четыре года подогревает чувствительность американского общества к людским потерям. Но долго иметь империю без империалистов невозможно.

В-пятых, низвергая тиранов на Ближнем Востоке, Америка является *самым большим должником мира*. «Зарубежные долги Соединенных Штатов в 2003 г. превысили 8 трлн дол.»⁶⁸. США сами вешают себя на крючок зарубежного капитала.

В самом влиятельном американском журнале «Форин Аффферс» идеологи имперской касты пишут то, что было немислимим всего несколько лет назад: «Логика неоимпериализма *слишком убедительна* для администрации Буша, которая не может сопротивляться ей... Хаос в мире является слишком угрожающим, чтобы его игнорировать... Пришло время империи, и логикой своего могущества Америка просто обязана играть лидирующую роль»⁶⁹. Время суверенов на мировой арене окончилось. В Вашингтоне звучат призывы создать под руководством США некий всемирный орган, мировое агентство (следуя модели Мирового банка и Международного валютного фонда), который заменил бы неэффективную Организацию Объединенных наций и имел бы вооруженные силы, которые контролировали бы всю планету. Этот орган мог бы разместить силы там, куда бы их направил руководимый американцами центральный совет. Прежний гимн демократии превратился в апофеоз империи.

Подобные идеи Роберт Каплан популяризировал в книге «Политика воинов: почему лидерство требует языческого этоса». Язычество в Америке XXI века стало предметом восторга. Каплан, назвавший Европу «женственной Венерой», воспекает «восхитительного» императора Тиберию, чей проконсул Понтий Пилат санкционировал распятие Христа. Тиберий, с точки зрения восхищенной имперской мысли современной Америки, «умело сочетал дипломатию угрозы применения силы ради сохранения мира, благоприятного для Рима... В империи была положительная сторона. Она была, в определенном смысле, наиболее благоприятной формой мирового порядка»⁷⁰. Обращаясь к современности, Каплан с одобрением пишет, что Соединенные Штаты стали «более *безжалостны* в решении задач экономической турбулентности» равно как и в вопросах демографического роста развивающихся стран, в отношении к природным ресурсам этих стран⁷¹. Далеко ли отсюда

---

⁶⁸ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 280.

⁶⁹ Mallaby S. The Reluctant Imperialist. Terrorism, failed States, and the Case for American Empire («Foreign Affairs», March/April 2002, p. 2–7).

⁷⁰ Kaplan R. Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos. New York, 2002, p. 46

⁷¹ «Atlantic Monthly Magazine», March 2002, p. 46

до идей удара по Месопотамии, в чьих недрах более десяти процентов мировой нефти?

Газета «Нью-Йорк Таймс» поместила серию статей «с мыслью об империи». Впечатляющей представляется статья Э. Икина: «Сегодня Америка является полнокровной империей на манер Римской и Британской империй. Таково общее мнение наиболее заметных комментаторов и ученых нации». Восторг в метрополии, но как воспримут новую имперскую мощь потенциальные колонии? Чарльз Краутхаммер анализирует ситуацию в том же ключе, буквально упиваясь имперским превосходством: «Американский народ выходит из замкнутого пространства к мировой империи. Со времен Римской империи в мире не было подобной мировой силы, которая доминировала бы в культурном отношении, экономически и в военном смысле. Никогда еще за последнюю тысячу лет в военной области не было столь огромного разрыва между державой № 1 и державой № 2... Экономика? Американская экономика вдвое больше экономики своего ближайшего конкурента»⁷² ». А в «Уолл-Стрит Джорнэл» М. Бут под заголовком «В защиту американской империи» начал давать практические советы: Вашингтону следует оккупировать не только Афганистан, но и **Ирак** и «другие беспокойные страны, которые вопиют о просвещенном руководстве». Современный мир должен воспринять ту древнюю идею, что право в империи принадлежит силе.

Для многих такая постановка вопроса Америкой является новинкой, но только не для соседей Соединенных Штатов – Мексики, половину территории которой американцы захватили еще в позапрошлом веке. У памятника покончившим с собой мексиканским кадетам 1848 года слышится: «Самое удивительное относительно удара США по Ираку – это изумление наивных душ».

Дождавшиеся своего часа сторонники имперской внешней политики полагают, что Америка должна вести себя как активный гегемон в силу двух главных соображений: 1) она может себе это позволить; 2) если Вашингтон не обратится к силовым методам и не навяжет свое представление о международном порядке, тогда воспрянут соперники и Америке не избежать судьбы постепенной маргинализации⁷³.

Новым в приведенной констатации является не то, что Америка – единственная «сверхдержава» мира (таковой она является со времени окончания «холодной войны»), а то, что в Вашингтоне начали ощущать, *осознавать* отсутствие препятствий, свое неслыханное превосходство, возможность пожинать плоды своего успеха. Изменой национальному чувству стало сомнение в утверждении своих прав на все, включая *предупреждающий* первый удар везде, где стражи империи усмотрят потенциальную враждебность.

Поборники имперских прав энергично призывают Вашингтон возглавить мировое сообщество, прозвучало напоминание о том, что США являются «величайшим получателем благ от глобальной системы, которую они создали. Как держава несравненной мощи, процветания и безопасности, США должны и сейчас возглавить эту систему, претерпевающую время разительных перемен»⁷⁴.

Воинственность охватила американское общество удивительно быстро – в течение нескольких лет. Еще в 1990 г. опасения в отношении зарубежной конкуренции испытывали 41% американских производителей, а в начале следующего, двадцать первого столетия страх почти исчез – лишь 10 процентов опрошенных американцев выразили свои тревоги в отношении силовой политики. Страх в отношении объединенной Европы и неуправляемой

---

⁷² Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St. Martin's Press, 2000, p. 64.

⁷³ Wallerstein I. The Eagle Has Crash Landed («Foreign Policy», July–August 2002, p. 27).

⁷⁴ Cutter B., Spero J., Tyson L. A Democratic Approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 80).

Японии ослаб, Россия сама сокрушила свою мощь, Китай еще сомневается в своей готовности к мировому возвышению.

Теперь 85% лидеров американского бизнеса приветствуют европейскую конкуренцию⁷⁵ – нужно же иметь спарринг-партнера. Годовой доход в расчете на каждого американца составил 38 тыс. дол. Американский бюджетный дефицит в 2005 фин. г. превысил 100 млрд дол.

Знала ли Америка Ближний Восток?

В ноябре 2001 г. журнал «Нэшнл ревью» прямо обвинил Американскую Ассоциацию исследований Ближнего Востока в «полном провале ближневосточных исследований как академического занятия, оказавшегося неспособным подготовить Соединенные Штаты к брутальному терроризму исламского радикализма»⁷⁶. Кабинетные ученые, мол, влезли в дебри абстрактных догм, «расщепляют волос вдоль» и при этом игнорируют национальные интересы США. Завязалась весьма ожесточенная дискуссия.

Самый краткий ответ на вопрос: «Как это случилось 11 сентября?» звучит примерно так: ввиду того, что несколько преисполненных решимости людей – исламских фанатиков – хотели этого и оказались в состоянии произвести нападение, обойдя все охранительные преграды, воспользовавшись неадекватностью разведслужб США, открытостью американских границ.

Но вопрос о причинах решимости девятнадцати самоубийц, их интерпретации религиозных догм, их сознательного стремления стать самоуправляемыми ракетными установками, захватывает гораздо более широкий диапазон проблем. И основой этих проблем была ненависть к *политике* Соединенных Штатов в ближневосточном регионе.

Многие американские исследователи Ближнего Востока сознательно постарались избежать манихейства, избежать сознательной антагонизации огромного и важного региона, призвали улучшить отношения с арабским миром и поэтому старались не акцентировать внимания на негативной оценке ислама как цивилизации.

Но сказать, что специалисты по исламу не предупреждали западный мир, было бы не полной правдой. Но следует отметить, что американские специалисты излишне сконцентрировались на лидере Аль-Каиды. Влиятельнейший журнал «Форин афферс» поместил в 1998 г. статью Б. Льюиса «Разрешение на убийство: Усама бен Ладен объявляет Священную войну». В 1999 г. эксперт Майкл Фенди издал исследование, значительная часть которого посвящена карьере Бен Ладена. Значительное число весьма квалифицированных исследований было осуществлено непосредственно для ЦРУ, и в них авторы также постарались оценить самими же выпестованного противника.

Еще во времена президента-демократа Билла Клинтона было создано короткое и простое объяснение, ставшее почти частью политической культуры в США: иностранцы будут *не любить* Америку, что бы она ни делала: просто потому, что она является самой мощной нацией на земле, приверженной при этом демократии и свободному рынку. Так грозное явление получило самоуспокаивающее объяснение, годное на все случаи жизни и, собственно, ничего не объясняющее. Это был *легкий* ответ, и он привел американцев к представлению, что, словами американского аналитика Димитрия Саймса, «вмешательства во внутренние дела других стран будет ненакладным; Соединенные Штаты будут нести относительно скромные расходы, а не всю плату за последствия своих действий»⁷⁷. Эта

---

⁷⁵ Rielly J. (ed.) American Public Opinion and U.S. Foreign Policy, 1995, Chicago: Council on Foreign Relations, 1995, p. 24–25.

⁷⁶ «National Review», November 2001.

⁷⁷ Simes D. What War Means («The National interest», Spring 2002, p. 47).

теория в конечном счете приобрела характер «общепринятого здравого смысла», она стала привычным и поверхностно убедительным объяснением.

Но эта теория является ложной. Американцы представили гнездом терроризма *весь* регион Ближнего Востока. К тому же вся история терроризма свидетельствует против того, что абстрактные положения политической философии сами по себе достаточны, чтобы спровоцировать силовое противодействие. Это очевидно в случае Израиля, где терроризм связан с арабо-израильским конфликтом. Указанное объяснение не работает в случае террористических атак в Индии, Шри Ланке, России, Испании, Британии, Колумбии, Алжира, Узбекистана. Эйфелеву вышку хотели уничтожить из-за связей французского правительства с алжирским военным режимом. Почему ненавистный американцам Ирак должен был быть иным? Он *не* являлся ваххабистской ветвью радикального ислама, предубежденного против западной цивилизации. Ирак не боролся слепо против западной цивилизации как таковой, в противном случае ей нужно было бы напасть на более продвинутые, разрешающие гораздо больше, чем сравнительно консервативные США, страны Западной Европы.

Ощущая невозможность «максимально широкого» определения противника, Америка после шока постепенно «сузила» (иначе невозможен был конкретный ответ) территорию противника: Афганистаном, Ираком, Сирией, Ираном. По мнению Ахмеда Рашида, считающегося лучшим специалистом по мусульманским террористическим организациям (в 2002 г. на Западе вышло его обстоятельное исследование «Джихад»), Ирак Саддама Хусейна готовит основанный на средствах массового поражения ответ Америке. Основной проблемой для Запада является предвосхитить зрелую степень овладения Саддамом ядерного, химического и биологического оружия. Параллельно в Средней Азии действует Исламское движение Узбекистана (часть структур которого была развернута в Афганистане и пострадала в ходе боев).

Заново после Сентября мобилизованные американские специалисты по Ближнему Востоку выдвигают четыре объяснения антизападному ожесточению Ирака в отношении Америки:

– Влияние военного триумфа в войне с Ираком в 1991 г. Тогда США сознательно постарались не ожесточить мусульманский мир. «Чтобы навести глянец на современный ислам, эксперты по Ближнему Востоку постарались занизить значимость мусульманского экстремизма, что привело к самоуспокоенности и самоуверенности»⁷⁸.

– США сконцентрировали свое внимание на том, что им кажется наиболее важным – на отношениях с «умеренными» режимами, с прозападными правительствами Саудовской Аравии, Египта, Иордании, на тенденциях развития связей этого региона с Западом. Это заметно отвлекло внимание от воинствующей части ближневосточного политического спектра, во главе которого стоит Ирак. Недостаток внимания к радикальным режимам сказался. Потенциальная демократизация Ближнего Востока как бы закамouflировала упорный радикализм Багдада и других подобных столиц.

– Нефть как стратегическое сырье современной экономики заставляет как бы «сквозь пальцы» смотреть на особенности политического процесса в данном регионе, позволяя слишком многое таким странам, как Ирак.

– Палестино-израильский конфликт так или иначе занимает в американских отношениях центральное место, как бы уводя в сторону возможность прямого воздействия мусульман на Америку. Американцев напугала легкость проникновения внутрь страны: за один год границы США пересекают 489 млн человек, 127 млн легковых автомобилей, 11,5 млн грузовиков, 829 тыс. самолетов, 2,2 млн железнодорожных вагонов. «Возможно, наиболее серьезной угрозой, порожденной атакой 11 сентября, – пишет американец С.

---

⁷⁸ Kramer M. *Ivory on Sand: The Failure of Middle Eastern Studies in America*. Washington: Washington Institute for Near East Policy. 2001, p. 12

Флинн, – является обнаружение мягкого подбрюшья глобализации. Та же самая система, которая питала славные дни 1990-х годов – открытость американской экономики миру – увеличила американскую уязвимость. На протяжении многих лет американские политики, переговорщики и лидеры бизнеса действовали исходя из наивного предположения, что у раскрытия ворот мировой торговли и путешествий нет побочного негативного эффекта»⁷⁹. Американцы поздно, но опомнились – теперь в США *не купить* карт основных водных резервуаров, атомных электростанций, мостов и тоннелей. Карты нефте- и газопроводов изъяты из Интернета.

Отрицать, что названные проблемы противоречат установленному надолго внешнеполитическому курсу США, было бы противиться очевидности. В США уже говорят о «болезненных последствиях триумфализма, который овладел Соединенными Штатами после окончания „холодной войны“»⁸⁰. А что, если Саддам Хусейн решит отомстить за 1991 год? Каковы его силы и возможности? Каковы возможности Соединенных Штатов противостоять обозленному блокадой Ираку?

Глава третья Левиафан

После окончания «холодной войны» Россия довела численность своих бомбардировщиков дальнего радиуса действия до 39% прежнего состава, на 58% стало меньше МБР, на 80% меньше ракет подводных лодок. 80% шахтных МБР пережили срок своей годности... Но растет возможность первого удара со стороны Америки»⁸¹.

Либер К, Пресс Д., 2006

Наступивший мир не остановил военного строительства США

Прежде чем обратиться к американской авантюре на Ближнем Востоке, сделаем самую общую оценку мощи звездно-полосатого мира. Американские теоретики без тени смущения пишут, что «военная мощь на протяжении последних 60 лет была *доминирующим* элементом во внешней политике США»⁸². С уходом в небытие соперницы-сверхдержавы на долю США в конце XX века выпала феноменальная удача – накопленная за период «холодной войны» мощь оказалась лишеной противовеса, свободной для использования в целях мирового стратегического доминирования.

США ощутили невероятную военную мощь – и тем не менее не прекратили гонки вооружений, доведя военные расходы до 476 млрд дол. США создали триаду стратегических ударных сил, самый большой в мире военно-морской флот, превосходную авиацию и мощные сухопутные силы, размещенные на всех континентах. Только эта страна имеет флот на всех четырех океанах. Мощь глобального масштаба включает в себя стратегическое и тактическое ядерное оружие, атакующие подводные лодки наряду со спутниками в космосе,

---

⁷⁹ Flynn S. America the Vulnerable («Foreign Affairs», January–February 2002, p. 62).

⁸⁰ Simes D. What War Means («The National interest», Spring 2002, p. 48).

⁸¹ Lieber K. and Press D. The Rise of U.S. Nuclear Primacy («Foreign Affairs», March/ April 2006, p. 46).

⁸² Smith D., Corbin M., Hellman Ch. Reforging the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, p. 27.

флот двенадцати тяжелых авианосцев и несравненные силы быстрого развертывания.

Они заменили баллистические ракеты на своих подводных лодках более точными «Трайидент ПД-5», вооруженными более мощными боеголовками. ВМС США сместили огромную долю своих подводных баллистических ракет в Тихий океан к китайским и исламским берегам, где им не противостоят даже радарные системы. ВВС США завершили оборудование своих стандартных бомбардировщиков Б-52Н ядерными крылатыми ракетами, «невидимыми» для радаров; увеличили численность бомбардировщиков Б-2-с (оснащенных технологией «Стелс», позволяющей им летать чрезвычайно низко и избегать даже самых современных радаров). Наконец, США установили мощные боеголовки ракет МХ и мирвированные боеголовки на МБР «Минитмен», достигшие точности ракет МХ. Вооружившись таким образом, Америка получила возможность первого удара повсеместно⁸³.

Америка получила возможность скептически смотреть на прежние самые развитые военные страны – Россия (64 млрд дол. военных расходов в год); Китай – 46 млрд дол. военных расходов; Япония – 40 млрд; Британия – 35 млрд дол. в год; Франция – 33 млрд дол. в год; Германия – 27 млрд; Саудовская Аравия – 24 млрд; Италия – 21 млрд; Индия – 14 млрд; Южная Корея – 11 млрд дол. Америка расходует 476 млрд дол. – значительно больше всех остальных. В 2006 г. США расходуют почти 40 процентов мировых затрат в военной сфере. Больше, чем 15 следующих за ними стран.

Вашингтон обращает большое внимание на численность вооруженных сил: КНР – 2,3 млн военнослужащих; США – 1,4 млн военнослужащих; Индия – 1,3 млн военнослужащих. Северная Корея – 1,1 млн военнослужащих; Россия – 1 млн военнослужащих; Южная Корея – 683 тыс. военнослужащих; Пакистан – 612 тыс. военнослужащих; Турция – 610 тыс. военнослужащих; Иран – 513 тыс. военнослужащих; Вьетнам – 443 тыс. военнослужащих.

Ощущение всевластия – сильное чувство. Исчезают интеллектуальные предохранительные барьеры, возникает желание «быть достойным своего времени», растет ощущение праведности силовых акций, «заслуженных» двухсотлетним ростом страны. Все это в концентрированном виде сказалось в «доктрине Буша», как бы давшей Америке не только право, но обязанность строить мир по своему ранжиру. США как бы лишились тормозов и стали на путь, на котором приемлемо вести в современном мире краткосрочные (или кажущиеся таковыми), победоносные войны.

Как пишет М. Уокер, «Соединенные Штаты обрели военное доминирование, равное совокупной океанской мощи Пакс Британники и военной мощи имперского Рима периода его расцвета»⁸⁴. Армия Рима в пик имперского влияния при императоре Траяне (начало второго столетия нашей эры) имела численность менее 400 тысяч воинов. Пик численности имперской армии викторианской Британии – 356 тысяч солдат (вместе с индийскими сипаями) в 1897 г. Вашингтон в начале XXI века контролирует гораздо более обширные пространства – он размещает 100 тысяч своих солдат в Европе, 37 тысяч в Южной Корее, 25 тысяч в Персидском заливе, 20 тысяч в Японии, по несколько тысяч на Балканах, в Центральной Азии, в Афганистане, отдельные контингенты в Закавказье и на Филиппинах, в Латинской Америке.

Самое главное в стратегии единственной сверхдержавы – это различие в миссии. Традиционные крупные державы бьются за свои интересы, но либеральная империя – за мировой порядок и упорядоченное развитие, за господство одной цивилизации – самой мощной и военизированной. Одна из главных функций вооруженных сил США – создание демократических государств по всему мировому периметру при сохранении лидерства в авангарде – в «золотом миллиарде», где сконцентрирована индустрия, финансы, наука, «soft

---

⁸³ Lieber K. and Press D. The Rise of U.S. Nuclear Primacy («Foreign Affairs», March/ April 2006, p. 45).

⁸⁴ «World Policy Journal», Fall 1996, p. 114–115.

power» Запада, то есть его привлекательность и научная мощь.

Перспективы буквально завораживают американских военных и политиков: в XXI веке «Соединенные Штаты, учитывая их человеческие и естественные ресурсы, их мощь и размеры, получили шанс играть доминирующую дипломатическую и военную роль в мировых делах, вопреки недовольству и сопротивлению многих стран. Это недовольство может повести к противодействию, влекущему насилие... Все рекомендации на будущее основываются на *продолжении* американского вовлечения в дела других наций, на том, что американская мощь будет решающим фактором в мировом прогрессе в течение следующей четверти века»⁸⁵.

«Соединенные Штаты являются единственной страной, способной создать глобальную военную коалицию, как это было в случае на Балканах и с **Ираком**»⁸⁶.

В Азии размещаются 177 тыс. американских военнослужащих плюс 33 тыс. на флоте. (Согласно т. н. Докладу Ная, этот уровень будет поддерживаться в Азии еще как минимум 20 лет). 125 тыс. американских военнослужащих размещены в районе Персидского залива (5 тыс. на флоте)⁸⁷. В состоянии постоянной боевой готовности 12 авианосных групп – особенно существенное значение имеет патрулирование нефтяной кладовой мира – Персидском заливе (1) и пролива, отделяющем Тайвань от КНР (2); патрулирование Ирака, края Косово. Армейские дивизии с огромным тылом в виде систем снабжения горючим, продовольствием и боеприпасами остаются твердой основой приготовления к ведению боевых действий на суше, равно как авианосные боевые группы и амфибийные соединения являются основой военно-морских сил, а эскадрильи самолетов – для авиации.

В 2002 г. военные планировщики США ввели в зону американской военной ответственности *все* остававшиеся *неохраняемыми* регионы Земли: не осталось ни пяди земли, которая не находилась бы в компетенции одного из региональных командований министерства обороны США – от Арктики до Антарктики. 1 октября 2002 г. в Пентагоне был создан центр военного контроля – Верховное командование, курирующее системы раннего обнаружения, спутники системы противоракетной обороны, а также стратегические средства наступательного характера с применением как обычного, так и ядерного оружия.

Т. Фридмен говорит: «Именно Соединенные Штаты определяют правила, по которым работает Всемирная мировая организация и условия, на которых в нее может быть принят Китай. Именно Соединенные Штаты сформулировали ответ Организации Объединенных Наций на действия иракского **президента Саддама Хусейна** ... Другим странам НАТО, китайцам и русским остается лишь подчиняться, иногда очень неохотно»⁸⁸.

Лишь несколько стран в силу собственной культуры, цивилизационных особенностей и исторического развития (близость к СССР) не входили в мировую зону США, и это делало их потенциальными жертвами. **Одной из таких стран был Ирак.** Прежде чем обратиться к собственно военным действиям, к вторжению вооруженных сил США в Ирак, посмотрим, как видел и анализировал Месопотамию высший круг американского руководства, как он стал относиться к внешнеполитическим проблемам.

Особенность соотношения внутренних сил

---

⁸⁵ Smith D., Corbin M., Hellman Ch. Reforging the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, p. 17–19.

⁸⁶ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).

⁸⁷ Active Duty Military Personnel Strength by Regional Area and by Country. Wasington, Department of Defense. December 31, 2000.

⁸⁸ Friedman Th. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y.: Anchor Books, 2000, p. 204.

То, что произошло в 2000 году, представляет собой общий поворот американского республиканизма вправо, сдвиг республиканской партии США в сторону гегемонизма, силовой политики, подчинения американским интересам международных организаций.

Если быть точными, то *левое* крыло республиканцев, являвшее собой прежний атлантический истеблишмент, прежний внешнеполитический мэйнстрим, оказалось оттесненным. Никаких больше Картеров и Клинтонов, не способных использовать американскую мощь в мире. Главные источники власти сместились.

К власти пришли «вулканы» – неоконсерваторы, имеющие общего идола – Рейгана. Это бывший первый замминистра обороны, ныне возглавляющий Всемирный банк – Пол Вулфовиц; замминистра обороны по выработке политики Дуглас Фейт; начальник штаба вице-президента США Льюис Либби; ведущий в Совете национальной безопасности Ближний Восток, Юго-Западную Азию и Северную Африку Элиот Эбрамс; член Совета по выработке оборонной политики Ричард Перл. Остальные «неоконы» в основном *судят и рьят* о политике, но не формируют ее. Они ее «философы», воздействующие на американское общество со страниц ведущих печатных изданий – Уильям Кристол в «Уикли стандарт», Макс Бут в «Уолл-Стрит джорнэл», Чарльз Краутхаммер в «Паблик интерес» и «Комментари». Философ Сидни Хук, политологи Ирвинг Кристол и Роберт Каган пишут книги, которые благодаря рекламе становятся бестселлерами. Прежний представитель США в ООН Джин Киркпатрик ныне преподает. Экс-директор ЦРУ Джеймс Вулси подумывает о мемуарах, Майкл Новак ударился в теологию. «Неоконы» сильны в таких аналитических центрах, как Американский предпринимательский институт, Проект Нового Американского Века, в фондах Брэдли, Джона Олина, Смита Ричардсона.

В политическом центре неоконсерваторам так или иначе противостоят собственно люди президента (которые несколько отстают от неоконсерваторов и в американской политической жизни ведут себя как *демократические империалисты*). Их возглавляет собственно президент Джордж Буш-мл., их ведет за собой вице-президент Ричард Чейни, их безусловный лидер – министр обороны Дональд Рамсфелд, их идеи олицетворяет государственный секретарь Кондолиза Райс. Не все они (и не всегда) благоволят к «неоконам». Многие из «грандов» нового американского империализма осуждали яростную активность «неоконов» на Балканах, опускали международные разделы в речах Буша-мл., когда тот лишь претендовал на Белый дом.

Как пишет едва ли не самый активный «неокон» Макс Бут, «после самой крупной в истории США террористической атаки президент Буш-мл. пришел к выводу, что администрация не может более позволить себе „скромной“ внешней политики». Особое ликование «неоконов» вызвала принятая администрацией Буша в 2002 г. амбициозная «Стратегия национальной безопасности», главной мыслью которой было продекларировано право федерального правительства США наносить «предваряющие удары» в случае, если государственные органы страны посчитают политику государства X грозящей антиамериканскими действиями. Это наиболее лелеемый американскими неоконсерваторами документ, символ американской гегемонии в мире.

Администрация Буша поворачивается к Ираку

В самом начале января 2001 г. новоизбранный вице-президент Чейни позвонил умеренному республиканцу – Уильяму Коэну, служившему в администрации Билла Клинтона министром обороны – с просьбой: «Нам нужно подготовить президента к серьезным действиям на Ближнем Востоке». Вице-президент имел в виду углубленные дискуссии «по поводу Афганистана, Ирака и других целей в регионе».

Напомним, что Чейни был *министром обороны* в администрации отца нынешнего президента – Джорджа Буша-старшего в годы, включавшие в себя Войну в заливе в 1991 году. После окончания войны Соединенные Штаты, не двинувшись на Багдад, определили

две запрещенные для полетов иракской авиации воздушные зоны – на севере и юге страны, закрыв для воздушных полетов 60 процентов иракской территории.

10 января 2001 г. – за десять дней до инаугурации – будущие президент Буш, вице-президент Чейни, министр обороны Рамсфелд, будущий госсекретарь Колин Пауэлл и советница президента по вопросам национальной обороны Кондолиза Райс прибыли в Пентагон для встречи с уходящим Коэном. Их ждали в «танке» – гарантированном от прослушивания помещении Пентагона. Новоизбранный президент был в самом веселом настроении, он не видел в будущем угрозы. Два американских генерала совместно с Коэном просветили собравшуюся компанию относительно технических деталей установления запрещенных зон полета в Ираке. Операция «Северная вахта» запрещала иракцам полеты над северной десятой частью Ирака – так осуществлялась опека курдов. В течение 164 дней предшествовавшего года примерно 50 американских и британских самолетов патрулировали эту зону, не давая войскам Саддама Хусейна полностью овладеть севером. Почти в каждом случае американо-английские самолеты обстреливались (преимущественно ракетами «земля-воздух»). Американские самолеты отстреливались и бросали бомбы, целясь преимущественно в зенитные установки иракцев.

В ходе более крупной операции «Южная вахта» в зону контроля подпадала почти вся южная часть Ирака – вплоть до пригородов Багдада. За прошедшее десятилетие американские и британские самолеты осуществили 150 тысяч вылетов. На предшествующий год пришлось 10 тысяч вылетов – и ни один самолет не был сбит. Пока. Американских генералов беспокоило то, что многомиллионной стоимости самолеты подвергались опасности при нападении на скромное 57-миллиметровое зенитное орудие.

Особый интерес представляла точка зрения Коэна, через десять дней покидавшего свой министерский пост. Он полагал, что Америке не приходится рассчитывать на помощь стран ближневосточного региона в борьбе против Саддама Хусейна. Америка здесь практически одинока. Бомбометание едва ли даст ощутимые результаты. Коэн полагал, что, войдя в тупиковую ситуацию, администрация Буша постарается найти пути примирения с Ираком.

Находившийся в отменном расположении духа президент Буш задал всего лишь несколько вопросов конкретного характера, но по ним *не было ясно*, какой будет *его* линия поведения в вопросе об изоляции Ирака. На пентагоновских столах лежали ментоловые жевательные резинки, и когда председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Генри «Хью» Шелтон увидел, что Буш вождественно смотрит на его жвачный кубик, он передал его президенту. Таков был характер обсуждения. Или президента?

Через три года президент Буш скажет: «Мы едва ли могли повлиять на Саддама Хусейна. До 11 сентября я не видел особой опасности, исходящей от Ирака». Встает вопрос, а зачем среди сонма дел клинтоновского военного министра озадачили именно иракской ситуацией?

Второе важное (в плане формирования президентской позиции) совещание состоялось у Буша с директором ЦРУ Джорджем Тенетом. В течение двух с половиной часов речь шла о секретных операциях на Ближнем Востоке. Президенту сообщили, что Соединенным Штатам угрожают с трех сторон: 1) Террористы Аль-Каиды, базирующиеся на Афганистане. 2) Распространение оружия массового поражения, химического, биологического и ядерного. 3) Угроза со стороны Китая, которую можно будет игнорировать еще 5–15 лет, но не более; особенно опасен (считали американские разведчики) слой китайских военных.

Об Ираке речь конкретно зашла не сразу. Тенета больше интересовал Бен Ладен. Слово «Ирак» было отчетливо произнесено на семнадцатый день президентства Буша, когда заместитель Тенета Джон Маклафлин специально охарактеризовал формирующую иракскую политику Вашингтона. Возникли предположения о наличии на территории Ирака оружия массового поражения, хотя инспекторы ООН (работавшие в стране до 1998 г.) не обнаружили таковых. В указанном году президент Саддам Хусейн изгнал международных инспекторов из Ирака, и возник вопрос об отношении к противникам Саддама Хусейна в – и за пределами Ирака. Буш и его окружение боялись захвата одного из американских летчиков.

Какими могут быть средства их спасения?

Новый подход сказался сразу. 16 февраля 2001 г. 24 американских и британских самолета нанесли удар по 20 иракским радарным установкам – самая крупная атака за предшествующие два года. Пентагон через Кондолизу Райс, советницу президента по национальной безопасности, предупредил президента Буша о предстоящей бомбардировке. Уничтожены были фиброоптические волоконные линии, объединяющие военную систему Ирака.

Самым большим сторонником ударов по Ираку с этого времени становится министр обороны США Дональд Рамсфелд – политик с длительной карьерой работы на правом фланге американской политической сцены. Он делится с госсекретарем Пауэллом своими опасениями в отношении того, что закупаемые багдадским правительством трубы могут быть использованы в качестве ракетных устройств. Прежний профессиональный военный Колин Пауэлл усомнился: «Чтобы добыть одну такую трубу, иракцы не будут покупать прибор стоимостью в 200 тыс. дол.»

После бесед с подозрительным Рамсфелдом Пауэлл становился все более скептическим в отношении неугасающей фантазии министра обороны. Последовали несколько наиболее странных в истории американского государственного искусства дебатов. Рамсфелд свел обвинения к фразе: «Иракцы ежедневно метят в американских пилотов».

Американцы начинают все более активно обращаться к заграничным противникам Саддама Хусейна. Одной из наиболее видных таких групп был Иракский национальный конгресс, возглавляемый математиком Ахмедом Челаби, который получил образование в США и покинул Багдад в 1958 году. Госдепартамент и ЦРУ испытывали сомнения в моральных качествах Челаби и его целях («скользкий», нерешительный, не имеющий связей внутри Ирака Саддама Хусейна – считали недоброжелатели Челаби). Но у него в Вашингтоне были и влиятельные сторонники.

1 июня 2001 г. на заседании полного состава Совета национальной безопасности США было решено выработать последовательную иракскую политику. С этого времени штат СНБ стал вплотную заниматься выработкой иракской политики, и возглавил этот процесс первый заместитель Кондолизы Райс – пятидесятичетырехлетний Стивен Хэдли, адвокат, который немало работал с Ричардом Чейни, когда тот был министром обороны у Буша-старшего. Возглавляемая Хэдли группа к 1 августа 2001 г. подготовила сверхсекретный план под названием «Стратегия освобождения». Обширный план имел и весьма внушительные приложения: о роли ООН, о военных инспекторах, значении запретных для полетов зон. С планом был ознакомлен государственный секретарь Колин Пауэлл, но общее число осведомленных с ним высших чиновников было невелико.

Тем временем со времени Войны в заливе (1991) американская военная машина вела вялотекущую боевую операцию против Багдада. Бомбардировки иракских городов продолжались постоянно. Это была необъявленная война, и длилась она со времен освобождения Кувейта, но не интенсивно.

Предполагая возможность перехода из «вялотекущей фазы в боевую, американское командование создало план войны против Ирака – двести страниц текста плюс двадцать дополнений, касающихся разведки, поставок вооружений, описание боевых операций в воздухе, на земле и в морских просторах (еще 600 страниц). Согласно этому плану Соединенные Штаты нуждались в семи месяцах боевых действий, в боевых силах примерно в 500 тысяч военнослужащих только на Ближнем Востоке на момент начала операции. Слыша оценки Ренуара, генерал Фрэнкс (командующий СЕНТКОМом, в компетенцию которого входило ведение боевых действий на Ближнем Востоке) теперь более детально представлял себе, что имеет в виду президент Буш. Нужно сказать, что Фрэнкс был поражен. В середине одной войны (против Талибана в Афганистане) его главнокомандующий решил детально спланировать *вторую* войну. «Черт возьми, о чем они думают? Есть ли резон распылять силы?»

Но это распыление уже произошло. Американская армия расположила 368 тысяч

солдат в 120 странах. До 11 сентября 2001 г. за границей Соединенных Штатов находились 20 процентов наличного армейского персонала; через два года на воинской службе за пределами страны находилась почти половина американской армии⁸⁹. За неделю до начала боевых действий в Ираке заместитель министра обороны П. Вулфовиц предсказал, что жители Ирака, «как народ Франции в 1940-х годах, видит в нас желанных освободителей». Так смело рассуждала неоконсервативная верхушка Америки.

Самая большая разведка

Самый большой закрытый клан в Америке – американское разведывательное сообщество – расходует 40 млрд дол. в год, что больше, чем все остальные разведки мира, вместе взятые. Центр разведки в Лэнгли претендует и на всезнание, и на понимание главных мировых явлений. Составляющие его *четырнадцать* разведывательных служб и днем и ночью фиксируют мировые и региональные процессы, стремясь обеспечить американское правительство наиболее компетентным анализом грозящих Америке явлений. Рыцари «меча и кинжала» твердо берегут профессиональные тайны. Проходят поколения, прежде чем мир узнает о внутренних противоречиях, о раздорах и несогласиях в рядах хранящего корпоративную честь разведывательного сообщества. Внешнему миру остается только гадать о вариантах конкурирующих схем и объяснений, о цене упорно-молчаливого единства и солидарности.

Но самая хрупкая материя – психика создает напряжение, которое способно преодолеть профессиональную лояльность, и тогда в оборонительном щите образуется просвет, и мы получаем редкую возможность представить себе ход мыслительного процесса американского разведсообщества, сопоставить различные точки зрения, узнать неортодоксальные мнения. Такое случается не часто. Последний подобный разлом случился в июле 2004 г., когда ведущий ближневосточный специалист ЦРУ опубликовал книгу со своими оценками происходящего в этом регионе. Автор предпочел не называть своего имени и выступил как «Аноним». Он, один из наиболее сведущих специалистов современного исламского мира и его боевых организаций, 22 года работает в ЦРУ и непосредственно из Лэнгли наблюдал за такими целями американской разведки, как Усама бен Ладен, анализируя его действия, слова, тактику и стратегию. Причиной его желания нарушить профессиональное молчание стало несогласие с формирующимся государственным курсом, ведущим Америку в тупик.

Общенациональный спор оказался тем более ожесточенным, что пришелся на дни ухода в отставку директора ЦРУ Джорджа Тенета, когда спор об эффективности американских разведслужб и интерпретация борьбы с исламским фундаментализмом достигли своего пика. Стало ясно, что в американском аналитическом подходе выделились две школы, жестко противостоящие друг другу.

Первую точку зрения представляют неоконсерваторы, которые считают, что любое государство, любой стадии развития, представляющее любую из семи цивилизаций, способно достаточно легко и быстро воспринять западные демократические ценности. Именно эта группа теоретиков выступила с обоснованием быстрого вторжения в две ближневосточные страны, в Афганистан и Ирак, с твердой верой во всемирную приложимость западных идеологических догматов, в то, что указанные страны относительно легко будет превратить в прозападные управляемые демократии. Такие деятели, как Чейни, Рамсфелд, Вулфовиц, называли просто оскорбительными сомнения в способности Корзая в Афганистане и Аллауи – а затем его шиитско-курдских преемников – построить на своей родине подлинно демократические общества.

Вторую точку зрения самым ярким образом отстаивают профессионалы американской разведки. Победные фанфары в адрес быстро оккупированного Афганистана

---

⁸⁹ Thompson M. and Duffy M. Is the Army Stretched Too Thin? («Time», September 1, 2003, p. 36).

не ввели профессионалов американской разведки на Ближнем Востоке в эйфорию. Страны этого региона многие тысячелетия живут по своим устоявшимся законам; в присутствии иностранного вторжения главные политические силы этих стран откладывают внутреннюю рознь и объединяются против обозначившихся враждебных внешних сил. Так даже лидеры многократно перепаканного войнами Афганистана в октябре 2003 г. – на фоне горящего Багдада – призвали «всех муджахетдинов и простых афганцев» свою фетвою к битве с иностранцами.

Американская разведка предупредила уже по поводу Афганистана: «Неумение США заручиться поддержкой (или уничтожить) лидеров и силы старшего поколения афганских муджахетдинов делает определенным процесс формирования страшного противника... Запад потерял время в Афганистане; решающей стала позиция Хекматъяра, Хаккани, Хали и других в пользу Талибана и Аль-Каиды, что практически гарантирует падение прозападного президента Корзая»⁹⁰. Но еще более основательно отдельные представители американской разведки выступили против иракской авантюры.

ЦРУ, американская военная разведка предупредили против самонадеянности, веры в возможность быстрой перестройки многовековой парадигмы, рожденной в легкомысленных мозгах отвлеченных теоретиков. Витриной демократии на Ближнем Востоке ни Кабул, ни Багдад никогда *не будут*. На их стороне огромной силы цивилизационный код, сложившаяся за многие столетия *иная* идентичность, которая противится немедленным прозападным переменам. В Кабуле независимые от внешней помощи афганцы прямо говорят американцам: «Вы плохо изучили нашу историю». После множества сообщений об окончательном крушении Талибана и Аль-Каиды, невозмутимо появляются новые сообщения – о том, что (об этом 5 мая 2003 г. писала «Крисчен Сайенс Монитор») «афганские силы сопротивления перегруппировались, перевооружились, получили новые средства и готовы вышвырнуть американские войска из Афганистана»⁹¹.

Багдад долгие годы был столицей халифата и опорой ислама. Культурный код изменить при помощи крылатых ракет *невозможно*.

Разведка-2

На данном этапе особую важность приобретает американская разведка. Директор ЦРУ Джордж Тенет был единственным членом Совета национальной безопасности, унаследованным Джорджем Бушем от Билла Клинтона. 48-летний, высокого роста сын греческих эмигрантов Тенет был хорош умением кратко изложить суть дела, он был профессионалом своей профессии, и Афганистан укрепил его позиции. Сотрудники ЦРУ были активны в предгорьях и наладили тесный контакт с пакистанской разведкой. Он вдесятеро увеличил штат действующих агентов ЦРУ, которое он возглавлял с 1997 г. Самой известной его фразой было: «Все в этом мире тапо-а-тапо, человек-человеку».

Практически случайно Джордж Тенет имел завтрак с Карлом Роувом – старшим политическим советником президента Буша-младшего. Налаженные отношения были не менее важны, чем прочные связи с Кондолизой Райс и даже с президентом Бушем. Каждое утро в 8.00 глава американской разведки приходил к президенту страны. «Я люблю его, – сказал о Тенете Буш. – Я доверяю ему, и это очень важно». За его спиной стояли 17 тысяч сотрудников ЦРУ.

Еще до 11 сентября Джордж Тенет видел неприятие администрацией Буша

---

⁹⁰ Anonymous. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 45.

⁹¹ Anonymous. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 41.

саддамовского Ирака. Тенет создал специальную иракскую команду, которой поручалось возглавить подрывные действия против Хусейна. В их «периметр» входили Израиль, Афганистан, Иран и Ирак. Во главе ее 4 августа 2001 г. встал 43-летний Соул (псевдоним).

Главной опорой ЦРУ были курды – их 100-тысячное ополчение молниеносно связывало две трети регулярной иракской армии. После Войны в заливе в 1991 г. президент Джордж Буш-старший поставил перед ЦРУ задачу свергнуть режим Саддама. ЦРУ обеспечивало деньгами почти любое антисаддамовское движение. В 1997 г. конгресс США выделил этому движению 97 млн дол.

Центральное разведывательное управление следило за Саддамом Хусейном с момента его прихода к власти в 1979 году. Согласно мнению Соула, для низвержения иракского президента требовалась концентрация всех силовых ведомств Соединенных Штатов. Этого можно было добиться лишь вторжением вооруженных сил США с активной помощью ЦРУ. Лэнгли после активизации ЦРУ в Афганистане уверовало в свою силу. Утром 11 сентября 2001 г. Соул и его коллеги направлялись в старое здание госдепартамента, чтобы поделиться советами с гражданскими коллегами. Пересекая границу Вирджинии и округа Колумбия, они по радио услышали о нападении на США. Они видели мчавшуюся назад, в Лэнгли, машину директора Тенета, прервавшего свой вашингтонский завтрак.

В первые месяцы после 11/9 ЦРУ ослабило внимание к Ираку за счет Афганистана. «Наверху» только вице-президент Чейни продолжал напоминать об опасном Багдаде. Но Соул прямо сказал Чейни, что посредством тайной операции ЦРУ свергнуть Саддама невозможно. Тенет сказал, что ЦРУ может обеспечить от 10 до 20 процентов успеха. Курды и прежние заговорщики против Хусейна знали о свойстве ЦРУ покидать союзников в решающий момент и не верили американцам в штатском.

Чуть позже президент Буш спросил глав ЦРУ: «Можем ли мы сместить Саддама посредством тайной операции?» и получил ответ: «Нет». Кондолиза Райс напоминала президенту, что для рекрутирования надежных агентов внутри Ирака агенты ЦРУ должны твердо обещать полномасштабное вторжение американских войск. На этом этапе Буш не давал твердых обещаний.

Американские военные периода Афганистана

Генерал Фрэнкс был в высшей степени критичен в отношении плана войны в Афганистане – первые 72 дня боев его не удовлетворяли *абсолютно*. Отсутствие фантазии, живой мысли, тупая закостенелость бесили его. То, что происходило, трудно было даже назвать «реализацией плана» – то были лихорадочные действия по выполнению приказа президента осуществить быстрые военные действия против Аль-Каиды. Возможно, главным виновником этой неразумной спешки был министр Рамсфелд, упорно требовавший массированной высадки американских войск на афганской территории. Первыми здесь 27 сентября 2001 г. высадились ударные силы Центрального разведывательного управления (16 дней после атаки девятнадцати 11 сентября). Это были весьма опытные люди, но их боевые качества желали много лучшего. Только через 22 дня на «вершину мира», на Гиндукуш, прибыли специальные группы командос. И все же сложилась довольно странная ситуация: Рамсфелд требовал максимального ускорения, а Фрэнкс указывал на неготовые к боевым действиям вертолеты, недостаточные коммуникационные связи, на неблагоприятствующую погоду.

Министр обороны недоумевал: «Почему мы не можем осуществить вторжения быстро?» Рамсфелд в конечном счете взялся за несвойственные министру дела, доходя до прямого администрирования, до конкретного планирования грядущих операций, и генералу Фрэнксу ничего не осталось, как возмутиться: «Мистер министр, остановитесь. Так не пойдет. Вы можете уволить меня. Но я должен либо быть командующим, либо отстраниться от дел. Вы мне либо доверяете, либо нет. Если вы мне не доверяете, я готов покинуть свое место. Я желаю, чтобы вы прояснили свое отношение ко мне».

Оказавшись в центре кризиса военного планирования и приготовлений, министр Рамсфелд ответил так: «Ясно, что в начале любого пути мы притираемся друг к другу в поисках оптимального пути». Но этот эмоциональный разговор оказался ключевым во взаимоотношениях министра и генерала. Стало ясно, что оба они *не* желают лобового столкновения, хотя в характере обоих жило бойцовское чувство. (Рамсфелд когда-то преподавал в университете, и словесные баталии были его обычным полем битвы.) Но, дойдя до кризиса в отношениях с главным своим подчиненным, Рамсфелд теперь опасался упреков в неумении создать солидарную команду.

Теперь он желал создать общий с Фрэнксом фронт. Помимо прочего, увольнять ведущего генерала в начале войны на Ближнем Востоке никому не казалось верхом стратегического умения: что лежит впереди в этой необычной войне с терроризмом и как вести дела в неведомых странах, если не налажен контакт даже с ближайшими генералами? Рамсфелд пошел на попятную и сделал заметные примирительные шаги.

Тем временем Северный альянс таджиков и узбеков успешно выполнял свою миссию, ЦРУ и специальные войска продвигались вперед. Именно тогда Рамсфелд пришел к заключению, что на самом деле ему повезло: во Фрэнксе он нашел надежного исполнителя своих приказов. Отныне Фрэнкс – его человек. Это было непросто, зная традиционную жесткость министра обороны Рамсфелда, способного быть грубым и жестким, вовсе не желающим кому бы то ни было нравиться.

Центральное управление вооруженными силами США стало налаживаться. Генерал Фрэнкс более всего думал о необходимости приспособить американскую армию к двадцать первому веку, ему претил антагонизм в Пентагоне, он желал иметь в министре обороны сообщника и коллегу. Фрэнкс перестал обращать внимание на личные обиды, он стал воспринимать грубость Рамсфелда как стимулятор армейской эффективности. «Он (министр) постоянно подталкивал, и это меня полностью удовлетворяет». Была создана машина управления, которая к походу на Багдад была отрегулирована и получила боевую выучку.

Решение о войне против Ирака

К концу ноября 2001 года совместная операция вооруженных сил США и ЦРУ, сопровождаемая ковровыми бомбометаниями, стала давать результаты во многом благодаря действиям Северного альянса. Половина страны уже находилась под контролем альянса. Кабул пал, и тысячи бойцов Талибана и Аль-Каиды ринулись к южной границе с Пакистаном. Вашингтон уже израсходовал миллионы долларов; он заслал своих людей в бесчисленные племена страны. Специальные силы успешно упражнялись в ковровом бомбометании. Настроение вокруг Буша после весьма мрачного октября переменялось на предчувствие скорой победы в Афганистане.

При окончании заседания Совета национальной безопасности 21 ноября 2001 г. президент Буш положился на плечо министра обороны Дональда Рамсфелда. Шел 72-й день после одиннадцатого сентября, канун праздника Благодарения. Одиннадцатый месяц президентства Джорджа Буша. Пятидесятипятилетний президент был значительно моложе 69-летнего министра обороны. При этом импульсивный президент явно не был мыслителем. Он был прямодушен, склонен решать практические задачи и гордился своей прямолинейностью. Но сейчас требовалась заведомая секретность, и именно поэтому он обращался к многоопытному министру обороны, впервые избранному в палату представителей от Чикаго. Министр был невысок, бравировал почти мальчишеской энергией вопреки седеющим волосам, тщательно зачесанным назад. Он излучал заведомую почтительность в отношении президента – одна из редких фигур, которым он охотно улыбался. (Чаще всего его лицо выражало примерное безразличие политика, испытавшего на себе многие функции государственного управления.)

«Мне необходимо увидеть вас наедине». Два политика уединились в небольшой комнате рядом с Ситуационной комнатой; они плотно прикрыли дверь и опустили в

кресла. Президент не стал углубляться в преамбулы, он сразу же предложил обсудить ситуацию с Ираком: «Что вы думаете о плане войны против Ирака? Какой план войны против Ирака уже имеется у вас? Пусть Томми Фрэнкс займется этим – защита Америки посредством свержения Саддама. Можно ли рассчитывать на полную секретность?»

Рамсфелд, только что обновивший все основные военные планы Пентагона, обещал стопроцентную секретность. Именно в этот день президент Буш привел в действие цепочку событий, заведших американцев в Ирак шестнадцатью месяцами позже.

Рамсфелд сразу поставил задачу: войск должно быть меньше, но они должны быть вооружены самым передовым оружием и отличаться мобильностью. Рамсфелд был главным создателем плана нападения на Ирак, а генерал Фрэнкс – главным реализатором этого плана. Интеллектуальными отцами нового плана были директор Американского института предпринимательства Кристофер Демут, замминистра обороны Пол Вулфовиц, специалист по исламу Бернард Льюис, бывший американский посол в Венгрии Марк Палмер, главный редактор «Ньюсвика» Фарид Закариа, директор программы ближневосточных исследований Фуад Аджами, профессор Марк Герехт (специалист из ЦРУ по данному региону).

29 ноября 2001 г. Демут собрал группу экспертов на крайне засекреченное совещание в Вирджинии – уик-энд дискуссии вокруг нескольких уже написанных текстов. Результатом стал семистраничный документ «Дельта терроризма». В документе говорилось об уязвимости Саддама Хусейна. Демут заявил, что он и его коллеги рассматривают «баасизм как арабскую форму фашизма, перенесенную в Ирак. Мы пришли к выводу, что противостояние Саддаму неизбежно. Он представляет собой растущую угрозу, активную и неизбежную опасность»⁹².

Копии этого меморандума – в этом нет сомнения – пришли из предшествующих писаний неоконсерваторов. Эти копии были вручены членам кабинета Буша. В документе были слова: «Два поколения будут вести эту войну. И начнется она с Ирака».

Исходное

Искомым планом был несколько обновленный «Буря в пустыне – II Плюс». Но никто не шел на дальнейшую разработку плана, во многом потому, что командующий американскими силами в регионе генерал Том Фрэнкс не имел идей расширения военного конфликта. Его войска сражались с Талибаном и фундаменталистами, и менее всего он хотел расширения своего фронта. Хотел ли вторжения в Месопотамию Рамсфелд? Если и хотел, то понимал сложность его реализации. Потому-то и ответил президенту уклончиво: «В архиве американского министерства обороны лежат 68 секретных военных планов. Я ответственен за все наши военные планы». Министр говорил о том, что многое складывается не так, как хотелось бы. Песчаные плоскогорья Ближнего Востока погребли под собой не одного победоносного полководца. Здесь нашли предел своих возможностей Британская и Российская империи.

Дональд Рамсфелд, проявляя свое обычное профессорское упорство, постарался объяснить президенту, что выработка новых военных планов требует многих лет подготовки, а переход от одной президентской администрации к другой часто попросту подрывает многолетнюю работу. Но на этот раз президент проявил неумолимое упорство.

На этот раз уговорить его не удалось, и он закончил беседу словами: «Давайте начнем это дело и дадим Томми Фрэнксу возможность защитить Америку низвержением Саддама Хусейна. Можно ли подготовиться не привлекая особого внимания?» Рамсфелд ответил утвердительно – ведь он недавно беседовал с четырехзвездными генералами и адмиралами в Европе, Азии, Латинской Америке и лично с генералом Томми Фрэнксом, возглавлявшим американские силы на Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии и Африканском континенте

---

⁹² Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 84.

(СЕНТКОМ).

Президент попросил своего министра обороны не распространяться относительно его просьбы, и Рамсфелд пообещал, выставляя в качестве исключения Джорджа Тенета, директора ЦРУ. Без помощи его ведомства война против Ирака едва ли возможна. Президент согласился, но просил подсоединить Тенета значительно позже.

Триумвират Буш–Рамсфелд–Фрэнкс работал на иракском направлении многие месяцы. Буш признавал, что ставить в известность американский народ о потенциальном конфликте с Ираком сразу же после Афганской войны – было бы чревато.

Решимость президента

Именно вышеуказанный разговор показал министру Рамсфелду, насколько полон решимости вести войну с Ираком президент Дж. Буш-младший. О плане знал очень ограниченный круг сотрудников, окружавших президента. В то же памятное утро Буш сообщил советнице по национальной безопасности Кондолизе Райс о своем разговоре с Рамсфелдом, не объясняя при этом мотивы своего решения и подобным же образом поделился с вице-президентом Диком Чейни: «Он придерживался того мнения, что Саддам Хусейн – подлинная угроза ближневосточному региону. Мы обсудили проблему во время продолжительной прогулки, и вице-президент стал одним из наиболее убежденных сторонников сокрушения Багдада»⁹³.

Буш 18 января 2002 г. пришел к выводу, что Женевская конвенция будет неприменима к его борьбе с исламским фундаментализмом. Люди из Аль-Каиды и Талибана не будут защищены международным правом. В дальнейшем это распространилось и на иракцев всех антиамериканских направлений.

Но это в политической и идейной области. В сфере же конкретной подготовки на первый план выдвинулся 56-летний четырехзвездный генерал Том Фрэнкс, ветеран Вьетнама и Войны в заливе в 1991 году. Техасец огромного роста, генерал Томас Фрэнкс был главной мишенью Дональда Рамсфелда. Тот пересек Потомак, вошел в свой огромный кабинет в Пентагоне и немедленно направил Объединенный комитет начальников штабов на создание сверхсекретного доклада Фрэнксу, требующего капитальной оценки положения Ирака, изложения точки зрения Фрэнкса на проблему Ирака как противника, на возможности сокрушить этого противника – и представить свои соображения по этому вопросу не далее чем через неделю.

План

Осенью 2002 г. Буш в короткой беседе с Тенетом сказал, что война с Ираком неизбежна. Это чрезвычайно удивило Тенета, но ремарки президента были столь эмоциональны, что было ясно – сомнений у него нет. До Тенета только сейчас дошло, что Америка движется быстрым ходом к войне с независимым арабским государством. «Саддам представляет собой растущий риск для Америки», – сказал президент.

Собственно планом войны Соединенных Штатов против Ирака должен был заниматься генерал-майор военно-воздушных сил Виктор «Джин» Ренуар, начальник оперативного отдела в СЕНТКОМе – штабном месте Центрального командования, возглавляемого Фрэнксом. Центральное командование разместило свой штаб во флоридских болотах, в Тампе. Именно отсюда осуществлялось руководство войной в Афганистане. Пятидесятилетний Ренуар, летчик-истребитель, имел мастерскую степень по психологии, и его не по годам лысый череп говорил скорее об ученом, чем о лихом воздушном бойце. Он не имел ни одного выходного после 11 сентября 2001 года. Папки, окружающие его

---

⁹³ Woodward B. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004., p. 4.

письменный стол, пухли день ото дня. Последнюю по счету папку Ренуар называл «Черная книга смерти».

Именно в это время – в начале лета 2001 г., за дело берутся вторые лица в Пентагоне и госдепартаменте. Заместитель Пауэлла Ричард Эрмитидж выдвинул идею помощи иракской оппозиции. Но подлинным интеллектуальным лидером дискуссий по Ираку с этого времени становится заместитель Рамсфелда Пол Вулфовиц. Он сразу же возглавляет «партию войны». Вулфовицу в это время 58 лет, он доктор политических наук. Длинные седеющие волосы, наступательная внешнеполитическая философия – как бы в контрасте с мягким, вкрадчивым голосом. Его главным аргументом необходимости избавиться от Саддама Хусейна было: это *необходимо* и это можно сделать *легко*.

Первые же идеи Вулфовица – послать специализированные части ударных американских войск на южные нефтяные поля Ирака и захватить примерно тысячу скважин, дающих две трети нефтяного производства Ирака. С этого плацдарма оказывать постоянное давление на Багдад. Контролировать захваченные скважины будет несложно, все они находятся на расстоянии не далее 100 км от Кувейта, в котором размещены американские войска. «Ничто не сможет остановить войска захвата». Это предложение получило название «стратегия анклава», и звучало все это как «неукротимый барабан», которому с восторгом вторили ставшие столь влиятельными неоконсерваторы.

Первым же критиком Вулфовица выступил государственный секретарь Колин Пауэлл – ведущий ястреб изображает дело так, словно почти все 25 миллионов иракцев бросятся на сторону антисаддамовской оппозиции. Абсурдно, стратегически незрело. «Это тип лунатизма». Обращаясь к президенту: «Не дайте себя увлечь до тех пор, пока не выработаете ясной стратегии и четкого плана, пока в наступательных действиях не будет очевидной необходимости».

Президент Буш на данном этапе звучал успокаивающе: «Не беспокойтесь об этом. Это хорошее *предварительное* планирование, я знаю, что они делают, и пока не спешу дать им шанс». Позже он скажет, что «идея выглядела привлекательным орешком, который легко было раскусить». 10 августа американские и британские самолеты нанесли удар по трем объектам в Ираке – сильнейший удар после февральских бомбардировок. Американские газеты сообщили об этих налетах *даже не на первых полосах*. Газеты писали, что Буш-младший продолжает практику президента Клинтона – наносить по Ираку удар через каждые шесть месяцев.

В августе 2001 г. работа над планами вторжения в Ирак остановилась ввиду массовых летних отпусков. 46-летняя советница президента по вопросам национальной безопасности доктор политических наук Кондолиза Райс владела западным крылом Белого дома в те дни, когда президент был за пределами Вашингтона.

Глава четвертая «Доктрина Буша»

Лидер ястребов

Как мы пытались показать, администрация Буша-младшего *только извне* казалась примерно солидарной. И дело было не только в межличностных неурядицах. Состоялось столкновение идей. Внутри администрации министр обороны Рамсфелд начиная с 11 сентября говорил, что «обороны недостаточно», что «Америка нуждается в наступательных действиях». Но экс-генерал Колин Пауэлл (профессиональный военный, надевший гражданский мундир, приняв пост госсекретаря) предупреждал против: 1) перенапряжения; 2) отчуждения союзников; создания антиамериканской «оси» по линии Париж–Берлин–Москва–Пекин; 3) консолидации на антиамериканской основе мусульманского мира; 4) превращения в противников Европейского союза, Китая, России.

Ястребы в США восхищались министром обороны. Союзники в Европе оценили мудрость главы американской дипломатии. Отныне эти две линии следуют во внешней политике Вашингтона вплоть до 2006 года (когда число несогласных с войной в Ираке и в деятельности президента Буша достигло соотношения 1:2 (численность одобряющих деятельность президента весной 2006 г. опустилась до 36 процентов, а численность несогласных американцев – 60 процентов).

Следует сказать, что наиболее опытным во всей команде республиканского президента являлся вице-президент Ричард Чейни. В возрасте 34 лет он занял пост начальника штаба у президента Джеральда Форда, затем десять лет следовал карьере парламентария – представлял в Палате представителей штат Вайоминг. В 1989 году Чейни был назначен Бушем-старшим на пост министра обороны США. Затем, оставив государственную службу, он в 1995 г. стал президентом техасского энергетического гиганта – компании «Халибертон». В 2000 г. Буш-младший, устремившийся к посту президента США, избрал его партнером на федеральных президентских выборах: Буш объяснил свой выбор так: «В хорошие времена я собираюсь воспользоваться вашим советом, но еще больше он мне будет нужен, если времена станут суровыми». Буш поручил Чейни осуществлять контроль над ЦРУ, над Агентством оборонной разведки (снимавшей всю электронную информацию в мире), он поручил вице-президенту производить оценки степени уязвимости Соединенных Штатов в посуровевшем мире. Запомним, именно ему президент Буш указал 21 ноября 2001 года на необходимость оценить роль Ирака на Ближнем Востоке и оценить возможные контрмеры противостоящей стороны.

Республиканский президент и атлантические лидеры

Новый этап боевых действий на Ближнем Востоке требовал достижения некоей меры солидарности с основными союзниками. Наиболее надежным смотрелся британский премьер-министр Тони Блэр. Выразили готовность участвовать в американской коалиции такие крупные европейские страны, как Италия и Испания. Необыкновенную готовность оказать услугу «дяде Сэму» выказали новички в американском лагере (численностью в 32 государства), такие как Польша.

Но мир не стоит на месте. Поразительная безапелляционность Вашингтона удручила многих европейцев. Такие страны, как Франция, Германия, Бенилюкс, Скандинавия, содрогнулись, ожидая второго (после Афганистана) этапа американской ближневосточной кампании. Случилось нечто новое во внутризпадных отношениях. «Старые» атлантические страны выступили против «новобранцев» Североатлантического союза, осуждая их готовность поддерживать американский авантюризм. В то же время Париж и Берлин обнаружили в Москве схожую реакцию на односторонние действия Соединенных Штатов; наметилось нечто вроде альянса Париж–Берлин–Москва (и молчаливо сочувствующий им Пекин). Эпизод превратился в потенциальное противостояние с половиной мира, и Вашингтон предпринял некоторые предваряющие действия.

23 мая 2002 г. президент Буш встретился с канцлером ФРГ Гельмутом Шредером, а 26 мая – с президентом Франции Жаком Шираком. В обоих случаях американский президент был откровенен и прямолинеен, но не осмелился обрисовать подлинную картину готовности Америки к войне с Ираком. Он без обиняков говорил, что Ирак представляет собой угрозу Америке. Но Буш обманул своих партнеров, говоря, что «план на случай войны с Ираком *не лежит* у него на столе».

Сказанное на публике в третий раз это заявление вызвало оживленный скепсис. Лучше бы Буш выражался так, как он это делал три месяца назад: «Я прибегну к лучшему из вариантов, которые у меня в наличии. Они мне все доступны. Кошелек не закрыт». Готовность к подлогу говорила о готовности к силовым действиям безотносительно к позиции наиболее тесных союзников Америки.

Все это было тем более несуразно, что генерал Фрэнкс отвечал на схожие вопросы

совсем в другой тональности. В Тампе 21 мая 2002 г. он сказал группе журналистов: «Война с Ираком – большой вопрос, и мне трудно на него ответить, поскольку мой босс еще не попросил меня сложить все компоненты плана. Я не могу говорить о цифрах, поскольку мой босс еще не дал мне окончательный приказ». Журналисты достаточно тонко чувствовали обстановку, и указанные разночтения просто подталкивали их к однозначным выводам. Такие газеты, как «Нью-Йорк таймс», довольно упорно (если не сказать агрессивно) искали истину, подлинную картину намерений Белого дома. Вот типичный заголовок этой влиятельной газеты в эти дни: «США предусматривают создание большого *плана вторжения в Ирак в следующем году*»⁹⁴. Американская пресса оказалась более честной, чем весь аппарат американского государства.

А Фрэнкс, упражняясь в уклончивости перед журналистами, на самом деле – в реальной жизни продвигался вперед в наращивании своих сил, ориентированных на баасистский Ирак. В соседнем Кувейте располагались уже две американские бригады и оборудование для еще четырех бригад. И генерал Фрэнкс *уже сказал президенту Бушу*, что большой план готов, что необходимые силы – в пути, что боезапас, предназначенный для Ирака, почти полон.

Президент Буш создает доктрину

Главный автор речей президента Буша Майкл Герсон пожелал присутствовать в Вест Пойнте на выпускной церемонии этой главной американской военной академии. Герсон обычно смотрел речи президента своего издания по телевидению, но на этот раз он отправился на Гудзон, понимая историческую значимость происходящего. Он справедливо полагал, что на этот раз прозвучит *главная* речь президента Джорджа Буша-младшего. Герсону хотелось видеть, как делается история. В определенном смысле эта речь была продолжением январского «Послания о положении страны», когда президент Буш *напомнил* миру, что мощь США дает им особые возможности.

Здесь мы отметим главное: Соединенные Штаты в 2002 году открыто взяли на себя задачу *улучшить* этот мир посредством – если понадобится – силовых акций. Как сказала тогдашний советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс: «Мы ставим перед собой задачу сделать мир более безопасным и благополучным». Разумеется, безопасным и благополучным в сугубо американском понимании. Готовя речь, Майкл Герсон искал ключевое слово и, кажется, нашел его: «*предвосхищение*», «*упреждающий удар*».

Государственный департамент лучше помощников президента чувствовал биение внешнего мира. Госсекретарь Колин Пауэлл и его правая рука Эрмитидж находились, как они выражались, «в холодильнике», будучи отрезанными от процесса формирования главных планов Буша его мировых идей, стратегии демократических империалистов и неоконсерваторов. (Но история отомстила за Пауэлла: все президентство Буша отныне проходило под знаком Ирака), доказывая буквально с каждым днем правоту его сомнений. Решающее слово было сказано в уютно расположившейся на Гудзоне Военно-морской академии США летом 2002 года.

Понятно, что наибольшее внимание привлекает не ажиотаж академических сторонников тезиса «не упустить исторический шанс», а государственная мудрость, стратегия республиканцев Буша, решивших на этот раз не упустить возможности удара по багдадскому режиму. Майкл Герсон решил создать эпическую речь, и он провел серьезную подготовку. По пути, читая наиболее важные речи Трумэна, он убедился, каким плохим стилистом был президент из Миссури. С его точки зрения, только Кеннеди в 1961 г. сумел сказать волнующие слова о «тяжелом грузе в долгих сумерках войны». Но напомним, что эти

---

⁹⁴ «New York Times», April 28, 2002.

слова повели американцев в джунгли Вьетнама, где оставили свои молодые жизни 57 тысяч *поверивших* американцев, постаравшихся остановить национально-освободительную борьбу вьетнамского народа.

(Много лет спустя министр обороны США Роберт Макнамара обедал с президентом Вьетнама, и тот спросил его, знакомился ли американский министр с вьетнамской историей? А если знакомился, то почему не учел того обстоятельства, что вьетнамцы *тысячу лет воевали с китайцами за свою свободу*. Министр был смущен – это объяснение вьетнамской войны было весьма далеко от полуофициальной «теории» падающего коммунистического домино, способного поглотить Азию.) И вот теперь новая теория «домино»: Ирак овладеет Кувейтом, Сирией, Ливаном, Иорданией и обрушится на Израиль. Читали ли американские вожди труды по арабской истории, ведом ли был им опыт господствовавшей в Ираке с 1958 года партии арабского национального возрождения – БААС?

Заметим, что поколение Чейни и Рамсфелда выросло в годы обличения Мюнхена, попыток «примирения» гитлеровской экспансии, теории «падающего один за другим домино», агрессивного активизма в отношении Ирана в 1953 г., Гватемалы в 1954 г., Кубы в 1961 г., Индокитая в 1960-е годы, Ирана в 1979 г., Гренада, Панама, Никарагуа, Африка в 1980-е годы. Это поколение «испортил» триумф в «холодной войне» и апология рейганизма от земли до космоса. Для них, современных неоконсерваторов у власти, «доктрина Буша» – логический итог эволюции победителей в «холодной войне».

«Доктрина Буша»

Это была одна из самых важных речей Буша. На стадионе в Вест-Пойнте Джорджа Буша слушали 1000 кадетов и их семьи. «Война против террора не может быть выиграна в обороне. Мы должны перенести боевые действия на территорию противника, развеять его планы и встать грудью перед наихудшими угрозами, пока они еще только возникают. Наша нация будет действовать». По существу, этот американский президент сокрушил державшийся триста с половиной лет *Cuius regio eius religio*. Мир национального суверенитета, мир Вестфальской системы.

Речь была понята не сразу. Но постепенно всякий, кто следил, увидел разительную перемену в курсе Вашингтона. Газета «Нью-Йорк-Таймс» назвала доктрину «предваряющего удара» – политическим изменением текущей политики *огромных пропорций*. Отныне США перестанут беспокоиться о том, что они дают дурной пример «односторонними действиями вторжения в другие страны и низвержения их правительств»⁹⁵.

В своей речи в Вест-Пойнте в июне 2002 г. президент Буш поднял идею «предвосхищающего» удара. (Она была выдвинута четырьмя месяцами ранее Белым домом на 33 страницах в виде «Национальной стратегии безопасности Соединенных Штатов». В ней вице-президент Ричард Чейни писал: «Ввиду того, что оружие массового поражения в руках террористических организаций или кровожадного диктатора представляет собой огромную, труднообразимую угрозу, президент имеет право как главнокомандующий предотвратить смертельную угрозу безопасности Америки. Действуя с точки зрения здравого смысла и в целях самообороны, Америка будет действовать против возникающей угрозы»⁹⁶.)

Следующим этапом подготовки к «силовой внешней политике» было выступление президента Буша-мл. в Организации Объединенных Наций.

Спичрайтер Майкл Герсон провел с президентом немало времени, выясняя, какие идеи тот хотел бы осветить перед Организацией Объединенных Наций. Буш сказал, что его

---

⁹⁵ «New York Times», June 2, 2002.

⁹⁶ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 152.

интересуют два пункта: изгнать из Багдада Саддама, а оружие массового уничтожения поставить под американский контроль. Райс вспоминает обсуждение такого предложения: Саддам уходит, или через 30 дней США объявляют ему войну. Государственный секретарь Пауэлл, к этому времени практически деморализованный, только кивал головой. Вариант сменял вариант. 10 сентября за два дня до произнесения речи вариант № 21 попал на стол Пауэллу, который осмелился сделать лишь малые поправки. Вечером накануне речи президент Буш сказал Пауэллу и Райс, что намерен требовать от СБ ООН новых резолюций по Ираку с угрозой силового вмешательства.

Озвученная в сентябре 2002 г. в своем самом полном виде на высшем возможном форуме – в Организации Объединенных Наций (и получившая дополнительную аргументацию в ряде последующих установочных текстов), «доктрина Буша» стала для обретших высшую власть в стране неоконсерваторов а la Рамсфелд подлинным *кредо* Америки на этапе ее единосверхдержавности в двадцать первом веке.

На подиуме президента Буша лежал вариант № 24. Было 12 сентября 2002 г. Уязвленный Пауэлл чувствовал, как у него останавливается сердце. Строчки, требующей резолюции ООН, уже не было – ее вычеркнул президентский карандаш. Америка не нуждается в ооновских войсках. Буш всегда гордился этой речью. «В зале было смертельно тихо. Но чем торжественнее зал смотрел на меня, тем более эмоциональным становился я. Я произнес эту речь с удовольствием»⁹⁷.

Примечательно, что создатели «доктрины Буша» – сам президент, советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс, глава отдела планирования государственного департамента Ричард Хаас и другие настаивали и настаивают на исключительной серьезности и важности этого документа. Ричард Хаас: «Важность этого документа в том, что он отражает базовые положения нашей политики». Так было не всегда, и мы знаем, как советники президентов удалялись в солярий или розарий, чтобы породить базовые документы самостоятельно, без присутствия президента. Такие документы, как СНВ-68, представляющие собой главные, доктринальные повороты американской внешней политики за последние шестьдесят лет, создавались *помощниками*.

Не так было в этот раз. Один из творцов этого документа – Филип Желиков, историк из Вирджинского университета – настаивает на том, что «президент внимательно прочел каждую строку этого документа. Он лично отвечает за каждое его положение».

Чтобы сконцентрировать умы членов группы, заседавшей вместе с президентом, советник президента по внешней политике Кондолиза Райс постаралась создать экстренную обстановку. Она указывала на «настоятельную потребность Соединенных Штатов в создании всеобъемлющей стратегии, которая *окончательно* – или, по крайней мере, на долгое время определит вызовы эры, начавшейся после окончания «холодной войны»». (В этом смысле Джошуа Муравчик из Американского института предпринимательства указал на сходство этой последней «великой стратегии Соединенных Штатов» с ее великим предшественником – доктриной «сдерживания».) (Повторим еще раз, что более пространно «доктрина Буша» сформулирована в опубликованном администрацией президента Буша обобщающей «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов»⁹⁸.)

В предисловии к документу, определяющему стратегические цели Америки, президент Дж. Буш-мл. указал, что «Соединенные Штаты обрели чрезвычайно благоприятное положение страны несравненной военной мощи, которая создает момент возможности

---

⁹⁷ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 184.

⁹⁸ Анализ последнего документа см. в детальном разборе его Филипом Желиковым в журнале «Нэшнл интерес» за весну 2003 года (Zelikov Ph. The Transformation of National Security. Five Redefinitions [«National Interest», Spring 2003]).

распространения благ свободы по всему миру»⁹⁹. *Главный тезис доктрины покоится на том основании, что «нам угрожают не флоты и армии, а генерирующие катастрофы технологии, попадающие в руки озлобленного меньшинства... Стратегическое соперничество ушло в прошлое. Сегодня величайшие державы мира находятся по одну сторону противостояния – объединенные общими угрозами со стороны порождаемого террористами насилия и хаоса... Даже такие слабые государства, как Афганистан, могут представлять собой большую опасность нашей безопасности точно так же, как и мощные державы». Разъясняющая «Стратегия национальной безопасности» ставит все точки над *i*: «Учитывая цели государств-изгоев и невозможность сдерживать традиционными методами потенциального агрессора, мы не можем позволить нашим противникам нанести удар первыми»¹⁰⁰. Эта речь обладала ударными свойствами. «Соединенные Штаты будут действовать даже в том случае, если Совет Безопасности ООН действовать не будет. Я (размышлял президент. – А. У.) сидел и думал: знаете ли вы, что мы готовы к удару?» Доктрина требует в первую очередь «адаптации к концепции немедленной угрозы» в условиях технических обстоятельств сегодняшнего дня, возможностей потенциальных террористов. Главный элемент доктрины немедленно попал в фокус внимания: американское руководство декларировало свое право на *предвосхищающий удар*. Такой удар обеспечит безопасность Соединенных Штатов, сделает противников друзьями, позволит цивилизовать еще незнакомые с демократией народы. В доктрине говорится, что Соединенные Штаты постараются улучшить работу своей разведки. А в целом: «Причины наших действий ясны, силы скоррелированы, дело наше справедливо».*

Не все обращают внимание на то, что в доктрине от 11 сентября 2002 года Соединенные Штаты обращаются и к потенциальным противникам более традиционного характера. Они обязуются «сдерживать потенциальных противников от начала усовершенствования их военной машины, чтобы действенными методами отвлечь эти державы от курса на достижение равенства с Соединенными Штатами, не говоря уже о возобладании над ними».

Строго говоря, «доктрина Буша» покоится на том основании, что *наступающая, атакующая сторона* имеет несомненное превосходство. Подходя шире: перехват инициативы позволяет атакующей стороне навязать свою волю и свой способ действий потенциальному агрессору. Словами ключевого документа – «Стратегии национальной безопасности»: «Наилучшей формой обороны является хорошее наступление». Она же утверждает, что «чем страшнее угроза, тем выше стоимость риска ввиду бездействия»¹⁰¹. Еще одно ключевое положение этого же документа: «Посредством нашей готовности применить силу для своей обороны Соединенные Штаты демонстрируют свою решимость поддерживать такой баланс сил, который благоприятствует свободе».

(Было бы несправедливо не отметить, что эти идеи восходят к временам десятилетней давности скандального «меморандума Вулфовица», тогда речь шла о «превентивном ударе». Жесткие констатации того, что «век великих держав» завершен, воспринимаются многими за пределами Соединенных Штатов как жесткое предупреждение – Вашингтон не позволит довести дело до еще одного баланса сил, гонки вооружений, соперничества в традиционном духе более или менее сопоставимых сил. Не наивно ли утверждать, что «век великих держав в прошлом»? На этот счет Кондолиза Райс отвергает все оттенки: «Я думаю трудно защитить положение, что будущее включает в себя тот тип взаимоотношений между великими державами, который мы имели между XVII и XX столетиями, который привел к войне и

---

⁹⁹ Office of the President. National Security Strategy of the United States. September 2002, p. 3.

¹⁰⁰ Office of the President. National Security Strategy of the United States. September 2002, p. 4.

¹⁰¹ Office of the President. National Security Strategy of the United States. September 2002, p. 5

попыткам перекроить карту мира. Все подобное может стать темой превосходных академических дебатов, но я обязана сказать, что, если вы посмотрите на характер новых угроз – распространение средств массового поражения, появление безответственных государств, угрозы экстремизма – мы увидим, что большие державы имеют значительную долю общих интересов в предотвращении этих тенденций»). Кондолиза Райс жестко настаивает на том, что реализм и идеализм не должны видаться альтернативами. Реалистическая оценка современной ситуации и мощи США должна быть предпосылкой реализации лучших из идеалов. Выступая в октябре 2002 г. в Нью-Йорке, К. Райс определила в качестве главной цели «доктрины Буша» «разубеждение потенциальных противников от попыток превзойти или даже добиться равенства с мощью Соединенных Штатов и их союзников»¹⁰².

«Доктрина Буша» имеет еще один важный элемент. Она обещает «поддержать свободные и открытые общественные институты на всех континентах». Представляется, что команда Буша знала, что это положение «попадет в тень» обещания нанести *предвосхищающий* удар. Но от этого данное положение не теряет своей значимости. Начальник отдела планирования госдепартамента Ричард Хаас немедленно выступил на общественных форумах с идеями «продвижения демократии в мусульманском мире»; государственный секретарь Колин Пауэлл обнародовал план демократизации Ближнего Востока. Хаас признал, что Соединенные Штаты долгое время были безразличны к характеру ближневосточных режимов, но достаточно неожиданно Америка поверила в то, что «демократия может быть экспортным товаром». После окончания «холодной войны» геополитический цинизм не должен более закрывать глаза американцам на характер тех политических режимов, с которыми они имеют дело.

По мнению генерала Уэсли Кларка, «Стратегия национальной безопасности 2002 года» подтвердила худшие предубеждения относительно методов и мотивов, которыми руководствовались США. В этом документе национальные интересы США были существенно сужены и интерпретировались лишь в категориях силы. Заголовки газет во всем мире протестовали против оправдания односторонних действий США, предупреждая, что Соединенные Штаты объявили себя прокурором, судьей и присяжными в одном лице по вопросам, связанным с международной безопасностью. Вопросы международной легитимности и международного права даже не упоминались в «Стратегии»¹⁰³. Тень президента Вильсона, обещавшего в 1918 г. «сделать мир безопасным для демократии», немедленно поднялась над официальным Вашингтоном. И как же проявила себя американская внешняя политика в новом доктринальном оформлении? Вот главные черты нового курса: вторжение в Ирак без санкции ООН и с фальшивым обвинением в наличии у иракских вооруженных сил оружия массового поражения; России предложен новый тип контроля над стратегическими вооружениями (и предложен по принципу: «соглашайтесь, или мы пойдем в будущее без вас»). Европейскому союзу на тех же основаниях было предложено согласиться с игнорированием Соединенными Штатами Международного уголовного суда; Германия и Франция подверглись давлению вследствие их негативной реакции на американское вторжение в Ирак; киотский протокол был отвергнут.

Ценность упреждающего удара

«Доктрина Буша» вызвала зримое противодействие в самих Соединенных Штатах. Тридцать два видных американских политолога (в основном представители школы

---

¹⁰² «The National Interest», Spring 2003, p. 40.

¹⁰³ General Wesley K. Clark. *Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism, and the American Empire*. New York: PublicAffairs, 2003, p. 176.

«политического реализма») выступили в газете «Нью-Йорк Таймс» с возражениями против «безрассудной», с их точки зрения, доктринальной догмы неоконсерваторов¹⁰⁴. И немедленно получили в ответ обвинения в отрыве от реальности, в благодушествовании в то время, когда над Западом нависает смертельная угроза. Такое обвинение – первый «козырь» неоконсерваторов; а второй – это то, что в современном мире, где господствует феноменальная военная мощь США, создать антиамериканский союз попросту *невозможно*. Самоубийственно.

Правы ли «неоконы» с их предупреждающими, предвосхищающими ударами? Политолог Джек Снайдер размышляет на эту тему так: «Это правда, что малые государства-изгои и им подобные не могут собственными силами создать контрбаланс американской мощи в традиционном понимании этого понятия. Справедливо и то, что такие страны – потенциальные противники, как Россия и Китай, так сказать, „устали“ от противостояния американцам и их военным экспедициям. Но, если даже несравненная мощь Америки понижает вероятность создания традиционного союза-контрбаланса, уже сами американские действия создают некий функциональный эквивалент такого союза. Предшествующие расширяющиеся империи в конечном счете обнаруживали себя перенапряженными, даже если противостоящие альянсы создавались очень медленно. Например, хотя потенциальные жертвы Наполеона и Гитлера с большим трудом оформляли противостоящие коалиции, эти империи атаковали столь большое число оппонентов практически одновременно, что значительные союзы *де факто* в конечном счете обретали форму противостояния. Сегодня аналогичная форма перенапряжения – политического и военного – может найти себя, если страны посчитают американские усилия по предотвращению ядерного вооружения и стремление насадить демократию силой в мусульманские страны станет постоянным серьезным фактором»¹⁰⁵.

Говоря о «четверном согласии» Париж–Берлин–Москва–Пекин, отметим, что даже очень «малоотчетливый» союз против односторонних действий одной державы может оказаться мощным фактором международных отношений в условиях, когда огромное большинство мирового сообщества начинает видеть себя *объектом* чужеродной политики и потенциальной жертвой этой политики. Вьетнам и Алжир в 1960-х годах возобладали над значительно более мощными странами-противниками. Палестина может не возобладать, но стоимость совладания с нею становится грандиозной, труднопереносимой. И мир ожесточенных не может в этих условиях не смотреть на потенциальные источники оружия массового поражения как средства своего рода *баланса*. Очень опасный поворот событий. У всех наблюдателей возникает общий вопрос, способны ли такие руководители, как команда Дж. Буша-мл., на трезвый отход от гегемонии в случае непредвиденных препятствий, когда очередные – Иран, КНДР (и далее по списку) члены «оси зла» – введут Вашингтон в клинч с историей, с конечностью собственных ресурсов, с неготовностью американского населения нести жертвы в условиях малоубедительного их трактования? Отметим несколько наиболее важных моментов, ставящих под сомнение «доктрину Буша».

1. Классическим примером предвосхищающего удара является хорошо известный «план Шлиффена», тщательно обосновавший необходимость такого удара по Франции и детально разработавший такой удар через Бельгию. При всей изощренности этого плана, он, по сути, бросает вызов здравому смыслу. Оборона всегда обходится дешевле, чем наступление на неведомое большое. Представьте сегодня Соединенные Штаты, периодически наносящие удары по *пятимиллиардной* периферии мира. Только убежденный враг Америки мог бы посоветовать ей встать на этот путь, где ей придется озиаться без конца и края, тратя свои конечные ресурсы.

---

¹⁰⁴ «New York Times», September 26, 2002.

¹⁰⁵ Snyder J. Imperial Temptations («The National Interest», Spring 2003, p. 37).

2. Гораздо реалистичнее представить себе Северную Корею, применяющую ядерное оружие. Не в слепой ярости наносящую удар по Сеулу, а в беспросветном отчаянии столкнувшуюся со сверхмогущественными Соединенными Штатами, пожелавшими изменить политический режим в Пхеньяне. Именно превентивное наступление вооруженных сил США, как видится, скорее всего прочего, могло бы вызвать то, чего по понятным причинам опасаются и боятся в США.

3. Доктрина «превентивной агрессии», помимо прочего, страшна тем, что превращает *потенциального* противника в неотвратимо реального. При этом государства – *потенциальные* члены антиамериканского союза невольно подталкиваются к формированию такого союза. И делают это быстрее и эффективнее из-за страха встретить американский удар в одиночку.

4. Американское руководство не может бесконечно использовать логику, исходящую из положения, что «показать слабинку» для Америки смертельно опасно: «Если мы не покажем готовность приложить силу в данном конкретном случае, то доверие к нам в мире падет до нуля»¹⁰⁶. Исторический опыт не может не подсказывать американцам, что именно на этом основании (плюс «доктрина домино») им объясняли важность борьбы с Вьетконгом, с вьетнамским сопротивлением: что, мол, если уступить во Вьетнаме, то падет весь Индокитай, за ним неизбежен переход на противоположную американцам сторону Таиланда, Малайзии и Индонезии; а за ними и коммунизация всей Азии. Нельзя же верить бесконечно в надуманное «падающее домино»?

5. Титаны дипломатии стремились поставить своего противника в положение «первого атакующего», чем выигрывали в глазах общественного мнения. Надо ли вызывать тень великого Бисмарка, чтобы напомнить, что он находился под постоянным давлением своих генералов, жаждавших получить приказ выступить. Бисмарк же назвал *превентивную войну* чем-то «похожим на совершение самоубийства из-за страха смерти»¹⁰⁷. Более импульсивные наследники канцлера Бисмарка бросили Германию в цепь авантюры, которая завершилась для этой страны двумя мировыми поражениями.

Многие критики видели в «доктрине Буша» опасный, фактически революционный подход – отступление от традиционного американского принципа после 1945 г.¹⁰⁸ Но радикальный аспект «доктрины Буша» заключается не в теоретической новизне, а в практике этой администрации.

Кто будет следующей жертвой американского желания «улучшить мир»? На протяжении 1990-х годов все более значительная часть республиканской партии стала говорить о необходимости крушения режима Саддама Хусейна. Речь идет о правых республиканцах во главе, прежде всего, с Чейни и Рамсфелдом. Они – а за ними в Послании конгрессу 29 января 2002 г. Буш – оформили доктрину и по логике этой доктрины создали «список» потенциальных жертв: Ирак, Иран, Северная Корея.

Глава пятая **От Кабула к Багдаду**

«Трансформация пришла 11 сентября. Нынешний президент – очень религиозен. Он воспринял как нечто уникальное, как поданное сверху то катастрофическое, что произошло 11 сентября, когда ему

---

¹⁰⁶ D. Ramsfeld Testimony before the House Armed Services Committee, September 18–19, 2002.

¹⁰⁷ Craig G. Germany: 1866 – 1945. N. Y. : Oxford University Press, 1978, p. 24–25.

¹⁰⁸ Galston W. Perils of Preemptive War («American Prospect», September 23, 2003, p. 22–25).

пришлось быть президентом. Он воспринял происшедшее как миссию, как его личную миссию расправиться с терроризмом».

Брент Скаукрофт

Разведка

Еще в августе 1995 г. американцы узнали от израильской разведки о доставке 115 гироскопов через Иорданию. ЦРУ немедленно выслало свою группу в Амман и перехватило приборы, столь нужные для ориентации ракетного удара. Часть груза была найдена на дне реки Тигр, куда его опустили иракские военные. В этом деле американцы чрезвычайно полагались на оппозицию Саддаму Хусейну в Ираке и за его пределами. В 1998 г. конгресс США провел выдвинутый президентом Клинтоном закон, который передавал 97 млн дол. в качестве помощи силам, противостоящим президенту Саддаму Хусейну.

4 ноября 2002 г. главой ближневосточного отдела ЦРУ стал Роберт Рихтер, ветеран разведки, расположившийся в Аммане. Быстро была создана Иракская оперативная группа, которой были приданы два полувоенных подразделения, готовые быстро попасть в Северный Ирак.

Во время встреч с Тенетом в Вашингтоне Рихтер понял, что дело обстоит серьезно и грянет война. Тенет: «Вопрос может быть один: когда мы выступаем?» Своему помощнику Бреннану Тенет сказал о своих сомнениях: «Я не думаю, что вторжение в Ирак является верным ходом. Буш и его окружение наивны, слишком уверенные в том, что могут ворваться в Ирак и править этой страной. Это ошибка». Отметим, однако, что Тенет *никогда* не говорил о своих сомнениях президенту. Ну а Буш не любил задавать прямолинейные вопросы. Тенет ждал, когда президент сам усомнится в своем диком плане, а Буш не чувствовал сомнений своего ближайшего сотрудника. Сам же Тенет думал о том, что уже задействовал разведку Саудовской Аравии и Иордании. Сделать шаг назад будет трудно. И где знаменитое хладнокровие Чейни? Он рвется вперед напористее, чем кто-либо.

Тампа

В конце сентября 2002 г. Рамсфелд встретился с генералом Фрэнксом, его оперативным заместителем Ренуаром и пентагоновским замминистра Дугласом Фейтом (протеже Ричарда Перла – один из самых ярых сторонников иракской войны). Рамсфелд сказал, что министерство обороны сможет лучше, чем кто-либо, управлять Ираком после его оккупации. Фейт полностью с этим согласился – он следил за дискуссиями по этому вопросу в Совете национальной безопасности.

Война с Ираком не будет повторением Боснии. План реконструкции Ирака должен быть выработан заранее. Расставшись с чиновниками, Фрэнкс и Ренуар выразили свое недоумение: армия занимается войной и безопасностью. Для восстановления страны у нее нет ни средств, ни опыта. А Фейт и его люди нашли тех, кого привлекало строительство нового государства. Рамсфелд для этого создал новый отдел.

Генералы Фрэнкс (глава СЕНТКОМа) и Ренуар (его заместитель в Тампе) трудились после приказа от 21 ноября 2001 г. над планом крушения Ирака. Начать вторую войну, не окончив первую – этому его не учили в Вест-Пойнте, но приказ есть приказ. Первоначальное раздражение генерал Фрэнкс в конце концов сменил на фатализм: «Что-нибудь мы да придумаем».

Фейт и его заместители начали создавать специальные группы, способные быстро восстановить разрушенное. Но Хедли (заместитель советника по национальной безопасности Райс) на этом этапе еще не исключал договоренности с Саддамом, и эти взгляды замедлили активность армейских и разведчиков.

На фоне неизбежной солдатской бравады совсем иначе был настроен министр обороны Рамсфелд. Задача перед ним была поставлена сложная. Президент Буш недвусмысленно

оценил Ирак как потенциального агрессора, и его министр должен был в кратчайшее время завершить все приготовления. Теория не должна была отставать от практики: осенью 2001 г. была издана официальная «Оборонная стратегия» на 71 странице. Но метод Рамсфелда не сводился к максимам Клаузевица. Он постоянно давал новые оценки и снова переоценивал происходящее.

Министр Рамсфелд желал использовать опыт прошлого. Одним из первых указов по ведомству было требование представить ему обширные планы Корейской кампании. Он думал о возможности бросить американские войска снова в Северную Корею, где Ким Чон Ир уже ощущал враждебность американской громады. Северная Корея ускорила продвижение к атомной бомбе. Уже вскоре многозвездные генералы излагали Рамсфелду «Оп (оперативный) план № 5027 – война против КНДР». Рамсфелд завершил обсуждение страшным осуждением армейской косности, не поспевающей за прогрессом технологии и стратегии. В Белом доме проживал не Гарри Трумэн, а Джордж Буш, и его министр не желал жить в мире 1950-х годов. Первый же вопрос: есть или нет у Пхеньяна атомное оружие? «Да» или «нет» в данном случае делали войну радикально различной. Или дипломатия, или тотальная война. Итак, в начале августа 2001 г. Пентагон корпел над картами Кореи в большом кабинете Рамсфелда.

Американские военные уже усиленно готовили конкретное олицетворение провозглашенной президентом «доктрины Буша». 3 июня 2002 г. командующий СЕНТКОМом генерал Фрэнкс показал министру Рамсфелду по секретному видео то, что было названо «Забег» – имитацию того, как основные силы американских войск в ближневосточном регионе начинают бросок на Багдад. 5 августа 2002 года на 110 слайдах генерал Фрэнкс показывает «американскую справедливость» президенту Бушу в Ситуационной комнате Белого дома. Он все еще нуждался в 90 подготовительных днях. Но уже обозначен начальный бросок. В процессе подготовки – в течение 30 дней, у генерала Фрэнкса будет 100 тысяч солдат. Достаточно – полагают в Пентагоне – для обескураживающего первого удара против Ирака.

Военное планирование

Изучив подручные архивы, Рамсфелд увидел, что из 68 наличных военных планов лишь примерно десять были результатом многолетнего экспертного анализа. Среди этих *разработанных* планов были планы войны, в частности против Северной Кореи и Ирака. Значительная доля этих планов касалась способов перемещения громадных американских сил к территории страны – потенциального соперника и жертвы. Именно этому в своей основе были посвящены пыльные толстые папки, заполнявшие полки подсобного, самого секретного архива.

Но при этом министр убедился, что лобастые полковники и генералы весьма смутно представляли себе, чего желает от них администрация Буша-младшего. Рамсфелд вспоминает двумя годами позже: «Они с трудом представляли себе, что мы имеем новую оборонную стратегию – концепцию предотвращения агрессии против США и их интересов посредством демонстрации способности нанести быстрый предваряющий удар. Конечно же, старые планы не учитывали новых обстоятельств, им не был знаком новый контекст. Мы обязаны были модернизировать эти планы».

Рамсфелд вспоминал о шести месяцах, проведенных им на Ближнем Востоке в качестве посланника президента Рейгана. Накопленный опыт дал основание неоконсервативной военной стратегии: «Главное обстоятельство заключается в том, что против терроризма *невозможно* обороняться... Невозможно защищаться все время в каждом месте против любой техники. Это просто невозможно, так как противник меняет свою технику, время атаки, и ты должен следовать за ним. Из этого следует заключение: ты обязан предвосхитить его действия». Это было сказано за четыре с половиной месяца до формального принятия администрацией Буша доктрины предвосхищающих действий, когда Вашингтон официально

обозначил свое право наносить первый удар.

Через шесть дней после требования президента Буша начать подготовку к войне с Ираком министр обороны Рамсфелд вылетел в Тампу, в штаб-квартиру СЕНТКОМа. Наедине с Фрэнксом он сказал: «Планируй боевые действия против Ирака отдельно и покажи, где мы сейчас в этом деле находимся. На что способна иракская армия? Каков уровень их подготовки? Готовы ли они сражаться за Саддама Хусейна?» Президент просил передать, что дело не срочное, но и откладывать в дальний ящик не стоит.

«Оп план 1003» содержал основные черты наступления на Багдад и требовал полмиллиона солдат – шесть армейских дивизий и дивизию морской пехоты. Американцы в 2001 г. полагали, что Саддам Хусейн будет действовать так же, как и в 1991 г. «Оп план 1003» был модернизирован в 1996 и 1998 годах. Рамсфелд и Фрэнкс просидели над оперативным планом несколько часов, внося коррективы и делясь соображениями. Министр приказал выделить группу специалистов, незнакомых с планом, и дать им полную волю для собственной оригинальной оценки, которая может помочь в финальном планировании. Потом оба они, Рамсфилд в штатском, а Фрэнкс в мундире, появились перед прессой, жаждущей знать особенности операции в Афганистане – «Несокрушимая свобода» и планы Пентагона на грядущее. Генерал Фрэнкс, который был на голову выше своего министра, производил впечатление внушительности и компетентности. И при этом по поведению обоих было ясно, кто из них босс, а кто исполнитель.

Настроение присутствующих было приподнятым. Те, кто предрекал вьетнамский кошмар, вынуждены были признать победный характер действий Северного альянса, начавшего триумфальное шествие от Мазари-Шарифа к Кабулу и Кандагару, идя навстречу американским вооруженным силам. Рамсфелд произнес свою любимую фразу об обманчивости внешности.

Дело близилось к развязке. Но Буш и высшие чины его администрации не были довольны планами, составленными годы назад. Через четыре дня, 1 декабря 2001 г., Рамсфелд потребовал от генерала Фрэнкса *нового* плана боевых действий в Ираке. Двухстраничный приказ требовал от главы СЕНТКОМа сообщить, *как он собирается разбить* иракскую армию. На планирование отводилось тридцать дней, и Фрэнкс должен был доложить свои соображения лично.

Военные и политики размышляют

В начале декабря 2001 г. солидная «Нью-Йорк таймс» впервые поместила статью, из которой значило, что Рамсфелд жестко относился к Ираку, а Колин Пауэлл – относительно мягко. Раскол в правительстве? Но и госдеп (второе лицо в нем и ближайший друг Колина Пауэлла – Эрмитидж полностью поддерживал Пауэлла) готов был на силовые меры: «Если Ирак действительно имеет оружие массового поражения, Соединенные Штаты сделают все возможное, чтобы ослабить эту угрозу». Ирак стал предметом обсуждения в духе способа противостояния ему победоносной в Афганистане Америки.

Обычно создание полномасштабного плана нападения на другую страну занимало у американских военных от двух до трех лет. Но если президент неожиданно отдавал приказ о нападении, американские военные руководствовались заранее *имеющимся* планом. Нетерпеливый Дональд Рамсфелд потребовал 4 декабря 2001 г. в Пентагоне от генерала Фрэнкса отчета об идущей подготовке. Фрэнкс прибыл в Вашингтон с генералом Ренуаром, одно время руководившим южной зоной воздушного контроля в Ираке. 6 декабря генералы сидели в кабинете министра в Пентагоне. Теперь они предлагали послать в Ирак 400 тысяч солдат – сокращение прежних наметок.

Министр Рамсфелд полагал, что для молниеносной атаки понадобится *еще* меньше войск – учитывая выход американских подразделений из Афганистана (готовые боеспособные войска). И еще министр в значительной степени полагался на «Придейторы» – небольшие, автономно действующие разведывательные самолеты, с большой точностью

дающие картину расположенного перед тобой противника на протяжении суток.

Военные в Пентагоне полагали, что имеют в запасе полгода и за это время успеют и с планом, и с концентрацией войск. Но Рамсфелд нажимал безжалостно. Он задавал самые острые вопросы: сколько потребуется *минимально* войск и когда можно будет говорить об их готовности? Генерал Фрэнкс не желал попасть впросак. Ему не хотелось рисковать, и он задумчиво отвечал, что у него *пока* нет ответа. Генерал знал о важности близкой дружбы с министром, но рисковать всей своей карьерой он явно не желал.

Но планирование продолжалось. Стороны – военные и гражданские – обозначили цели в Ираке: заменить режим, ликвидировать Саддама Хусейна, уничтожить связанные с его руководством опасности – потенциал оружия массового поражения, связи с террористами, угроза соседям, особенно Израилю.

Уже имелись: батальон из 500 солдат в Кувейте; готовое снаряжение для еще тысячи американских солдат. В регионе находились примерно 200 американских самолетов – сотня самолетов на базе «Принц Султан» в Саудовской Аравии и на турецких базах. Остальные сто самолетов базировались на авианосцах в Персидском заливе. Министр Рамсфелд требовал от Фрэнкса максимально точной оценки боевых возможностей иракской армии. Она сократилась с периода 1991 г. До каких пределов?

Каковы максимально точные цифры иракской армии? Для определения этих цифр министр дал своим генералам восемь дней. 12 декабря 2001 г. Фрэнкс и Ренуар с пухлыми папками возвратились в Пентагон. Строгая секретность сохранялась в прежнем объеме – того требовал президент.

Фрэнкс задал своему начальству два вопроса: можно ли сократить сроки подготовки и можно ли рассчитывать на ведение боевых действий меньшими силами? Министр Рамсфелд ответил положительно на оба вопроса. Со своей стороны министр задал свои вопросы: можно ли рассчитывать на надежный камуфляж, на скрытность подготовки на Ближнем Востоке? За счет чего можно увеличить фактор неожиданности? Как можно «обойти» Саддама в вопросе места и времени удара? Что будет стоить дороже всего американской армии?

Глава СЕНТКОМа не желал в духе Санта-Клауса раздавать лишь приятные обещания. Трезвый расчет обязателен. По его мнению, основные силы американской армии не смогут прийти в Персидский залив незаметно, об этих перемещениях можно будет легко узнать не только из разведданных, но даже из газет. Неизбежны затраты – дешевым перемещением огромных сил на Ближний Восток быть не может.

Министр решил приоткрыть карты. Задумавшись, Рамсфелд сказал генералу, что в отношении выступления против Ирака речь может идти даже о ближайшем мае или даже апреле. Оба сидевших напротив генералы напряглись. Ведь еще совсем недавно те же люди им говорили, что экстренности нет. А теперь оказывается, что Белый дом думает *об ударе наступающей весной*. Фрэнкс был шокирован. Честно говоря, столь быстрая смена декораций его раздражала. Он желал *стопроцентных* решений, оправдывавших его подготовку.

Но Рамсфелд был человеком другой породы. Через неделю – 19 декабря 2001 г. он в *третий* раз вызвал лидеров СЕНТКОМа в Пентагон и снова выразил свое неудовольствие медленной работой. Характер типа А преодолеть было невозможно. Но армия есть армия, а министр обороны высказывает не суждения, а приказы. Неудовольствие Рамсфелда привело к тому, что генерала с четырьмя звездами призвали в личное имение президента Буша в Кроуфорд, штат Техас. «Я поеду туда только с вами», – сказал Фрэнкс Рамсфелду. «Мне стоило большого труда наладить контакт Фрэнкса с президентом», – признался позже министр.

Рамсфелд + Фрэнкс

Строго говоря, именно с этого момента Рамсфелд сближается с Фрэнксом, и пара,

которой предстоит взять Багдад, начала выстраиваться в боевом порядке. Они все больше проводят времени вместе и во многом достигают взаимопонимания. Но уже в тот *первый* визит в Кроуфорд Дональд Рамсфелд обыграл своего партнера-генерала: «Президент приказал вам прибыть в Кроуфорд *одному*».

На тот момент важнее всего было то, что происходило в политически расколотом Пакистане. Президент Буш прислал к президенту Пакистана Мушарафу директора ЦРУ Джорджа Тенета, крупного мужчину, с покрытым оспинами лицом. Тенет постарался напугать Мушарафа. «Мы не нашли признаки атомного оружия в Афганистане, но мы обнаружили восемь способов, на основе которых Саддам Хусейн мог завладеть ядерным оружием».

Оставалось всего несколько дней до Рождества 2001 года, но рождественские блюзы не несли умиротворения. В администрации Буша сторонниками вторжения в Ирак становятся вице-президент Чейни, министр обороны Рамсфелд, заместитель министра обороны Пол Вулфовиц, начальник штаба вице-президента Чейни «Скутер» Либби. (Формируется и своеобразная оппозиция, которую возглавляют лидеры госдепартамента Пауэлл и Армитэдж.) А в Тампе упорные планировщики в военной униформе создают детальный план вторжения в Ирак, ориентируясь на грядущую весну.

Кроуфорд, дом президента

Искусственное озеро, небольшой дом, современная архитектура, небольшой штат обслуживающего персонала и охраны – именно здесь, в своем поместье Кроуфорд, жил значительную часть своего президентского срока Джордж Буш-младший. Теперь у него была реальная власть – впервые за столетие республиканская партия в 2004 г. во второй раз подряд завладела Белым домом, сенатом и палатой представителей. Так было только во времена после победы Севера над Югом в гражданской войне.

Произошла немыслимая прежде концентрация колоссальной по объему власти. Центром этой правящей миром власти является Совет национальной безопасности (СНБ), в который входит президент США и его ближайшие помощники. У этого органа было больше ресурсов, мощи, прерогатив, способности применять силу в любом краю планеты, чем у любого правителя в мировой истории.

Напомним, что СНБ первых сорока пяти лет существования концентрировался на центрах Советского Союза. После «холодной войны» данный орган, чьи полномочия не подтверждает и не оценивает даже конгресс, обрел буквально невообразимую силу. И при этом мало кто специально обращает внимание на этот находящийся как бы в тени орган, работающий ежедневно и принимающий решения, касающиеся всего мира. Те, кто входил в СНБ, являли собой самую влиятельную элиту современного мира. Теперь члены СНБ практически игнорировали внешнюю реакцию, они проявляли безразличие в отношении мира за пределами американских границ. Поразительна эта «безнаказанность» работы органа, членов которого не нужно было проводить через процедуру парламентских слушаний.

Как главный распорядитель тогдашнего американского Совета национальной безопасности, Кондолиза Райс была ближе к президенту, чем любой из ее предшественников на посту советника президента по национальной безопасности. По ее собственному признанию, она проводила до шести-семи часов в день рядом с президентом страны. Более того, она как бы стала «неофициальным» членом семьи президента, проводя с этой семьей воскресные обеды, проводя в этой семье отпуск.

Вот ее собственная оценка своего босса: «Этот президент обладает стратегическим мышлением в большей мере, чем какой-либо другой президент, которого я видела. Время от времени что-нибудь в разведывательных оценках провоцирует его мыслительный процесс и подвигает на уточнение стратегического курса. Я видела много подобного в летней резиденции, в Кемп-Дэвиде и в его ранчо в Техасе. Мы сидим и работаем над очередной

проблемой, а он вдруг и говорит: „Вы знаете, я сейчас подумал... ситуация в Китае...“ Это *нечто* люди не понимают, говоря о президенте. Потому что, если вы не сидите рядом с ним в Овальном кабинете, вам этого не увидеть»¹⁰⁹.

(Во многом перекликается мнение еще одного наблюдателя, видевшего Белый дом обоих Бушей, – Колина Пауэлла: «Буш 43 похож на Буша 41 своей готовностью действовать, но для 41-го это был процесс, которому предшествовали предварительные размышления, в то время как 43-й руководствовался больше внутренней инерционной навигационной системой, а не интеллектом. Он знает во многом то, что он хочет делать и что он хочет услышать по поводу того, как достичь задуманного».)

Представления Райс об оптимальной работе СНБ были выработаны еще в годы ее работы в СНБ Буша-старшего, где ее учителем был тогдашний советник – Brent Скаукрофт (самый влиятельный президентский советник в США после Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского). Скаукрофт входил в элиту, внутри которой апологеты и антагонисты текущего курса вели негромкую, но важную борьбу. И примечательно то, что именно секретарь СНБ его отца, Дж. Буша-ст., – Brent Скаукрофт стал весьма *ожесточенным антагонистом* курса СНБ президента Буша-младшего.

Сам Скаукрофт определил свою борьбу как выступление «традиционалистов» (которых он возглавляет) против пришедших с Бушем-сыном «трансформистов», прагматиков, выступивших против неоконков. Как борьбу интернационалистов против приверженцев односторонних действий, людей, победивших в «холодной войне», недовольных стратегией борцов «с террором» в Аравийских пустынях, в песках Месопотамии.

«Неоконки» же стремились расколоть прежнее единство американской элиты, стремясь отеснить триумфаторов 1991 года от рычагов фантастической власти Вашингтона. Признаки этой борьбы налицо. Общеуважаемого Brenta Скаукрофта при Буше-младшем не назначили даже на во многом декоративный пост главы президентского Совета по внешней разведке. В Кроуфорде требовали абсолютной лояльности.

Скаукрофт замечает, что проблема в «абсолютной вере, в мотиве столь благородном, что отныне все содеянное в отместку – О.К., поскольку речь идет о правом деле». Анализ Brenta Скаукрофта однозначен: от традиционных отношений с союзниками до событий в тюрьме Абу Грейб – чем меньше моральной двусмысленности в твоём мировоззрении, тем лучше, тем спокойнее ты можешь оправдать свои действия.

Еще одна проблема согласно взглядам Скаукрофта проистекает из того факта, что «если вы верите в то, что ваши деяния – абсолютное благо, тогда *грехом* будет отходить от уже намеченного и взятого курса». Это означает, что абсолютизм либо создает опасные политические решения, либо, в противном случае, он делает Соединенные Штаты открытыми к обвинениям в лицемерии. Скаукрофт: «Например, вы выступаете в защиту тезиса об экспорте демократии и при этом вы обнаруживаете себя в объятиях таких лидеров, о которых можно сказать что угодно, но только не то, что они привержены демократии или готовы отстаивать демократические идеалы где-либо. Абсолютные истины невозможно подвергать сомнению; невозможно одновременно практиковать прагматизм и полностью загоразживаться от критики».

Это своего рода объявление войны традиционалистам трансформистам. Возникает ситуация противостояния курсов 41-го и 43-го президентов, отца и сына. Согласно Скаукрофту, «11 сентября позволило трансформистам утверждать, что ситуация в мире быстро ухудшается и *мы должны быть смелыми*. Мы знаем что делать, и у нас для этого есть сила».

Контраст Совета национальной безопасности 2001–2006 годов и того, который возглавлял Скаукрофт в 1989–1992 годах, очевиден. Нынешние лидеры СНБ и не пытаются прикрыть этого отличия. Кондолиза Райс откровенно гордится своим детищем: «Я не хотела

---

¹⁰⁹ Rothkopf D. Inside the Committee that Runs the World («Foreign Policy», March/ April 2005, p. 19).

бы иметь СНБ, похожий на СНБ времен Брента – действующий в низком ключе, занимающийся координацией, а не оперативными проблемами, маленький в огромном мире и недостаточно энергичный». Возглавляя СНБ, Райс требовала, как уже говорилось, прежде всего, безусловной лояльности, полного подчинения курсу президента, потакания всем его привычкам и предрассудкам: «Вашей первой обязанностью является поддержка президента. Если президент желает иметь текст 12-го размера печати, а вы подаете ему 10-го, ваша обязанность дать нужный размер».

Традиционалисты утверждают, что Райс превратила главный штаб выработки американской внешней политики – Совет национальной безопасности в организацию, которая служит индивидуальным прихотям одного человека в ущерб лучшему служению более широко понимаемым национальным интересам. Огорченный Скаукрофт пессимистически размышляет: «Существуют две модели осуществления функций советника по национальной безопасности – снабжать президента информацией и управлять СНБ как организацией. Сложность состоит в том, чтобы решать *обе* задачи». Будучи советником президента по национальной безопасности, Кондолиза Райс, по мнению традиционалистов, ежеминутно была занята тем, чтобы быть на стороне президента, постоянно шепча ему что-то на ухо, становясь его *alter ego* в вопросах внешней политики. Это изменило роль СНБ как центра анализа, способного критично взглянуть на свой курс.

В результате государственный секретарь Колин Пауэлл, видимый миру как обладатель «голоса разума», – столь нужный рядом с импульсивным президентом, – стал восприниматься президентскими лоялистами как подозрительная личность. Пауэллу приходилось не раз оправдываться даже перед иностранной аудиторией. Так, в Давосе в 2003 г., накануне американского наступления на Ирак, он заявил европейцам: «Вы хотите одеть меня в ваши одежды... Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я не борюсь за ваш курс внутри американского правительства... я думаю, что прерогативой президента является решать, должны мы применить военную силу или нет. Вы, ребята, должны понять, что я не являюсь выразителем европейской точки зрения в среде администрации».

Но оговорки, подобные вышеприведенной, не помогли до сих пор безупречной карьере генерала: Пауэлл с каждым годом терял влияние, а затем был вынужден покинуть администрацию. Его заместитель Марк Гроссман сказал: «Мы стали ненужной бюрократией». В конечном счете традиционалисты в американской дипломатии уступили место лидерам «демократическим империалистам» типа вице-президента Чейни и министра обороны Рамсфелда, уступили СНБ, возглавляемому Кондолизой Райс. Не зря Генри Киссинджер назвал Рамсфелда «самым безжалостным человеком», которого он когда-либо видел в американском правительстве.

Вице-президент

Накануне 11 сентября 2001 г. вице-президент Чейни был влиятельным консервативным политиком, но изменившаяся обстановка превратила его в лидера идеологически ориентированной группы политиков, готовых на крайние действия. Рамсфелд, как казалось в первой половине 2001 г., не задержится в администрации. Сентябрьский кризис вывел его министерство и его самого на первый план творимой истории.

И теперь связка Чейни – Рамсфелд стала конкурировать с СНБ по степени влияния на президента. Сотрудники СНБ с завистью отмечают, что Рамсфелд может войти в Белый дом в *четыре* местах этого хорошо охраняемого поместья. В то же время вице-президент Ричард Чейни имеет беспрецедентно большой собственный штат исследователей и чиновников, которым руководит Льюис «Скутер» Либби, имеющий ранг «советника президента» (формально равный руководителю СНБ). Желая избежать феодальных склок.

Райс назвала Чейни «восхитительным мудрым умом на советах администрации». Мнение вице-президента обычно не дебатруется, всем ясно, что он – чрезвычайно влиятельный советник президента.

Президент и генералы

Утром 28 декабря 2001 года президент Буш встретился в Кроуфорде с генералом Томми Фрэнксом и генерал-майором Ренуаром. Видео соединяло президента с вице-президентом Чейни, с Рамсфелдом, отдыхавшем в своем имении Таос (штат Нью-Мексико) и тройкой Кондолиза Райс – Пауэлл – Тенет в Вашингтоне.

Президент Буш был рад видеть знакомые лица, он пребывал в отменном настроении. Внимание было обращено на вернувшегося из Афганистана генерала Фрэнкса. Тот только что избежал попадания ракеты «земля-воздух», нацеленной на его вертолет. Буш так выразил сочувствие: «Фрэнкс, последнее из известий, которые я хотел бы услышать – это сообщение о вашей смерти». Пауэлл заметил, что на войне обычно рискуют офицеры рангом ниже майора, а не четырехзвездные генералы.

Фрэнкс менее всего накануне битвы хотел слышать слова сочувствия. Он сразу же повернул тему в сторону планирования иракской операции. Генерал показал присутствующим 26 сверхсекретных слайдов. Копии были посланы на особые компьютеры Чейни, Пауэлла, Райс и Тенета. Тексты эти начинались словами: «В высшей мере конфиденциальное планирование».

Слайды выдавали идеи Рамсфелда – по существу это был *новый* план завоевания Ирака: более краткие операции, быстрое продвижение, меньше войск, мобильность и страшная огневая поддержка. Он требовал 400 тысяч солдат и полгода подготовки.

Теперь Фрэнкс предполагал синхронное проведение сразу нескольких операций. Для этого он нуждался в большем количестве передовой техники. Например, требовались аппараты лучевого наведения бомб на заранее определенные цели. Исчезало разделение труда между воздушной и наземной операциями – теперь они сливались в одну войсковую кампанию. И на макроуровне военная структура, разведка и дипломатия как бы превращались в одно национальное усилие.

Предполагалось глубокое проникновение специальных подрывных отрядов, одной из главных задач которых был перехват иракских ракет средней дальности «Скад», способных нанести удар по Израилю. В их функцию входило нахождение каналов помощи оппозиционным Саддаму курдов на севере и шиитов на юге. Обязательным стало одновременное ведение психологической войны и воинских операций. Пентагон полагался на гуманитарную помощь населению ради предотвращения партизанской войны. В огневом потоке предполагался одновременный удар бомбардировочной операцией, крылатыми ракетами, армейскими тактическими ракетными системами.

В своем планировании Фрэнкс как бы разделил иракские вооруженные силы на отдельные части и при этом определил девять центров притяжения режима Саддама Хусейна: руководство, семья, ближайшее окружение; организации безопасности и контрразведки плюс контрольные центры; оружие массового поражения; ракетные системы; дивизии республиканской гвардии, защищающие Багдад; сепаратистские силы Курдистана; регулярная армия Ирака; экономическая инфраструктура страны; гражданское население. Главными были определены 63 объекта первостепенной важности. Кинетическая бомбардировка предполагалась против руководства, сил безопасности, республиканской гвардии, отдельных армейских частей.

Фрэнкс в высшей степени полагался на бомбардировочную авиацию. Следовало создать у масс населения чувство, что только уход Хусейна прекратит ад с небес. Специальным американским частям предстояло захватить нефтяные месторождения. В целом целью ставилось: избежать длительной массивированной подготовки и наращивать давление уже по ходу операции. На президента Буша этот вариант ближневосточного «блицкрига» произвел большое впечатление.

Мир изменился

Как приучить публику к мысли, что Ирак – «страшный враг?» Был лишь один способ, и президент Буш использовал его в речи, произнесенной 20 сентября 2002 года перед конгрессом: *терроризм может оказаться вооруженным оружием массового поражения*.

В СНБ Райс и ее заместитель Хедли взяли за эту идею. Три страны могут нанести ядерный удар по США: Ирак, Иран и Северная Корея. Выражение «ось зла», связывающее Аль-Каиду с вероятным оружием массового поражения, имеющимся якобы у Саддама, нравилось Кондолизе Райс более всех прочих выражений. Президент Буш оценил идею «связать» три страны – Ирак, Иран и КНДР. Президентский спичрайтер Майкл Герсон в очередном президентском послании конгрессу назвал эти страны «rogue states» – «страны-изгой».

Буш начал заниматься прежде неведомым ему делом – считать, сколько американцев может погибнуть, реформируя эти несчастные страны, столь удаленные от демократии, лишившие прав женщин, не знающие верного пути к прогрессу. Им нужно в этом помочь. Ни один американский президент не говорил столь прямо и недвусмысленно. И так, распространение демократии – новая черта американской демократии, столь же радикальная, как и начало «холодной войны». Карл Роув, главный советник президента, считал, что теперь у администрации «появилась миссия». 52 млн американцев наблюдали по телевидению за «Посланием конгрессу» 29 января 2002 г. Опросы показали, что две трети американцев стали считать Буша «сильным лидером». Райс была уверена, что самыми сильными строчками являются те, которые говорили, что Америка собирается строить демократию на Ближнем Востоке. Газеты подхватили выражение «ось зла».

Вице-президент Ирака Абдель Азиз назвал выражение «ось зла» глупым. Ответом можно считать слова Кондолизы Райс, сказанные на Конференции консервативных политических действий: «Наша нация сделает все возможное для того, чтобы не допустить самые опасные страны к самому опасному оружию... Мы не будем ждать, когда события приобретут опасный поворот»¹¹⁰.

Консервативный обозреватель «Вашингтон пост» Чарльз Краутхаммер назвал речь Буша «удивительно смелой и направленной против Ирака». Никто после Рейгана не размахивал мечом с таким видимым удовольствием. Через три дня Рамсфелд снова виделся с Фрэнксом в Пентагоне (пятая встреча). Прежний «План 1003» теперь имел несколько искусственное название: «Генерированный план начала». 30 дней отдавалось на создание взлетных полос и ударных точек. За следующие два месяца следовало перевести на Ближний Восток войска; к этому времени войск уже должно было быть 160 тысяч. Затем последует энергичная двадцатидневная воздушная бомбардировка, а затем главное: 135 дней непрерывной атаки, в ходе которой мощь атакующих сил дойдет до 300 тысяч. Быстро и эффективно.

Рамсфелд: «Я понял эту математику. Когда вы намереваетесь начать?» Особое внимание было уделено нейтрализации иракских ракетных комплексов «Скад». Надежды возлагались на получивших афганский опыт командос – специальных сил. Отныне по особой связи Рамсфелд и Фрэнкс беседовали практически ежедневно и даже несколько раз в день. Генерал позже признал, что это было похоже на нескончаемый визит к дантисту. 7 февраля 2002 г. Фрэнкс изложил свой новый план Совету национальной безопасности в Ситуационной комнате Белого дома.

Новый план

Здесь, на важном совещании с президентом, генерал Фрэнкс *впервые* изложил измененный и модернизированный план войны с Ираком. На военные действия будут

---

¹¹⁰ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 94.

потрачены 225 дней. Фрэнкс предпочитал формулу «90-45-90». Первые 90 дней – для подготовки и перемещений, 45 дней для интенсивной бомбардировки, затем основная операция. На среднем этапе специальные силы захватят основные месторождения нефти; численность войск достигнет 300 тысяч, с ними Фрэнкс и войдет в Багдад. Генерал разбил подготовительный период по месяцам – март, апрель, май и т. п. Впервые Буш имел собственный план завоевания Ирака и в любое время мог отдать приказ о начале военных действий. Самое неудобное время наступления был период между маем и сентябрем, когда иракская армия почти полностью выходила в поле. Самое неудобное для иракцев время – декабрь–февраль: холод заставляет армейское командование тренировать войска небольшими отрядами.

Напоминая римского полководца генерал Фрэнкс объяснил ситуацию с погодным окрасом: зеленый цвет – зимой, желтый – в апреле, красный – после мая. Фрэнкс сказал, что лучшее время для атаки, с его точки зрения – период между ноябрем, декабрем и февралем 2003 г. Буш кивал головой. Опасны песчаные бури марта и апреля. Президент спросил, нельзя ли начать операцию раньше? Генерал ответил положительно. Президент засмеялся. Нужно избежать только двух вещей: большой продолжительности войны и больших американских потерь. Рамсфелд выступил с концепцией, которую можно было назвать: «Бей и устрашай».

Для популяризации своих идей генерал Фрэнкс использовал 30 слайдов. Он придавал особое значение начальному этапу. Все глаза были обращены на президента. И здесь президент Буш пока держался нейтрально. После часа и десяти минут совещания он не сделал финального обобщения. Фрэнкс был доволен собой. Его не погоняли. Он не гнал события, хотя и сократил подготовительный период. Президент проникся грандиозностью замысла. Дешевой эта операция не будет – это поняли все. Чейни был недоволен «медлительностью». Начальник штаба президента Энди Карт (54 года) пришел к выводу, что «военные еще не готовы». Генералы пока играли с идеями.

Доволен был Пауэлл: никто не гнал лошадей вперед. Не выдвигалось диких идей захватить главные нефтяные месторождения несколькими тысячами солдат. Выступая перед сенатской комиссией по бюджету, он сказал, что «на столе у президента сейчас нет плана войны с какой-либо нацией». Что было неправдой.

28 февраля 2002 г. генерал Фрэнкс прибыл к Рамсфелду с двумя огромными книгами-альбомами, на которых были обозначены 4000 целей в Ираке. Рамсфелд был приятно удивлен большим числом целей – ранее американские военные жаловались на то, что в странах типа Ирака *ничего* бомбить. СНБ постоянно обсуждал, какие еще цели могут представлять ценность для местного правительства. Все помнили слова Рамсфелда на третий день войны в Афганистане: «Нам ничего больше бомбить»¹¹¹. Ирак с этой точки зрения был превосходной страной – страна с командными и контрольными пунктами. Одних дворцов у Саддама было более 50. А штаб-квартиры Республиканской гвардии?

Рамсфелда интересовали и вопросы агитации среди иракских военных. Он предлагал названия листовок: «Сложите оружие», «Не уничтожайте нефтяные месторождения», «Не стреляйте ракетами».

Союзники

Кто мог оказать Америке помощь? Глава СЕНТКОМа Фрэнкс выделил три типа союзнических объединений, три способа ведения войны: мощная коалиция, ограниченная коалиция, односторонняя операция. *Первый* тип операции потребует помощи трех союзников – Кувейта, Саудовской Аравии, Иордании. Это обязательно. Очень желательна помощь небольших государств Персидского залива – Бахрейна, Катара, Объединенных

---

¹¹¹ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 110.

Арабских Эмиратов и Омана. В глобальном плане чрезвычайно важна помощь Британии. Придавала силы поддержка Италии, Испании, восточноевропейских президентов НАТО.

Америка не будет повторять 1991 год, собирая *все* силы в кулак. Для начала боевых действий понадобятся 105 тыс. американских войск. Поток подкреплений будет прибывать, и через 60–90 суток этих войск будет уже 230 тыс. Ослабления американских позиций следует ждать в случае отказа от коалиционных действий Турции и Саудовской Аравии, двух гигантов региона. Если войну поведут вдвоем США и Объединенное Королевство, то понадобится помощь Кувейта, Бахрейна, Катара и Омана – для использования их аэродромов – с целью реализации транспортных целей. Если операция будет осуществлена *только* американскими войсками, то понадобится как минимум помощь Кувейта, Катара и Омана.

Видя благорасположение президента, Фрэнкс мог позволить себе оказать определенный нажим. «Господин президент, если вы согласны с общей концепцией, то следует приступить к концентрации сил». Президент ответил в самой позитивной манере: «Прекрасно». Разумеется, чем больше коалиция, тем лучше.

Отвлеченный боевыми событиями в Афганистане, Саддам, как казалось, даже не заметит роста сил, нацеленных на его страну. Между тем уже было решено, что основной ударной площадкой будет Кувейт – ворота в современную Месопотамию.

Следующий слайд иллюстрировал «Мысли о *временном* раскладе». Сложный вопрос: «Когда начать?» Решение на этот счет мог принять только сам президент. Фрэнкс сделал важную оговорку: «Мы не знаем, когда и какое вы примете на этот счет решение. Но вы должны учесть следующее – ЦРУ следует разместить своих людей внутри Ирака». В Афганистане это имело очень существенное значение, хотя собственно сотрудников ЦРУ было 115, плюс 300 их помощников. Чтобы сделать ЦРУ мощным фактором в Ираке, потребуется от 120 до 180 дней. Подготовку подрывных частей следует начать немедленно.

Итак: одна только дипломатическая подготовка отнимет минимум тридцать дней. Перевоз оборудования в Кувейт – 60 дней. Перевод туда же 3-й пехотной дивизии – 90 дней. В итоге операция может начаться между апрелем и июнем 2002 года.

На странице 26 подготовленного доклада скрупулезный генерал Фрэнкс задал весьма существенный вопрос: к чему мы стремимся в Ираке? Каковы стратегические цели войны? Для ответа на этот вопрос Пентагон полагал необходимым интенсифицировать деятельность разведки в Ираке, точно знать, к чему стремится оппозиция Саддаму Хусейну. И с той же целью нужно спешно переместить штаб СЕНТКОМа в непосредственно рядом расположенный Катар.

Следовало завершать встречу. Президент Джордж Буш-младший повернулся к генералу Тому Фрэнксу с общей оценкой: «Хорошая работа. Продолжайте решать задачу». Из своего далека Рамсфелд пообещал президенту: «Мы с Томом обсудим все детали позже». Директор Тенет добавил, что «ЦРУ многие годы находится в состоянии рабочего контакта с курдами на севере и с шиитами на юге. Но американцы столько раз подводили своих потенциальных союзников – бросали их в Ираке на растерзание центральной власти, что теперь у противников Саддама Хусейна в Ираке весьма скептическое настроение в отношении решимости американцев *на этот раз* довести дело до конца. Они должны увидеть подлинную решимость Соединенных Штатов. Без этого они не бросятся в дело, грозящее им гибелью». Бесценные союзники могут скрестить руки на груди, сомневаясь в верности слова Вашингтона.

Карта региона всем вьелась в глаза, после того как президент Буш приказал государственному секретарю Пауэллу и министру обороны Рамсфелду провести дипломатическую работу в регионе, создавая максимально широкий фронт антииракской коалиции: «Мы должны получить на свою сторону нации региона. Разработайте для меня стратегию наиболее эффективного свойства».

Советник по национальной безопасности Кондолиза Райс задала вопрос: «Что делать, если Саддам обратится к следующей стратегии – с наиболее преданными сторонниками отойдет к Багдаду и превратит его в город-крепость?» Генерал Фрэнкс ответил, что

учитывает эту возможность. Американские войска должны стремительно пройти к иракской столице и предотвратить превращение Багдада в новый Сталинград.

Всем было ясно, что оканчивается подготовительный период, впереди всегда неведомое будущее.

В десять утра Буш, в джинсах, рубашке и ковбойских ботинках, вместе с Фрэнксом в военной форме вышел к ожидающей прессе. Темой якобы был Афганистан.

На обратном пути в Тампу генерал Ренуар сожалел, что Фрэнкс не остался на ланч с президентом. Во-первых, он был голоден, а во-вторых, хотел побывать среди великих мира сего. На их военном самолете, летящем в Тампу, были только арахис и лимонад. Но оба генерала были довольны вниманием президента и пониманием сложности решаемой ими задачи. Фрэнкс: «Мы сделали первый шаг». Буш: «Я внимательно смотрел на генерала, уже принесшего одну победу в Афганистане. Я пытался понять его логику. Мне было любопытно его поведение. Тогда мы еще не были готовы к кампании. Но мы определили две вещи: Саддам опасен. Но есть возможность его нейтрализации».

Глава шестая Подготовка

Вопреки утверждениям администрации Буша о том, что Саддам Хусейн «собирает силы», которые угрожают США, иракская военная и связанная с производством вооружений программы фактически крошились под тяжестью санкций, которые лишили Ирак 250 млрд дол.

Инспекторы Дж. Лопес и Д. Кортрайт, 2004

Международные санкции

Работа по ограничению доступа Ирака к современному оружию велась давно и казалась Белому дому и Пентагону весьма эффективной.

Между 1997 и 2002 годами доходы Ирака от добычи нефти составили 10,1 млрд дол.¹¹² Американцы постоянно (и успешно) охотились за специализированными алюминиевыми трубами – обязательным компонентом производства оружия массового поражения. След нащупали англичане в сентябре 2002 г. Все это активное противодействие ЦРУ не позволило Саддаму Хусейну даже отдаленно приблизиться к ОМП. И, надо сказать, ни Вашингтон, ни Лондон не сомневались в своей способности перекрыть Багдаду дорогу к оружию массового поражения. Не сомневались – но готовились к худшему. Это тем более поразительно на фоне удивительного безумия 2003 года. Итак, вопреки алармизму, санкции работали. Лишь малая толика доходов достигла иракского правительства, что в принципе делало реализацию полномасштабной военной программы невозможной. Некогда перспективно развивающаяся машина индустриального Ирака практически остановилась. «В результате Ирак оказался лишенным материальных возможностей создавать ядерное, химическое, биологическое оружие – как бы ни стремился Саддам Хусейн увеличить свой военный потенциал»¹¹³. Если в годы, предшествующие 1989 г., Багдад расходовал на военные нужды примерно 15 млрд дол., то в 1990-е годы эти расходы упали до 1,4 млрд дол. в год, а в новом столетии опустились еще ниже. Центр стратегических и международных исследований охарактеризовал оружие Ирака как «приходящее в негодность, устаревшее и

---

¹¹² Lopez G. and Cortright D. Containing Iraq: Sanctions Worked («Foreign Affairs» July/August 2004. p. 97–98).

¹¹³ Lopez G. and Cortright D. Containing Iraq: Sanctions Worked («Foreign Affairs» July/August 2004. p. 98).

не соответствующее современному уровню».

Военные после Кроуфорда

Министр обороны Рамсфелд приказал генералу Фрэнксу прибыть в столицу *через десять дней* с планом, к которому, как он сказал, «можно отнестись серьезно». Дисциплинированное руководство СЕНТ-КОМа прибыло в Пентагон 9 января 2002 г. Главное, что серьезно интересовало Рамсфелда, – насколько ослабла иракская армия после 1991 года и может ли она встретить противника средствами массового поражения. Чтобы иметь убедительные ответы, генерал Фрэнкс создал в Тампе штаб из 15 офицеров, чьей непосредственной задачей было отвечать на вопросы импульсивного министра.

Какой виделась эта война на пепелищах древних городов Месопотамии? Размышляя над этим вопросом, генерал Фрэнкс спросил свой «иракский» штаб, что можно сделать с *половиной* первоначально выделенных войск за вдвое более короткое время? Ведь речь идет об использовании сразу нескольких фронтов, гораздо более точном американском оружии, о гарантированной помощи курдов на севере Ирака. Вызрела идея сбросить на севере американский десант и создать эффективную армию в 10 тысяч выносливых курдов.

Чтобы сохранить секретность, Фрэнкс запретил отдельным группам специалистов совместно обсуждать операцию и возможности взаимодействия. Только генералы Фрэнкс и Ренуар общались со всеми и могли видеть общую картину предстоящей в Ираке битвы.

Самым большим критиком обозначенного курса был не наивный штатский политик, а наиболее уважаемый военный. Речь идет о Колине Пауэлле, боевом офицере, обнаружившем политические и дипломатические способности. Он служил два срока во Вьетнаме и он видел, что, в случае осложнений, генералы на полях сражений не склонны к правдивой информации. Во время Войны в заливе он был председателем Объединенного комитета начальников штабов и одиноко сидел в Пентагоне, зная при этом, какую цену требует война. Столичная эйфория его не касалась, он видел, что происходит на решающем участке фронта.

Кто, кроме него, представлял ужас войны? Президент Буш прошел военную службу в Техасском резерве, но он не видел крови. Вице-президент Чейни *никогда* не служил в армии. Министр обороны Рамсфелд был морским летчиком, но служил в мирное время. Советница по национальной безопасности Райс и директор ЦРУ Тенет ничего не знали о военной службе. Лишь Пауэлл нюхал порох в боевой обстановке. В мемуарах 1995 года «Мое американское путешествие» он писал, что *слишком многие готовы отдать приказ солдатам, не представляя себе последствий* .

Но подлинной проблемой Колина Пауэлла было то, что и после годичной работы в правительстве он не выработал рабочих отношений с президентом. Два главных лица в государстве не чувствовали комфортно в обществе друг друга. Они смотрели в разные стороны. И осознавали свою «разность». За неделю до сентябрьской драмы 2001 года журнал «Тайм» поместил статью об одиночестве Пауэлла в администрации Буша-младшего. Чтобы хотя бы несколько исправить ситуацию, приобретшую черты экстренной важности после Сентября, Колин Пауэлл решил посоветоваться с человеком, на которого были обращены все взоры причастных к внешнеполитическому планированию, – с генералом Фрэнксом. Несколько раз он звонил в Тампу, ставя Фрэнкса в неловкое положение, так как именно Пауэлл был создателем переделываемого ныне плана «Оп План 1003». Готовящиеся его изменения означали косвенную дискредитацию Пауэлла. К тому же генерал испытывал неловкость и потому, что его непосредственный начальник – жаждавший лояльности министр Рамсфелд вполне мог по своим каналам узнать о новой связке Пауэлл–Фрэнкс, что ставило второго в двусмысленное положение.

Вообще говоря, мнение двух высших генералов, двух главных военных специалистов по Ближнему Востоку, многое значило в условиях экстренности обстановки на Ближнем Востоке. Чтобы избежать дискредитации, генералу Фрэнксу приходилось докладывать Дональду Рамсфелду о контактах с Пауэллом. Поступать иначе четырехзвездный генерал

Фрэнкс не мог – эгоцентризм Рамсфелдта был общеизвестен, и он мог дорого обойтись американскому проконсулу на Ближнем Востоке.

Между тем время обрело невиданную скорость. 17 января 2002 г. Фрэнкс и Ренуар снова предстали пред Рамсфелдом. Это была их четвертая встреча. Обсудили новости, представляемые разведкой. Становилось все более ясно, что 12 лет изоляции подорвали иракскую армию, ослабляя, по мнению Фрэнкса, иракские наступательные возможности. До 1991 г. у Саддама Хусейна было семь дивизий республиканских гвардейцев, сейчас – шесть. Регулярная армия прежде насчитывала 27 дивизий, а в 2002 г. – 17. Авиация гибла от отсутствия запасных частей. Численность зенитных ракет упала со 100 до 60 единиц. От прежних 20 боевых кораблей осталось лишь три. (Не будем перечислять наличное Фрэнкса, силы были слишком неравнозначны.)

Фрэнкс выдвинул максиму, которая многое стала означать впоследствии: «Чем большей будет американская вовлеченность, тем меньше народ Ирака будет готов защищать свой режим». Пентагон и его идеологи верили в необычайное: в то, что иракский народ полюбит американские танки больше своих. Они преувеличивали абстрактный элемент «свободолюбия», как бы не замечая, что важнейшей его частью является преданность *собственной* стране. А не блестящему заокеанскому гегемону. Журналист Боб Вудвард пишет на этот счет мудро: «Важнейший аргумент американского руководства был основан не на солидной работе разведки, а на том тезисе, что свободолюбивый народ *обязан* проявить неверие по отношению к собственному безжалостному диктатору»¹¹⁴. Весьма распространенная ошибка.

Разведка, как и Фрэнкс, утверждала, что чем массивнее будет американское вторжение, тем больше вероятность того, что иракский народ присоединится к антисаддамовским силам. Американцы как бы вычеркнули патриотический, религиозный, цивилизационный момент из создаваемого в регионе нового политического уравнения. Многим стало казаться, что уже одна лишь американская решимость определяла соотношение сил на весах истории. В результате пустая бравада стала едва ли не решающим фактором. А жертвами этих калькуляций станут многие десятки тысяч иракцев, за которых «мыслили» выпускники Вест-Пойнта.

Главный новый вывод Фрэнкса: при минимальной численности войск в 105 тысяч солдат потребуется от 30 до 45 дней для их перемещения на Ближний Восток и «90 дней для атаки, изоляции противника и смещения режима»¹¹⁵. Но Фрэнкс не верил, что все это можно сделать *незаметно*. Единственный возможный способ – много раз кричать «Волк!», пока жертва не привыкнет к этому крику. Рамсфелду идея перенапрячь пропаганду понравилась. Сообщения о неукротимом движении американских войск стали дежурной темой американских средств массовой пропаганды.

Разведка-2

В обстановке завершающейся битвы за Афганистан Джордж Тенет ослабил внимание к Ираку. В центре его внимания была Аль-Каида и все сопутствующее. Багдад не попадал даже в пятерку наиболее актуальных дел. Куратор Ирака Соул работал под началом заместителя Тенета Джона Маклафлина, отличавшегося мягкими манерами ветерана ЦРУ, несомненного № 2 в учреждении, ближайшего друга директора Тенета.

Но ответственный за американскую разведку в ближневосточном регионе Соул не мог игнорировать происходящего: начиная с февраля 2002 г. Рамсфелд начал собирать всех причастных к Ираку единожды в неделю. Министра удручала малость разведсети Америки

---

¹¹⁴ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 81.

¹¹⁵ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 82.

внутри Ирака. «Их можно перечислить, используя пальцы одной руки». Это была правда. На самом деле американских агентов в Ираке было *четверо*. И работали эти агенты в таких местах, как министерство иностранных дел, министерство нефтяной промышленности – довольно далеко от внутреннего круга Саддама Хусейна. Центральное разведывательное управление прилагало немалые усилия, чтобы внедрить своих людей в военную верхушку, Национальную гвардию, органы безопасности, но эти попытки не дали результатов.

Тенет ощущал это: «Как может быть, что я получаю самую важную информацию от *британской* разведки?» ЦРУ предлагало потенциальным агентам от 5 до 10 тысяч долларов в месяц. Далеко не все оказывались неудержимо падкими на эти далеко не фантастические деньги, учитывая то, что ждало предателя в случае провала. Немногие становились на эту рискованную тропу. Тяжела была и задача *передачи* информации – в Багдаде американцы не имели посольства и спутники связи, пускались в ход экзотические способы сообщения.

Глава местного подразделения ЦРУ Соул настаивал на своем: секретными операциями свергнуть Саддама Хусейна невозможно. Эту задачу может решить лишь полномасштабное вторжение, в условиях которого ЦРУ выполнит свою миссию. И только массовое рекрутирование американских агентов внутри иракского общества могло показать ответственным людям в Багдаде, что американцы абсолютно серьезны, и подтолкнуть их к сотрудничеству. Директива от 16 февраля давала ЦРУ новые возможности: президент делал из него передовой отряд крушения Ирака. Разведке выделили 300 млн дол. на два года. Конгресс ворчал и сократил цифру до 189 млн дол., но все же ситуация изменилась, давая американской разведке новый шанс.

ЦРУ вело подрывные операции в 60 странах, и Джордж Буш придал новый импульс агентурной борьбе. Агент Соул получил новые возможности, но деньги сами по себе мало что значили. Ему нужны были 50 офицеров разведки (а через несколько месяцев – 150 и до 360 человек – в боевых условиях, в штабных норах, на коммуникационных трассах). Афганистан показал важность полувоенных организаций. 20 февраля 2002 г. наблюдательная группа ЦРУ перешла границу Северного Ирака в районе проживания курдов для подготовки баз создания полувоенных организаций, которые получили название Найл – акроним от *элементы связи в Северном Ираке*.

Дипломатия

Вице-президент Чейни сказал генералу Фрэнксу, что планирует визит на Ближний Восток в марте 2002 г. Кто может оказаться помощником в войне против Ирака? Сошлись на десяти потенциальных кандидатах: Египет, Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия, Йемен, Бахрейн, Катар, Иордания, Израиль, Турция. Фрэнкс участвовал в подготовке Чейни к визиту 6 марта 2002 г. Вместе с министром Рамсфелдом они создали сверхсекретный документ по поводу каждой из стран. Уже тогда двое наиболее завязанных на войну американца *знали* о том, что арабские страны не поддержат вторжение в мусульманскую страну. Внешне они выступят против вторжения, но в контактах с американцами будут более умеренными. Фрэнкс дал Чейни словесную характеристику главе правительства и главе секретной службы. К примеру, в Иордании, с которой директор ЦРУ Джордж Тенет тоже тесно работал, Фрэнкс работал со своим иорданским коллегой – генералом Саадом Хаиром. И Фрэнкс, и Тенет взаимодействовали с президентом Йемена Али Абдулом Салихом.

Чейни должен был узнать мнение стран региона о возможности войны США против Ирака. Вице-президент не занимался «мелкой политикой», он не говорил о базах, войсках, самолетах, кораблях. Он говорил, что Соединенные Штаты предельно серьезны относительно Ирака. Чейни был очень доволен пребыванием в Иордании, где ЦРУ уже практически купила местную секретную службу – ГИД. Несколько хуже было его настроение в Египте – Мубарак был согласен не во всем.

За один день Чейни посетил три страны. Ошибкой было игнорировать Катар, который вскоре примет штаб-квартиру СЕНТКОМА. Жена Чейни – Линн Чейни обедала с любимой

женой эмира Катара. Любимую жену спросили, во сколько начинают учиться в Бахрейне. Любимая жена ответила: «Это не Бахрейн».

15 марта Чейни вылетел на символ американского присутствия в регионе – авианосец «Джон Стеннис» в Арабском море. Команда авианосца составляла 5 тыс. человек, это было судно с гигантской авиационной палубой. Здесь вице-президент Чейни выступил перед военнослужащими: «Нашей следующей целью будет давление на государства – спонсоры террора, угрожающие Америке и ее друзьям. Соединенные Штаты не позволят силам террора помогать силам геноцида»¹¹⁶.

Американцев в общем и целом удивил ответ лидеров Ближнего Востока. Во главу угла они определенно ставили израильско-палестинский конфликт. Именно об этом постоянно сообщал в Белый дом Колин Пауэлл. Генерал Фрэнкс был солидарен с этими посланиями. После визита Чейни в критический регион он встретился с президентом в 8 часов утра 21 марта. Президент заговорил о стратегии краткосрочных ударов.

В тот же день генерал Фрэнкс собрал своих ведущих командиров на базе Рамштейн в Германии. Перед ним сидели командиры, которым предстояло выполнять приказы в критический день начала войны. Фрэнкс всем своим видом показывал, что он готов к войне, к следующей войне. «Друзья, в нашем доме грабитель»¹¹⁷. Это выражение имело богатый смысл: цели обозначены и следует ринуться вперед в общем порыве. Всем было видно, что Фрэнкс настроен воинственно. Он и сам теперь верил, что войны не избежать. Фрэнкс сказал, что верит в план 90-45-90, в войну длительностью 225 дней. Он не обо всем говорил со своими командирами, но главное: он им внушил, что предстоит война.

23 марта 2002 г. заседал Объединенный комитет начальников штабов. Что делать с 37 тыс. американцев, сосредоточенных в Южной Корее? Можно ли их использовать в далеко отстоящем конфликте?

А Соул вылетел в Тампу и сообщил Фрэнксу о предстоящих скрытных операциях ЦРУ. Фрэнкс напомнил, что уже сражался с иракцами прежде. «Вот за это вам и платят». Фрэнкс убедился, что на войну с Ираком воюет вся государственная система США.

ЦРУ

В марте 2002 г. Тенет встретился с двумя персонами, критически важными для битвы внутри Ирака. Это были лидеры двух крупнейших курдских группировок в Ираке – Махсуд Барзани и Джалал Талабани. Они контролировали значительную территорию на севере страны и добились весьма впечатляющей автономности от Багдада. Не стоило, однако, забывать, что совсем неподалеку от курдских центров стояли иракские войска, способные устроить резню среди курдов, как это уже было прежде, когда курды восстали, ожидая американской помощи. Тогда, в 1991 году, более миллиона курдов бежали преимущественно в Турцию. Проблемой было то, что турецкое правительство принципиально не признавало этнических общин.

Тенет привез Барзани и Талибани важное послание: Соединенные Штаты на этот раз со всей серьезностью относятся к вмешательству во внутрииракские дела, и ЦРУ получило соответствующие приказы. Разворачивается гигантская машина американской армии. Президент Буш держит свое слово.

Во многом Тенет блефовал, как обычно. Приказа о войне с Ираком не существовало, Буш не был связан никакими обязательствами. Но у него была своя задача: поднять курдов против багдадского режима. И Тенет не страшился на этом восточном базаре произносить слова, которые никто не авторизовал, делать обещания, за которые никто не мог поручиться.

---

¹¹⁶ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 112.

¹¹⁷ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 113.

Главным орудием Тенета были деньги. Из выделенных ему 100 млн дол. он мог платить впечатляющие суммы. ЦРУ стояло на этом, это был его могучий рычаг. Буш – величайший собиратель «политических» денег в истории, и Тенет – крупнейший их распределитель, знали, что могут сделать деньги.

29 марта 2002 г. генерал вступил на территорию, которую легко мог назвать враждебной – он вошел в «Танк» – закрытое место, где совещались председатели комитетов начальников штабов, главы четырех родов войск. Фрэнкс, строго говоря, подчинился непосредственно министру обороны, и начальник Объединенного комитета начальников штабов *не был* его начальником. Но по званиям они все превосходили его, а в вооруженных силах это важный фактор.

Между ними существовала вражда, и эта вражда ощущалась. И несмотря на это, встреча была важной и существенной. Фрэнкс показал более 70 слайдов, полагаясь на то, что ему выделяют до 200 тысяч солдат. Фрэнкс сказал, что в его календаре важной датой было 1 октября, когда его войска должны были быть готовы к броску. Последовало множество вопросов. Например: для Афганистана понадобились пять авианосцев, сколько нужно для Ирака? Насколько точны сведения об оружии массового поражения у Ирака? Как будет происходить снабжение американских войск в Ираке? Согласен ли Фрэнкс с мнением замминистра обороны, что война с Ираком будет нетрудной операцией? Фрэнкс мог отвечать на эти вопросы «в принципе», но он не знал конкретных ответов.

А чета Бушей 6 и 7 апреля 2002 г. принимала главного потенциального союзника – премьер-министра Великобритании с семьей в традиционном месте – на ранчо Кроуфорд.

Британские телевизионщики прижимали Буша к стене в вопросе об Ираке:

– Я пришел к выводу, что Саддам Хусейн должен уйти. Это главное, что я могу вам сказать.

– Но люди считают, что Саддам Хусейн не имеет связей с Аль-Каидой, и я удивляюсь, почему вы должны...

– Худшее, что могло бы случиться, – это создание нацией, подобной иракской, оружия массового поражения, а затем связаться с террористическими организациями. Я не позволю этого.

– И как же вы хотите достичь своих целей, мистер президент?

1. «Подождите немного и вы увидите».

2. «Итак, не важно, впустит Саддам Хусейн международных инспекторов в страну или нет – он все равно будет атакован. Он – следующая жертва»

Буш явно вступил на опасную территорию, и он сказал: «На моем письменном столе *нет планов атаки*». Если, конкретно говоря, такой план и не лежал на столе президента, он все равно в этом случае солгал. Этот план лежал на рабочем столе его генералов.

11 апреля 2002 г. глава СЕНТКОМа генерал Том Фрэнкс, используя видео, доложил министру обороны Дональду Рамсфелду о последних приготовлениях. Генерала беспокоило раскрытие секретных работ в Омане, ОАЭ и Кувейте. Здесь – как бы дежурно – строились взлетно-посадочные полосы. Грузовые самолеты начали совершать рейсы с военными грузами. Все это, разумеется, никак не афишировалось. В Аравийской пустыне выросли пакгаузы и складские помещения. Вставала проблема горючего – его огромной армии на колесах требовалось много бензина.

Операция была дорогостоящей. Даже предварительные приготовления требовали от 300 до 400 млн дол. Плохо было то, что не желали раскошелиться союзники. Министр Рамсфелд напряженно думал над тем, как соблазнить другие страны взять на себя часть финансового бремени ближневосточной операции.

Через неделю о продвижении операции против Ирака слушал сам президент Буш. Оба были удовлетворены уменьшением численности «первоначальных» легионов. Вожди размышляли так: начнем с 180 тысяч; если их окажется недостаточно, доведем общий контингент до 250 тыс. солдат. Буш и Рамсфелд понимали, что регион относится к американским вооруженным силам без особой симпатии. Значит, все надо сделать быстро,

без всяких задержек, но не в ущерб главной задаче – формированию мощного ударного кулака. «Ориентируйте меня, Томми», – сказал президент – и это означало «ничего не делать в ущерб качеству подготовки». Фрэнкс демонстрирует античную лаконичность: «Я постараюсь сбалансировать риск и скорость». Президент: «Томми, правильно. Вы мой эксперт. Говорите мне все откровенно. Вы получите все необходимое».

Дело смещалось к будущим полям сражений. 24 апреля Фрэнкс наставлял своих офицеров в Дохе (Катар). Забыта глухая Тампа. Теперь американские генералы размышляли из глубины ближневосточного региона, на берегу Персидского залива.

Дорога приготовлений казалась бесконечной. Но теперь генерал Фрэнкс имел чрезвычайные полномочия, дарованные ему президентом, и мог несколько меньше оглядываться на непосредственное начальство. Облегчало работу генералов то обстоятельство, что им теперь не нужно было по каждому финансовому поводу консультироваться с Вашингтоном. Вам нужна железная дорога? Не думайте, сколько она стоит, стройте ее. Лейте бетон, прокладывайте дороги, стройте посадочные полосы, укрепляйте лагерь. Финансовая сторона дела будет решена без вас.

Курдский север

9 мая 2002 г. Фрэнкс запросил своих генералов разработать план открытия *второго* фронта на севере, в среде дружественных курдов, ненавидевших Саддама Хусейна больше американцев. Здесь ключевой становилась позиция Турции, но та вовсе не горела желанием укрепить курдский сепаратизм внутри Ирака – курды знают о своих братьях в Турции. У Фрэнкса появляются первые сомнения в дружеском содействии Анкары. Это делало американскую операцию целиком зависимой от единственно надежного – кувейтского плацдарма. Жаль. 160-километровая граница между Турцией и Ираком могла бы открыть путь 15–20 тысячам американских войск, что резко усложняло бы оборонительные задачи Багдада. Фрэнкс думал о концентрации в восточной натовской Турции до 30 тысяч американских военнослужащих. Теперь его энтузиазм остыл, хотя нажим на Анкару еще не был доведен до конца.

10 мая Фрэнкс суммировал свои дискуссии с Рамсфелдом. Того волновало лишь одно: что Саддам *первым* начнет войну тогда, когда американцы к ней еще готовы не будут. На этот счет следовало привести в полную боевую готовность военно-воздушные силы. На севере Ирака к бою были готовы 70 самолетов, на юге – 120. Эти двести самолетов должны были держать руки Саддама связанными и должны были быть готовыми через четыре часа после начала боевых действий. В течение первых семи дней в небе Ирака окажутся 450 самолетов. Еще две недели, и общая численность авиации будет доведена до 800 машин – примерно половина того, что было в руках у американцев в 1991 году.

В тот день Фрэнкс раскрывал карту Ирака в Белом доме перед Объединенным комитетом начальников штабов, но в отсутствии президента. У него уже были варианты главного плана: синий, белый, красный. Обсуждалась позиция стран-соседей. Советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс спросила о возможности сократить означенный срок до 225 (90+45+90) дней. Генерал Фрэнкс обещал подумать. Много вопросов задавал государственный секретарь Колин Пауэлл. Он знал тонкости позиций различных стран, на которые многие американцы откровенно надеялись. И самым эффективным был момент, когда Пауэлл указал на единственный аэропорт в Кувейте, на который можно было твердо надеяться. «Можно ли насытить весь огромный фронт через один-единственный аэропорт?» Фрэнкс ощутил холодок, но постарался удержаться, ведь все же «Пауэлл был мне *немного* другом».

На следующий день те же карты были раскрыты в Кемп-Дэвиде перед президентом США. Май входил в президентское гнездо во всем своем обаянии, и все казалось возможным и достижимым. То была долгая беседа. Командующий СЕНТКОМом охарактеризовал все *пять* фронтов против Саддама Хусейна: Западный фронт стремился предотвратить запуск

иракского «Скада»; Юго-западный фронт атаковал с головных баз в Кувейте (две армейские дивизии и две дивизии морской пехоты); разведфронт раскрывал всю возможную информацию; четвертый – Южный фронт бросался на Багдад; пятый – Северный фронт врвался в Ирак через турецкие базы.

Что им противостояло? Иракская армия состояла из одиннадцати регулярных дивизий и двух дивизий республиканской гвардии. На юге пять регулярных армейских дивизий и специальные дивизии республиканской гвардии. Райс и советник президента Кард выразили опасение относительно создания Саддамом «крепости Багдад». Борьба в городе «съедала» американское превосходство в маневренности и грозила большими боевыми потерями. Это опасение передалось и президенту. Фрэнкс же сомневался в выборе иракским руководством этого варианта. Но и в этом случае: «в конце концов мы победим».

Глава седьмая

Ориентация на Багдад

БАГДАД ИМЕЕТ ХИМИЧЕСКОЕ И БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Доклад ЦРУ, октябрь 2002 г.

Докладу не хватает очевидности.

Колин Пауэлл, октябрь 2002 г.

Ирак превращается во врага

Во второй половине 2002 г. вице-президент Дик Чейни публично выразил свое возмущение «игрой обмана и маневров» (26 августа 2002 г.). В книге М. Поллака «Угрожающий шторм» говорится: «Единственным способом действий, остающимся для США верным и реалистическим, является курс на полномасштабное вторжение в Ирак, чтобы при помощи вооруженных сил сместить Саддама и избавить страну от оружия массового поражения»¹¹⁸. Это, считал Поллак, предпочтительнее бесконечного продолжения политики умиротворения – комбинации санкций, инспекционных поездок, запретных для полетов зон, угрожающего американского присутствия в соседних странах.

Ныне открытые документы свидетельствуют, что в конкретной практике главной целью антитеррористической борьбы стал Ирак начиная с осени 2002 г. С этого времени руководство Ирака стало изображаться как *ничем не сдерживаемое*, как находящееся на финальной стадии овладения ядерным оружием, как готовое поделиться этим оружием с террористами всех мастей. Война с диктатором Саддамом Хусейном завершится (в свете предполагаемой ненависти к нему населения Ирака – так думали в Белом доме) быстро. Ворчащие союзники в ситуации начавшейся войны (полагало американское руководство) быстро присоединятся к возглавляемой Вашингтоном коалиции – как это было в Афганистане. Ирак станет примерной демократией, весь арабский мир будет в конечном счете благодарить Соединенные Штаты, которые возглавят стратегически важный регион. Примечательно, что в своих выступлениях, ратуя за дарование президенту Бушу чрезвычайных полномочий в отношении Ирака, абсолютное большинство сенаторов упоминало сентябрьскую драму Америки. Не все говорили, что правительство Саддама Хусейна – террористическое и подобно Аль Каиде, но почти все так или иначе отразили разительные изменения в американской психике после Сентября. Ответный удар по коварным террористам стал видаться в такой ситуации верным ответом, если даже

---

¹¹⁸ Ferguson N. Colossus. The Price of America's Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 155.

самоубийцами были не иракцы, а *саудовские арабийцы и египтяне*, если даже багдадская Баас и Аль Каида ненавидели друг друга. Соответствующий эмоциональный настрой и чувство всемогущества породили теоретическое обоснование силовой дипломатии, вершиной которой стала «доктрина Буша».

19 сентября 2002 г. президент встретился в Белом доме с членами Палаты представителей. Буш выглядел спокойным и убежденным в правоте своего курса. «Война с терроризмом идет нормально; мы охотимся за Аль-Каидой. Самая же большая угроза исходит от Саддама Хусейна и его оружия массового поражения. Он может нанести удар по Израилю, что вызовет международный конфликт». Затем Буш процитировал из документа, подготовленного для него этим утром Тенетом: «71 процент населения Франции видит в Саддаме Хусейне подлинную опасность миру»¹¹⁹.

20 сентября 2002 г. госсекретарь Пауэлл давал показания Комитету по международным делам палаты представителей. Он говорил о победе в «холодной войне», одержанной без людских потерь. 21 сентября «Нью-Йорк Таймс» сообщила о пресс-конференции в Кувейте генерала Фрэнкса, признавшего, что «мы готовимся предпринять атаку». Пресс-атташе президента Ари Фляйшер постарался смягчить эти слова. Но Фляйшер все же сказал, что не может утверждать, будто «на столе у президента нет плана атаки»¹²⁰. Президент Буш со своей стороны сказал, что переживаемое время – наихудшее. Саддам убил двоих близких подчиненных, чтобы запугать внутренний круг. Президент снова повторил слова о наличии в Багдаде оружия массового поражения. Буш твердо сказал: «Иракский режим обладает биологическим и химическим оружием и, согласно данным британского правительства, может использовать это оружие через 45 минут после получения приказа о его использовании»¹²¹.

Насколько надежным был этот источник? Никто на американской верхушке не задался этим вопросом.

В конце сентября 2002 г. сорокадевятилетний армейский генерал Джеймс «Спайдер» Маркс был назначен начальником разведки войск, готовящихся к вторжению в Ирак. Маркс всерьез воспринял свое назначение: от его работы будет зависеть успех войск, которые пересекут границу Ирака. Верхние чины убедили его, что у Саддама Хусейна есть угрожающее Америке оружие массового поражения (ОМП). Марксу нетрудно было догадаться, что вторжение последует с территории Кувейта, имевшего 160-километровую границу с Ираком. Маркс, собственно, принимал участие в одиннадцатилетней необъявленной войне американцев против Хусейна, начатой еще в 1991 г.

Слабым местом американской разведки было отсутствие реального шпионажа на будущих местах сражений. Сильной стороной было периодическое освещение этих мест американскими спутниками высотной разведки. 2 октября 2002 г. в Пентагоне состоялось совещание тех, кто с помощью спутников слежения готовился помочь выступающим вперед войскам. Компьютерный оверхед помогал иллюстрировать присутствующим основные сцены грядущих событий. Маркс сразу же задал специалистам ключевой вопрос: что мы знаем об оружии массового поражения, имеющемся якобы у Багдада? Что делать с ним при встрече? Уничтожить? Испытать? Охранять его? Привести в негодность? На эти вопросы никто не мог ответить конкретно, и это означало, что полтысячи специалистов не имеют конкретной задачи. На территории Ирака было отмечено 946 подозрительных мест, из них 120 мест считались наиболее важными. Ирак был фактически изолирован американцами от внешнего мира.

---

¹¹⁹ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 186.

¹²⁰ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 188.

¹²¹ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 190.

1 октября 2002 г. Буш и Чейни встретились в Белом доме с представителями Комитета по международным отношениям палаты представителей. Президент призывал к действиям: «История не простит нас, если главным будет вопрос, где были Джордж Буш и Дик Чейни?» Демократ из Невады Шелли Беркли спросил, что будет делать администрация в случае атаки Ирака против Израиля? Буш: «Ракеты „Суперпатриот“ являются одной из возможностей. Мы владеем технологически совершенным оружием». Буш повернулся к Чейни: «Что мне еще позволено сказать?» Чейни: «Не так уж много. Мы можем нанести предваряющий удар». Буш: «Тут люди говорят, что невозможно сражаться в Афганистане и выиграть в Ираке. Это трудно и возможно. И мы сделаем это».

Американская разведка на распутье

Ради исторической истины скажем, что не существует (пока) четко обозначенного документа, в котором Центральное разведывательное управление безоговорочно утверждало бы, что Саддам Хусейн обладает оружием массового поражения. Ведомство Тенета в докладе 2000 г. утверждало, что у Ирака остались некоторые запасы химического оружия (до 100 тонн) и что Багдад мог произвести еще 200 кубических метров. Американцы извлекли эти цифры из разницы между тем, о каких объемах Ирак говорил ООН, и тем, что обнаружили международные инспекторы. Выступая перед Комитетом по разведке, Джордж Тенет 6 февраля 2002 г. упомянул об Ираке только на 10-й странице своего доклада, и то – лишь в трех абзацах. «Мы полагаем, что Саддам никогда не закрывал свою ядерную программу». Но не сказал, что Багдад *стоит на пороге обладания* ядерным оружием.

В этом отношении непрофессионалы выражались гораздо более свободно. Вице-президент Чейни 26 августа 2002 г.: «Простому говоря, не существует сомнений в том, что Саддам Хусейн обладает оружием массового поражения». Месяцем позже президент Буш говорит без экивоков: «Иракский режим обладает биологическим и химическим оружием».

Противоположная точка зрения заключалась в утверждении, что Ирак *не обладает оружием массового поражения*. «Но никто не хотел говорить этого, потому что нужно было упоминать об огромном объеме разведывательной работы. Выходом из всего этого было употребление слова *возможно*»¹²². Вторым человеком в ЦРУ Джон Маклафлин был смелее коллег и утверждал представителям Национального совета по разведке, что ЦРУ склонно верить, что Саддам Хусейн *имеет* ОМП.

К началу октября 2002 г. американская разведка создала сверхсекретный доклад, на 92-й странице которого утверждалось, что «Багдад имеет химическое и биологическое оружие». В докладе говорилось, что «Багдад возобновил производство горчичного газа, зарина, циклозарина и газа VX», но не говорилось, что Ирак *уже обладает* таким газом.

Еще более двусмысленно говорилось в докладе о связи БААС с фундаменталистами. «Саддам, если окажется в отчаянном положении, может решиться на обращение к таким организациям глобального размаха, как Аль-Каида, уже борющимися с Соединенными Штатами... В качестве отчаянного жеста он может присоединиться к атаке на США исламистов как последний шанс отмщения».

Колин Пауэлл предпочел бороться. Госдепартамент создал 11-страничное опровержение вышеуказанного документа: «Докладу не хватает очевидности». Чтобы нейтрализовать слабые места доклада разведки, президент Буш прежде всего заручился поддержкой своих политических конкурентов. В час дня 2 октября 2002 г. он появился перед сенаторами с Джоном Маккейном по одну руку и с Джозефом Либерманом по другую в Розовом саду Белого дома.

Президент произнес следующее: «Саддам Хусейн является учеником Сталина». Ирак

---

¹²² Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 197.

уже в 1995 г. производил 30 тонн антракса. Багдад пытался купить 500 метрических тонн урана в Африке. (Британская разведка сообщила о переговорах на эту тему с Нигером. Посол США в эту страну был послан в Нигер и не нашел жестких доказательств.)

Словесная подготовка

Важную речь в прайм-тайм президент Буш произнес в Цинцинатти 7 октября 2002 г. Ее осязательная идея: Саддам опасен, и американское государство ощущает эту опасность. Тенет заставил президента выкинуть фразу о том, что Саддам пытался обрести уран в Африке. «Мы должны выкинуть эту проклятую фразу, потому что мы не доверяем ей». Буш был заметно огорчен. «Получается, что мы не знаем, как Саддам готовится вооружиться»¹²³.

В высокосекретном докладе американской разведки говорилось: «Ирак не имеет ядерного оружия или материалов, достаточных для его создания. Но он сможет произвести это оружие между 2007 и 2009 годами». Но вместо того чтобы сделать упор на очевидных иракских трудностях, президент Буш сместил акцент, что «страшная опасность – только дело времени... Мы видим явную очевидность опасности. Мы не можем ждать, когда будут получены неопровержимые доказательства».

Во время секретной телеконференции генерала Фрэнкса с президентом Бушем 9 октября 2002 г. стало абсолютно ясно, что Америка сделала выбор. Вторжение в Ирак – вопрос времени. Буш боялся того, что Саддам Хусейн отступит к Багдаду, и американские войска будут ждать огромный Сталинград, бои в городе. Это же опасение разделяли Райс и начальник штаба президента Кард. Итак, *первое*, чего следовало опасаться, было превращение Багдада в город-крепость. *Вторая* по значимости опасность – наличие оружия массового поражения. (За это на данном этапе отвечал Маркс и его 400 подчиненных; заместителем Маркса был полковник Стив Роткоф, который вел ежедневный журнал поисков, и в следующие шесть месяцев появились шесть пухлых томов.)

В процессе подготовки к войне генерал Маккирнан перенес свою штаб-квартиру в Кувейт в октябре и ноябре 2002 г. Американцы были настроены таким образом, что, если иракцы ответят на их выход из Кувейта оружием массового поражения, то войска остановят свое продвижение. Маркс и Роткоф обозначили, кто конкретно будет отвечать за расследование на 946 подозрительных местах. Спутники-шпионы были задействованы со всей силой. Глава Национального агентства безопасности получил 400 млн дол. на проведение особых операций внутри Ирака.

В конце ноября 2002 г. Саддам Хусейн разрешил инспекторам ООН, возглавляемым шведом Гансом Бликсом, возвратиться в Ирак. В эти же дни Маркс заметил на фотографиях американских спутников подозрительную активность в нескольких местах. Инспекторы ООН входили в главные ворота, а тем временем из заднего двора вывозилось нечто на грузовиках, направляющихся к сирийской границе. Но точных результатов не было. Иракцы вывозят велосипеды?

Неведомо для Маркса министр обороны Рамсфелд задумался над неожиданностями предстоящей кампании. В секретном трехстраничном меморандуме от 15 октября 2002 г. министр выделил 29 «опасностей», неверных поворотов событий в войне с Ираком. Рамсфелд обсуждал эти гипотетические повороты с президентом Бушем и в Совете национальной безопасности. («Опасность № 13: США встретят оружие массового поражения»). Рамсфелд не доверял стратегической разведке. Он не верил Тенету («я не знаю его»).

Ястребы в конгрессе

---

¹²³ Woodward R. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 97.

10 октября 2002 г., после двух дней дебатов, Палата представителей приняла резолюцию (296 голосов против 133), *дающую* президенту право использовать американские войска в Ираке, «если он сочтет это необходимым».

В сенате Эдвард Кеннеди выступил весьма страстно против указанной резолюции: «Администрация не привела убедительных доказательств неминуемой угрозы... Доктрина предваряющего удара – это призыв в XXI веке к формированию американского империализма – с этим не согласится ни одна другая держава»¹²⁴. Сенатор Джон Керри, напротив, заявил, что будет голосовать *за резолюцию*, чтобы при помощи силы разоружить Саддама, ибо «смертоносный арсенал оружия массового поражения в его руках представляет собой угрозу, страшную угрозу нашей безопасности... Мы должны разоружить Ирак силой оружия». Керри убивал единственный шанс стать президентом, ибо в самом критическом вопросе становился неотличимым от Буша.

Поразительно, но ни один демократ не выступил против президента-республиканца на фоне обличения Центральным разведывательным управлением оружия массового поражения в руках Саддама Хусейна, на фоне (ложной, как оказалось) информации о превращении Ирака в ядерного монстра. Голосование в сенате 11 октября 2002 г. дало самые благоприятные для президента результаты: 77 голосов против 23. Америка поддержала курс на военное решение проблемы. Даже такие противники силовой дипломатии, как сенаторы Дэшл и Файнштайн, сказали резолюции «да». Сенатор Грэм из Флориды голосовал против резолюции по тем соображениям, что резолюция «слишком запуганная». Он хотел не только дать президенту право раздавить Ирак, но считал правомочным «использовать силу против всех международных террористических групп».

Тремя неделями позже на промежуточных выборах республиканцы подтвердили свое преобладание – редкий случай для президентской партии получить дополнительные голоса (два в сенате и шесть в палате представителей).

Да, 11 сентября 2001 года поколебало психику Соединенных Штатов. Америка буквально сошла с рельс международной упорядоченности. Ее боевой клич отныне слышали во всем мире. Но все же не все американские политики одобрили резко-агрессивный курс официального Вашингтона, и президент Буш вместе с министром Рамсфелдом решили ближе познакомиться с Объединенным комитетом начальников штабов. Этих американских генералов Белый дом сознательно держал на солидном расстоянии от планирования нападения на Ирак. На заседание не пригласили Вулфовица, Либби и Хэдли, но Райс, Чейни и Кард присутствовали.

Среди центров государственного влияния только государственный департамент, возглавляемый Пауэллом и Эрмитиджем, смотрели на операцию в Ираке без малейшей охоты. Они знали мнение мировой элиты, они обсуждали потенциальный ход развития с самыми дружественными из лидеров. Их предупреждали.

Военная машина США в Персидском заливе

Начальник штаба армии генерал Эрик Шинсеки считал численность привлекаемых войск недостаточной. Он сомневался в адекватном подвозе запчастей и вооружений в ходе быстрого продвижения американской армии к Багдаду.

На заседании Совета национальной безопасности в октябре 2002 г. министр обороны Рамсфелд составил список *пятнадцати возможных ошибок*. Он тут же показал этот список всем присутствующим, включая президента: «Вот о чем мы должны думать». Рамсфелд послал особый меморандум президенту Бушу, указывая на слабые места планирования. *Первым* пунктом было следующее: другое государство воспользуется вторжением США в Ирак. Почти явный намек на Россию.

---

¹²⁴ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 203.

В те дни и недели ЦРУ пыталось в спокойной манере договориться с Турцией о пропуске американских войск, и довольно неожиданно услышало от Анкары категорическое *нет*. Турецкое правительство не позволит полувоенным формированиям пройти сквозь Турцию к Ираку. Американское давление на турецкое руководство не дало результатов.

Выступая от лица разведки, Соул мобилизовал лучшие силы: десять человек. Шестеро были кадровыми офицерами ЦРУ, лучшими в знании арабского языка, специалистами по коммуникациям. Команда вылетела в Анкару и предстала перед турецким генеральным штабом. Затем Диярбекир – отсюда по горной дороге несколько часов до иракского Курдистана. С ними были десятки миллионов долларов стодолларовыми ассигнациями.

Нужно сказать, что с помощью курдов и денег американские разведчики узнали несколько важных вещей. На 103 принесенных из темноты страницах содержался секретный план, созданный сыном Саддама Хусаем. Было ясно, где расположатся основные части иракской армии. Принятая в сеть ЦРУ семья высокопоставленных курдов согласилась за 135 тыс. дол. в месяц оказывать постоянную помощь, и таких примеров было немало. Курды стояли за свое отечество и видели в американцах неожиданных союзников.

Не только курды. В списке готовых сотрудничать с американцами были люди из самых привилегированных подразделений Саддама, из его разведки и дивизии федаинов. В Вашингтоне были поражены широтой завербованной агентуры. Соул сказал, что если данные точны хотя бы наполовину, в их руках золотое месторождение.

Не менее активным в эти дни было Национальное агентство безопасности (НАБ), куда стекалась вся необходимая информация, получаемая техническими средствами. Бюджет – 6 млрд дол. в год. Все телефоны Ирака стали прослушиваться. Радио и компьютеры противоположной стороны днем и ночью отслеживались НАБ. Директором этого агентства был генерал-лейтенант Майкл Хейден, со стажем 32 года в разведке – в Европе, Азии, Тихоокеанском бассейне. Весь 2002 г. Хейден готовился к операции в Ираке. Готовился со всей охотой. Он получил католическое образование и в молодые годы служил церкви, изучая труды Святого Фомы Аквинского и Святого Августина, двух ведущих философов, создавших, по его мнению, концепцию «справедливой войны». У него был мрачный взгляд на мир: оборона только ослабляет Соединенные Штаты, страна не должна оставлять без внимания ключевые богатства планеты, тем более что Ирак имел такие тесные отношения с Россией. Хейден проповедовал наступательный стиль. У него теперь имелась огромная команда превосходных знатоков иракского диалекта арабского языка, которые месяцами (до пяти лет) слушали внутренние переговоры иракского руководства. Слушатели не только узнавали голоса «своих» подопечных, но отличали оттенки их настроения, неожиданности в их поведении.

Однажды ночью, во время позднего обеда, жена спросила Хейдена, есть ли у иракцев ОМП, и тот ответил: «Если бы это был определенный факт, то мы не занимались бы разведкой».

А 7 декабря 2002 г. генерал Томми Фрэнкс сказал своим генералам (записано Марксом в дневнике): «Вы еще не знаете, какое давление я окажу на вас на пути в Багдад. Мы вступаем в рискованное предприятие». Задача ставилась просто: «Быстро захватите Багдад». Предстоит быстротечная война. Полное название плана войны – «Оп 1003 V».

Маркс просил помощи в поисках ОМП. До сих пор все его попытки сканировать все подозрительные предприятия не увенчались успехом. Одетый в противохимический комбинезон, полковник Роткоф в Кувейте мучался от жары в непроницаемой униформе. Саддам Хусейн уже выпустил 88 ракет «Скад». Можно представить «Скады» с химической боеголовкой. Большинство окружающих были уверены в этом. Не верили в ядерное оружие Хусейна, но полагали реальным обнаружить химическое оружие. Фрэнкс дал Марксу бригаду из 400 человек.

На фронте ООН

Об осложнившемся положении Америки в ООН государственный секретарь Колин Пауэлл много говорил на заседании Совета национальной безопасности 23 октября 2002 г. Он распространил новый проект резолюции Совета Безопасности ООН, одобренный президентом Бушем. Нужно было заручиться 9 голосами из 15 голосов членов Совета Безопасности. Но пять *постоянных* членов СБ ООН могли одним своим голосом наложить вето на предлагаемую резолюцию. И они смотрели без одобрения – Россия, Китай, Франция. У России были самые тесные связи с Ираком, и вся операция в Месопотамии походила на отнятие у России ее самого большого приза на берегу Персидского залива.

Пауэлл видел растущий престиж высокого французского аристократа Доминика де Вильпена, автора биографии Наполеона, занявшего самую жесткую позицию против военного решения на берегах Тигра и Евфрата. Де Вильпен настаивал на двухступенчатом решении: 1) Резолюция о новом раунде тщательных инспекций. Любое нарушение прежних обязательств подталкивает ООН к военному решению. 2) Должна последовать вторая резолюция, которая – именно она – призвет к применению силы. Де Вильпен жестко стоял за предъявление Ираку этой, *второй* резолюции.

На берегах Потوماка международным законотворчеством решил заняться вице-президент Ричард Чейни. Согласно его идеям, следовало потребовать от Ирака полного отчета о всех национальных программах по развитию химического, биологического и ядерного оружия. И дать Багдаду для ответа всего 30 дней. Саддам ответит, что у него нет подобных программ, и эта ложь послужит основанием для начала войны. Иракское правительство представило ООН *12-тысячестраничный* доклад, по пунктам отрицавший все положения обвинения. Реакция американской стороны была краткой: «Этому документу нельзя доверять». Этот документ подавался американским руководством в духе: «Ты врешь снова»¹²⁵.

Райс была в восторге от такой реакции; французы согласились с американским фактическим ультиматумом при условии, что *последует вторая резолюция*. Буш и Чейни считали *вторую* резолюцию неприемлемой – простым затягиванием времени.

Спор между де Вильпеном и Колином Пауэллом длился немалые пять дней. 1 ноября 2002 г. госсекретарь США привел руководителей группы инспекторов, направляющихся в Ирак, к Бушу и Чейни. (Присутствовали также Райс и Вулфовиц.) Возглавляли инспекторов 74-летний шведский дипломат Ганс Бликс и 60-летний египтянин Мохаммед эль Бородай – директор венского Международного атомного агентства (МАГАТЭ), главной функцией которого является проверка ядерного нераспространения. Вулфовиц утверждал, что хитрый Саддам обведет мягкого шведа вокруг пальца. А Буш сказал следующее: «Вы должны понять, мистер Бликс, что за вашими плечами стоит мощь Соединенных Штатов. И я готов использовать эту мощь, чтобы навязать Багдаду искомую резолюцию. Решение начать войну будет моим решением».

Бликс, возглавлявший МАГАТЭ 17 лет, пообещал жесткие процедуры инспекций. Буш сказал, что верит ему, но Чейни утверждал, что от традиционного пацифиста нет смысла ждать чего-либо хорошего. Швед не проявит необходимой твердости.

Но не Бликс, а де Вильпен осмелился открыто противостоять официальному Вашингтону. Оставалось 20 минут до вывода дочери Пауэлла на церемонию свадьбы, а отец что-то яростно говорил по телефону французскому министру. И все же американцы несколько отступили: «и» между двумя предполагаемыми резолюциями, а не категорическое «но». Президент Путин попросил дополнительные полчаса, после чего министр иностранных дел Игорь Иванов заявил о согласии своего правительства.

8 ноября 2002 г. все пятнадцать рук членов Совета Безопасности ООН взметнулись вверх, и резолюция № 1441 стала историей. Ирак жестко предупреждался, но это *не было объявлением войны*. Удивило «за» Сирии. Буш поблагодарил Пауэлла за дипломатическое

---

¹²⁵ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 222.

продвижение вперед. Он был уверен, что мощная инспекционная группа найдет повод для людей Фрэнкса.

По пути к войне

15 ноября 2002 г. 53-летний посол Саудовской Аравии принц Бандар бин Султан вошел в Овальный кабинет Белого дома. Здесь уже были Чейни и Райс. Задача американской стороны была обозначена так: «Минимизировать изменения на мировых нефтяных рынках»¹²⁶. Американцы помнили, что еще в 1994 г. король Фахд предложил президенту Клинтону вдвоем свергнуть Саддама Хусейна. В апреле 2002 г. принц Абдулла предложил ЦРУ миллиард долларов на те же цели. Теперь посол Бандар говорил следующее: «Если вы серьезны, мы примем правильное решение. Что вы собираетесь делать?»

Буш ответил, что он собирается создать в Ираке новое правительство. «Наша настоящая цель – не возвращение инспекторов в Ирак, но сделать так, чтобы у Ирака не было оружия массового поражения, чтобы он не представлял угрозу Саудовской Аравии и Израилю». Если он придет к заключению о необходимости войны, то сообщит об этом в Эр-Рияд. Принц Бандар: «Саудовцы хотели бы знать конкретные планы предстоящей операции». Последовал тэт-а-тэт Буша с послом в течение четверти часа. Для Вашингтона саудовцы, владеющие четвертью мировой нефти, были очень особенными союзниками.

26 ноября генерал Фрэнкс потребовал от Рамсфелда приказа разворачивать силу в 300 000 солдат и офицеров. Основа уже заложена – в регионе уже были 60 тысяч американских военнослужащих. Здесь были пришвартованы два авианосца. Министр ответил позитивно: «Мы можем двигаться *этим* путем». Дипломатия уступила место богу Марсу. Американская военная машина взяла крайние обороты.

Как бы противоречия нетерпимости Вашингтона, Ирак между тем согласился на новый тур инспекций. Несмотря на это, президент Буш 6 декабря отдал *окончательный* приказ о незамедлительном перемещении указанных американских войск на предбоевые позиции.

В результате американцы фактически поставили Ирак в положение, где путь назад был исключен. Белый дом требовал невозможного. Представитель президента Буша Ари Фляйшер огласил единственные условия смягчения американского правительства: «Если Саддам Хусейн укажет, что у него есть средства массового поражения и что он нарушал резолюции ООН, тогда мы узнаем, что Саддам Хусейн снова обманывал весь мир. Если он будет все отрицать, тогда мы снова убедимся в том, что Саддам Хусейн обманывает весь мир». Вот с этой логикой Соединенные Штаты приготовились завладеть влиянием в той стране Ближнего Востока, удаляя Россию из страны, где она пользовалась заслуженным влиянием.

7 декабря Багдад предоставил миру доклад, в котором на 11 807 страницах декларировалось, что у страны нет оружия массового поражения. Реакция Вашингтона была непримиримой и лаконичной. Вице-президент Чейни сказал так: Саддам врет снова, декларация «несомненно фальшивая». Столь безапелляционная категоричность была непонятна особенно ввиду того, что в Ирак направились *многие сотни* нейтральных инспекторов.

Войска на боевых позициях

Тактика Рамсфелда *постепенно* переводить войска на Ближний Восток в плане камуфляжа оправдывала себя. Без особого шума в Персидский залив вошел четвертый авианосец «Гарри Трумэн». Словно ничего особенного не произошло, но авиационная мощь американских сил выросла значительно, на порядок. Министр любил и умел выступать, он

---

¹²⁶ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 228.

остро ставил вопросы и не без умения отвечал на них. Как пишет Боб Вудвард, «он был мастер быть честным, не будучи при этом особенно честным»¹²⁷. Например, 5 декабря он говорил журналистам: «Мы перемещаем войска во всех уголках света. Теперь у нас несколько больше войск в СЕНТКОМе, чем было неделей ранее». Никто в Вашингтоне не объявлял *официально* об увеличении численности войск с 25 тысяч до 35 тысяч сразу после Рождества 2002 года.

Генерал Фрэнкс с 600 сотрудниками начал создавать и обживать штаб-квартиру СЕНТКОМа в Катаре. Одетый в «камуфляж пустыни», Фрэнкс развернул необычайную активность. Он жаждал сотворить в пустыне своего рода блицкриг и за счет скорости захватить ключевые объекты фактически обреченного Ирака. А Буш наращивал общественное горение. 13 декабря он сделал семиминутное объявление о том, что всем военнослужащим США будет сделана прививка от оспы. Чего Буш не сказал, так это о том, что готовыми к употреблению были 20 млн доз вакцины против оспы – на случай создания грандиозной коалиции, готовой во главе с американцами вторгнуться в Ирак.

Проблемой было убедить союзников в готовности Саддама применить биологическое оружие. Вице-президент Чейни возглавил общенациональную кампанию под названием «Биоцит», на которую планировалось выделение 6 млрд дол. Чейни сумел довести общество почти до паранойи.

На этом этапе у американцев возникают новые сложности с Гансом Бликсом, нейтральным шведом, который считал контрпродуктивным для МАГАТЭ иметь тесные связи с ЦРУ. Страдала объективность авторитетной международной организации. ЦРУ же стремилось снабдить ведомство Бликса, его номинально нейтральных инспекторов, ориентированных на получение данных о местах расположения иракских ОМП. Бликс открыто сказал, что хотел бы быть *примирительным* в отношении Ирака, он не желал быть заведомо агрессивным. Иракские представители сопровождали инспекторов Бликса повсюду, где те намечали зоны осмотра. Американская же разведка руководствовалась лозунгом «Крестного отца» из знаменитой киноэпопеи: «Держи своих друзей близко от себя, а врагов еще ближе». Поэтому ЦРУ развернуло целую кампанию агентурной работы среди служащих и инспекторов ООН. Особенную цель представляли собой люди непосредственного окружения Бликса – именно от их выводов зависело если и не начало войны против Ирака, то пропагандное обоснование этой войны. Но все же Бликс и его инспекторы были гражданами других стран и зеленая валюта не всегда действовала магически. Платные же агенты с охотой докладывали то, за что им платили деньги: что Бликс и его люди доносят мировой общественности «далеко не все добытые материалы». «Платные инспекторы» знали, что за такие сведения американцы платят особенно охотно.

5 декабря 2002 г. в огромный пентагоновский кабинет Рамсфелда вошел Стив Хербиц и сказал пророческие слова: «Необходимо сфокусировать внимание на *послевоенном* Ираке. Мы можем победить в войне, но не победим в мирных условиях». Так же считал и госдеп, встречи Пентагона с которым заканчивались криком.

Голова Рамсфелда была занята иным: президент приказал окружить Ирак со всех сторон так тихо, чтобы мир не знал об этом.

Глава восьмая Коалиция

Война – мой последний шанс. Саддам Хусейн тратит деньги на тренировку и вооружение Аль-Каиды химическим оружием, он прикрывает террористов.

---

¹²⁷ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 236.

Президент Буш, декабрь 2002 г.

Союзники вовне и внутри

18 декабря 2002 г. президент Буш встретился с премьер-министром Испании Хосе-Марией Аснаром. Оба они с презрением отвергли уверения Саддама Хусейна, что у страны нет оружия массового поражения. «Эта декларация ничего не означает, это пустышка, это шутка, именно так мы ее и оцениваем». Буш добавил: «На какой-то точке мы придем к выводу, что сделанного Саддамом недостаточно. Он лжец и не намерен разоружаться... Война – мой последний шанс. Саддам Хусейн тратит деньги на тренировку и вооружение Аль-Каиды химическим оружием, он прикрывает террористов».

В штаб-квартире ЦРУ Соул ежедневно работал с агентами, ориентированными на Ирак. Здесь не любили выражения Буша, что война – это его последний шанс. Для ЦРУ война была *первым шансом*. От Соула ежедневно шли послания на седьмой этаж здания в Лэнгли, где располагались кабинеты Джорджа Тенета и Джона Маклафлина. «Мы можем продержаться на этом уровне подготовки подрывных сил до конца февраля. После февраля мы можем начать терять людей, так как режим Саддама Хусейна начнет ощущать потери». Контрразведка Саддама не недооценивалась американцами. И с предателями там обращались в высшей степени сурово. Но и Лэнгли мобилизовало все силы.

В сложном положении находились две полувоенные группы Соула, заброшенные в Ирак. Одной из групп (во главе с неким Тимом) Соул позволил выйти из Ирака на две недели в период Рождественских праздников – пусть отдохнут. Но Соул твердо потребовал от этой группы в середине января 2003 года возвратиться на прежние позиции в Ираке. Казалось, не может быть двух толкований: война начнется в конце февраля или, в крайнем случае, в марте. На самом деле Соул, как и его прямые начальники, не знал, когда начнется война, они пребывали в неведении – что поражало их агентов.

Грядущее между тем решалось на заседаниях СНБ; одним из наиболее важных было заседание Совета национальной безопасности 18 декабря 2002 г. Директор Тенет уступил свое обычное место за столом некоему Бобу, чей отряд располагался в Ираке. Тот – маленький, элегантно одетый человек, обрисовал ситуацию внутри Ирака. Число агентов выросло, и их квалификация стала лучше. Боб рассказал президенту Бушу и окружающим о своих трудностях: «С одной стороны, мы убеждаем противников режима, что война неизбежна. А с другой стороны, мы вынуждены убеждать людей, что, предлагая резолюции в ООН, президент Буш абсолютно серьезен и на международном форуме»¹²⁸. Буш признал трудности своих агентов, трудности совмещения двух курсов. Советник по национальной безопасности Кондолиза Райс подумала, что это и есть «принуждающая дипломатия». А Маклафлин думал о трудном положении своего ведомства, попавшего между молотом и наковальней, между силовым и дипломатическими аспектами американской дипломатии.

Во время встречи с натовскими союзниками замминистра обороны Пол Вулфовиц оживил обсуждение следующими словами: «Наличие у Саддама средств массового поражения – это похоже на суждение судьи о порнографии. Я не могу определить, что это такое, но я точно знаю, что это такое, когда увижу это».

21 декабря 2002 г. Тенет и Маклафлин прибыли в Овальный кабинет президента Буша. На этот раз президент Буш решил задавать прямые вопросы. Буш обернулся к Тенету. «Много раз мне разведка говорила об обладании Саддамом средствами массового поражения. Скажите, каковы наиболее убедительные доказательства, имеющиеся в нашем распоряжении? Крупный Тенет, любитель баскетбола, поднялся с дальнего угла кожаного дивана и выпростал руки в воздух, словно, взмыв в высоту, готовился нанести по баскетбольной корзине удар „сверху вниз“». Директор ЦРУ как бы упивался наглядностью

---

¹²⁸ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 243.

своего примера: „Это как удар сверху вниз!“ Президент продолжал давление: „Джордж, насколько вы уверены?“ Но и на Буша подействовал „баскетбольный аргумент“. Задумаемся: этот трюк стоил жизни многим тысячам американцев и иракцев, единственной виной которых было то, что они родились в своей стране.

Тенет, баскетбольный фанатик, не упускавший ни одного матча в Джорджтауне, своем родном университете, снова выгнулся вперед, снова выбросил руки вверх: «Не беспокойтесь, это как удар сверху вниз!» Впоследствии окружающие утверждали, что для Тенета такая степень убежденности и такой характер доказательств *не было характерным*. Но двойная физическая демонстрация им своей убежденности запомнилась всем¹²⁹. Чейни посчитал, что спрашивать в третий раз будет уже слишком – глава ЦРУ *обязан* знать. Важнее всего то, что Буш не потребовал объяснений.

Президент Буш приказал зафиксировать «баскетбольный удар» в конкретном документе. 40-страничный текст был послан Тенетом 22 января 2003 г. Помощники Буша Хэдли и Либби навестили Тенета с уточняющими вопросами. Их удивил доступ к самым секретным оценкам Тенета иракца по имени Челаби, считавшегося Тенетом одним из главных источников достоверной информации. Но презумпцией их работы было кредо Тенета: Саддам имеет средства массового поражения и прячет его; его связи с Аль-Каидой многочисленны и неоспоримы.

В свете уверенности американской разведки едва ли стоит удивляться тому, что в конгрессе число сторонников силовых акций против Ирака превысило осторожных в соотношении 3:1. Заместителю министра обороны Полу Вулфовицу пришлось сложнее, когда он в том же стал убеждать союзных послов при НАТО, и замминистра ничего не осталось, как прибегнуть к «умозрительным аргументам»: «Это как судить о порнографии. Ее нельзя определить, но я точно знаю, когда вижу ее». В стране юристов это весьма зыбкий аргумент.

Но президент Буш уже считал сомнения лишь проявлением слабости характера. В послании «О положении страны» 27 января 2003 г. треть текста посвящена 25 тыс. литров сибирской язвы и 38 тыс. токсина ботулизма, которыми якобы вооружен Саддам – «достаточные для убийства *миллионов* людей». 16 слов были посвящены тому, что «британское правительство обладает сведениями о значительных объемах урана, добытых Саддамом Хуссейном в Африке».

Собственно, тогда – между декабрем 2002 и мартом 2003 г. администрация Буша поставила с ног на голову основу американского правосудия – не внешние силы обязаны были теперь доказывать вину Саддама Хуссейна, а сам Саддам Хуссейн поставлен был в позу человека, доказывающего, что он не верблюд. «Ну-ка показывай нам оружие, которого у тебя не может не быть!» Президент Ирака «обязан» был изыскать оружие массового поражения, объяснить, где он его достал, отдать его международным контрольным органам и доказать всему миру, что он *все* отдал. Америка гордится своим правосудием; почему же она «купила» столь извращенную логику.

А вот Бликсу Буш явно не доверял. Главный советник президента Роув в целом считал шведов слегка испорченной нацией – он сам был *норвежского* происхождения. Роув буквально издевался над международными инспекторами. Они отдыхают на Рождество и в другие праздники, они входят в пустые свежепокрашенные помещения, не замечая камуфляжа. В их действиях нет необходимой агрессивности. «Я не уверен, что Бликс адекватно делает свою работу. Они все перевернули с ног на голову – ведь именно обвиненный обязан доказывать, что ОМП отсутствует, а не весь мир доказывать, что оно присутствует».

Буш обратился к верной Кондолизе Райс: «Должны ли мы, по вашему мнению, начать войну?» Никогда президент не спрашивал своего советника таким образом. И та ответила:

---

¹²⁹ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 249.

«Да. Потому что на кон поставлено доверие к Америке, доверие всех, уверенность в том, что этот гангстер, Саддам, не обойдет снова все мировое сообщество... Разрешение этой угрозе в этой части мира играть в волейбол с мировым сообществом когда-нибудь принесет горькие плоды. Вот почему мы должны действовать». Буш обошелся без комментариев, он смолчал. В будущем Буш признает, что с Конди он говорил более, чем с кем-либо другим. «Был ощутим значительный стресс. Мышцы на скулах словно сомкнулись». Пауэлла и Чейни Буш *решил не спрашивать*. Он знал, что те ответят. Буш спросил многолетнюю советницу Карен Хьюз, недавно ушедшую на покой. «Она сказала, иди войной, если исчерпаешь все прочие возможности достичь своих целей мирным путем. Она была права».

Кондолиза Райс навестила тетку, а затем приехала на Рождество в Кроуфорд – на удивительно плоскую техасскую равнину, где Джордж Буш-младший построил свое жилье. У нее было чувство, что вокруг происходят большие изменения. После Нового, 2003 года президент жаловался: сделать инспекторов Бликса агрессивными невозможно. Саддам привыкает обходить Бликса. Пресса приносила множество фотографий с улыбающимися иракскими чиновниками, открывающими очередные двери со словами: «И тут тоже ничего нет». Буш скрипел зубами. Еще более его раздражало антивоенное движение в Европе, явственно укреплявшее иракского президента. «Саддам укрепляет свои позиции». Швед Бликс тоже начал испытывать раздражение. Он сказал Кондолизе Райс: «Я ведь никогда не жалею на ваше военное давление?»

На чьей стороне время?

В эти критические дни президент Буш не переставал утверждать, что «время на нашей стороне». Президент всегда был рад видеть в Кроуфорде Роува. Тот уже работал над президентской кампанией 2004 года. Роув любил историю; сейчас он изучал «актуальный материал» – как президенты-республиканцы бились за вторичное избрание. Рейганы дали ему доступ в семейные архивы, а Форды в свои письменные кладовые. Роув «давал советы» президенту, а супруга Лаура на диване читала книгу – вот типичная картина тех дней. Роуву было нетрудно заметить, что жена президента внимательно слушает именно его. Роув считал, что кампания будет столь же жесткой, как и в 2000 году, но завершится с тем же результатом.

Время требовало пребывания в Вашингтоне. В три пополудни 6 января 2003 г. Буш собрал в Белом доме весь кабинет. Некоторым показалось, что президент менее агрессивен, чем обычно. «Если за нами не будет правое дело, я не пошлю войска». 9 января явился генерал Фрэнкс, обеспокоенный недостаточной степенью поддержки Турции, Саудовской Аравии и Иордании. Буш спросил: «Если война начнется завтра, что вы будете делать?» – «Вышлю в воздух 400 самолетов и брошу вперед 15 тысяч войск, расквартированных в Кувейте». – «Какой этап разворачивания войск делает войну бесповоротной»? Фрэнкс: «Высадка специальных отрядов внутри Ирака». Судя по общей обстановке, генерал Фрэнкс считал, что для приготовлений осталось примерно три недели.

Буш и Чейни призвали в Белый дом трех ведущих лидеров оппозиционных сил в Ираке. Президент еще никогда не говорил так открыто: «Я считаю Саддама Хусейна угрозой Америке и ее окружению. Саддам должен разоружиться, но он не жаждет этого делать, вот почему мы собираемся отстранить его от власти». Глаза у иракцев заблестели. Хатем Мухлис, доктор из Тикрита: «В Ираке в 1950-е годы была демократия. Ныне все иракцы готовы свергнуть Саддама. Их останавливает лишь страх». Буш: «Не ненавидит ли средний житель Ирака Израиль?» – «Нет. Люди заняты собственными проблемами, их мало интересует внешний мир».

Писателю Канану Макийя президент Буш сказал: «Мы готовимся к худшему». Тот ответил: «Напрасно – люди встретят вас цветами». Буш: «Почему вы так уверены?» Все трое заговорили о том, что именно такая информация исходит из Ирака. Иракцы – технически способные люди, они образованы, их деревни электрифицированы. Буш и окружение: что

понадобится Ираку в будущем? Ответ: деньги, медицинские учреждения, немедленная гуманитарная помощь. Важным было следующее высказанное соображение: раскол между суннитами и шиитами не столь велик, как его часто изображают. Буш: «Представьте, что Саддама нет, образовалась пустота, что вы предвидите?» Молчавший доселе Чейни заметил в том же ключе: «Мы должны думать о послевоенной фазе. Важно, чтобы вместо старого режима вакуум заполнили некоррупцированные чиновники нового режима».

Буш спросил, вернется ли домой зарубежная диаспора? Один из иракцев сказал «Да». – «Сколько времени придется стоять в Ираке американским войскам?» – «От двух до трех лет». – Понимали ли американцы, что им говорили *то, что они хотели услышать*?

Буш спросил, каким образом иракцы знакомятся с событиями внешнего мира? «Есть ли у них электронная почта?» Серверы Интернета, ответили иракцы, принадлежат государству, и оно регулирует информационный поток. И все же в страну проникает «Голос Америки» и «Би-Би-Си». Один из иракцев сказал, что Ирак будет нуждаться в своем Хамиде Корзае, в государственном парламенте, в государственном правительстве, в развлечениях и продовольствии.

Буш: «Мы еще не приняли окончательного решения. Я рассматриваю вас и диаспору как партнеров. Моя задача – организовать весь мир и выиграть войну. Я не уверен, что моей задачей является поиск нового лидера. Возможно, что через год мы будем праздновать победу».

Одним из наиболее приближенных к Бушу чиновников, подталкивающих к атаке, был министр обороны Рамсфелд: «Если вы примете решение *не выступить*, то нам не избежать потери престижа нашей страны и потери жизней наших союзников». В начале января 2003 г. президент отвел министра в сторону и сказал многозначительно: «Я думаю, *мы должны сделать это*. Трудно представить себе, что Саддам противопоставит себя Организации Объединенных Наций, мы должны взять на себя инициативу»¹³⁰. Этого было достаточно для Рамсфелда. Он попросил заручиться помощью союзников, и президент выразил свое согласие. Чейни, беседовавший с президентом Бушем едва ли не каждый день, тоже пришел к выводу, что Буш, верховный главнокомандующий, решился на начало военных действий.

В январе 2003 г. Рамсфелд назначил четырехзвездного генерала военно-морской пехоты Джонса командующим войсками НАТО. Во время беседы Джонс разговорился: «Я работал на генерала, который был героем в Курдистане, – Джея Гарнера». Рамсфелд тоже его знал – они вместе работали при Клинтоне.

Трехзвездный генерал Гарнер после войны 1991 г. помогал спастись населению Северного Курдистана, осуществляя операцию «Обеспечить комфорт» – стандартная военно-гуманитарная миссия. При нем (и его 20 тысячах войск) курды в Северном Ираке создали полуавтономную область Курдистан. Саддам Хусейн регулярно им угрожал, но Гарнер провел на карте границу своей зоны, зоны Курдистана. Гарнер сделал свое дело и вернулся в Штаты.

Рамсфелд решил сделать Джея Гарнера (64 лет) главой послевоенного Ирака. Гарнер 33 года служил в армии США, два срока отбыл во Вьетнаме и теперь руководил корпорациями, производящими военную технологию. Связанный контрактами с Пентагоном, Джей Гарнер попросту не мог отказать министру обороны. И он дал свое согласие 13 января 2003 г.

Президент и государственный секретарь

В тот же день президент Буш призвал к себе госсекретаря Колина Пауэлла для двенадцатиминутной беседы. «Мы решили начать войну с Ираком». Пауэлл: «Вы уверены? Понимаете ли вы последствия, трудности управления Ираком после войны?»

Президент ответил, что понимает. «Будете ли вы со мной в этом предприятии? Мне

---

¹³⁰ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 261.

хотелось бы иметь вас в своей команде». – «Я с вами, мистер президент». Пауэлл был лояльным солдатом, и от него ждать «восстания» не следовало.

Ответственным за гуманитарную помощь будущему Ираку был назначен 15 января 2003 г. Эллиот Эбрамс. С его точки зрения, численность перемещенных лиц будет зависеть от характера отношений между курдами, суннитами и шиитами. В портах начали загружать суда продовольствием для жертв будущей войны. Гарнер был смущен недостатком времени до начала боевых действий. Во Второй мировой войне американцы начали планировать будущее Западной Европы за год до окончания войны.

20 января 2003 г. президент Буш подписал секретную президентскую директиву о национальной безопасности – NSPD-24. Согласно ей в Пентагоне создавался новый отдел: «Послевоенное планирование в Ираке». Гарнер получил этот четырехстраничный документ: «Если для введомой Соединенными Штатами военной коалиции понадобится освободить Ирак, Соединенные Штаты окажутся в состоянии осуществить гуманитарную реконструкцию и административный пересмотр этой страны сразу же после окончания военных операций. Ответственность падет на Центральное командование США (СЕНТКОМ), но достижение успеха потребует общенациональных усилий». Директива приказывала 10 федеральным агентствам – от ЦРУ и госдепартамента до министерств сельского хозяйства и образования – выделить экспертов для решения этой задачи. В случае начала войны «в Ираке будет развернут Плановый отдел – костяк административного аппарата, помогающего управлять Ираком ограниченный период времени»¹³¹.

Гарнеру этот документ показался поверхностным. «Но ведь я еще не проваливал ни одного дела». Он не мог отныне думать ни о чем другом. Теперь он диктовал военные приказы даже во сне.

На 90-летию клуба «Алальфа» президент Буш представил публике свою мать, которую в Вашингтоне (вслед за ее мужем) называли «Серебряной лисой». Та произнесла короткую речь: «Люди не верят, что мой сын был превосходным ребенком, он развлекался тем, что воевал с „плохими ребятами“». Позже он назовет их «осью зла». Присутствующие помнили, что в эту ось входили Ирак, Иран и Северная Корея.

Барбара Буш подошла к прежнему сенатору от Оклахомы Борену: «Одобряете ли вы задуманное моим сыном?» Борен: «Совершенно не одобряю». Барбара Буш: «И отец президента не спит ночи, не одобряя этой идеи». Борен: «Почему же он не поговорит с сыном?» Барбара Буш: «Он дает советы, только когда его об этом просят. У них особые отношения». Борен: «Пусть сын спросит совет у Колина Пауэлла».

Главным американским военным знатоком по Ближнему Востоку был заместитель Фрэнкса генерал Эбизайд, герой «Разбивающего сердца горного хребта» Клинта Иствуда, давшего голливудскую версию американского вторжения на Гренаду. Эбизайд был выпускником Вест-Пойнта и еще в конце 1970-х годов посетил Ирак, начав в Амманском университете изучение арабского языка. Президент Саддам Хусейн – противник Ирана, был тогда лучшим другом американцев, и американский генерал почел за честь рукопожатие с ним. Эбизайд был тогда, в 1991 г., подполковником и под началом генерала Гарнера имел дело с курдами. Тогда Гарнер восхищался следующими словами Эбизаида: «Мы должны позволить иракской армии восстать, не ущемив ее гордость». Армией Багдада командовали суннитские офицеры, и не следовало им дать почувствовать невыносимое унижение. Тогда Рамсфелд разделял эту точку зрения, как и генерал Гарнер.

Рамсфелда Эбизайд не любил, но восхищался его энергией. В начале 2003 г. Эбизайд – теперь начальник объединенного штаба – проводил время с «пауком» Марксом на американской базе в Кувейте. Обняв «паука», начальника военной разведки, за плечи, Эбизайд задал решающий вопрос: «Что ты думаешь, „Спайдер“, о средствах массового уничтожения иракцев?» На что Маркс ответил: «Эта версия не стоит и дерьма. За эту версию

---

¹³¹ Woodward R. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 113.

я не дам и пенса». Оба они вместе учились в Вест-Пойнте, и Маркс мог позволить себе искренний ответ. «Я не могу подтвердить его существование». И все же Марксу приходилось работать, исходя из презумпции, что ОМП у иракцев есть. Но эти генералы были практиками, и им не нужна была «уверенность в миллионной степени». Достаточно было здравого смысла. Саддам, имея он это оружие, не преминул бы запугать ошестившиеся на границе войска противника.

Эбизайд сказал Марксу, что трудное время наступит, когда иракская армия будет разбита и нужно будет воссоздавать новый государственный порядок. «Будет много терроризма – униженный народ, очаги сопротивления, партизанская война»¹³².

Готовясь именно к этому, генерал Гарнер и его начальник штаба генерал Джеред Бейтс встретились с генералом Фрэнксом в Пентагоне. Фрэнкс несколько охладил соратников словами: «Я сомневаюсь, что вы пробудете в Ираке более 60–90 дней».

Союзники

Между тем только Кувейт и Иордания – среди государств Персидского залива – выступали за нападение на Ирак. Ключевой союзной страной являлась Саудовская Аравия, 800 км саудовско-иракской границы были критически важны. Буш поручил вице-президенту Чейни ознакомить посла Саудовской Аравии с американскими планами, особенно с теми их частями, где речь шла о воздушном и прочем прикрытии Саудовской Аравии. Граница Саудовской Аравии с Ираком будет прикрыта – было сказано Бандару, послу и бывшему летчику. Чейни подготовился к разговору – сверхсекретные фотографии указывали на иракские дивизии, направленные на Саудовскую Аравию. Ознакомившись с американскими планами, посол Бандар сказал, что, «по крайней мере, вы серьезны». Насколько?

Рамсфелд, которого Бандар считал самым жестким министром обороны США на памяти посла, пригласил принца Бандара в западную часть Белого дома, где его уже ждал Председатель комитета начальников штабов генерал Ричард Майерс. Задачей Рамсфелда было убедить Бандара, что Саудовская Аравия не может стоять в стороне. Американские войска будут посланы в Ирак через территорию Саудовской Аравии и с ее территории – это диктует география и стратегия.

Специальные отряды ЦРУ распределяют среди иракских племенных лидеров и верхушки 300 млн дол. – на удивление эффективный подход.

Когда Буш встречался с послом Бандаром, глава НСА генерал-лейтенант Майкл Хейден наставлял высших руководителей своего ведомства. Он говорил о важности скорости: «Мы обеспечим необходимыми данными всех, кто задействован в операции».

А Райс, которой президент поручил сношения с Пауэллом и Рамсфелдом, билась над задачей, как оповестить госсекретаря. Министр обороны о грядущем нападении уже знал и советовал следующее: «Господин президент, вы должны позвонить Колину и обстоятельно с ним поговорить». Пауэллу предстояло отстаивать интересы США на внешнеполитической арене. Пауэлл и Буш встретились 13 января 2003 г. у традиционного президентского камина. Буш поблагодарил Пауэлла за проделанную работу и тут же сказал безапелляционно: «*Соединенные Штаты вступают в войну*». Президент напрягся, он напоминал самого себя в первые дни после 11 сентября. Пауэлл заговорил в тоне, который был для него характерен на протяжении последних шести месяцев: «Учитываете ли вы все последствия?» Война с Ираком пошлет волны по всему региону и даже далее. Война отвлечет все мировое внимание Вашингтона. Американцам придется создавать в Багдаде новое правительство, которому должны будут подчиняться *все* иракцы. «Вторжение будет означать принятие на себя всех надежд, ожиданий и трудностей Ирака». Пауэлл полагал, что Буш не осознает всех трудностей владения Ираком. Буш: «Но я думаю, что я обязан сделать это».

---

¹³² Woodward R. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 116.

Наступил момент, когда президент Буш спросил прямо: «Вы со мной в этом деле?» Это был тяжелый вопрос для военного генерала, который 12 лет воевал с режимом Саддама Хусейна. Вопрос высшей лояльности – и Пауэлл не имел альтернативы ответу: «Я сделаю все, что смогу». Как полагает Боб Вудвард, «возможно, президент боялся вопроса; возможно госсекретарь боялся ответа»¹³³. Это была короткая, 12-минутная беседа. Буш всегда подчеркивал, что «это было время стресса». Заметим: среди друзей Пауэлл *не раз* высказывал мысль, что президент выступает на войну, *которой можно было избежать*. Буш говорил друзьям, что не нуждается в «визе» государственного секретаря.

Среди союзников Америки едва ли были более сервильные, чем поляки, возглавляемые президентом Квасневским. Им предназначался редкий государственный обед 14 января. Но даже Квасневский начал с того, что указал Бушу: «Уровень антиамериканизма в Европе чрезвычайно высок». Буш пообещал более яркое будущее: «Успех все изменит. После применения войск мы накормим народ Ирака. Но нужно действовать быстрее». При всей сервильности Квасневский не гарцевал на коне Костюшко. Он звучал скорее как Пауэлл: «Существует риск развала ООН. Что заменит ее?» На этот раз, с этим союзником президент Буш, собственно, ушел от спора, уходя на уровень межцивилизационных отношений: «Мы полагаем, что ислам, как и христианство, начнет развитие в направлении демократии».

15 января кабинет Буша в полном составе обсуждал продовольственную ситуацию в Ираке и программу помощи Ираку после войны, ответственным за которую были назначены Райс, ее заместитель Хедли и Эллиот Эбрамс. Обозначили пункты помощи, предлагалось значительно увеличить имеющиеся: 250 госпиталей, 5 медицинских колледжей, 20 военных госпиталей с 33 тысячами спальных мест и 9400 докторами. «Здесь есть возможность изменить представление о США», – сказал Буш.

А Россия, Франция и Германия еще верили в международную инспекцию и требовали, чтобы инспекторам Бликса были даны дополнительные возможности. Тем самым французы, немцы и русские постарались остановить войну. 20 января 2003 г. французский министр иностранных дел, поэт и историк Доминик де Вильпен объявил на пресс-конференции, последовавшей за заседанием Совета Безопасности ООН, что французы «не считают возможным ассоциировать себя с военной интервенцией, не поддерживаемой мировым сообществом»¹³⁴. Через два дня президент Ширак подчеркнул ту же мысль при праздновании тридцатилетия франко-германского Елисейского договора.

Что там, за горизонтом

Начиная с конца ноября 2002 г. вторые лица – Маклафлин из ЦРУ, Либби от вице-президента, Вулфовиц из министерства обороны, Армитадж из государственного департамента работали над вопросами «перехода» – как сменить антиамериканскую власть в Ираке на проамериканскую.

Для Фрэнкса это была «фаза номер четыре». Рамсфелд отсылал на этот уровень Дугласа Фейта (фаворита Ричарда Перла), который справедливо считался самым откровенным сторонником удара по Ираку. Появление Фейта в офисе Хэдли ценили именно за то, что у него были идеи относительно того, что делать с Ираком после свержения Саддама Хусейна. При этом Фейт отводил главную роль генералу Фрэнксу (отчаянно не любившему его). Согласно директиве СНБ от 20 января 2003 г., создавался Отдел реконструкции и гуманитарной помощи (ОРХА). Читатель, запомни это сокращение.

Пауэлл назвал имена 75 своих дипломатов, говорящих по-арабски и способных проводить линию США внутри предполагаемого поверженного Ирака. Госдепартамент создал

---

¹³³ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 272.

¹³⁴ «The Divided West (Financial Times supplement, June 2003, p. 5.).

внушительный документ: «Будущее Ирака». Но самоуверенный Рамсфелд изгнал этих арабистов из Пентагона и на возмущенный вопрос Пауэлла ответил, что Ираком будут управлять люди, стремившиеся к войне, а не те, которые ей мешали. Эта самоуверенность дорого будет стоить Америке.

Везде создавали обобщающие документы. Белый дом выпустил исследование под названием «Аппарат лжи» – о системе пропаганды Саддама Хусейна. И о тех в мире, кому не нравилась американская политика в Ираке. По поводу этого документа заместитель госсекретаря Эрмитидж позвонил в Белый дом: «Этот документ ужасен. Я не стану его даже трогать». Тогда ему предложили выступить с собственным докладом. Эрмитидж согласился при условии, что никто не будет цензором его речи. 21 января 2003 г. заместитель госсекретаря вышел на подиум Американского института мира, созданного конгрессом: «Я искренне верю, что тысячи наших молодых военнослужащих не попадут в огонь Ирака. Мы в государственном департаменте стараемся избежать этого». Военная партия скрежетала зубами.

24 января генерал Фрэнкс представил свой план 5-11-16-125 дней министру Рамсфелду и начальнику Объединенного комитета начальников штабов генералу Майерсу. Рамсфелд приказал начать работу воздушного моста, резко увеличивая численность войск: 10 тыс., 15 тыс., 20 тыс. солдат. К середине марта предполагалось довести общий уровень наступающих сил до 140 тысяч. Критическая масса. Единственный среди военных, имеющий прямой доступ к президенту, Рамсфелд определил 22 февраля как день решения вопроса об определении даты начала войны.

Под давлением Белого дома ЦРУ создало 40-страничный доклад, посвященный ОМП в Ираке. Текст был самый сухой. Стив Хэдли и Скутер Либби поехали в Лэнгли с вопросами, на которые разведчики ответили письменно. По мнению Либби (человека Чейни), «ЦРУ доказало, что Саддам владеет ОМП и имеет серьезные связи с террористическими организациями». Либби все более полагался на иракского эмигранта Махмуда Челаби. Либби рассказывал всем желающим, что лидер «черного сентября» Мохаммед Атта встречался в Праге с представителями разведки Саддама Хусейна по меньшей мере четыре раза. Заметим, что все эти сведения *не имели документальных доказательств*. Эрмитидж назвал все это *гиперболой*. Но Вулфовиц определил доклад Либби как «блестящее доказательство» правоты курса на войну с Ираком.

Чтобы мир поверил, президент Буш приказал обрисовать обстановку государственному секретарю Колину Пауэлли. Тот с великим сомнением просмотрел доклад Либби. *Факты типа четырех встреч в Праге он вычеркнул немедленно*. Странно, все неясное человек Чейни подавал как факт. В ООН Пауэлли следовало выступать с гораздо более обстоятельным докладом, с аргументами, в которые можно поверить.

В Совете Безопасности Организации Объединенных Наций с великим вниманием слушали 27 января 2003 г. Ганса Бликса о первых двух месяцах работы международных инспекторов. Он был скептичен в отношении Ирака и никак не просаддамовски настроен. «Представляется, что Ирак не пришел к подлинному признанию – даже ныне – того, что от него требуется разоружение – только это может завоевать доверие всего мира и позволит Ираку жить в мире». Аргументы: Ирак произвел гораздо больше антракса, чем он признал. «Возможно, антракс в иракских хранилищах еще существует». У Бликса были вопросы относительно нервно-паралитического газа VX. На всех произвело впечатление то обстоятельство, что во время войны с Ираном – между 1983 и 1988 годами – иракские вооруженные силы сбросили на противника 19 500 бомб с химической начинкой. И все же в современном Ираке не производят химического оружия – инспекторы искали его тщательно.

Директор МАГАТЭ Мохаммед эль Бородай весьма четко объявил, что «мы не нашли доказательств производства Ираком ядерного оружия... В течение нескольких ближайших месяцев мы предоставим убедительные доказательства отсутствия у Ирака ядерной

программы»¹³⁵. Весьма недвусмысленное заявление, на которое в Вашингтоне предпочли закрыть глаза.

То было время больших колебаний. Более всего был уверен Чейни: еще немного, и Саддам сложит крылья. Но насколько можно верить Бликсу? Райс сказала, что вовсе не обязательно воспринимать слова Бликса как ложь. Он может заблуждаться. 27 января президент Буш посвятил треть своего «Послания о положении страны» Ираку, где «напомнил», что Саддам имеет 25 литров антракса, из которого можно произвести 38 тыс. литров токсина ботулинума, «достаточного для убийства миллионов людей».

А вот пик его речи: «Британское правительство узнало, что Саддам Хусейн недавно пытался обзавестись значительным количеством урана из Африки». (Напомним, что четыремя месяцами ранее глава ЦРУ Тенет лично вычеркнул из предстоящей президентской речи в Цинцинатти предложение о том, что Багдад готовит ядерное оружие: тому не было серьезных доказательств. Сейчас же Тенет молчал. Впрочем, согласно тексту речи, Саддама обвиняли в ядерном строительстве *англичане, что было подчеркнуто*. За спиной президента так же думали Тенет, Чейни и Рамсфелд.

Встречаясь с премьером Италии Сильвио Берлускони, президент Буш сказал, что Ирак будет разоружен, а Саддама лишат власти. 31 января гостем Белого дома стал британский премьер Тони Блэр. Отметим, что англичане сдерживали американцев: мир нуждается во *второй* резолюции ООН, *которая будет предполагать военные санкции*. Буш тут же остановил англичанина – вторая резолюция *не нужна*.

Но мир ждал подлинной пикировки от Пауэлла и Бликса. Именно их аргументы решали проблему войны или мира. От Пауэлла ожидали нокаутирующего удара. А у него к искомому 5 февраля 2003 г. не было необходимых боксерских перчаток.

Чем больше Пауэлл углублялся в свою тему, тем яснее видел он, что на показания свидетелей иракских ОМП полагаться нельзя. Да, в прошлом у Саддама была отвратительная практика массового уничтожения восставших. Но из этого никак не значило, что нынешний Саддам вооружен оружием массового поражения. Пауэлл был предрасположен верить тому, что у Саддама есть оружие массового поражения, но ведь так же полагали и международные инспекторы!

1 февраля Пауэлл посетил ЦРУ и целый день разговаривал со специалистами-разведчиками. На следующий день он посетил Лэнгли вместе с Эрмитиджем, а напротив сидели Тенет и Маклафлин. Эрмитидж, однако, укреплял скептицизм госсекретаря. Использованное в 1980-х годах оружие было слабым доказательством существования его в новом веке. Вот мнимые доказательства из радиоперехвата. Иракский полковник докладывает генералу: «Мы эвакуировали все». Что это подтверждает? Подобного рода доказательства действовали только на очень предрасположенных *верить* людей.

Еще подобный перехват. Капитан приказывает убрать нервно-паралитический газ, явно боясь, что его подслушивают. Пауэлл решил использовать этот материал. Связи с Аль-Каидой? Весной 2002 г. близкий к Усаме бен Ладену Аль-Заркави посетил Багдад для лечения. Возможно, он установил оперативную связь. Но даже Тенет утверждал, что на этом основании он не может убеждать президента в существовании связей между Багдадом и Аль-Каидой. Пауэлл не рискнул использовать имеющиеся факты как твердое доказательство сотрудничества БААС и Аль-Каиды. Американцы искали доказательства связи у более чем 100 агентов Аль-Каиды, задержанных в Европе.

Агент Соул нашел необычного жертвенного агента, который выглядел *не как американец* и который проник в глубину Ирака. Он сообщал об иракских зенитных установках, о которых американцы ничего не знали. О траншеях, заполненных нефтью, вокруг Багдада. Дело было в высшей степени засекречено. О действиях этого агента знали

---

¹³⁵ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 293.

лишь президент США, Чейни, Райс, Рамсфелд и Фрэнкс. Этот агент прислал 130 донесений. Второй по важности источник действовал на севере, среди курдов. Здесь наиболее надежным было обратиться к бездонным фондам ЦРУ. В одном случае пришлось заплатить 35 млн дол. – ровно тонна, если платить в 100-долларовых купюрах. Вскоре в Северном Курдистане произошла девальвация – *все* на севере стоило ровно 100 американских долларов.

В штаб-квартире ЦРУ читали ежедневный радио– и телеперехват. Но все это *не позволяло* президенту прямо ответить сенаторам на вопрос: что угрожает Соединенным Штатам?

Райс говорила, что *угроза будет расти со временем*. Что помешает новому режиму в Ираке создать свое ядерное оружие? Райс утверждала, что Саддам «многое прячет. Я уверена, что мы многое найдем». Сенатор Уорнер предупредил: «Если вы не найдете оружия массового поражения, вы встретите серьезные проблемы».

ЦРУ пугало Пауэлла «Скадами», но госсекретарь ответил, что *их никто не видел*.

Важнейшее значение имело выступление Пауэлла в ООН.

Телевизоры включили миллионы зрителей повсюду в мире. Пауэлл был в черном костюме и красном галстуке. Он начал осторожно: «Я не могу рассказать обо всем, что мы знаем. ОМП у Саддама есть. Он не уничтожил его, он не представил его инспекторам. Заметьте, что он говорит в эфир: „Мы все эвакуировали. Зачем Саддаму эта эвакуация?“» Пауэлл рассказывал о якобы человеческих свидетельствах перевозки химического и биологического оружия. На протяжении 76 минут Пауэлл изложил все возможные подозрения и объявил о решимости американского народа бороться с гнездом терроризма. Престиж Пауэлла и избранный им спокойный тон имели определенный успех. Белый дом был доволен.

Но сослужил ли он службу своей стране?

Противники военного решения

Американцев на тот момент поддержали «старые» атлантические страны: Британия, Испания, Дания, Португалия, Италия, а также «новые» атлантические страны: Польша, Венгрия, Чехия. Малые страны (включая три прибалтийские) опубликовали проамериканское письмо в «Уолл-Стрит Джорнэл» 30 января 2003 г., обвиняющее Совет Безопасности ООН в том, что он разрешает Саддаму «систематически нарушать» резолюции ООН. Президент Ширак резко осудил малые страны в «потере хорошей возможности промолчать».

7 февраля 2003 г. в полдень президент Франции Жак Ширак позвонил президенту Бушу: «Я не разделяю вашей решимости идти войной на Ирак. Война не неизбежна. Существуют альтернативные пути достижения необходимых целей. Это вопрос морали. Я против войны, если в ней нет необходимости». Ответ Буша: «Я рассматриваю Саддама Хусейна как прямую угрозу американскому народу». Президент Ширак: «Я положительно отношусь к предложению саудовцев – о возможности иммиграционного приема Саддама Хусейна в Саудовской Аравии... Я понимаю, что наши позиции противоположны, здесь два моральных подхода к миру». Буш повесил трубку. Он был доволен собой. Египетскому президенту Мубараку он ответил, что без симпатии смотрит на тех, кто готов приютить у себя Саддама Хусейна. Характеризуя Саддама как террориста, Буш сказал, что не позволит прятать у себя террористов.

10 февраля 2003 г. в Овальном кабинете сидел премьер-министр Австралии. Буш: «Или Саддам Хусейн покинет свой пост, или мы вышвырнем его». В то же время «непостоянные» члены Совета Безопасности ООН – Сирия, Пакистан, Камерун, Ангола, Гвинея, Чили и Мексика не выразили никакого желания присоединиться к американской позиции, голосуя в СБ за силовые акции. Президент Ширак, не дожидаясь заседания Совета Безопасности, выступил по национальному телевидению с «вето» на предполагаемую вторую резолюцию. Французы были готовы выступить против Багдада только в том случае, если Багдад

применит химическое или биологическое оружие – и применит *первым*.

Но в тот же день принц Бандар, от которого у американского правительства не было секретов, сообщил американскому президенту: «Ваш друг из Елисейского дворца пригласил германского канцлера Шредера и российского президента Путина. Трое руководителей выступили с энергичным заявлением о пользе международных инспекторов. Ширак: „Россия, Германия и Франция полны решимости сделать все возможное для мирного разоружения Ирака“. Десятого же февраля 2003 г. на сессии Североатлантического совета в Брюсселе к Франции и Германии присоединилась Бельгия, блокируя инспирируемую турками американскую инициативу оказать Америке содействие в случае войны с Ираком. В тот же день президент Путин навестил президента Ширака в Париже, чтобы заявить, что Россия выступает против войны в Заливе.

Дискуссии в Совете национальной безопасности были посвящены не этим инициативам, а плане Ганса Бликса «затопить Ирак инспекторами». Все обсуждали второй доклад Бликса, озвученный 14 февраля 2003 г. По мнению тех, кому принадлежала власть в Вашингтоне, как и первый, этот доклад отличался расплывчатостью и не содержал конкретных предложений. Бликс указал на плюсы и минусы своей тактики. «По прибытии в Ирак, мы провели более 400 инспекций, посетив 300 отдельных мест. Все инспекции были проведены *без предварительного уведомления, и доступ во все заявленные места был предоставлен немедленно*. Инспекции охватили индустриальные центры, склады амуниции, исследовательские центры, университеты, президентские дворцы, мобильные лаборатории, частные дома, производители ракетной техники, военные лагеря. Бликс сказал, что были собраны 200 химических проб и более 100 биологических проб. Три четверти проб были показаны на слайдах. Бликс упомянул, что некоторые страны считают наличие у Саддама ОМП бесспорным. Но международные нейтральные инспекторы «не нашли подобного оружия».

Бликс в довольно мягкой манере указал, что «у государств имеются более обширные способы получения информации. Инспекторы, со своей стороны, могут основывать свои мнения лишь на очевидных доказательствах, которые они сами могут проанализировать и предъявить общественности». Бликс критически отозвался о мнении Пауэлла в отношении Ирака, что тот якобы «зачищает места расследований до приезда инспекторов».

Ответ Пауэлла прозвучал на заседании Совета национальной безопасности США. Государственный секретарь был явно зол, но стремился сохранить самообладание, хотя сарказм явственно звучал в его словах. Он обрушился на главное положение Бликса – о том, что «инспекция как способ борьбы с вооружением возможна». В этой игре, сказал Пауэлл, возможны всяческие трюки. Говоря о предложении Франции увеличить численность инспекторов, Пауэлл прибег к иронии: «Больше инспекторов – ну уж извините. Это не решение проблемы.... Сила должна дать ответ – ведь оружие Саддама может убить тысячи людей».

Американская мораль: полагаться на Бликса не стоит.

Обсуждался план созыва представителей оппозиции на территории Северного Курдистана. Почти гарантированно это вызвало бы вспышку ярости Саддама Хусейна, и он сделал бы искомый первый выстрел, навлекая на себя гнев международной общественности (в лице американцев, естественно). Буш проявил некоторый скептицизм, но созыв оппозиционеров одобрил.

Вторая половина февраля была посвящена уговорам главных американских союзников – четырех премьеров: Блэра из Британии, Ховарда из Австралии, Аснара из Испании, Берлускони из Италии.

24 февраля на сверхсекретном заседании Совета национальной безопасности обсуждался вопрос об иракской нефти. Пока из 16 млрд дол., полученных по программе «нефть в обмен на продовольствие», 15 процентов пошли курдам на север, 60 процентов оставались собственно иракцам. Предполагалось, что примерно 8 млрд дол. пойдет на восстановление скважин и инфраструктуры.

Американские военные были обеспокоены уже упомянутым нами обстоятельством – тем, что только Кувейт (один аэропорт) был плацдармом вторжения американских войск. А если эта линия будет прервана? Желательно было примерно 80 тысяч солдат провести с севера через Турцию. Госсекретарь Пауэлл считал просто необходимым добиться дружественности Турции в час американской решимости. Но турецкое правительство 1 марта 2003 г. отвергло американскую просьбу о проходе американских войск через ее территорию. Американцы пытались обмануть Багдад, сообщая иракскому правительству сведения, что на самом деле Анкара пропустит своего главного натовского союзника.

Сомнения американских военных

28 января Гарнер имел встречу с Залманом Халилзадом, отвечавшим в Совете национальной безопасности за зону Персидского залива. Халилзад родился и вырос в Афганистане, а докторскую степень получил в Чикаго. Он был армейским «неоконом», близким к Вулфовицу. Халилзад сказал Гарнеру: «Нам нужно создать группу советников, чтобы быстро заменить иракское правительство». Гарнер был за создание временного правительства. Но Халилзад был первым представителем правительственных кругов, который сказал, что в этом нет надобности. Гарнер понял это так, что будут быстро проведены общенациональные иракские выборы.

Фрэнкс среди предоставленных помощников не любил только Дугласа Фейса, «проклятого ублюдка». И напротив, был рад иметь рядом Эбизаида, Гарнера и Бейтса – все они вместе служили в Германии и давно знали друг друга. Встретились они в Дохе (Катар), во второй неделе февраля 2003 г. Эбизаид считал, что самым сложным будет время после крушения иракской армии. Нужно будет немедленно создавать правительство. Так считал лучший арабист армии: «Иракцы не любят нас, и они не полюбят нас в собственной разбитой стране. Но администрация Буша думала иначе». Эбизаид полагал, что в Вашингтоне не понимают потенциальной опасности. Нельзя «так ненавидеть БААС, что отвергать прием на работу прежних членов партии». Страна должна управляться. Хаос гораздо опаснее.

Гарнер объяснил, что он намерен двигаться прямо за воюющими войсками и создавать эмбрион новой власти. Женщина-полковник – Кэрол Стюарт удивилась: разве многоопытный генерал не знает, что американская армия не будет биться за города и поселки. Она будет их миновать и рваться как можно быстрее вперед. Безопасность будет обеспечивать старая баасистская полиция. Не всем это казалось реалистичным. Стюарт, исходя из балканского опыта, считала, что понадобятся 450 тысяч оккупационных войск. С ней никто не соглашался – все думали о гораздо более низком уровне. «Минималисты» называли цифру в 60 тысяч. Стюарт буквально высмеяла Гарнера: после прохода американских войск в Ираке не останется *никакой* полиции. Будет как в Панаме в 1989 году, когда «дядя Сэм» высадил 24 тысячи своих войск. Полиция исчезла молниеносно. В Ираке будет то же самое.

Стюарт повернулась к Гарнеру: «Вы говорите, что будете следовать непосредственно за войсками. Едва ли можно эту идею назвать здоровой».

Кто обеспечит порядок? Кто будет платить полицейским, если они (почему-то) останутся на своих прежних местах? Гарнер повернулся к Бейтсу: «Мы должны в Вашингтоне определить общий порядок». На что Эбизаид сказал: «Эти ублюдки в Вашингтоне не знают, что делают. Мне хочется уйти в отставку, я не хочу быть частью этого».

Вожди

А вице-президент Чейни занят был своим делом – он искал связи между Саддамом Хусейном и Усамой бен Ладеном. Постоянные запросы в ЦРУ не поддерживали этой версии. Тенет позвонил по телефону: «Никаких доказательств». Правда, что стоящий высоко в

иерархии Аль-Каиды иорданец Мусаб аль-Заркави проявлял активность в самом Ираке, где ему предоставили убежище. Но не было никаких доказательств того, что иракское руководство или иракская разведка имеют с ним непосредственные контакты.

Но Чейни был неукротим. 5 февраля 2003 г. государственный секретарь Колин Пауэлл выступал в Организации Объединенных Наций, и Чейни хотел, чтобы Пауэлл поразил мир данными о союзе «воды и масла», баасистов Ирака и фундаменталистов Афгана – что бы там ни говорили эти умники из левых организаций. Теперь якобы Мохаммед Атта перед броском на ньюйоркские небоскребы встречался в Праге с представителями иракской разведки. Встречался четыре раза. Увы, Тенет не мог доказать факта этих встреч. Пауэлл скрежетал зубами.

Пауэлл с самого начала не верил в возможность союза столь противоположных сил и отказывался верить в пражские похождения Атты. Он отказался включить сведения об этом эпизоде в свой ооновский доклад. И вычеркнул строку о Заркави как о передаточном звене. Он согласен был говорить только о *потенциале* союза Саддама – Ладена.

В армии о союзе фундаменталистов с баасистами как о факте говорил лишь четырехзвездный генерал Роткоф (но у него, кроме словесных, тоже не было доказательств). Роткоф никогда не приглашал к себе людей типа «Спайдера» Маркса. Ему нужны были только *верующие*. В этом кружке не верили, что Саддам превратит Багдад в крепость. Скорее он распустит свои ударные дивизии и периодически будет наносить мощные удары по оккупационной армии американцев. Саддам знает, насколько американская армия сильнее иракской – при таком соотношении сил никакая «крепость Багдад» долго не выстоит. Гораздо в большей степени он может разбить свою армию на боевые отряды. Об этом говорит следующее:

1. Саддам перевел на арабский язык фильм «Падение черного орла» о том, как американцы не выдержали партизанских методов борьбы в Сомали и в 1993 г. покинули страну. Локальный тактический успех доступен Багдаду – а не лобовое столкновение.

2. В октябре 2002 г. президент Саддам Хусейн открыл свои тюрьмы, отпустив на волю тысячи заключенных – и политических, и уголовников. Это готовые банды, сильные своей организацией и свирепостью.

3. По всей стране создаются запасы обычного стрелкового оружия и взрывчатки. Это сигнал о подготовке к партизанской войне против не знающей местности армии.

4. Партия БААС создала ячейки по всей стране, готовясь к долгой и кровопролитной борьбе в условиях запуганности местного населения и организованности баасовских активистов. Связи скорее личные, «невидимые».

5. Стратегией замаскированных отрядов будет «бежать и прятаться». Партизаны могут ждать сколько угодно – это их земля и население им симпатизирует.

14 февраля президент Буш встретился с полным составом Совета национальной безопасности плюс генерал Фрэнкс. Обсуждался вопрос о защите иракских нефтяных месторождений в ходе войны и сразу после ее окончания. Фрэнкс выглядел оптимистом: «Я подобрал лорда-мэра для каждого из иракских городов». Предполагалось, что полиция будет подчиняться этим мэрам.

А Гарнер в большой спешке увеличивал свою организацию – американское правительство собиралось управлять немалой страной. Вначале речь шла о 94 человеках для создания системы управления Ираком. Но постепенно американцы пришли к выводу, что им понадобятся несколько сотен «администраторов». Гарнер подобрал даже историка своей кампании – полковника Гордона Радда. 21 и 22 февраля 2003 г. генерал Гарнер провел в Форт-Миде конференцию будущей администрации Ирака. В зале сидело примерно 200 человек. Впечатляющие слайды и долгие дискуссии. Последовал 20-страничный доклад, выделяющий наиболее важные проблемы победившей на поле боя армии. После этой конференции у Гарнера вовсе не было вида победителя-триумфатора. Он понял, какие острые проблемы ждут его. На всех произвел впечатление доклад представлявшего Государственный департамент Тома Уоррика, уже полтора года готовившегося к миссии в

оккупированном Ираке. Гарнер перевел Уоррика к себе, в Пентагон. И тот принес рукопись «Будущее Ирака». Уоррик и Меган О'Салливан были лучшим вкладом в организацию Гарнера.

Но неожиданно возникший Рамсфелд потребовал изгнания обоих специалистов. Оказалось, что они сделали своим врагом главу Иракского национального конгресса Ахмеда Челаби (пребывавшего со своей организацией в Лондоне), а тот нашел путь к вице-президенту Чейни – и оба чиновника подверглись остракизму.

28 февраля генерал Гарнер впервые встретился в Ситуационной комнате с президентом Бушем, делая доклад о своих идеях относительно послевоенного Ирака. Присутствовали все дигнитарии: Пауэлл, Тенет, Райс, Миллер (директор СНВ по вопросам обороны). Буш явно не знал, кто такой Гарнер. Рамсфелду пришлось изложить краткое CV генерала, подчеркнув его успешное ведение дела в операции «Обеспечение комфорта» в 1991 г. Гарнер раздал всем 11-страничный доклад о подготовке к управлению послевоенным Ираком.

Бушу понравился флоридский акцент Гарнера, владельца ранчо. Но идея сохранить иракскую армию в 200–300 тысяч понравилась не всем.

5 февраля 2003 г., выступая в Организации Объединенных Наций, госсекретарь Колин Пауэл постарался смягчить идею близости Саддама с Аль-Каидой. Не всем понравился тон Пауэлла. Более всех желал взять реванш вице-президент Ричард Чейни, и он решил выступить с речью, в которой сказать то, от чего отшатнулся Пауэлл: баасизм и исламский фундаментализм в Ираке Саддама нашли подлинный союз. Готовящаяся речь испугала многих, включая американскую разведку.

ЦРУ, собственно, было в бешенстве. Тенет немедленно пошел к президенту. ЦРУ не поддерживает умозаключений вице-президента – нет никаких доказательств того, что Аль-Каида свила себе гнездо в Багдаде». Буш поддержал Тенета, и Чейни было отказано в столь провоцирующей речи.

А Гарнер продемонстрировал инициативу – пошел в ООН, понимая, что сильные союзники облегчат дело Америки в Ираке. Было 3 марта 2003 года, и Гарнер видел перед собой лишь одну задачу: интернационализировать дело восстановления Ирака после американского удара. Гарнер знал, что его инициативу могут не поддержать ни СНВ, ни Пентагон. На заседании, где Гарнер выдвинул свое предложение, председательствовала Луиза Фрешетт, заместитель Генерального секретаря ООН.

Гарнер спросил, может ли он рассчитывать на помощь ООН, на придание американской армии международных специалистов, чтобы в известной степени интернационализировать всю операцию. «Нет», – ответила Фрешетт.

Британский посол Джереми Гринсток был занят второй резолюцией по Ираку, которая давала шанс коалиции начать войну на законных основаниях – ни о чем другом Гринсток говорить не был готов – ведь премьер Тони Блэр обещал съезду лейбористов не начинать конфликта без этой резолюции. Посол США Негропonte выглядел гораздо более свежим, чем британский коллега, – правительство неоконсерваторов не видело в ООН моральную силу и в этом резко отличалось от британских лейбористов. Состояние коалиции освещал президенту Бушу Дуглас Фейс 4 марта. Фейс пел оды. Он заведомо искажал сложившуюся реальность и фактически обещал помощь мирового сообщества. Гарнер, к сожалению, ничего не знал об этом инструктаже президента.

Кондолизе Райс Гарнер сумел передать, что основные силы ООН как минимум «не понимают» концепции Америки. Райс восприняла все это молча, «доктрина Буша» не требовала международной помощи. Но Гарнер имел свои расчеты: плата за продовольствие, за содержание полиции, за электроэнергию. Гарнер частично рассчитывал на замороженные в ООН иракские деньги – 1,6 млрд дол. Но если придется содержать иракскую армию в 200 тысяч, то денег этих хватит только на 90 дней.

Гарнер, собственно, был в неведении. Он считал, что Фрэнкс бросит в бой не менее полумиллиона солдат, а окружение Буша уже определило цифру – 160 тысяч человек. Генерал Гарнер и его люди чувствовали опустошение. На словах все были готовы помочь

«послевоенному Ираку», а в реальности Вашингтон охватила эйфория быстрой победы, снимающей многие проблемы. Время? Вулфовиц, второй человек в Пентагоне, наметнул Гарнеру 7 марта, что тому уже следовало быть в Кувейте – стартовой полосе наступления.

В Кувейте «Спайдер» Маркс чувствовал опустошенность из-за отсутствия доказательств существования иракских ОМП. Разведка не дала четкого ответа на этот вопрос – десять лет работы американской разведки на этом направлении не дали конкретных результатов. И это на фоне обвиняющей Саддама риторики, якобы убежденной в наличии у Ирака средств массового поражения. Пресс-атташе Белого дома Ари Фляйшер 9 января 2003 г.: «Нам известен тот факт, что Ирак имеет это оружие». 8 февраля президент Буш в радиообращении к стране: «Наши источники сообщают нам, что Саддам Хусейн недавно приказал полевым офицерам приготовиться к использованию химического оружия – того самого оружия, о котором диктатор говорит, что он его не имеет». В этой ситуации Марксу менее всего хотелось идти к генералу Фрэнксу, что обещало скандал и нежелательные перемещения по службе.

3 марта Маркс записал в дневник: «Царит всеобщее смешение умов. Безопасно ли ворваться из Кувейта в Ирак? Никто не может дать определенный ответ». Вашингтон постоянно упоминал 946 подозрительных мест в Ираке.

Авангард собирается

Приближение войны высшими военными чинами ощущалось определенно. И все же Гарнер был еще в Вашингтоне. По его мысли, новое иракское правительство следовало создать в Багдаде немедленно после ухода оттуда Саддама. Но кто за это будет отвечать? Рамсфелд требовал «дебаасификации». На это Гарнер ответил, что дебаасификация министерств будет означать только одно: в них никого не останется. Поэтому нужно освободить от кресел высших начальников, а среднее звено и малую сошку оставить на месте. Рамсфелд ответил, что это кажется резонным.

От Вулфовица Гарнер потребовал «пойти в Гарвард или в любое другое университетское место в США и набрать команду подлинно знающих людей, готовых править страной» и при этом суметь «надеть на правительство иракское лицо». Вулфовиц предложил задействовать 36-летнюю дочку вице-президента – Лиз Чейни. Гарнер на следующий день встретился с дочерью Чейни. Генерал потребовал начать писать иракскую конституцию, подготовить выборы в провинциях. Вулфовиц отказывался посылать дочь вице-президента в Ирак – слишком опасно.

Гарнера еще любезно принимали в Пентагоне, но он чувствовал, что высших военных все более беспокоит сама надвигающаяся операция. Вопрос «Что будет потом?» повисал в воздухе. Критичным выглядело лишь несколько человек во главе с Колином Пауэллом, который явно скептически относился к Бушу, Чейни, Райс, Рамсфелду – никогда не служившим в армии, не имеющим понятия о дисциплине, о настоящих боевых действиях. Эрмитидж предупредил Гарнера, что в его команде есть люди, которые докладывают о своем боссе в Вашингтон, будь осторожнее. Эрмитидж назвал их «летучими мышами». У одного из них было *четыре* мобильных телефона.

Пауэлл видел, что Вулфовиц и Фейс стремятся к тому, чтобы поставить во главе иракского правительства Ахмеда Чалаби, своего человека. Гарнер готовил своих людей, на содержание которых он запросил 27 февраля 2003 г. 27 млн дол. На восстановление Ирака – 1 млрд дол., на реконструкцию – 800 млн дол. В целом он предполагал макрорасходы в 10–12 млрд дол. Рамсфелд вспыхнул: «Пусть *они сами* платят за восстановление своей страны».

Группа, назначенная проверить 946 подозрительных мест, начала собираться в Кувейте. Основу составили эксперты из Центрального разведывательного управления и Агентства оборонной разведки. 10 марта Роткоф объявил, что он намерен придать этой группе журналиста из «Нью-Йорк таймс» (приказ, объяснял Роткоф, пришел с самого «верха»).

Рамсфелд был обеспокоен тем, что не видел на горизонте подходящей арабской

фигуры, готовой возглавить новую администрацию в Ираке. Возникнет ли он в ходе боев?

Глава девятая Обратный счет

Америка с Британией обречены быть вместе –
Единство целей их объединяет.
И все проблемы и труда и чести
Превратный рок лишь так всегда решает,
Когда история их ставит вместе.
И общий дух их овекает –
Тогда лишь множится их сила,
Когда единством их судьба сплотила.

M. Gilbert. Never Despair, 1988

За три дня до начала войны – 16 марта 2003 г., вице-президент Чейни поделился своими мыслями по каналу NBC: «Нас будут встречать как освободителей». Но ведущий программы напомнил, что военные требуют пребывания в послевоенном Ираке *нескольких сот тысяч* американских солдат.

План

Как свидетельствует генерал Уэсли Кларк, «разработанный план состоял из трех компонентов: 1) мощная атака с воздуха против целей, олицетворяющих режим, и разрушение объединенной системы ПВО Ирака; 2) нанесение ударов по пусковым площадкам „Скадов“ в Западном Ираке, а также полное уничтожение военно-морских сил Ирака вблизи Умм Касра; 3) максимально быстрое продвижение на Багдад сухопутных войск, уничтожающих на своем пути все оставшиеся очаги сопротивления».

Каждая часть плана создавала предпосылки для успешной реализации остальных. Специальные подразделения должны были лишить иракцев свободы маневра, координировать удары с воздуха, а также осуществлять глубокую разведку в интересах сухопутных сил. Перед ВВС стояла задача уничтожения командных пунктов, системы контроля, а также ПВО. Лишь после этого авиация сосредоточится на нанесении ударов по сухопутным частям противника, невольно позволяя таким образом обнаружить себя для атак с воздуха и с земли.

В идеале все эти три части плана должны были реализовываться параллельно и быстро – с таким расчетом, чтобы противник не успел подготовить эффективную и глубоко эшелонированную оборону Багдада. «Этот план был наиболее детальным и тщательно подготовленным по сравнению со всеми прежними»¹³⁶.

В феврале 2003 г. генерал Фрэнкс спросил ближайших подчиненных: сколько будет жертв с американской стороны? *Теперь мы знаем эту цифру: между началом войны и провозглашением победы президентом Бушем на авианосце «Абрахам Линкольн» погиб всего девяносто один человек* ¹³⁷.

---

¹³⁶ General Wesley K. Clark. *Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism, and the American Empire*. New York: PublicAffairs, 2003, p. 20.

¹³⁷ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 163.

Сам Фрэнкс думал, что потери составят не менее тысячи человек с американской стороны. Вьетнамские ветераны знали, что это ложный способ ориентации во времени и пространстве. Нужно думать о боевом духе противника, а не о числе трупов, которые ты увидишь. «Когда ты считаешь тела, ты забываешь, о чем эти люди думали, каким образом они ведут войну. 35 лет назад во Вьетнаме, при Макнамаре, ситуация была такой: если ты потерял 1000 человек и при этом не выиграл войну – ты ее проиграл».

4 марта Фейт принес в Белый дом секретный документ – только для президента и Совета национальной безопасности. Вот часть его содержания, говорящая о целях антисаддамовской коалиции:

1. Сохранить территориальную целостность Ирака, улучшить качество жизни заметным образом.

2. Создать в Ираке демократические институты, сделать страну моделью для всего региона.

3. Силами США и их коалиции осуществить глобальную войну против терроризма, предотвратить применение средств массового поражения.

4. Привлечь многие страны к реконструкции послевоенного Ирака.

5. Привить народу Ирака симпатию к США.

6. Стимулировать посредством международного сообщества (особенно активно через ООН) поддержку Соединенным Штатам в послесаддамовском Ираке.

7. Дать иракцам навык управления собственной страной.

8. Все вышеизложенное достигается быстро и оперативно.

Отличающийся парадоксальной серьезностью – неким особым чувством юмора, президент Буш воспринял все это (на этот раз справедливо) как большую абстракцию. Его интересовали эффективность американских войск и поддержка международных институтов.

Время накануне действий

5 марта тройка – президент Буш, министр обороны Рамсфелд и начальник СЕНТКОМа генерал Фрэнкс встретились в Ситуационной комнате Белого дома. У Фрэнкса в регионе было 208 тыс. военнослужащих, причем наземные силы составляли 137 тыс. человек. Коалиция (в основном англичане) предоставила 50 тысяч человек. Четвертая дивизия на 27 кораблях стояла у берегов Турции, ожидая решения Анкары. Бушу и окружению Пауэлл уже несколько надоел со своим мнением, что вторая резолюция СБ ООН необходима.

После ланча 5 марта 2003 г. к Бушу прибыл личный посланник Папы Римского. «Война углубит пропасть между христианским и мусульманским миром», – сказал кардинал Пио Лаги, папский нунций в Вашингтоне, старый друг семьи Бушей. «Ни в коем случае, – заверил президент, – напротив, положение улучшится».

6 марта 2003 г. президент повторил всем известный уже пассаж, что «Саддам не готов разоружиться. Мы на финальной стадии». Неоконсерваторы и демократические империалисты уже начали свой нажим в пользу войны. Ястреб-патриарх Кен Адельман выразил их мнение: «Мы и так ждем слишком долго». Идеолог неоконсерваторов Уильям Кристол в «Викли Стандарт» и его единомышленник Чарльз Краутхаммер испугались ослабления нажима на администрацию: хватит отсрочек, следует идти в наступление.

8 марта Кондолиза Райс встретила с советником Блэра по национальной безопасности Дэвидом Маннингом, которого британская пресса назвала «пуделем Буша». Блэр вызвал внутреннюю борьбу в Королевстве, сказав, что стоит на *моральных* позициях, и косвенно сравнил себя с Черчиллем. «Большинство достойных и благонамеренных людей тогда говорили, что нет необходимости противостоять Гитлеру, а те, кто желает – поджигатели войны». Когда его спросили, почему он следует за Бушем с такой преданностью, Блэр ответил: «Это еще хуже, чем вы думаете. Я верю в него. Я подлинно

предан делу сотрудничества с ним, безотносительно позиции Америки. Если бы американцы не делали всего этого, я бы оказывал на них давление в направлении нынешних действий». Маннинг утверждал, что Блэр готов потерять место премьера, но он не оставит Буша. По мнению генерала Маннинга, «если против Блэра выступит еще один из его министров – он выстоит, но уход двоих создаст для него подлинную угрозу».

Буш спросил Кондолизу Райс: «Может ли Блэр потерять власть?» – «Да». Буш: «Пойдут ли на это англичане?» Райс: «Вспомните Черчилля». Буш настолько не хотел потери Блэра, что разрешил ему выйти из коалиции – если обстоятельства будут складываться против британского участия. Но в Персидском заливе было уже 45 тысяч британских солдат.

10 марта 2003 г. СНБ обсуждал проблемы послевоенного Ирака. Следовало изолировать примерно 25 тысяч членов БААС. Суды и полицию – профессионалов – можно оставить на свободе. Буш: «Мы должны убедить народ Ирака, что он может нам доверять». Пауэлл говорил, что специальная резолюция ООН очень помогла бы в управлении послевоенным Ираком. Средством расчета в оккупированном Ираке будет американский доллар. Министерство иностранных дел и секретные службы Багдада подвергнутся серьезной чистке. В 56 иракских посольствах за рубежом высшие баасистские чиновники и офицеры спецслужб должны уйти со своих постов. Специальная республиканская гвардия и Республиканская гвардия должны быть распущены, равно как и особая милиция – федаины. Буш внимательно слушал, но задал коварный вопрос: «Кто все это должен сделать?»

Буш звонил двум президентам, чьи страны были временными членами СБ ООН – Висенте Фокс из Мексики и Рикардо Лагос из Чили. Оба постарались уйти от определенного обещания поддержать США. Тогда Белый дом объявил о встрече с Блэром и Аснаром на Азорских островах (речь шла о военно-морской базе на острове Терсейра) – крепкая основа союза, к которой примкнул премьер-министр Португалии Жозе Мануэль Дюрао Баррозо. Посол Бандар перестал брить бороду до начала войны против Ирака.

Буш начал встречу словами: «Молния должна ударить». Всех интересовало вчерашнее выступление президента Ширика – у Блэра были выдержки из выступления французского президента: Ширак просил дать инспекторам ООН еще 30 суток для работы в Ираке. «Пустой номер», – сказал Буш. Тайный писатель Буша Герсон передал наброски ультиматума Саддаму «гострайтеру» Энтони Блэра Алистеру Кемпбеллу.

Во время пресс-конференции президент Буш выложил все карты на стол: «Логика первой резолюции – № 1441 – неопровержима: иракский режим должен разоружиться. В противном случае он будет разоружен силой». Блэр зашел с другого угла, он постарался подать резолюции № 1441 вид ультиматума – чего не было. Иначе не было бы столько разговоров о второй резолюции. Более того, американские действия ставили под угрозу сам факт существования мировой организации.

Герсон получил от англичан свою речь обратно. Англичане как бы сохраняли у иракцев надежду на мирное решение. Это полностью соответствовало личной позиции самого Герсона, который, как добропорядочный христианин, уже два дня постился за мир на Ближнем Востоке. Президент принял участие в сокращении речи – теперь в речи были 30 параграфов, и длилась она около 15 минут. Британские вставки были приняты, и Герсон пошел к одному из компьютеров президентского самолета для печати окончательной версии. В речи поминались все грехи Саддама. «Наша добрая воля не получила отклика. Мы хотели решить проблему мирным путем... Если Саддам Хусейн выберет конфронтацию, американский народ должен знать, что были предприняты все меры для избежания войны».

Президент Буш в это время смотрел фильм с Мэлом Гибсоном «Теория заговора». После его окончания Буш связался с еще одним ключевым союзником – австралийским премьером Джоном Ховардом (обещавшим 2 тыс. солдат): «Мы собираемся ждать до утра». Пауэлл засел за телефоны. Колин Пауэлл собирался «проверить температуру» американских союзников, арабских стран, Организации Объединенных Наций и обнаружить, какие позиции они занимают. Если ничего не случится, американцы отвергнут вторую резолюцию. Буш: «Сегодня вечером я собираюсь произнести речь, мы собираемся поставить Саддама

перед ультиматумом». 16 марта министр обороны Рамсфелд неподалеку от Пентагона напутствовал людей Гарнера, которым предстояло управлять Ираком после крушения режима Хусейна. Большинство присутствующих впервые «живьем» видели министра обороны. Впереди была неизвестность. Группа направилась на военную базу Эндрюс. Через несколько часов чартерный рейс «Ю.С. Эйрвэйс» посадил их в Кувейте. Волнующее чувство приключения не покидало американцев.

Для группы Гарнера не нашлось места в военном лагере, и она разместилась в отеле «Хилтон», расположенный в часе езды за пределами Кувейт-сити.

17–19 марта 2003 г.

Первый звонок из Вашингтона на следующее утро Буш сделал советнику по национальной безопасности премьер-министра Индии. Речь шла о письме индийского премьер-министра Ваджаи, который предлагал созвать форум пяти постоянных членов СБ ООН для мирного решения иракской проблемы. Райс вежливо сообщила, что индусы предлагают «великую идею, но на данном этапе мы не видим в ней смысла». Франция наложит на такую инициативу вето.

Буш и Блэр согласились, что полностью игнорировать Россию – неразумно; на определенном этапе ей придется сообщить о предстоящем. В девять часов утра президент Буш встретился со своим Советом национальной безопасности. За ночь ничего радикального не произошло. Французы стоят на своей позиции неколебимо. Президент сказал генералу Фрэнксу, что тот может начать исполнение военного плана «Op Plan 1003» в течение ближайших 72 часов. «Я не даю вам приказ начинать, но вы должны быть готовы. Делайте все последние приготовления».

Через 45 минут президент позвонил своему пресс-атташе Ари Фляйшеру с приказом сообщить корреспондентам, что союзники совещались снова и отвергли идею новой резолюции. Фляйшер появился в комнате прессы со словами: «Объединенные нации не сумели навязать свои требования о немедленном разоружении Ирака». Этим фактически закрылось дипломатическое окно мирного решения. Вечером в 20.00 президент обратится к нации. Избежать военного конфликта можно лишь посредством изгнания Саддама из Ирака.

Не менее половины корреспондентского корпуса ринулись к выходу, к средствам связи. В зале остались преимущественно бригады телевизионщиков.

Болгарский премьер Симеон Сакс-Кобург был в смятении. Райс: «Что вы имеете в виду? Вы собираетесь послать солдат, но не хотите, чтобы об этом было объявлено? Ведь вы же посылаете солдат?» – «Да, да, мы посылаем солдат».

Наступил долгожданный момент, и Кондолиза Райс позвонила министру обороны России Сергею Иванову: «Саддаму даны 48 часов, с дипломатией покончено». – «Мы надеемся, что вы не внесете новой резолюции в ООН». – «Пожалуйста, не посылайте Игоря Иванова в ООН»¹³⁸.

Российский министр обороны Сергей Иванов: «Я не могу гарантировать того, что Игорь Иванов не приедет в Нью-Йорк, но я обещаю, что, если он приедет, он не проявит необычайной активности. Он не собирается омрачать вам жизнь». Иракцы просили у русских зенитных средств, но Иванов обещал не идти на такую сделку. Звонок главе президентской администрации Волошину: «Не шлите в Нью-Йорк Иванова, не старайтесь поднять проблему до министерского уровня. Если вы все же пойдете на это, Пауэлл не явится, мы в этой инициативе не видим смысла». Волошин сказал, что предпочел бы видеть американцев в Москве.

Генеральному секретарю ООН Кофи Аннуну Кондолиза Райс сказала, что «в послевоенном восстановлении Соединенные Штаты будут играть жизненно важную роль».

---

¹³⁸ Woodward, Bob. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 366.

Этот оборот был данью британской настойчивости – просьбе не обрывать связи с ООН.

Этим утром президент Буш перед «телепомощником» разучивал роковую роль. Первая половина прошла гладко, а вторая – с большим трудом, у него словно сковало гортань. И эти горловые сложности приходились на слова: «Саддам Хусейн и его сыновья обязаны покинуть Ирак в течение 48 часов. Их отказ сделать это приведет к военному конфликту, который мы начнем в избранное нами время». Герсон считал, что глотку сковало волнение. Только при третьем повторе президент более или менее справился с текстом.

Премьер-министр Австралии пообещал ввести в бой свои войска. Буш Ариэлю Шарону: «В свое время в Овальном кабинете я обещал уведомить тебя за 72 часа до начала военных действий. Считай мой звонок уведомлением». Без четверти пять Буш повторил свой текст в последний раз. Через три часа он войдет в эфир. Затем встреча с видными деятелями конгресса. «Мы пришли к выводу о невозможности второй резолюции из-за французов. Мы сделали в ООН все, что смогли». Вопрос: «Может ли Саддам по собственной воле покинуть Ирак?» Буш: «Нет. Разведка дает нам множество признаков того, что он готов принять вызов». Турция? «Хорошо бы иметь в наших рядах Турцию. Но главный вопрос сейчас – это чтобы турки не вошли по собственной воле в Северный Ирак».

Как ООН воспримет эту операцию? Чейни: «Они встретят нас как освободителей. Но там могут возникнуть и сложности». Демократ сенатор Роберт Берд (Западная Вирджиния) довольно резко выступил против того, что готовил для всех Буш: «Я не поддерживаю политику карт-бланша вооруженным силам в этих грандиозных планах».

Заранее записанная пленка показывала президента играющим с собакой. Буш стремился раскрепоститься.

В 8.01 президент выступил перед нацией: «Мои друзья сограждане! События в Ираке вошли в финальную стадию решений». Волнение президента было очевидным. Газеты потом писали о «похоронной торжественности и ауре печального сожаления» в этой 15-минутной речи. В ней не было бравады.

Утром следующего дня, 18 марта, Буш позвонил председателю КНР Ху Дзинтао, поздравил с назначением и заверил, что события вокруг Ирака не коснутся отношений США с Китаем.

Следующий звонок был Путину – Буш рассказал, какие антифранцузские настроения породила в США политика Жака Ширака. «Я благодарю вас за то, что вы не стремились возбудить антиамериканские настроения. Это скажется на настроении Америки к России»¹³⁹. ООН будет активна в послевоенном Ираке. Буш получил приглашение на празднование 300-летия Санкт-Петербурга.

Публике перекрыли обычный туристический путь в восточную часть Белого дома. На дежурство встала группа медиков. Канада принесла извинения: «Просим прощения, но мы не с вами». Так приказало канадское общественное мнение. Блэр выступил в палате общин с часовой речью. Буш не замедлил поздравить своего главного союзника. Англо-саксонские союзники говорили о тройственном сближении Франции, Германии и России.

Американские разведывательные группы получили сообщение, которое говорило им практически все: «В очень близком будущем произойдет экстраординарный поворот событий, наша нация возьмет на себя опасную миссию разоружения Ирака и свержения власти Саддама Хусейна».

Тенет вошел в Белый дом в четыре часа пополудни, чтобы встретиться с президентом и советником по национальной безопасности Кондолизой Райс. По сведениям разведки, Саддам Хусейн должен быть на так называемой «Ферме Доры». Голова Буша более всего в этот день была занята голосованием в британской палате общин – он спрашивал об этом бесчисленное число раз. В конечном счете Блэр выиграл – 396 против 217. Треть его собственной партии голосовала против, но тори поддержали его как один. Утром

---

¹³⁹ Woodward, Bob. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 372.

следующего дня по секретному телефону Буш поздравил Блэра. Эта 20-минутная беседа велась в возбужденных тонах. «Дело не только в парламентской победе, но в сдвиге общественного мнения». Буш поделился знанием того, где находится Саддам Хусейн. Тенета видели крайне взволнованным все утро. Фрэнкс говорил с президентом из базы «Принц Султан» в Саудовской Аравии: «Войска готовы, мистер президент».

По щекам Буша текли слезы: «Мы выиграем эту войну». Президент пытался сбить напряжение короткой прогулкой. Затем он снова звонил руководителям стран-союзниц: «Мы начинаем».

Под пальмовыми деревьями «Фермы Доры» американская разведка заметила скопище (36) автомобилей, нечто вроде семейной встречи – там жила жена Саддама Саджида. Саддам Хусейн? Появились сообщения, что иракский лидер будет здесь с сыновьями Кусаем и Удаем. К часу дня 31-я спецгруппа ЦРУ вошла в Ирак через западную и северную границы. Польская группа захватила одну из нефтяных платформ. К границе приближались австралийцы. После трех пополудни у президента Буша собрались Рамсфелд, Тенет, Маклафлин, Саул и еще два представителя ЦРУ. «Двое наших людей близки к Саддаму». Фотографии со спутников дали представление о «Ферме Доры» в излучине Тигра. Саддам с сыновьями могли быть здесь. Поразить его в этом месте. Майерс назвал оружие: крылатая ракета «Томагавк». Фрэнкс приказал внести несколько выстрелов в морскую программу.

В 4 дня Тенет сообщил, что оба сына Саддама находятся с отцом и со своими женами. Но Фрэнкс сказал, что, если они находятся в бункере, «Томагавк» не пробьет бетон. Председатель комитета начальников штабов Майерс спросил, может ли Фрэнкс обеспечить удар «Томагавком» в течение двух часов? Фрэнкс сказал, что сможет. «Томагавки» готовы к бою.

Президент обернулся к своему советнику Карду: «Вы пошли бы на это?» – «Да, мистер президент». – Пауэлл: «Если у нас есть шанс уничтожить их руководство, мы должны пойти на это». Генерал Фрэнкс запросил стелс-истребитель – F-117A с парой бомб EGBU-27A, предназначенных проникать в глубокие бункеры.

Через некоторое время было ясно, что F-117 вошли в иракское воздушное пространство. В девять тридцать вечера над Багдадом завывали сирены. Речь президента Буша нации была назначена на 10.15 вечера. F-117 нанесли запланированный бомбовый удар, но результаты его не были пока ясны. Президент вышел к публике, объявив себя лидером 35 наций, выступивших против Ирака.

Авиация начала бомбардировку предместий Багдада. На «Ферме Дора» кровь видели на Саддаме Хусейне и его сыновьях, но позднее стало ясно, что первый удар не сразил иракского лидера и его сыновей.

Помощь союзников

Свою политическую кампанию 2002 года канцлер Гельмут Шредер построил на антивоенных настроениях немецкого общества, призывая избегать войны и отрицая любое участие Германии в антииракской кампании. Президент Буш даже отказался поздравить Шредера, когда тот был переизбран канцлером в сентябре 2002 года. Раздраженный антивоенными заявлениями Франции и Германии, министр обороны Рамсфелд назвал обе страны «старой Европой».

Многие годы стратегия иракской армии заключалась в том, чтобы обескровить и измотать армию вторжения на дорогах, ведущих в Багдад, прежде чем она сможет его достигнуть. Однако 18 декабря 2002 года президент Саддам Хусейн предложил своему военному командованию новый план. Так сообщили американским следователям иракские офицеры и члены правительства. Новую стратегию обсуждали Кусай Хусейн – сын диктатора и начальник республиканской гвардии, генерал-лейтенант Саиф аль-Дин Фулайи Хасан аль-Раби – непосредственный командир республиканской гвардии, а также другие генералы. Идея Саддама Хусейна заключалась в том, чтобы сконцентрировать

подразделения иракской армии по нескольким кругам обороны вокруг столицы, включая «красную линию», которую гвардия должна была отстаивать до конца.

Итак, американцам повезло – двое германских разведчиков в Багдаде получили копию плана защиты иракской столицы, которую немецкий представитель передал высокопоставленному американскому военному за месяц до американского вторжения в Ирак. То был секретный план обороны столицы. Этот план дал американским военным исключительную возможность заглянуть в планы иракского руководства, включая информацию о размещении наиболее лояльных баасистскому режиму частей.

Германия была не единственной страной, которая на словах выступала против войны, а на деле помогала вторжению. Египет предоставил возможности для дозаправки самолетов, а Саудовская Аравия позволила специальным подразделениям американской армии начать атаку на Ирак со своей территории.

Итак, в феврале 2003 года офицер немецкой разведки передал копию плана защиты Багдада представителю американской разведки в Катаре, работавшему в штабе генерала Томми Фрэнкса. План был передан в офис СЕНТКОМа-2, которое и подготовило окончательный рапорт по этой информации. (Когда начались бомбардировки Багдада, немецкие агенты ушли во французское посольство.)

Американцам было передано описание «военного и полицейского присутствия в городе» и «описание в отдельных случаях иракских боевых соединений с географическими координатами. И это не все. Немецкие военные корабли охраняли морские пути около Африканского рога и оказали существенную помощь США при передислокации своих сил в Персидском заливе. Немецкие военнослужащие присутствовали на базе „Доха“ в Кувейте (противохимические части).

Британский союзник

Решающие события происходили в британской палате общин. Если бы Тони Блэр подорвал свои позиции во время ночного заседания палаты 18 марта 2003 г., ему, скорее всего, пришлось бы подать в отставку. Но судьба была к нему милостива, хотя два члена его кабинета вышли в отставку. Спасением для Блэра могло быть лишь твердое доказательство того, что Саддам Хусейн обладает оружием массового поражения. В предисловии к сборнику документов британской разведки, опубликованному 24 сентября 2002 г. премьер Блэр заявил без обиняков: «У меня нет сомнений, что текущая угроза является крайне серьезной. Саддам Хусейн планирует активировать военные планы для использования химического и биологического оружия в течение 45 минут»¹⁴⁰.

Много позднее, отвечая на вопросы лорда Хаттона, откуда взялись эти 45 минут, председатель Объединенного комитета по разведке Джон Скарлетт дал много объясняющий ответ, что «мы имели в виду артиллерийские снаряды малого калибра, весьма отличающиеся от ракет»¹⁴¹.

18 марта 2003 г. Тони Блэр произнес, возможно, самую блестящую речь за все свою политическую карьеру. Гораздо более талантливо, чем американцы, он сумел связать между собой угрозу, представляемую саддамовской тиранией, и угрозу исламского терроризма. Он утверждал, что война необходима не только для разоружения Ирака, но и для освобождения иракского народа, для повышения престижа СБ ООН. Это была самая талантливая предвоенная речь члена складывающейся антииракской коалиции. «Три килограмма VX из головной части ракеты заразят четверть квадратного километра площади города. Миллионы летальных доз содержит в себе один литр антракса. 10 тысяч литров принесут неисчислимые

---

¹⁴⁰ «Financial Times», June 4, 2003.

¹⁴¹ Ferguson N. Colossus. The Price of America's Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 159.

страдания. Заметьте, 11 сентября изменило психологию Америки»¹⁴².

То обстоятельство, что англичане безоговорочно выступили на американской стороне, делало Британию третьей по значимости целью исламских фундаменталистов – после Соединенных Штатов и Израиля. К этому времени уже практически все британские премьеры завоевали славу главных союзников Америки в Европе.

Глава десятая Война

Америка – сложная страна. Понять ее могут немногие, даже работая в профессиональной разведке. Собственно, я запрещаю разведке делать выводы из чтения американской прессы. Не этим должна заниматься разведка, когда она не может обрести твердые факты и обращаются к прессе, которую я уже знаю. Добыть сведения таким способом – моя задача... Этому учит нас и иранский опыт»¹⁴³.

Саддам Хусейн, 2002

Иракская сторона

В 2002 году Саддам Хусейн окончательно осознал опасность предположения, что у него имеются средства массового поражения. Он предоставил все условия для инспекции Специальной комиссии ООН. По мере того как 2002 год подходил к концу, руководство Ирака все больше верило в то, что его кооперативное отношение к ОМП лишит Буша предлога выступить против Ирака. Саддам приказал пускать инспекторов Специальной комиссии «повсюду, чтобы не дать президенту Бушу никаких оснований начать войну»¹⁴⁴.

Для обороны Ирака были мобилизованы 400 тысяч солдат, сведенных в 26 дивизий. Иракская армия имела 2 тыс. танков, две с половиной тысячи артиллерийских установок, примерно 300 истребителей и около 150 вертолетов. Ударной силой были 40 тыс. федаинов. Но система ПВО была практически разрушена, коммуникации ненадежны, радары и командные центры – уязвимы. А без надежной противовоздушной обороны потерять все остальное было относительно легко.

Ирак был окружен аэродромами и военными складами дружественных Америке государств.

Но с точки зрения проблемы распространения ОМП с начала 2002 года (пишет генерал Уэсли Кларк) и Иран, и Северная Корея представляли собой куда большую угрозу, нежели Ирак»¹⁴⁵.

Когда коалиция выступила против Ирака, Саддам Хусейн упрямо продолжал верить, что американские войска *не пойдут* на Багдад и удовлетворятся некоторыми изменениями в составе его правительства. Начальник штаба армии Саттар: «Ни один иракский лидер не

---

¹⁴² Hansard. March 18, 2003: <http://www.parliament.the-stationery>.

¹⁴³ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 20).

¹⁴⁴ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 19).

¹⁴⁵ Кларк У. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 164.

верил, что американцы пойдут на столицу»¹⁴⁶. Уверенность Саддама в том, что его режим выживет, была причиной того, что он не взорвал дамбы и не зажег нефтехранилища. Даже когда американские танки пересекли границу Ирака, он более всего боялся внутреннего восстания. Для его погашения он нуждался в мостах – вот почему они остались нетронутыми перед американскими танковыми соединениями.

Не все иракцы думали так. Начальник военной разведки Зухаир Талиб Абд аль-Саттар аль-Наджиб был уверен, что на этот раз американцы пойдут до конца и дело кончится оккупацией страны. Таково же было мнение командира Первого корпуса республиканской гвардии, министра обороны Султана Хашима Ахмада аль-Таи. «Они знали многое об американских приготовлениях... Даже если бы у нас была мощная оборона, мы не остановили бы американцев». Но упрямый Саддам Хусейн верил в свою версию минимум до 3 марта 2003 года. И только к концу месяца Саддам протрезвел.

Поле эксперимента

Военные действия в Ираке в 2003 г. были первым полномасштабным опытом ведения современной войны. Именно поэтому ее уроки важны, именно поэтому существует потребность в детальном рассмотрении хода кампании – эйфории первых дней наступления, затем преодоления неожиданного сопротивления на юге Ирака и, наконец, взятия Багдада и последующей оккупации страны.

Даже секундное размышление над проблемами, сопровождающими смену режима – особенно извне – или даже поверхностное знакомство с историей Ирака, включающей в себя попытку Великобритании замирить страну в начале 1920-х годов, должны были предупредить Вашингтон, вызревших здесь адвокатов интервенции, что этот регион являет собой наихудшее место для экспериментов с демократией. В долине этнической ненависти и культурной разобщенности ни одна страна не являла собой худшего поля для политико-культурных экспериментов, чем Ирак. Но не таким было видение ситуации группой людей, объединившихся вокруг президента Буша-младшего. Они словно ставили эксперимент, и с живостью неопитов тогда, в уже далеком 2003 году, безусловно, верили в возможность трансформации иракского общества.

А подготовка? Такие свидетели, как Джордж Паркер, своими глазами видели подготовку к вторжению. «Она была преисполненной ошибок, отдающей все ради скорости, нечестной, разрушительной для американских союзов. И подготовка велась не за реализацию гражданских прав»¹⁴⁷.

Иракская армия готовилась к бою, изучая «Справочник по подготовке республиканской гвардии», созданный верхушкой иракского руководства. Солдат учили плавать и взбираться на пальмы для снайперской стрельбы. Ирак пытался извлечь опыт из войны 1991 года, но ему вредила собственная оценка этой войны как весьма успешной для Ирака. Главным для армии было: выкапывать глубокие бункеры и не сбиваться в компактные массы во время боя. Иракские генералы не привыкли к скоростным маневрам, их сковывал страх перед политическим руководством, которое подавало 1991 год как иракскую победу.

И подчеркнем особо: трудно преувеличить воздействие, которое оказало на Саддама Хусейна восстание в 1991 году курдов и шиитов. Теперь заглавной целью он ставил контроль над этими сегментами своего общества. Теперь он больше, чем прежде, опирался на милицию БААС, на федаинов Саддама, на «армию Иерусалима», на специальные части. В результате рекрутированные части иракской армии не получали подготовки, которая сделала

---

¹⁴⁶ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 17).

¹⁴⁷ Packer G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Straus and Giroux, 2005, p. 11.

бы их достойным противником приближающейся коалиции.

Саддама вдохновлял опыт противодействия американцам в Сомали. Он более всего полагался на фанатичных «федаинов Саддама» – элитарную часть своей армии, которым внушалась идея, что они борются «за дело всех арабов». Они будут гибнуть тысячами, но они не умели вести боевые действия современного уровня. Саддам боялся военного переворота и уже в 2001 году поставил во главе наиболее боеспособной части своих войск младшего сына Кусая, строго говоря, гражданского человека. 18 декабря 2002 года он создал план обороны Багдада – четыре линии обороны; дивизия «Хаммурапи» защищала северный сектор; дивизия «Медина» – южный; дивизия «Нида» – восток (эта механизированная дивизия считалась лучшей в иракской армии, ее выставили против возможного удара со стороны Ирана. Это была самая самостоятельно действующая дивизия. (После войны ее командира спросили о причине его необычной свободы и услышали удививший многих ответ: «Я из Тикрита – города Саддама Хусейна».)

Специалисты называют этот план как минимум «любительским». Позднее американцы узнали, что плана планомерной партизанской войны на случай поражения Саддам Хусейн создать не успел.

Война началась

Официально Белый дом сообщил о том, что «разоружение иракского режима» началось, 20 марта в 06:15 по московскому времени (соответствует времени Багдада). Война началась ударами по так называемой «Ферме Дора» – жилому комплексу на берегу реки Тигр, к юго-востоку от Багдада. Разведка (неверно) сообщила, что Саддам пребывает в этом месте.

Президент Джордж Буш-мл. выступил с обращением к нации. Собственно говоря, постфактум. Первые военные самолеты над небом Багдада появились уже в шесть часов утра. Через 5 минут после начала противостояния на место предполагаемого бункера, в котором мог скрываться Саддам Хусейн, были сброшены бомбы. Иракские ПВО начали стрелять по американским самолетам – без особых результатов.

США заявили, что на первом этапе будет использоваться ограниченное количество самолетов B-52, F-117, бомбардировщики B-1 и B-2, а также крылатые ракеты морского базирования. Пентагон указал, что удары будут наноситься прежде всего по объектам высшего руководства Ирака и контрольно-командным пунктам управления вооруженных сил в Багдаде.

Утром этого дня – в 7 утра – на частоте багдадского радио стали вещать американские военные радиостанции. А в половине восьмого появились сообщения о том, что две иракские дивизии, дислоцированные в Южном Ираке, якобы готовы капитулировать. Через несколько часов – вслед за окончанием атаки вооруженных сил США – по телевидению Ирака выступил президент Саддам Хусейн.

Трансляция выступления президента Ирака Саддама Хусейна началась в половине девятого. В этот четверг в телевизионном обращении к жителям страны Саддам Хусейн призвал к сопротивлению американской агрессии и заявил, что в развернувшейся войне Ирак выйдет победителем. Он говорил о неизбежной победе Ирака над американцами. Министр информации Ирака заявил, что начался джихад и призвал всех правоверных мусульман к бою.

Ряд американских союзников был оповещен заранее. Общая информация о предполагаемом дне начала войны была получена союзниками США тремя днями ранее. Госсекретарь США Колин Пауэлл сообщил главе правительства Израиля Ариэлю Шарону о намерении атаковать Ирак за полтора часа до первого бомбового удара. Распоряжение командования израильской службы тыла обязало всех израильтян постоянно иметь с собой противогазы и комплекты средств индивидуальной защиты от оружия массового поражения. Израиль опасался, что в ответ на бомбовый удар Ирак может применить в центральных

городах Израиля химическое или бактериологическое оружие.

Кто выступил в поддержку? В деревне Бейт-Ханун на севере Сектора Газы прошла демонстрация палестинцев в поддержку Ирака, в которой принимают участие около 700 человек с флагами Ирака и портретами Саддама Хусейна. Демонстранты сожгли несколько американских флагов.

Война началась пожарищами. Отступая, подразделения иракских подрывников в четверг утром подожгли 17 нефтяных месторождений на юге Ирака. Как заявил Багдад, эта мера является превентивной, и ее цель – задержать возможное продвижение американских войск по территории Южного Ирака. Речь зашла о минировании 52 крупнейших объектов на территории Ирака. По меньшей мере 3 иностранных гражданина погибли в четверг утром в результате бомбардировки авиацией США автострады, ведущей из Ирака в Иорданию. Несколько бомб, выпущенных истребителями ВВС США, уничтожили рейсовый автобус и придорожное кафе на так называемой «дороге жизни» (шоссе Багдад – Амман), единственному пути эвакуации иностранных граждан из Ирака. Автострада была частично уничтожена.

Американцы же начали войну относительно небольшими силами. 20 марта морская пехота США имела в своем распоряжении только четыре полка. Сухопутные войска располагали всего семью бригадами, дислоцированными в Кувейте.

Фрэнкс рвется к Багдаду

На протяжении 16 месяцев планирования генерал Фрэнкс всячески старался уменьшить бомбардировочный период – сначала от шестнадцати до пяти дней, а потом до девяти часов «шока и ужаса», начиная с 1 часа дня 21 марта 2003 г. Это было возможно благодаря исключительно удачной работе разведки и превосходным фотографиям сверху, из космоса.

К 20 марта 2003 г. – первому полному дню войны – генерал Фрэнкс докладывал, что благодаря действиям Специальных сил четверть территории была уже Ираком потеряна (на западе страны). Страхи ударов «Скадов» по Израилю ушли в прошлое. В регионе насчитывалось 241,5 тысячи военнослужащих американских вооруженных сил. К ним добавились 41 тысяча англичан, 2 тысячи австралийцев и 200 поляков. (Весьма неожиданным для американцев стало то обстоятельство, что самым популярным представителем Запада в Ираке в марте 2003 года был президент Франции Жак Ширак.)

На рассвете 21 марта 2003 г. 3-я пехотная дивизия вооруженных сил США в составе 20 тыс. человек и 10 тыс. автомашин вырвалась из баз в Кувейте, преодолела береговой уступ и вошла в иракскую пустыню. На северо-восток двигались 20 тыс. морских пехотинцев, направленных захватить нефтяные месторождения в Румейле и установить контроль над шоссе № 8, которая проходила через Сафран и Басру. Намереваясь взять последнюю, британцы продвигались по суше и на вертолетах. Более всего союзники боялись того, что побережье окажется заминированным. Удача была с англичанами с самого начала – к рассвету 4 тыс. британских морских пехотинцев захватили важнейшие морские объекты Ирака.

В 6 часов вечера 21 марта президент Джордж Буш провел в Белом доме совещание с членами Совета национальной безопасности США. Официальные представители Белого дома отказывались публично комментировать ход военной операции в Ираке. Вместе с тем они (в частном порядке) утверждали, что после серии первых ударов по Ираку структуре управления иракскими вооруженными силами был нанесен «существенный урон».

В тот же – первый день войны тысячи человек вышли на улицы арабских городов в Египте, Ливане, Иордании, Йемене, протестуя против войны в Ираке. Во второй половине дня тысячи палестинцев вышли на улицы под антиамериканскими лозунгами. Слезоточивый газ был применен в Иерусалиме. Проявили себя и западные друзья Багдада – примерно 15 граждан западных стран расположились на электростанции Аль-Даура, которая обеспечивает электричеством примерно 6 млн жителей Багдада. То был «живой щит» защиты

электростанции, окрестности которой уже подверглись бомбежке союзных ВВС.

С самого начала войны стратегическая неподготовленность Ирака стала очевидной. В Багдаде не было заметно особых приготовлений к воздушным атакам. Саддам прятал свои самолеты, а зенитные средства обороны никак не впечатляли. Характерно, что не объявлялась даже воздушная тревога. Воздух был отдан почти сразу. Умудренные журналисты начали покидать здания, которые – это было очевидно – должны были стать мишенью коалиции.

Журналисты были правы. Вечером 21 марта прошли три серии ударов с воздуха под кодовым названием «Шок и трепет». По узлам связи, системам управления и контроля, объектам ПВО, частям Республиканской гвардии и Специальной республиканской гвардии было нанесено 1,3 тыс. бомбовых и ракетных ударов.

21 марта англичане с гордостью объявили, что не потеряли ни одного самолета. Позднее то же сказали американцы. Главным военным достижением этого дня был захват американцами двух аэродромов на западе Ирака и овладение стратегическими нефтяными месторождениями около Басры, осуществленное британцами. К вечеру вооруженные силы США начали новую серию воздушных ударов по Ираку с борта базировавшегося в Персидском заливе авианосца «Китти Хоук». В небо поднялись военные самолеты, оснащенные крылатыми ракетами.

Марш третьей дивизии

На второй день войны руководство СНБ – Райс и Хедли дали президенту и всему составу Совета девять целей Соединенных Штатов в текущей войне. Один пункт звучал так: «Ирак движется в направлении создания демократических институтов и служит моделью для всего региона».

Гарнер разговаривал с Рамсфелдом по безопасному видеотелефону из Кувейта. 22 марта они снова обсуждали, кто возглавит новые министерства в Багдаде. Складывается впечатление, что Гарнер начинает раздражать Рамсфелда: «Создается впечатление, что вы вообще не из нашей команды». «Именно так», – ответил Гарнер. Но в длинном факсе он пишет о себе как о «человеке команды». Гарнер был серьезно обижен. Обвинение в нелояльности – серьезная вещь.

Тем временем передовые отряды 3-й пехотной дивизии смогли пройти 400 км в глубь Ирака. Им сопутствовал успех, они захватили мост через Евфрат и аэродром Талил, создавая в пустыне своего рода коридор, по которому мчалась скоростная техника американцев. Теперь, вслед за 3-й пехотной дивизией, в Ирак вошла 101-я десантная дивизия. На западе Ирака специальные подразделения захватили авиабазы Н-2 и Н-3, а на севере американцы вместе с курдами захватили еще одну иракскую авиабазу. Люди Маркса следовали непосредственно за войсками, следя за своими 946 целями. Постепенно людьми начала овладевать усталость. В дневнике Маркс пишет: «Это самая трудная и самая разочаровывающая работа в моей жизни... Нет времени подумать. Этот процесс убивает меня».

Именно тогда Буш позвонил Блэру: «Тысячи иракских солдат просто бросают свое оружие и разбредаются по своим домам». Блэр: «Иракская армия просто плавится».

Самое тревожное сообщение этого дня для американцев – возникновение реальной угрозы военного конфликта между Турцией и курдами в иракском Курдистане (готовилось вторжение 20 тысяч турецких солдат на севере Ирака), и отступление американских войск в районе портового города Умм-Каср.

Возникли и дипломатические осложнения. Французское правительство ответило отказом на просьбу Вашингтона выслать из страны иракских дипломатов и закрыть посольство этой страны в Париже. В пятнадцать двадцать дня 21 марта 2003 года в Ираке погиб первый американский солдат, первая американская жертва этой войны.

22 марта генерал Фрэнкс в ходе телеконференции доложил президенту, находившемуся

в Кемп-Дэвиде, о ходе боевых действий. Находящаяся на острие наступления, 3-я пехотная дивизия продвинулась на 250 км в глубину иракской территории. Никаких признаков ОМП. Характерно, что американцы не брали военнопленных – те просто расходились по домам.

Руководство войной

Разведка переживала сложные времена. 24 марта, через пять дней после начала войны, сотрудник ЦРУ Тим спустился к «Ферме Доры». Были видны следы атаки – кратеры и прочее. Но не было признаков бункера. Наконец он нашел очевидцев. Двое агентов-американцев рассказали, что их жены были схвачены и их зверски пытали. Дом другого снесли бульдозером.

Генерал Фрэнкс управлял американскими вооруженными силами из сверхсовременной штаб-квартиры, размещенной в Дохе (Катар). На огромном плазменном экране мерцал Ирак. На его территории иракские войска были обозначены красным, а американские (и союзников) – синим. Синие постепенно, но неукротимо шли на Багдад, и если у противника имелось биологическое или химическое оружие, это был самый удобный момент применить его против американцев – то, чего более всего боялся американский генерал. Но шли дни, а Багдад молчал, и становилось все более ясно, что только американцы верили в собственное сочинение, в созданное их воображением чудовище.

К вечеру воскресенья 23 марта передовые группы 3-й пехотной дивизии обошли город Наджаф и оказались всего в 160 км от Багдада. Только в этом месте американцы столкнулись с организованным сопротивлением иракцев – район Кербелы. Сзади, за 3-й дивизией, передвигались на грузовиках части 2-й дивизии армии США и 101-й десантной дивизии, готовившие вертолетные площадки.

24 марта президент Путин позвонил Бушу с выражением сочувствия в отношении возможных американских потерь. Но Буш не считал, что ему нужно сочувствовать. Всю следующую неделю его беспокоил прежде всего ветер, гнавший песок в лицо американцам. На встрече с ветеранами американских войн он говорил о том, как *выиграть мир*. Но в войне возник своего рода «мертвый ход». Новое: стал ощущаться скепсис. И более не в отношении хода войны, а в отношении послевоенного переустройства. Не было талантливых лидеров, способных решить местные задачи. «Я не думаю, что Ирак породит своего Томаса Джефферсона», – сказал Фрэнкс уже на этой ранней стадии.

Еще одно разочарование стало заметным. Представление о том, что иракские солдаты будут сдаваться в плен тысячами, никак не подтвердилось. Что подлинно смущало американцев, так это отсутствие «обещанных цветов». Никто не выбегал к американским танкам, а если и выбегал, то не с цветами.

Информация Пентагона о пленении под Ум-Касром целой иракской дивизии мгновенно вызвало массу вопросов представителей зарубежных СМИ к показанным кадрам. Почти все пленные оказались безоружными, одетыми в крестьянскую одежду и больше похожими на крестьян, чем на солдат регулярной армии. То явно было ополчение, а не ударные силы багдадского режима.

В так называемой «красной» зоне обороны Багдада четыре дивизии иракской армии (бронетанковая «Медина», механизированная «Хаммурапи», пехотные «Багдад» и «Аль-Нида») расположились полукругом в 80 км от Багдада. В каждой из иракских дивизий было 10 тыс. солдат, в «Медине» – 250 танков, столько же БМП и 60 единиц артиллерии. Иракцы поняли, откуда идет основной удар американцев, и отчаянно переводили свои войска на юго-запад, стараясь остановить быструю 3-ю дивизию американцев. В нескольких местах бои были ожесточенными. И все же только сейчас американские солдаты и генералы ощутили свою необоримость. Теперь немалое число американцев *ликовало*, смотря вечерние новости, глядя на танковые выстрелы по скульптурам Саддама. «Образ падающих, распадающихся статуй был подхвачен американскими кабельными телевизионными сетями, повторялся бесконечно под аплодисменты президента как эмблема претензии

администрации, что она вступила на дорогу освобождения, которая сделает иракцев свободными от контроля кровожадного диктатора»¹⁴⁸.

Лишь позднее стало ясно, что не более двух сотен иракцев принимали участие в демонстрациях поддержки вступивших в страну войск. Настроение основной массы иракского народа было подавленным. Организация противодействия проводившейся против Ирака психологической войны была возложена на Министерство культуры и информации, а командование вооруженными силами и руководство правящей партии БААС – лично на Саддама Хусейна.

Иракская сторона использовала для оказания информационно-психологического воздействия радиопередачи и листовки. «В качестве идеологического базиса контрпропагандистской операции использовались общие для всех государств региона темы исламского единства, солидарности и защиты исламской морали. Основные тезисы иракской пропаганды:

1. Главной целью планируемой американской агрессии является не уничтожение мифического иракского оружия массового поражения, не смена государственного руководства, а *контроль* за богатейшими нефтяными месторождениями страны, а позднее и всего региона.

2. Поведение американских военных в арабских странах нарушает требования исламской морали и оскорбляет религиозные чувства мусульман.

3. Моральное состояние солдат антииракской коалиции не позволяет им длительное время переносить тяготы войны в условиях пустыни.

4. Столкнувшись лицом к лицу с иракскими солдатами, защищающими независимость своей страны, американские военные, привыкшие вести «дистанционные» боевые действия, обратятся в бегство¹⁴⁹.

Основная угроза информационным усилиям американо-британской коалиции исходила от Министерства информации Ирака. В период боевых действий оно перешло на чрезвычайный режим работы. Министру информации Ирака Мохамеду ас-Саххафу удавалось достаточно оперативно реагировать на распространяемую подконтрольными коалиции СМИ дезинформацию. С начала бомбардировок Ирака он ежедневно проводил пресс-конференции официальных лиц для оставшихся 60–70 зарубежных журналистов-камикадзе. Во время этих встреч опровергалась информация о захвате иракских городов и больших потерях. Была организована работа с представителями СМИ сразу же после нанесения авиаударов американской и британской авиации.

Буш лично обращал внимание на массированную пропаганду. Выступая в Пентагоне, он сказал 25 марта: «Мы должны постоянно напоминать иракцам, почему мы находимся на их земле, за что мы сражаемся». Вооруженные силы США имели три гигантских четырехмоторных транспортных самолета «Коммандо Соло». Они были превращены в летающие телевизионные и радиостанции. Их Буш и предлагал использовать для вещания на Ирак. «Мы будем напоминать миру, с кем мы сражаемся». 28 марта 2003 г. президент Буш спрашивал, как иракцы воспринимают американскую пропаганду, как все это выглядит для среднего иракца? Американское вещание действовало на Багдад пять часов в сутки. Это не было телевидение, на экранах были простые картинки.

Тремя днями позже американцев нервировало то обстоятельство, что иракское телевидение продолжало трансляцию своих программ. Их удивило то обстоятельство, что в Багдаде было отключено электричество. Хедли спросил президента, как он себя чувствует?

---

¹⁴⁸ Lifton R. Superpower Syndrome. America's Apocalyptic Confrontation with the World. New York: Thunder's Mouth Press/ Nation Books. 2003, p. 167.

¹⁴⁹ Толстобров А. В. Информационная война США и Великобритании в ходе военной операции против Ирака, с. 4.

«Я принял решение. Ночами я сплю спокойно».

Ирак испытывает удар

Как свидетельствовали очевидцы, в Ираке воцарился едва ли не первобытный хаос, когда массовым занятием стал грабеж общественных и частных учреждений. Зарезо пожарищ охватило Багдад и другие города. С лица земли исчез знаменитый Национальный музей древностей, манускрипты Национальной библиотеки, многотысячелетнего возраста артефакты месопотамской культуры. Постепенно возникло то, что американцы и англичане с великой неохотой стали все же называть партизанской борьбой. Американские потери особенно начали расти в суннитской части Ирака (278 погибших уже в первые месяцы – вдвое больше, чем на поле столкновения двух армий).

На протяжении первых десяти дней войны официальное правительство Ирака запрашивало Россию, Францию и Китай о помощи. Удивительно, но *Саддам верил, что проамериканская коалиция остановится, верил до 30 марта*. В этот день его главный секретарь генерал-лейтенант Абед Хамид Махмуд приказал министру иностранных дел сообщить российскому и французскому правительствам, что Багдад согласится только на «безоговорочный отход» войск коалиции. В это время американские танки были в 150 км от центра Багдада и заправлялись для последнего броска к иракской столице.

Как кролик перед удавом, Саддам велел тщательно замаскировать авиацию Ирака (многие модели самолетов были просто закопаны в песок и оставались там до прихода американцев). Саддам Хусейн не повторил опыта 1991 года, когда авиация была отослана в Иран. На этот раз Ирак не доверял Тегерану. Саддам: «Иран стал сильнее, получив наши самолеты. А мы?»¹⁵⁰

23 марта американцы навязали глубокий бой Республиканским гвардейцам. Под покровом темноты 32 вертолета «Апач» вылетели в направлении дивизии «Медина», стоявшей на пути к Багдаду. Цели: командные посты, бронетехника и артиллерия. Однако иракцы увидели «Апачи», когда те пролетали над населенными районами и встретили их огнем. 24 марта продвижение 3-й дивизии замедлилось. Настал решающий час.

В воздухе появились Б-52. Иракцы приходили в себя от скорости американского продвижения. Началась песчаная буря. Война несколько притихла, но усилились партизанские действия в районе Наджафа и Самавы. Надежды на быструю победу у американцев стали ослабевать. Когда через двое суток буря стихла, американцы начали отчаянно бомбить Багдад, участь которого была незавидна. Но и для американцев Наджаф стал страшной репетицией возможных уличных боев в Багдаде.

29 марта иракцы использовали террористов-смертников. Один из них собрал вокруг себя четверых американцев и взорвал себя. Теперь американцы стали бояться и людей в штатском, подозревая камикадзе. Американцы немало прояснили для себя: массовых сдач в плен не будет, Ирак продолжает сопротивление. Прошло десять дней войны, наступила трезвость.

Но иракцы разместили свои лучшие силы неудачно. Их дивизии были страшнее всего в городских районах, а иракские генералы стали выводить их на юг, на окраины, в помощь федаинам. Теперь уничтожение их авиацией стало делом нескольких дней. 31 марта могучая «Медина» ударами с воздуха была выведена из строя. На ее место заступила дивизия «Навуходоносор», но и в этом случае бомбардировочные удары американцев были безжалостными. 3-я дивизия достигла Хиндаяха. А в Кувейте начала разгружаться 4-я дивизия американской армии.

---

¹⁵⁰ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 18).

Цель: Багдад

1 апреля 2003 г. самолеты коалиции нанесли удар по двум автобусам с добровольцами, в том числе американскими гражданами, которые прибыли в Ирак, чтобы организовать «живой щит». Кроме того, на американском блокпосту в районе Неджефа военнослужащими коалиции был расстрелян микроавтобус с гражданскими пассажирами. По разным данным, погибли от 7 до 10 гражданских лиц. В этот же день американские военные сообщили о своих успехах в боях за город Хиндия, расположенный на 70 км южнее Багдада. Гибли иракские гвардейцы. У американцев один убитый и один раненый. Американские войска из состава антииракской коалиции во вторник замкнули кольцо окружения вокруг города Кербела, сообщило английское агентство Ройтерс.

Саддам Хусейн опроверг слухи об отправке своей семьи в Сирию. Иракский крестьянин Али Абид бен Мингаш, якобы сбивший из винтовки вертолет Apache, демонстративно получил 50 тысяч долларов в качестве приза.

Наступление на Багдад началось в среду 1 апреля. На следующий день 3-я дивизия прорвала оборону защищающихся, а точнее сказать, к рассвету 2 апреля 2003 года 3-я пехотная дивизия США без существенных потерь смогла прорвать оборону противника. Находившиеся восточнее морские пехотинцы устремились к северу, а затем повернули на восток до шоссе № 7, где начали наступление на дивизию «Багдад». В ходе жестокого боя они форсировали реку Тигр в районе Кута – в 160 км к юго-востоку от Багдада. Как пишет генерал Уэсли Кларк, «задача состояла в том, чтобы прорвать оборону иракцев, уничтожив при этом столько сил противника, сколько будет необходимо для движения дальше в направлении Багдада, опираясь при этом на огонь авиации и артиллерии. Они должны были связать и обойти иракскую 10-ю бронетанковую дивизию, расположенную в районе Амара»¹⁵¹. При этом неутомимые поиски химического оружия ни к чему не привели на иракских складах боеприпасов.

Войска продвигались успешно, но в Вашингтоне не было ясного представления о том, что происходит в старинном Междуречье. Именно в эти дни столь самоуверенный обычно Рамсфелд говорил окружению, что «не знает, как долго это может продолжаться и какой будет цена боев». 2 апреля 2003 г. Рамсфелд докладывал Совету национальной безопасности: «У нас в Ираке 116 тысяч человек, а на всем театре военных действий – 310 тысяч». Авангард 3-й дивизии находился в 15 км от Багдада. Более половины крылатых ракет пали в этот день на три дивизии Республиканской армии – основу лояльных Саддаму войск.

2 апреля министр приказал Фрэнксу оказать помощь генералу Гарнеру. В это время проявляет активность глава Иракского национального конгресса Ахмед Челаби – руководитель группы иракских эмигрантов, получивший некоторую учебную практику в США. В самом начале апреля Челаби пересек иракскую границу. Следует сказать, что американские военные, строго говоря, не оказывали ему особой помощи, не видя в этом смысла. Последнее, что они хотели сделать – это бросить Челаби с его людьми в центр развернувшейся схватки. А ведь из Вашингтона следовали именно такие инструкции.

Генерал Эбизайд в конечном счете распорядился таким образом: «О.К., давайте предоставим этому сукиному сыну возможность проявить инициативу, и они узнают подлинную цену себе. И я уверяю вас, что у него ничего не получится». Огромный транспортный С-130 «Геркулес» доставил Челаби с командой, одетую в черные рубашки и ковбойские шляпы, в Назирийю. Глядя на них, генерал Маркс сказал: «Ребята, охраняйте свои кошельки». Поступали сообщения, что борцы свободного Ирака не прочь были поживиться тем, что плохо лежит.

Американцы заново перехватили инициативу к исходу дня 2 апреля. 3-я пехотная дивизия возобновила наступление, продвигаясь вперед под огнем иракской артиллерии.

---

¹⁵¹ Кларк У. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 89.

Стало ощущаться, что иракская оборона находится при последнем издыхании, в ней началась дезорганизация. Помощь с севера оказалась неэффективной. «Медина», даже получая подкрепления от «Хаммурапи» и «Навуходоносора», слабела с каждым днем. Американцы желали знать только одно: где находятся узлы управления противостоящих частей. Их не интересовала территория, они хотели знать, где находятся иракские генералы. Как только нащупывалось местоположение очередного штаба, все силы артиллерии и авиации бросались на этот объект.

После этого следовал прорыв обороны. Наиболее важным в текущие дни был прорыв обороны в районе Кербелы, где в среду вечером был сбит американский самолет «Черный орел». Важнее был шестиполосный мост через Евфрат, взятый американцами: уже всего 30 км от Багдада. 3-я пехотная дивизия повернула на север. Вечером 3 апреля впереди показался багдадский аэропорт. Именно в этот день открылась дорога на иракскую столицу. Остатки иракских дивизий лихорадочно занимали позиции на самих подступах к Багдаду. Морские пехотинцы окружили дивизию «Багдад» в окрестностях города Кут. Страшные удары с воздуха поразили и дивизию «Аль-Нида», стоявшую на дороге в Багдад. В воздухе царили огромные Б-52. На земле к регулярным войскам присоединялись подрывные и разведгруппы.

В Наджафе иракцы укрылись в усыпальнице Али. К северу от Багдада иракские войска отступали к столице страны. После пятидневных боев иракские войска стали отходить от Мосула и Киркука. Но здесь паника была меньше, чем на юге. Здесь американским войскам еще предстояло показать себя. Временный шок американцев стал проходить. Чувство эйфории стало возвращаться.

Эйфория возвращается

После первой недели боев Штаб Объединенного центрального командования сообщил, что передовые отряды союзных сил вышли к южным пригородам Багдада, где вступили в бои с частями иракской гвардии. В Америке стали стихать споры о стратегии и количестве войск, направившихся к Багдаду. Возникла новая уверенность в победу в Месопотамии.

Иракское телевидение показало выступление Саддама Хусейна, старавшегося поднять боевой дух войск. Но американские телеканалы показали нечто более внушительное: американские войска, рвущиеся к аэропорту Багдада. Иракская армия пыталась отбить аэропорт, но американцы послали значительное подкрепление. 2-я бригада 3-й пехотной дивизии, добив «Медину», прибыла к аэропорту. Уничтоженных иракских солдат стали считать с этих дней тысячами. Попадались добровольцы из Египта и Иордании. Морские пехотинцы крушили «Аль-Ниду» после долгого перехода через долину Евфрата до переправы через Тигр. И далее к Багдаду с юго-востока.

В столице Ирака были разрушены здания Багдадской международной ярмарки, профсоюза учителей, Центр материнства и детства. Одна из американских ракет взорвалась близ здания российской дипломатической миссии. Усилилась бомбардировка авиацией союзников южных пригородов иракской столицы. Американско-британские войска при широкой поддержке авиации и артиллерии вели весьма ожесточенные бои с частями иракской армии на южных окраинах Басры. Командование Британского королевского корпуса морской пехоты заявило, что не будет продвигаться дальше в глубь Ирака, пока не установит контроль союзных сил над Басрой. На севере Ирака интенсивным бомбардировкам подверглись нефтеносные города Мосул и Киркук. На западе диверсионные группы спецназа США взорвали трубопровод, по которому осуществлялись поставки нефти из Ирака в Сирию, и участок железной дороги, связывавшей Багдад с Дамаском. В Ирак через территорию Сирии продолжали прибывать тысячи добровольцев из арабских стран. Более половины из них готовы были стать смертниками. Но правительства Иордании, Турции, Ирана официально запретили своим гражданам отправляться в Ирак для борьбы с войсками западной коалиции. После двух недель боев войскам коалиции так и не удалось полностью взять под свой контроль Умм-Каср. Несмотря на то что порт Умм-Каср уже

используется союзными войсками, в самом городе, находящемся в 700 м от иракско-кувейтской границы, продолжалась интенсивная перестрелка.

6 апреля в результате авиаудара коалиционных сил был разрушен родильный дом в Багдаде, погибли 10 человек. В тяжелые бои вступила дивизия «Багдад» Республиканской гвардии Ирака. Жестокий бой произошел у города Кут. Иракское телевидение показало Саддама Хусейна, который провел срочное совещание с руководством страны. Британские войска предприняли попытку войти в Басру с западной и юго-западной стороны, но были отброшены. Передовые отряды американских войск вышли на позиции в 45 километрах от Багдада. По оценкам командования коалиции, в ходе авиаударов и обстрелов западным войскам удалось вдвое снизить боеспособность дивизии «Медина», прикрывавшей Багдад с юга. Командование американских войск в Ираке сообщило о спасении из плена 19-летней Джессики Линч, которая исчезла 23 марта при нападении на техническое подразделение. Двое американцев тогда были убиты, пятерых захватили в плен и показали по иракскому ТВ, а еще 12 человек считались пропавшими без вести.

Примерно 6 апреля 2003 года Саддам Хусейн, менявший местоположение каждые три часа, все же пришел к выводу, что война проиграна. Впервые он говорит в этом духе на собрании высших офицеров в центре Багдада. Тарик Азиз вспоминает, что «Саддам уже был человеком с сокрушенной волей»¹⁵². Группа коммандос «Дельта» шла по его следам. 7 апреля бомбардировщик Б-1 сбросил на место, где предположительно находился Саддам, 4 бомбы, каждая весом более 900 кг.

Джихад

Кондолиза Райс выразила ту точку зрения, что Гарнер слишком задержался в Кувейте. Он не исполняет своих обязанностей создавать новое правительство, формировать министерства и в целом – управлять Ираком. Она размышляла над множасьей информацией – с началом боевых действий государственные служащие предпочли покинуть рабочие места. «Что это значит, что вы не можете найти рабочих для нефтепромыслов?»

А тем временем начался полномасштабный штурм аэропорта Багдада. По словам американских военных, с иракской стороны не оказывается никакого сопротивления. Однако иракцы говорят о сильном сопротивлении врагу. 7 апреля Саддам Хусейн снова собрал своих соратников. Он признал, что «армейские дивизии больше не способны защитить Багдад и я намерен встретиться с руководством партии БААС, чтобы мобилизовать партийные ресурсы»¹⁵³. Деления Багдада на четыре зоны так и не произошло.

Ночью Багдад подвергся интенсивным ракетно-бомбовым ударам. Пострадал комплекс зданий Иракского государственного телевидения. Командование союзников заявляет, что завершено окружение Кербелы. Подразделения американских сухопутных войск обошли город с запада по берегу озера Бахр-Эль-Мильх и продвигаются в направлении города Эль-Эскандерия. Морские пехотинцы и десантники ведут упорные бои с защитниками Эн-Наджафа. Продолжаются также бои в районе городов Хилла и Эль-Дивания. Американское командование сообщает, что подразделения морской пехоты захватили мост через реку Тигр в районе города Эль-Кут. Части британской морской пехоты ведут непрерывный обстрел пригородов Басры.

Саддам Хусейн обсуждал захват американцами аэропорта и решил объединить федаинов и республиканскую гвардию для яростной защиты центра Багдада. Столица снова

---

¹⁵² Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 22).

¹⁵³ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 23).

была поделена на четыре сектора, во главе каждого иракский президент поставил члена партии БААС и велел сражаться до последней капли крови.

Террорист-самоубийца взорвал начиненный взрывчаткой автомобиль у блокпоста на востоке Ирака. Погибли трое солдат коалиционных сил. 5 апреля поступило сообщение, что вызывающий ужас «белый порошок» оказался обычной взрывчаткой. Американские военные объявили, что при штурме багдадского аэропорта погибли трое военнослужащих из состава войск коалиции. В то же время потери иракцев оцениваются в 300 человек убитыми. По утверждению иракской стороны, союзники потеряли пять танков и вертолет, экипажи которых или убиты, или взяты в плен.

Как уже говорилось, 6 апреля 2003 г. международный аэропорт в Багдаде перешел под контроль коалиционных сил. Американские военные власти сообщили о значительных потерях иракской армии: 320 военнослужащих убиты, уничтожены более 30 зенитных орудий, три бронетранспортера и 23 грузовика. ВВС сообщила, что иракские войска перешли в контрнаступление в районе аэропорта. Дональд Рамсфелд заявил, что американская армия Багдад штурмовать не собирается, она сожмет вокруг него кольцо. В столице Ирака прогремело более 20 мощных взрывов – действия американской авиации.

Полковник Дэйв Перкинс испросил разрешения командира 3-й дивизии генерала Блаунта *заранее уничтожить психологию осады*. Колонна в составе 40 танков и самоходных установок «Брэдли» двинулась в направлении Багдада по дороге Хилла, что застало иракцев врасплох. Они не сумели создать оборонительные позиции. Группа проникла в глубь города, произвела рекогносцировку, дезорганизовала противника и создала как минимум впечатление успеха, столь нужного в сложной психологической атмосфере войны. Теперь войска США с каждым днем все более плотно сжимали кольцо вокруг Багдада.

Официальный представитель Пентагона сообщил, что сбит американский военно-транспортный вертолет «Блэкхок» УН-60А. Из 11 человек, находившихся на его борту, семеро погибли. Центральное командование ВС США распространило заявление, подтверждающее гибель в южной части Ирака истребителя F/A-18 «Хорнет» с авианосца «Китти Хок». Представитель ВС Великобритании сообщил, что британские войска использовали кассетные бомбы в окрестностях Басры. По данным независимых источников, за две недели боев урон антииракской коалиции составил 270 человек убитыми и 400 ранеными. Союзники потеряли до 110 единиц бронетехники, пять самолетов, 15 вертолетов и шесть беспилотных летательных аппаратов, одну пусковую установку и одну РЛС зенитно-ракетного комплекса «Пэтриот». Потери иракцев: до 1500 убитых, более 4000 раненых, до 150 единиц бронетехники.

3-я пехотная дивизия США уже полностью овладела международным аэропортом Багдада и установила над ним контроль. По данным из арабских источников, наступление союзников остановлено у населенного пункта Искандерия, в 50 км от Багдада. По столице Ирака наносятся мощные ракетно-бомбовые удары, выведена из строя система энергоснабжения. На юге Ирака гарнизоны Басры, Эн-Насирии и Эн-Наджафа продолжают оказывать упорное сопротивление американско-британским войскам. В Басре британская морская пехота захватила текстильную фабрику на южной окраине города. В Эн-Наджафе десантники 101-й воздушно-штурмовой дивизии ведут позиционные уличные бои. Командование союзников не решается на его штурм, опасаясь многочисленных потерь. На севере Ирака авиация союзников бомбит позиции иракских войск у городов Мосул и Киркук. В Курдистане американцы активно используют следующую тактику: вслед за ковровыми бомбардировками вперед медленно продвигаются отряды курдов, а за ними – спецназ армии США. Ожесточенные бои идут в районе населенного пункта Калак за контроль над стратегически важным шоссе на Мосул. Американско-британское командование продолжает переброску на север Ирака подкреплений – подразделений 10-й легкой пехотной дивизии. Союзники несут тяжелые потери. В Ирак доставляются дополнительные медицинские подразделения. Чехия направляет в Кувейт полевой госпиталь. В его составе 300

военнослужащих, способных оказать медицинскую помощь 200 раненым в сутки.

Сухопутные войска США при поддержке с воздуха начали штурм города Кербелы. Американское командование сообщило, что передовые части морской пехоты навязали элитным подразделениям иракской армии бой в южных пригородах Багдада. Танковые батальоны 3-й механизированной дивизии вышли к международному аэропорту иракской столицы и установили над ним частичный контроль. Министр информации Ирака Мохаммед Саид аль-Сахаф опроверг сообщение о появлении войск антииракской коалиции в Багдаде. Саддам Хусейн обратился к иракской армии и мирным жителям с призывом оказывать агрессорам более активное сопротивление.

Между тем начиналось необратимое: американские войска двумя группами с разных сторон вошли в Багдад и углубились на несколько километров в сторону центра. Около 600 арабских добровольцев, приехавших защищать Ирак, отчаянно сражались и погибли в районе города Эль-Кут к юго-востоку от Багдада. Американско-британская авиация в течение 15 часов непрерывно бомбила их лагерь. По словам министра информации Ирака Саида Саафа, речь шла о сотнях убитых и раненых военнослужащих. Однако представители Центрального командования союзных войск заявление Саафа опровергли. Вертолет «Суперкобра», принадлежавший военно-морской пехоте США, разбился в центральной части Ирака, погребя под собой двух пилотов.

Несмотря на заявление американского командования о предстоящей осаде Багдада, подразделения союзников действовали более прямолинейно – начали продвижение к центру Багдада. Наступающие попали под огонь из гранатометов и стрелкового оружия лучших иракских сил. Американские войска начали штурм города Кербела, расположенного в 112 километрах к юго-западу от Багдада. Характерно, что США начали планировать формирование послевоенной иракской администрации уже на следующей после начала войны неделе. В Ирак поступает первая партия продовольственной помощи. В представительстве ООН, расположенном в городе Дохук, выгружено около 1000 тонн пшеницы.

Подразделения 1-й бригады 3-й механизированной дивизии США продолжали продвигаться из района Абу-Гайраб в обход Багдада, стремясь выйти к его южным окраинам и овладеть стратегически важным мостом через Тигр. Завершилась переброска в Кувейт украинского батальона радиационной, химической и бактериологической защиты. Части иракской армии стали готовиться к обороне Багдада. Бронетехника и артиллерия заняли оборонительные позиции, готовясь отражать наступление сил коалиции на центр города. Пентагон официально объявил о начале операции по захвату Багдада. Российские дипломаты во главе с послом покинули Багдад. При выезде из столицы Ирака под обстрел попала автоколонна с российскими дипломатами. Среди людей, следовавших в автоколонне, были раненые. В российский МИД были срочно вызваны послы США и Ирака. Официальных объяснений с американской стороны не поступило, однако Колин Пауэлл в телефонном звонке Игорю Иванову лично выразил сожаление по поводу случившегося.

На этом этапе (5–6 апреля) Пентагон официально объявил о начале операции по захвату Багдада. С иракской стороны велась интенсивная подготовка к обороне Багдада. Подразделения 3-й мотопехотной дивизии ВС США предприняли активную передислокацию под Багдадом, образуя сплошное полукольцо, охватывающее город с южной стороны. Отряды курдской оппозиции продвинулись с севера в направлениях Мосула и Киркука. На севере Ирака американский самолет нанес удар по колонне курдов, в составе которой были две машины со спецназовцами армии США. Корреспондент ВВС, переживший этот налет (хотя и получивший ранения), сообщил, что насчитал как минимум десять тел мертвых американских солдат, а также множество раненых. Англичане сообщили, что британские танки достигли центра Басры. Британские корреспонденты подчеркивали упорное сопротивление иракцев.

7 апреля 2003 года американцы совершили еще одну вылазку в Багдад – 70 танков и 60 бронемашин. Им удалось занять Республиканский дворец, официальную резиденцию

правительства Ирака. За Саддамом следили. Иракская армия предприняла отчаянные усилия по возврату комплекса правительственных зданий. 8 апреля иракцами как бы овладела паника, они предприняли несколько отчаянных контратак с целью вернуть себе комплекс правительственных зданий на западном берегу реки Тигр. Ударные силы были посажены на 50 грузовиках, автобусах и бронемашинах. Но американцы вначале нанесли по хорошо видимым целям удар с воздуха, а затем открыли плотный артиллерийский огонь. И все же большей части иракцев удалось переправиться через мосты и вступить в ближний бой со второй бригадой 3-й пехотной дивизии США. Но здесь навстречу нападающим вышли американские танки и самоходки «Бредли», поражая своим огнем иракские грузовики. Три автомобиля террористов-смертников были остановлены американским огнем.

Поиски продолжаются

8 апреля была проведена первая полномасштабная инспекция одного из «подозрительных мест» к югу от Багдада. Полковник Ричард Макфи высадил своих специалистов. Ожидалось найти производство химического оружия. Арестовали иракского ученого. Макфи немедленно вылетел к Марксу в Кувейт. Здесь его «остудили». Оставалось 945 подозрительных мест. Можно ли ошибаться в отношении такого большого числа? Макфи вернулся к подозрительному ученому, но его послание Марксу звучало: «Радостных известий нет». Маркс подумал, что это девиз всей его будущей деятельности в поисках иракских средств массового поражения.

9 апреля командующий войсками коалиции генерал Фрэнкс сообщил по специальному телефонному каналу Совету национальной безопасности, что иракские войска южнее Багдада разбиты, а сам Багдад в решающей степени ослаблен. Американцы распространили фотографии 55 лидеров саддамовского режима и начали их поиски. Основа оптимизма Фрэнкса: гуманитарный кризис не произошел, нефтяные поля не выгорели, ОМП не сработали против войск коалиции, 900 из 1000 южных нефтяных месторождений целы, электричество есть, продовольствие не иссякло.

Гарнер готовился к переезду в Багдад. Пока не было найдено средств массового поражения. Буш одобрил проведение подготовительной конференции – первой ступеньки возвращения власти самому Ираку.

Рамсфелд послал в Ирак своего специального помощника Ларри Дерита. Дерита прибыл в Катар 9 апреля, ожидая самолета в Кувейт, где надеялся установить тесную связь с Гарнером. В аэропорту Дерита видел по телевидению сцену, которую наблюдал весь мир: группа американских военно-морских пехотинцев в южном Багдаде с помощью нескольких иракцев низвергла шестиметровую скульптуру президента Саддама Хусейна. «Конец режима», – подумал Дерита. В небольшой комнатке кувейтского Хилтона помощники Гарнера обрисовали ему обстановку в Ираке. Окружающие запомнили слова Дериты, стукнувшего кулаком по столу: «Мы ничего не обязаны этим иракцам! Мы возвращаем им их собственную свободу. И это все, что мы обязаны им дать. Ничего другого они не должны ждать». Дерита утверждал, что в конце войны американцам будет достаточно иметь в Ираке 25–30 тысяч своих солдат. Не следует вести себя как в Косово и Боснии, где американцы намекнули, что могут остаться надолго – ну и остались, делая то, что от них ждут. В Ираке должно быть по-другому.

Но люди из госдепа сомневались. Быстро войти и быстро выйти – разве это разумно? Зачем столько готовиться к управлению Ираком – и вдруг бросить все на полпути? А ведь уже поднималась во весь рост проблема иракских национальных меньшинств. По мнению Гарнера, министр Рамсфелд не понимал происходящего в Ираке.

А в Вашингтоне саудовский посол принц Бандар посетил президента Буша. Он испытывал обеспокоенность по поводу дестабилизации Ирака. Американцы только вошли в Ирак, а Рамсфелд уже говорит о выходе из него. Посол давно говорил американскому руководству, что в Ираке образуется вакуум, и этот вакуум опасен. В этот вакуум готова

вернуться партия БААС, иракские военные, представители разведки, органы безопасности.

Бандар советовал президенту: «Уберите верхний эшелон власти с их кровавыми руками. Но оставьте на месте основные институты власти. Прикажите армии вернуться в бараки. Оставьте на месте офицеров, начиная с полковника и ниже. Кто-то же должен отдавать приказы. Сделайте то же самое в иракской разведке и в органах безопасности. Их разведка – один из самых эффективных органов, уберите верхушку и оставьте остальных. Они найдут Саддама». Кто-то из окружения Буша сказал, что звучит как «Николо Макиавелли». Говорил представитель страны, у которой с Ираком была 800-километровая общая граница. Хаос пугал Эр-Риад. По саудовским данным, в Ираке было 3 млн неработающих, которые получали 6 дол. в месяц. «Дайте им зарплату и вы получите 10 млн сторонников. Проведите ту же операцию с военными – еще 100 млн дол. Но не разочаруйте этих отчаявшихся людей. Дело стоит 200 млн дол.».

11 апреля Маркс записал в своем дневнике: «Нет признаков оружия массового поражения». На следующий день он вылетел в Багдад. 19 апреля он обозначил в дневнике две главные задачи: «Сохранить территориальную целостность Ирака и найти оружие массового поражения».

Багдад взят

Президент Ирака Саддам Хусейн поделил Багдад, как уже говорилось, на 4, а потом 5 секторов обороны, готовясь, судя по всему, к долгой осаде. Но части коалиции сумели выдвинуться в центр столицы, практически не встретив серьезного сопротивления. Атакующие ворвались в главный президентский дворец Саддама Хусейна. Представители армии США уведомили о захвате еще одного дворца Хусейна. В то же время, по данным агентства Рейтер, многие мосты через Тигр в центре Багдада оставались под контролем иракских войск. Военно-морские пехотинцы США вошли в Багдад с юго-востока. Заместитель командира 1-й экспедиционной дивизии морской пехоты генерал Джон Келли заявил, что его части пересекли реку Диялу с восточной стороны иракской столицы.

Британские военные обнаружили в Басре тело двоюродного брата иракского президента Али Хасана аль-Маджида по прозвищу «Химический Али». Он занимал должность командующего Южным иракским фронтом. На этой стадии США перебрасывают вооруженных иракских оппозиционеров в Ирак для участия в боевых действиях – отправлены 700 бойцов. 7 апреля союзники объявили о взятии Кербелы – города, находящегося в 70 километрах к югу от Багдада. В багдадском аэропорту приземлился первый американский военно-транспортный самолет. Американские войска снова начали наступление на центральную часть Багдада. По сообщению англичан, американские танки въехали на территорию президентского дворца Хусейна в Багдаде. Американские подразделения заняли «ключевые здания» города, в том числе министерство информации.

Танки «Абрамс» блокировали центральный мост Багдада, взяв под контроль главную улицу иракской столицы. С запада, при поддержке авиации и боевых вертолетов, наступали части 3-й механизированной дивизии США. Прекратилась трансляция передач иракского телевидения. Американские военнослужащие продолжали исследовать химические вещества, обнаруженные в районе города Эль-Хиндия в 90 км к югу от Багдада, но пока не могли сказать, пригодны ли они для создания ОМП. Представитель британской армии полковник Крис Вернон заявил, что *войну можно считать выигранной*. Но иракский министр информации Мохаммед Саид Сахаф отверг возможность капитуляции, предложенной Саддаму Хусейну правительствами нескольких стран.

Взятие Багдада американской армией заняло семь дней, на протяжении которых над городом висела американская авиация. Действия американцев обычно заставляли иракцев врасплох. Последние очаги иракского сопротивления были подавлены 9 апреля 2003 года.

Обе палаты Конгресса США поддержали план Белого дома, предусматривающий дополнительное финансирование операции в Ираке в размере около 75 миллионов долларов.

Министр информации Ирака зачитал в эфире национального телевидения обращение Саддама Хусейна, объявившего джихад Соединенным Штатам. В четверг 10 апреля вслед за сообщением о разгроме иракской элитной дивизии «Багдад» Пентагон объявил об уничтожении дивизии «Медина» – одного из самых боеспособных подразделений Республиканской гвардии Ирака, защищающей Багдад с юго-запада. В районе Кербелы сбит американский штурмовик F/A-18 Hornet, приписанный к авианосцу «Китти Хоук». Позже источники в Вашингтоне сообщили, что самолет был сбит союзниками из зенитного комплекса «Пэтриот». Кроме того, Пентагон подтвердил потерю вертолета Black Hawk, сбитого в ночь на четверг в районе Кербелы. Семеро из одиннадцати человек, находившихся на борту, погибли. По данным американских военных, вертолет подбили из стрелкового оружия. Британские военные подтвердили, что в ходе боев в пригородах Басры использовались кассетные бомбы, сообщает BBC. Чуть позже это сообщение опроверг полковник вооруженных сил Великобритании Крис Вернон. В результате интенсивной бомбардировки, которой авиация антииракской коалиции подвергла некоторые районы Басры, подожжены девять нефтяных скважин. Союзники в 10 километрах от иракской столицы.

Одновременно поступали сообщения о тяжелых боях у населенных пунктов, расположенных в 70–100 километрах южнее Багдада и в Басре. Исламское центральное духовное управление мусульман святой Руси объявило джихад США.

11 апреля иракская армия покинула Мосул, не устояв перед американской авиацией. А 1-я дивизия морской пехоты США двинулась из Багдада на север – в Тикрит, на родину Саддама, где ожидалось особенно серьезное сопротивление. Шел 27-й день войны.

Авантюризм и удача Фрэнкса заключались, в частности, в том, что он начал бой за Багдад не дожидаясь, собственно, создания северного фронта. Возможно, утерянная удача иракской армии заключалась в том, чтобы резко перебросить войска с севера на юг. Американцы говорят о некомпетентности иракского руководства¹⁵⁴. Он же признает, что «на Ближнем Востоке, где мы более всего нуждались в завоевании сердец и умов, информационная война не смогла поколебать сердца и умов, не смогла поколебать антиамериканские настроения и, по сути, еще более обострила враждебные чувства»¹⁵⁵.

Конгресс США одобрил выделение дополнительных 80 миллиардов долларов на нужды военной кампании в Ираке. Американские военные обнаружили подземный туннель, ведущий из аэропорта Багдада к берегу Тигра. Более двух с половиной тысяч солдат Республиканской гвардии сдались в плен коалиционным силам. Представители коалиции сообщили об обнаружении на одном из заводов в южном пригороде Багдада тысячи ампул с белым порошком и инструкций на арабском языке на случай химической атаки. (Впоследствии это и подобные сообщения как бы «затерялись» в общей массе сообщений.)

Американские транспортные самолеты начали доставлять в один из южных районов Ирака бойцов иракской оппозиции во главе с Ахмедом Чалаби, которого, по некоторым данным, в Белом доме прочили в номинальные лидеры постсаддамовского Ирака.

Тем временем британские военно-морские пехотинцы пытались установить контроль над Басрой. Их продвижение замедлилось из-за ожесточенного сопротивления иракского гарнизона в старой части города. На юге Ирака боевые действия также продолжались в районе городов Эн-Насирия и Эн-Наджаф. На западе – у населенных пунктов Абу-Мансур и Эль-Фаллуджа. На севере страны наиболее интенсивным ракетно-бомбовым ударам подверглись города Мосул, Киркук, Келек и Дахук. Отряды курдов при поддержке подразделений американских сухопутных войск продвинулись к Мосулу.

В результате взрыва на верхнем этаже багдадской гостиницы «Палестина» были убиты

---

¹⁵⁴ Кларк, В. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 109.

¹⁵⁵ Кларк, В. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 110.

два журналиста – погиб корреспондент телеканала «Аль Джазира». По словам очевидцев, высотное здание отеля было поражено снарядом американского танка. Официальный представитель штаба Центрального командования в Катаре заявил, что в ближайшие планы американской группировки, штурмующей Багдад, входит наращивание военного присутствия внутри города. Американцы не встретили в столице организованного сопротивления иракцев. Средства ПВО Ирака сбили около аэропорта Багдада американский штурмовик А-10. Командование США сообщило о потере истребителя-бомбардировщика Ф-15, пораженного зенитной ракетой близ города Тикрит.

Глава одиннадцатая Триумф

Последнее «ура»

А специалисты уже тогда говорили, что этого контингента недостаточно, что *зря* Пентагон отказался от более весомых воинских группировок. Но еще более страшной ошибкой было легкомысленное отношение к программе поведения Соединенных Штатов *после победы*. Никто не задумался заранее над проблемой массового разграбления имущества прежнего режима. Американские солдаты не имели ни малейшего представления, что им следует делать, когда они встретят массовое разграбление. Американцы оказались невеждами и в теории, и на практике. Чего стоит одно лишь решение распустить разбитую армию Хусейна! Неспособность предвидеть мертвящий крах государства обошлась победителям более чем дорого.

Фрэнкс 9 апреля 2003 года докладывал о 30 тыс. убитых иракцах – в этот день американские войска вышли на берег Тигра, военно-морская пехота ворвалась в центр Багдада и, как уже говорилось, шестиметровая статуя Саддама рухнула наземь.

Быстрая победа в долине Тигра и Евфрата, несомненно, воодушевила американцев. Она изменила психический ландшафт в Соединенных Штатах. Да, еще задолго до начала войны были массовые протесты. Но с момента вторжения страна довольно быстро «собралась вокруг флага», и необходимое национальное единство было достигнуто под руководством верховного главнокомандующего. Американцы, безусловно, были поражены «шоком и ужасом» бомбардировок Багдада, пришедших при помощи телевидения буквально в каждый американский дом. Эффект бомбардировок при гаснущей луне был невероятен. Три недели Америка жила в постоянном ажиотаже.

Иракские потери были очевидны. И только около ста американцев погибли в этой первой битве. Опросы общественного мнения говорили об энтузиазме большинства. Победу ведущие называли только «благородной». Лишь малое меньшинство испытывало неловкость при виде того, как сильнейшая армия мира добивала малую и слабую страну, даже не найдя убедительной причины для вторжения в ее пределы.

Но чем действительно были, если можно так сказать, смущены американцы, так это военным ответом иракской армии, которая все же три недели сражалась. Военно-политическое руководство Ирака активно использовало пропагандистские ресурсы страны для оказания противодействия ведущейся против Ирака психологической войне. Сильной стороной Ирака в этом вопросе являлся тотальный контроль государства и спецслужб за информацией, ее источниками и каналами получения внутри страны. Иракская пропаганда преследовала две цели: 1) максимально затруднить информационно-психологическое воздействие противника на собственное население и вооруженные силы путем осуществления контрпропагандистской работы; 2) оказать давление на население и военно-политическое руководство арабских стран региона, чтобы убедить их не оказывать поддержки США и их союзникам.

Во второй половине апреля война стала терять динамизм, поражение Ирака стало

очевидным. Сократилась численность журналистов. А главной темой оставшихся репортеров были нехватки: недостача воды, электричества, телефонной связи, задержки с подачей продовольствия, исчезновение – главное – безопасного пребывания в столице и городе. Грабеж охватил город. Грабили все – общественные учреждения и частные квартиры. Особенно заметно было практическое исчезновение знаменитого Иракского музея и ряда других общенациональных учреждений.

Владеть захваченной страной

Что американцы занесли себе в актив? Обобщая опыт обеих войн: они убили многих руководителей Аль-Каиды, разгромили Талибан, засадили (позднее) в камеру Саддам Хусейна, запустили конституционный и электоральный процесс. Саудовская Аравия словно бы отбилась от Аль-Каиды. Мощные антитеррористические центры были созданы в США. И с тех пор противник не нападает на Америку.

Раздраженный Буш пожаловался верному союзнику, австралийскому премьеру Ховарду: «Каждый раз, когда я напоминаю о жестокости режима Саддама, адвокаты-законники говорят, что так не следует говорить – идет война. Мне позволяют говорить только о деятельности, *похожей на террористическую*. Эти адвокаты-законники ужасны». Генерал Уэсли Кларк даже на фоне явного триумфа говорил о «фундаментальных стратегических ошибках. Структура войск была ошибочной». Но самым неадекватным было планирование процесса, связанного с послевоенным урегулированием. Таким образом, мы имеем пример победы над вооруженными силами противника, *но не выигрыш войны в целом* ... Администрация Буша не только не поняла сути современной войны, но и допустила большие политические ошибки» 156.

В компании ближайших друзей Кеннет Аделман задал нехороший вопрос: «Я поражен тем, что мы не нашли оружия массового поражения». Вулфовиц: «Мы найдем его». Чейни: «Мы обязательно найдем его». Друзья вспоминали яркие места из речей своих противников. Джим Бейкер настаивал на гораздо более широкой коалиции союзников. Лоуренс Иглбергер по телевидению сказал, что «война может быть оправданной только в том случае, что существует доказательство того, что Саддам сам готовится к атаке на Соединенные Штаты. Имя Пауэлла уже само по себе вызывало смех». Чейни: «Колин всегда имел важную оговорку по поводу нашего курса».

«Представитель президента в Ираке»

Гарнер отчаянно стремился в Багдад. Он хотел как можно быстрее свести друг с другом американских и иракских бизнесменов и строителей. Три контракта уже были подписаны (из 13 первостепенных). Но Фрэнкс не пускал Гарнера в столицу: «Пусть там закончатся бои». Гарнер давно знал Фрэнкса и бросился к нему в катарскую штаб-квартиру: «В Багдаде создается опасный вакуум и именно мы должны заполнить его». Он сумел убедить командующего. 21 апреля 2003 г. Гарнер с командой из восьми человек вылетел в Багдад и занял стоящий в центральной части города дворец с 258 комнатами.

Жара стояла страшная. Электричество подавалось с перерывами, водопровод барахлил. Из Морокко прилетела в качестве первого заместителя Гарнера Маргарет Татвайлер – 12 лет работавшая с Джеймсом Бейкером в самых разных ипостасях. Увидев окружающее, Татвайлер пришла к выводу, что Ирак – это катастрофа и даже гений Бейкера не смог бы наладить нормальную жизнь. Татвайлер нравился Гарнер, «но он не был Джеймсом Бейкером» и не разбирался в Вашингтонских хитросплетениях. И был невежлив с прессой.

---

156 General Wesley K. Clark. *Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism, and the American Empire*. New York: PublicAffairs, 2003, p. 206.

Татвайлер подружилась с женой известного курдского лидера Талабани – Херо Талабани. В одной из дискуссий Херо повернулась к Татвайлер и сказала примечательные слова: «Мы от вас, американцев, ожидали гораздо больше».

28 апреля 2003 г. генерал-лейтенант Джей Гарнер еще стоял перед 350 избранными американцами иракцами в багдадском Центре Конвентов. Один из прибывших иракских иммигрантов – Канан Макийя говорил о необходимости либеральной конституции. Кто-то из окружающих спросил Гарнера: «Кто ответственен за нашу политику?» Гарнер, ни минуты не сдерживаясь, ответил: «Вы отвечаете за это». В зале воцарилась тишина, кто-то ахнул, и сведущим стало ясно, что *никто не отвечает* за важнейшее дело. Что у американцев *нет* идей, каким курсом идти, что делать дальше. «Эффективное руководство в любом кризисе требует баланса умеренности и надежды. Эта администрация – в своих худших проявлениях – мечется между излишней секретностью и неожиданными прямолинейными предупреждениями о „неизбежности“ террористических атак с применением оружия массового поражения на нашей земле, предупреждения, которые часто имеют вид отвлекающих маневров, отвлекающих от корящей администрацию критики в адрес официальных мер по предотвращению терроризма»¹⁵⁷.

В окружении Рамсфелда все более популярной становилась идея, что «войка» Гарнер, нелюбимец всемогущей прессы – символ отсталости и примитивизма. В конечном счете находившийся во главе оккупационной администрации Ирака генерал Гарнер стал казаться Вашингтону лишенным необходимой жесткости. Список претендентов на более высокую роль «вице-короля», «личного представителя президента» постоянно сокращался. Отсекали, прежде всего всех, кто занимал высокие посты при президенте Клинтоне. Именно так на первый план попала фигура Пола «Джерри» Бремера, шестидесятиоднолетнего специалиста по терроризму, близкого к Киссинджеру, владельца консультативной фирмы. Бремер выглядел очень молодо и по его прическе трудно было догадаться о его возрасте.

Джерри Бремер

24 апреля 2003 г. Рамсфелд позвонил госсекретарю Пауэлли и предложил кандидатуру Бремера. Пауэлл попросил время подумать. Эрмитидж проверил все 23 года работы Бремера на дипслужбе. Он и Пауэлл нуждались в союзнике в Багдаде. Бремер мог быть таким союзником и государственный секретарь высказался о Бремере положительно.

Вместо ОРНА была создана Коалиция временного руководства. В данном случае все решал министр обороны Рамсфелд. Не предупредив руководителя прежней американской администрации Гарнера, он решил заменить его. Уже 8 апреля Рамсфелд составляет список из 100 американцев, которым назначено управлять Ираком. На пост «главы оккупационной администрации» предполагалось назначить известную личность – бывшие сенаторы, губернаторы, министры, руководители администраций. Рамсфелд выделил 10 наиболее приемлемых кандидатов и представил их президенту. Бывший государственный секретарь Джордж Шульц (83), возглавлявший строительную «Бектел корпорейшн» – главного государственного подрядчика – считался фаворитом. Второе место в списке военных занимал Пол Вулфовиц (тот тянул за собой на пост премьера иракского премьера Челаби). Представитель президента будет обладать абсолютной властью во всем Ираке.

Гарнер был заменен руководителем Временной коалиционной власти – «посланником президента» Полом «Джерри» Бремером.

Через несколько недель Гарнера пригласили в Белый дом для встречи с президентом Бушем. Присутствовали все те, кто втянул Америку в иракскую авантюру: вице-президент Ричард Чейни, министр обороны Дональд Рамсфелд. Советник по национальной

---

¹⁵⁷ Lifton R. Superpower Syndrome. America's Apocalyptic Confrontation With the Wjrl. New York: Thunder's Mouth Press/ Nation Books, 2003, p. 171–172.

безопасности Кондолиза Райс. Никто из них даже не попытался спросить Гарнера о ситуации в Ираке, можно ли рассчитывать на стабильность в стране. Президент Буш удачно пошутил: «Хотите в следующий раз в Иран?» – «Нет, сэр, мои ребята и я больше нацелены на Кубу»¹⁵⁸.

Гарнер покинул Овальный кабинет, запомнив «порочную ухмылку Чейни». В целом у Гарнера сложилось впечатление, что именно Чейни был злым гением войны. По мнению генерала, слабым местом Буша было практически полное отсутствие любознательности даже в отношении наиболее значимых событий его президентства. Это и сделало немислимо большим влияние Чейни. «Буш знал только то, что приносил в его офис Чейни». По всем описаниям очевидцев, «готовность Буша и его советников жить в искусственном мире, оторванном от смертельно-серьезных процессов, начатых ими самими; беззаботность Буша создала климат, в котором с большой охотой и эффективностью могли действовать Чейни и Рамсфелд, вдвоем перекрывшие дорогу к президенту»¹⁵⁹. Чейни и Рамсфелд перекрыли влияние многих организаций – от госдепартамента до ООН. Это оказалось возможным в свете исключительной осведомленности и Чейни и Рамсфелда – результат многих десятилетий, проведенных вокруг различных президентов и в Вашингтоне вообще.

Два курдских лидера – Массуд Барзани и Джалал Талабани в эти столь значимые для Ирака дни нашли общий язык, и в апреле 2003 г. выразили желание участвовать в новом правительстве в Багдаде. Это вызвало обеспокоенность Гарнера. Он вместе с Деритой 22 апреля полетел на север в иракский Курдистан для встречи с Талабани и Барзани. Толпе курдов Гарнер сказал: «Для меня это словно вернуться домой», что вызвало овацию. Залман Халилзад из СНБ работал с курдами уже больше года.

Гарнер нашел возможность позвонить Колину Пауэллу и тот спросил, что Гарнер делает на севере Ирака?. Ответом была «Подготовка конституции». Тогда-то Буш и решил окончательно заменить Гарнера новой главенствующей фигурой. В СНБ составили схему взаимодействия новых властей в Ираке. Надо всеми стоял «личный представитель президента».

Гарнер не знал о всех интригах. Он вернулся в Багдад и, собственно, начал работать в роли верховного административного распорядителя. Город был в руках грабителей, американцы еще не пришли в себя. В 6 вечера 24 апреля Рамсфелд позвонил Гарнеру: «Между прочим, президент избрал Джерри Бремера своим посланником в Ираке». Гарнер безусловно был шокирован. Рамсфелд продиктовал ему номер Джерри Бремера. Гарнер ощутил себя преданным: «Эти сукины дети... я разбил все, что мог».

Буш спросил Бремера, зачем ему эта адская работа? Бремер знал как отвечать. «Потому что я верю в Америку, которая освободила иракцев. Я думаю, что могу помочь в этом деле». 30 апреля Рамсфелд вылетел в Ирак.

Триумф

1 мая 2003 г. президент Буш надел форму авиации Национальной гвардии Техаса и приземлился на борту американского авианосца «Абрахам Линкольн», стоявшего у входа в бухту Сан-Диего. Авианосец вывели из гавани, чтобы Буш появился из небес, а не прозаически прошел по установленной с берега лестницы. Нет сомнения, что многие американцы были тронуты этим церемониалом, в котором Джордж Буш выглядел военным героем. Президент объявил: «Главные боевые операции в Ираке закончены. Война против террора не будет бесконечной. Мы видим поворотный пункт». «Миссия окончена», победа достигнута и американских солдат ждет возвращение.

---

¹⁵⁸ Parker G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005, p. 142.

¹⁵⁹ Parker G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005, p. 203.

Но, заметим, заместитель руководителя СЕНТКОМ – генерал Джон Абузаид признал, что страна *не умиротворена*.

Вашингтон, как уже говорилось, создал Организацию реконструкции и гуманитарной помощи (ORNA), которую возглавил генерал Джей Гарнер, перемещавшийся между Пентагоном и Кувейтом в течение нескольких месяцев. Эта деятельность не принесла весомых результатов и 1 июня 2003 г. Гарнер был снят и исчезла ORNA. Гарнеру вручили неизбежную награду, но никто из стоявших в Белом доме рядом с ним и президентом Бушем – Чейни, Рамсфелд, Райс – даже не удосужились спросить «как там?», что препятствует воцарению желательного для американцев порядка. А президент пошутил в присущей ему манере: «Следующий – Иран?». «Нет» сказал Гарнер. «Ребята больше говорят о Кубе». После таких сцен нетрудно поверить, что Чейни – злой гений этой администрации. Ведь именно ему пришло в голову, что после 11 сентября Саддам стал опаснее всех. Народ Ирака заслуживал лучшего анализа.

Американцы убедились в том, что «прогресс» в Ираке будет сложным. ORNA вначале была рассчитана на то, что для решения своих проблем им понадобится несколько недель и ORNA предполагала создать Внутреннюю иракскую власть как основу будущей государственной власти. ORNA начала – по всей видимости – весьма удачное госстроительство. Англичане послали своим представителем в Ирак бывшего посла в Египте Джона Сойерса, но уже в сентябре направили на его место сэра Джереми Гринстока (бывшего представителя Лондона в ООН). В Ирак отправились 60 британских добровольцев. Лондон восстановил в Багдаде свой офис.

Англичанин Сойерс в интервью газете «Таймс» напомнил, что в первый год после смерти Франко в Испании функционировали 200 политических партий и понадобилось 18 месяцев, чтобы их численность сократилась до нескольких. (То же самое произошло и в Боснии).

Важные предпосылки войны против Ирака оказались ложными. Ведомая Америкой коалиция *не была готова* к массовому послевоенному вызову оккупации, реконструкции, борьбе с инсургентами, с политической трансформацией Ирака. События в Ираке *интенсифицировали* радикальную воинственность мусульман во всем исламском мире. Даже содержание военнопленных оказалось тяжелой задачей для США. Возбужденные американцы заменили в качестве проконсула в Месопотамии Гарнера Полом Бремером. Но тот (как оказалось позднее) знал об Ираке еще меньше.

Вице-король Бремер

12 мая 2003 г. транспортный самолет американских ВВС С-130 подлетел к излучине реки Тигр. Бежевая от пыли и черная от гари она уже струилась от лучей высоко поднявшегося солнца. Помощники указали назначенному послом США в новом Ираке Полу Бремеру, профессиональному дипломату, на горящие государственные здания – офисы партии БААС. Вместе с Бремером прилетела команда высших воинских чинов во главе с четырехзвездным генералом от авиации Ричардом Майерсом – председателем Объединенного комитета начальников штабов. Днем ранее Бремер и Майерс вместе сошли с огромного С-17, вылетевшего из столичной базы Эндрюс (Мериленд) в Дохе (Катар). Отсюда С-130 через Кувейт перебросил их в Багдад. Американские военные и дипломаты были в полете 48 часов.

От предложения возглавить администрацию в Ираке до вылета в Багдад прошло *две недели*. Он наспех набрал команду, подобно тому как несколькими неделями ранее набрал административную команду Джей Гарнер, которого сейчас замещал Бремер. Роковой для президента Буша вопрос решали две группы спешно призванных людей.

Бремер никогда прежде не бывал в Багдаде. Его карьерный подъем был обеспечен местом начальника внутреннего штаба государственного секретаря Генри Киссинджера, а затем руководителя антитеррористической деятельности при президенте Рейгане.

Ближайшая точка, где он служил, была афганским Кабулом. Он уже купил большую ферму в Вермонте и готовился к отдыху завершающей стадии жизни, когда прозвучал призыв из Вашингтона.

Но прозвучал звонок от руководителя аппарата вице-президента Чейни – «Скутера» Либби и от Пола Вулфовица – заместителя министра обороны Рамсфелда. Американцы создавали Офис реконструкции и гуманитарной помощи (ОРХА). Спустя несколько дней Бремер был уже в Овальном кабинете президента. Тот превознес деловые качества Бремера. «Посол приступает к своей новой работе при полной поддержке федеральной администрации»¹⁶⁰. Бремер упомянул о цифре 500 000 солдат – прогнозе оптимума РЭНД Корпорейшн, но президент смолчал. Буша покорила приведенная Бремером цитата из его речи «Положение в стране: „Свобода – это не американский подарок миру. Это подарок Бога человечеству“». На этой весьма высокопарной ноте короткая встреча и закончилась.

Бремер очень быстро обнаружил свою «ахиллесову пяту» – разветвленную сеть нефтепроводов, через которые к внешнему миру шло основное сырье Ирака – нефть. По северным нефтепроводам сырая нефть шла из северных месторождений (Киркук, Мосул) по Турции к терминалам Средиземного моря. На юге, из района дельты Тигра и Евфрата шли более короткие нефтепроводы к танкерным терминалам Персидского залива. В целом в Ираке было семь тысяч нефтепроводов, радикально защитить которые было просто невозможно. Эта инфраструктура чрезвычайно устарела. И все же Бремер надеялся получать примерно миллиард долларов в год – при главном условии, что нефтепроводы не будут постоянно взрываться.

У Ирака было около 20 тысяч километров электрических линий высокого напряжения – они тоже стали целью как повстанцев, так и грабителей, собиравших медь. Розовый довоенный сценарий рушился по причинам, которые реализм должен был подсказать американцам. Разрушенный американцами Ирак нуждался в 55–75 млрд дол. для восстановления страны¹⁶¹.

Но судьбу страны решал не только (и не столько) финансовый голод. Брошенная рукой повстанца граната обрывала нефтепроводы, останавливая жизнь в стране. Появились снайперы, стали образовываться повстанческие отряды. Наступил момент американцам понять, что безнаказанно крушить жизнь целых народов невозможно.

22 июля 2003 г. сыновья Саддама Хусейна Кусай и Удай были убиты. Созданная в эту ночь телевизионная станция американской коалиции демонстрировала их трупы всем иракцам. Большой проблемой были деньги. 2,5 млрд дол., ассигнованных американским конгрессом в апреле 2003 г. кончались в августе того же года. Бремер запросил еще 5 млрд.

Трудности правления

Пресса представила Бремера как «застегнутого на все пуговицы» исполнительного чиновника, человека консервативных взглядов. Для него начались две недели «вживания в образ» – интенсивное знакомство с ситуацией в Ираке и вокруг. Ему в помощь был придан опытный дипломат, знаток региона Клейтон Макманавей. Культуру региона предположительно знал Хьюм Горан. Коалиция уже имела в Ираке более 600 гражданских служащих. Но речь уже шла о *тысячах* американцев в гражданской одежде.

Его новый пост – Администратор при Коалиционной временной власти (КВВ) в Ираке и число помощников быстро росло в течение коротких дней. Пресса писала о Бремере как об «американском вице-короле» в захваченном Ираке. На деле он был личным представителем

---

¹⁶⁰ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p.190.

¹⁶¹ Bremer P. My Year in Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 117.

президента Буша в завоеванном Ираке. Буш завтракал с ним за четыре дня до полета в Багдад. Оба были известны как сторонники «правильного» питания и стол их был зеленым. И как спортсмены: Буш поднимал тяжести и занимался джоггингом, а Бремер предпочитал троеборье и марафон. Бремер попросил о строгом единоначалии в оккупированном Ираке, просил о значительном увеличении численности америанских войск в Ираке (об этом убедительно говорил предоставленный ему аналитический документ РЭНД корпорейшн, настаивавшей на цифре 500 тысяч солдат). 9 мая Бремер был назначен «личным представителем президента» в Ираке, что означало командование всеми американскими силами в регионе.

А в реальной практике подчинялся непосредственно министру обороны Дональду Рамсфелду и в этом отношении *не имел* в своем подчинении 170 тысяч коалиционных войск, контролирующих страну в 25 млн человек населения. В Багдаде располагались 40 тысяч человек. Ими распоряжался СЕНТКОМ, одно из командований Пентагона. От сосен горного Курдистана на севере (здесь жили 20 процентов жителей Ирака – курдов) до болотистого Шатт-эль-Араба на юге (где преобладали шииты – 60 процентов населения) стояли войска США и их союзников. Войска стояли и в Центральном и Западном Ираке, где на плоской равнине жили сунниты (19 процентов населения), традиционно владеющие страной, которую традиционно называли «плодородным полумесяцем». Это была Месопотамия, родина древнейших цивилизаций.

В Катаре 11 мая его встретил предшественник, все еще носивший титул «посланника президента» – Джей Гарнер. Он вручил список из десяти осуществленных задач и Бремер сказал в ответ «О.К.» Генералу Майерсу Бремер явно не нравился. Но ключевая фигура – министр Рамсфелд не желал ничего слушать на эту тему. Тема массовых грабежей вызывала такой комментарий Бремера: «В Гаити в сходных обстоятельствах мы повесили шесть грабителей»¹⁶².

Бремер занял Республиканский дворец в излучине Тигра. Это было ошибкой – дворец, построенный в 1950-е годы, был отрезан от главных центров деятельности оккупационной администрации, от обычной и культурной жизни столицы. И в нем не было электричества и воды – результат прямого попадания американского снаряда в систему кондиционеров воздуха.

Из министерств сохранило рабочий вид только Министерство нефтяной промышленности – американским солдатам было приказано охранять его и его архивы – ничто не могло сказать более ясно об американской заинтересованности в южных и северных месторождениях «черного золота». Бремер признал, что американская армия является оккупационной. Сам он придерживался обычая надевать элегантный темный костюм, белую рубашку и галстук, что делало его белой вороной среди военных униформ. Вечерами он отсылал электронной почтой письма супруге Френсис в США. Пока он верил в то, что «не существует организованного сопротивления оккупации, структурного единства среди тех, кто стреляет в наших солдат»¹⁶³. Правы ли были оптимисты? Вице-король Бремер склонен был верить в это; сам он в первые дни не бросал джоггинг и рано утром охрана видела его бегущим в дворцовом саду среди павлинов. А затем огромные дворцовые зеркала отражали его пытающимся принять душ из кувшина. Но даже его здоровый американский оптимизм угасал в стране, где нападавшая сторона разрушила государственную инфраструктуру, лишив население двух базовых ценностей – электричества и канализации.

Первое, к чему обратились американцы, ими созданная ОРХА, было создание основ

---

¹⁶² Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p.193.

¹⁶³ Bremer P. (with Malcolm McConnell). My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 22.

цивилизации. Бремер отверг пятнадцатитомную отписку – произведение государственного департамента, порученное малосведущим лицам с задачей восстановления разгромленной страны. Быстрого восстановления Ирака не предвиделось. Всякий, кто читал этот план, рассчитанный якобы на скорое восстановление страны, удивлялся его примитивности. Напомним, что и здесь первостепенной задачей ОРХА ставилось восстановление добычи нефти.

Великой иронией звучат слова посла Бремера, что «если бы удалось захватить и выслать за границу Саддама Хусейна или его сыновей Удая и Кусая, „не было бы войны, разрушений и беженцев – американцы твердо знали бы об отсутствии в Ираке оружия массового поражения“¹⁶⁴.

В списке американцев было 946 мест, где на иракской земле могло находиться оружие массового поражения, но пока никаких успехов на этом фронте американцы не имели.

Штаб вице-президента Ричарда Чейни предписал Гарнеру и Бремеру осуществить жесткую «дебаасизацию». Гарнер имел большой опыт и сразу же воспротивился; он был за снятие лишь высших чинов БААС, оставляя прежней систему управления страны. Но Бремер воспротивился самым резким образом: «Я здесь именно для этого». Гарнер предупредил, что тогда Главный администратор не сможет управлять страной. Глава ЦРУ на Ближнем Востоке сказал, что изгнание 50 тысяч ведущих баасистов сделает их авангардом свирепой борьбы с американцами. Стоит ли их ожесточать? Бремер упрямо ответил, что прибыл в Багдад «именно для реализации этой цели». 15 мая Бремер подписал «приказ № 2» о роспуске иракского министерства обороны и внутренних дел. Гарнер взвился: он хотел использовать 200–300 тысяч иракских солдат для более быстрого создания новой системы власти, для формирования нового полицейского корпуса, для создания новой системы безопасности. Это была убийственная ошибка американцев. Они крушили последние опоры порядка в стране.

А группа иракских генералов прибыла со списком в 137 тыс. человек, готовых служить новому режиму. Они просили 20 долларов подъемных каждому. У ЦРУ был свой список и в президентском дворце засели за согласование списков. Все разрушил Бремер: «Мы нуждаемся в новой, созданной с нуля армии». Гарнер: «Джерри, ты можешь разрушить армию за день, но для ее создания нужны годы». То же и с полицией.

Главный военный советник президента Буша, Рамсфелда и Совета национальной безопасности генерал Майерс не был проконсультирован относительно роспуска иракской армии. Он был поставлен пред свершившимся фактом. Но в дальнейшем фактом является то, что на протяжении всех последующих лет американцы создавали свою иракскую армию именно из этого материала – из старой иракской армии. 16 мая Бремер подписал указ о «дебаасизации». Американцы крушили основы цивилизованной жизни в стране. Бремер в воспоминаниях пишет о «море недовольства».

А в среде американцев зрело взаимное недовольство. «Мы не собираемся просто присутствовать при деяниях Бремера», – сказал министр обороны Рамсфелд Майерсу. В рассуждениях Майерса тоже слышна едва прикрытая досада относительно всемогущества Бремера. (Позднее Рамсфелд скажет, что был удивлен советом Вулфовица и Фейта начать глубокую дебаасизацию. Мнение министра о Бремере: «Я редко разговаривал с ним. Он, несомненно, подходил к делу иначе, чем генерал Гарнер»¹⁶⁵. Лишь позже стало понятно, что это – элемент критики.

А к северу от Багдада еще шли бои, и в этой обстановке генерал Эбизайд сменил центурионоподобного генерала Фрэнкса. Теперь особое значение приобрела связь Эбизаида с Гарнером. Их пока не волновала военная сторона дела. Иракцы были плохо экипированы и

---

¹⁶⁴ Bremer P. (with Malcolm McConnell). *My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope*. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 24.

¹⁶⁵ Woodward B. *State of Denial*. New York: Simon and Schuster, 2006, p.198.

их сопротивление не представлялось «знаком будущего». Гарнер сказал Эбизаиду (потенциальному главе СЕНТКОМа): «Джон, я предсказываю, что все пойдет ужасно. После „дебаасификации“ нам понадобятся 10 лет, чтобы восстановить страну, и не меньше трех лет мы будем отсылать домой трупы наших солдат». Эбизайд согласился и попросил Гарнера остаться в Ираке, но получил безоговорочный отказ.

Пройдет время и о том, что они не знали о предстоящей «дебаасификации» заговорят очень многие ответственные лица в Вашингтоне.

А Бремер сказал группе проамериканских иракцев: «Вы должны понять, что у вас *нет* правительства, что таковым являемся мы»¹⁶⁶. Это было то, против чего Гарнер предупреждал: открытое имперское правление. На следующий день Гарнер и его коллеги вылетели из Ирака.

(Бремер позже создаст свое временное правительство и в нем будут деятели, подобранные Гарнером. Так правительство возглавляли поочередно Аллави и Джаффари – выдвиженцы Гарнера).

Теперь у Бремера были полностью развязаны руки. Чтобы его либерализм был виден отовсюду, он одним из первых приказов разрешил профессорам путешествовать за границей. Он воссоздал телевизионную станцию. Багдадский университет сам избрал свое руководство. Сам Бремер купался в лучах славы – посещал детские сады, госпитали, пускал в строй электрогенераторы. Госслужащие начали получать зарплату по четырем категориям.

Следовало платить фермерам за приближающийся урожай, и Бремер обратился к представителю ООН. Тот ответил, что готов платить *иракскому правительству*. На что Бремер ответил: «Я – иракское правительство». Под давлением американцев ООН выделило деньги.

Живой Ирак

17 мая 2003 года генерал Гарнер процитировал китайского стратега Сан Цзу: «Не следует ложиться спать, если число твоих противников превысило их численность ранним утром». Именно это имело место в Ираке. За несколько дней численность противников Америки увеличилась на 350 тысяч – 50 000 баасистов и 300 000 безработных солдат.

А Бремер входил в роль вице-короля. Он прерывал заседания остаточной администрации Гарнера; призывал самого Гарнера в любую требующуюся ему минуту. И ветеран пришел к выводу, что унижений ему достаточно. Он уезжает в Штаты. Бремер уговаривает: «Нашей целью является добиться в этой ситуации успеха *любой ценой*». (Пройдут годы и в мемуарах Бремер изольет всю горечь в отношении людей Гарнера, которые, по его мнению, не отличались лояльностью и «выносили весь мусор со двора»). Люди Гарнера считали, что Бремер не может использовать талант генерала и боится его соперничества. Ряд специалистов «желал, чтобы Гарнер остался. Они полагали, что у Гарнера лучшее понимание происходящего, чем у Бремера... хотя он не носит пиджак и галстук – он не понимает, что иракцы обращают внимание на формальные моменты»¹⁶⁷.

Отметим, что в этом отношении Бремер был безупречен. Он каждый день надевал костюм с белой рубашкой и галстуком. Ботинки «Тимберленд» вкуче с темным костюмом производили особое впечатление. Некоторые считали, что его выдвижение – результат их общей с президентом религиозности. Вокруг стояли двадцатилетние выпускники лучших американских университетов, восхищенные своим боссом. Эта молодая команда охотно высмеивала Гарнера, «не имеющего даже лэптопа». Люди Гарнера звали окружение Бремера «космические ковбои» (это была реакция на фильм Клинта Иствуда, где все астронавты

---

¹⁶⁶ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p.197.

¹⁶⁷ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 202.

собираются для последнего космического полета) или «бригадой детей-неоконов».

Близкий Рамсфелду ДеРита в конце мая решил отметить отбытие в штаты групповым обедом в центре Багдада. Все прошло успешно и ДеРита написал об этом министру. Тот удовлетворенно отметил: «Ну, с Ираком все, кажется, встало на нужную колею»¹⁶⁸. Однако в тот же день произошел взрыв на одной из немногих хороших дорог, ведущих к багдадскому аэропорту. Случайный эпизод?

Более настораживающие сообщения пришли из Эр-Риада. Здесь имела место атака на три квартала, где жили преимущественно западные бизнесмены. Из 34 убитых восемь были американцами – и большое число раненых. Президент Буш немедленно послал в саудовскую столицу для встречи с наследником саудовского престола главу ЦРУ Джорджа Тенета. Тому стало ясно: в дело вмешалась Аль-Каида.

Об этом Тенет сказал наследному принцу Абдулле: «Они убьют вас. Они используют вашу страну как стартовую площадку для ударов по Соединенным Штатам. Это резко ставит под угрозу американо-саудовские отношения». Принц Абдулла согласился на тесное сотрудничество саудовской разведки с американцами. ЦРУ все более доверяло саудовской разведке и передвало ей, в частности, декодированный перехват террористических организаций. Но саудовцы закусили удила: они сомневались в качестве американских переводов. Арабский, на котором говорят в Саудовской Аравии, в Марокко, в Тунисе, Йемене, сильно отличается. Тогда американцы стали передавать саудовским коллегам *оригиналы* радиоперехватов на арабском языке.

А Гарнер путешествовал по иракским провинциям – начиналось жаркое иракское лето. Его природный оптимизм увядал на глазах. Согласно одному из его ближайших сотрудников, он сказал задумчиво после посещения древнего Вавилона: «Мы никогда не исправим все это».

После первой недели прибывания в Ираке и Бремер решил сделать первые обобщения в докладе президенту: «Мы должны сделать ясным для каждого, что мы предельно серьезны, что Саддам и баасисты никогда не вернуться». И *желаемое* : «Роспуск элементов БААС, армии и полиции был воспринят населением с удовлетворением... Повсеместная благодарность американцам... В Мосуле один из крестьян принял меня за президента Буша (наверное, у него плохо работает телевизор) и жарко расцеловал».

Окружение Бремера убеждало само себя, что армию Саддама действительно следовало распустить: «Почему мы обязаны платить армии, потерпевшей поражение?»

Начальник штаба Гарнера – Уолт Слокомб ответил так: «Потому что мы не желаем увидеть их на противоположной стороне борьбы». Слокомб работал в Пентагоне во времена президентства Билла Клинтона. И сейчас он противостоял Бремеру, который утверждал, что «поскольку армия распалась, мы не собираемся ей платить». Американцы (Бремер через Рамсфелда) в конце мая 2003 года распустили все, что осталось от иракской армии. На улицах Багдада начали собираться толпы, протестующие против этого решения американцев.

26 мая 2003 года пятитысячную толпу иракцев возглавил генерал-майор иракской армии Сахиб аль-Мусави: «Мы требуем максимально скорого формирования правительства, воссоздания безопасности, восстановления общественных институтов и передачи заработной платы всему военному персоналу». Катарский телеканал «Аль Джазира» размножил эти идеи. «Если наши требования не будут удовлетворены, то в следующий вторник начнется взаимоотношение иракской армии и народа с одной стороны, и оккупационных сил с другой... Нашим семьям нечего есть»¹⁶⁹. Минимальным было требование раздать по двадцать долларов каждому прежнему военнослужащему.

---

¹⁶⁸ Ibidem.

¹⁶⁹ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 206.

Первая кровь

26 мая 2003 г. две машины американской пехоты наехали на с виду невинный пакет посреди шоссе, ведущего в аэропорт. Машину разворотило и один солдат погиб. Запомним его имя: двадцатипятилетний Джереми Смит, рядовой из Миссури. Люди Гарнера были уверены, что это солдаты только что разогнанной иракской армии отвечают за свое унижение. Американская армия потеряла лучшую возможность держать иракских военных, во главе со своими генералами и полковниками, под контролем. «Они бы выполнили любые наши приказы, но теперь мы поставили их в невыносимое положение. Они были под полным нашим контролем, а теперь мы не знаем откуда ждать удара». Представитель ЦРУ задумчиво сказал: «Это только начало».

27 мая Гарнер написал особый меморандум президенту. При всей прямоте, он не написал в этом письме о трех главных ошибках, содеянных Бремером: широкая дебаасификация, изгнание военных, закрытие новорожденного Иракского совета. Возможно, это письмо могло оборотиться холодным душем, но Гарнер отказал себе в прямодушии. Сколько иронии можно ощутить в благодарности за «командование военного периода». А что означало хвалить Бремера, который *никогда* в своей жизни не руководил никакой организацией? Посол Бремер бился за максимальные полномочия, но не знал как их использовать.

К примеру, он уволил 40 тысяч учителей, потому что они были баасистами, но теперь страна была обречена на невежество. Сам Бремер был смущен. Американскому журналисту из «Вошингтон пост» он признается: «оккупация – отвратительное слово, ни один американец не воспримет его легко, но оккупация – это факт. Президент Буш всегда говорил, что мы будем здесь настолько долго, насколько требуется для завершения нашей работы, ни дня больше. В то же время, мы должны быть уверены, что не уходим на день раньше».

А президент Буш в Польше и во Франции утверждал, что найдены лаборатории, производившие биологическое оружие для Саддама Хусейна. «Правда, – пишет Боб Вудвард, – заключалась в том, что подобного оружия не было найдено»¹⁷⁰. Фальшивых заявлений было сделано немало, но ничего, что могло бы удовлетворить мир.

И Буш не знал, что американцы за четыре дня до указанных интервью уже запустили в «передвижные лаборатории» специалистов, чей диагноз не допускал двусмысленностей: лаборатории не имеют отношения к биологическому оружию. Лаборатории исследовали погодные условия. Теперь американцы создали команду из 1400 специалистов для поисков ОМП. Некоторые американские офицеры уже подали в отставку, объясняя свои действия тем, что, после сокрушительной победы все попытки найти ОМП завершились фиаско, и что Ирак ждет страшный хаос в дальнейшем.

2 июня 2003 г. около тысячи солдат собрались в Багдаде у ворот СРА – Американской администрации в знак протеста против роспуска армии. Американская разведка отметила широкое освещение этого события в арабской прессе и в целом – в средствах массовой информации. «Аль Джазира» и «Аль Арабия» дали полнометражные репортажи. Впервые прозвучали угрозы об атаках смертников, лишенных средств к существованию людей. Внимание американцев привлекли угрозы начать организованную войну против американской оккупации. Один из выступающих арабов – бывший офицер – сказал, что «мы все станем смертниками. Я превращу шестерых своих дочерей в людей-бомб и начну убивать американцев».

В ответ Джерри Бремер сказал: «Мы не поддадимся шантажу и угрозы терроризма не заставят нас изменить наши программы». Он отметил, что происходящее – первое открытое проявление недовольства в Ираке за многие годы – это и есть прогресс.

---

¹⁷⁰ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 210.

Буш получает новые впечатления

Президент Буш остановился в Катаре в ходе своего ближневосточного турне, и Бремер отправился к нему из Багдада. Они беседовали в тени президентского лимузина на пути из аэропорта в штаб-квартиру СЕНТКОМа в отеле «Риц».

«Я, господин президент, оптимистичен в двух пунктах: у Ирака превосходные ресурсы, он плодороден и здесь достаточно воды, не говоря уже о колоссальных нефтяных месторождениях. Второе: иракцы трудолюбивы и энергичны». Однако Бремер тут же добавил, что «психологически иракцы раздавлены» после многих лет правления Хусейна.

Тенет вмешался со своим: «Как вы думаете, найдут что-либо?»

Бремер: «В этом есть сомнения».

Президент: «Если бы вы были королем, что бы вы запросили?»

Бремер: «Военных не интересует мирное строительство. Нам нужна группа сведущих и преданных делу восстановления Ирака людей. Это *первое*. Второе – не следует так биться в поисках Оружия массового поражения. Все названные тысяча мест уже проверялись едва ли не в 1991 году. При помощи этого пресловутого листа просто нельзя найти ОМП. Пусть это оружие ищет разведка. Невозможно перекопать всю страну. Ищите специалистов, тех, кто был в этом деле, а не врывайтесь во все незнакомые дома».

Тенет: «Это имеет смысл. Чертовы военные ничего не могут организовать правильно. Президент начинает беспокоиться по этому поводу». В эти минуты Тенет не думал о своих аргументах типа «мяч сверху вниз в баскетбольную корзину», так повлиявшие на президента Буша. Тенет назначил Дэвида Кэя (63) – который был убежден в наличии у Саддама ядерного оружия – своим представителем по ОМП в Ираке. Его на всякий случай провели через детектор лжи и он прошел психологический тест. Следующую неделю американцы рыли землю везде, где возникало минимальное подозрение.

Чтобы сгладить впечатление, Тенет организовал приглашение Кэя на ужин с министром Рамсфелдом в Пентагоне. Рамсфелд отказался брать на себя какую-либо ответственность за поиски ОМП – теперь это дело Тенета. Кэй увидел мастерское обращение Рамсфелда с коллегами: «Он был титаном бюрократической борьбы». Если ОМП не будет найдено, это никак не поколеблет положение министра обороны. Отныне Кэй – с его огромной армией поисковиков – мог полагаться только на Тенета. Вместе они должны были придать смысл 16 знаменитым словам Буша из Послания о «Положении страны»: Британское правительство узнало, что Саддам Хусейн пытался недавно добыть некоторое количество урана из Африки.

Но 6 июля 2003 г. «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью, в которой говорилось, что «делка Ирак-Нигер в ядерной сфере *никогда* не имела места». Журналист Роберт Новак в своей статье назвал имя жены посла Вильсона – Валери Плейм, которая работала на ЦРУ. Министерство юстиции США начало процесс выяснения, как имя действующего агента ЦРУ стало всеобщим достоянием – этим делом занялся специальный следователь Патрик Фицджеральд из Чикаго.

* * *

Гарнер возвратился в начале июня 2003 г. в Соединенные Штаты. После испытанного унижения ему никого не хотелось видеть, особенно в Пентагоне. И обсуждать иракскую аферу он уже не хотел. Но отказать Рамсфелду он не мог. Встреча состоялась 18 июля 2003 г. Они сидели за маленьким столом в ставшем знаменитым личном кабинете министра. Гарнер обратился к Рамсфелду со следующим: «Вы приняли три трагически ошибочных решения: дебаасификация, полный роспуск армии, полное отторжение прежнего правящего слоя Ирака. Среди них самой большой ошибкой был роспуск армии. Теперь сотни тысяч дезорганизованных, безработных вооруженных иракцев бродят без дела. Потребуется долгие годы, чтобы воссоздать иракскую армию. Американские меры загнали в подземелья

от 30 до 50 тысяч баасистов. Кому они склонны проявить лояльность? „Джерри Бремер не может быть приемлемым лицом правительства для иракского народа. Народу необходимо иракское лицо“. И последнее. Еще есть время исправить ошибки, повернуть нежелательные процессы вспять».

Доналд Рамсфелд не был под впечатлением: «Я не думаю, что мы можем что-либо исправить. Давайте останемся там, где мы находимся».

(В 2006 году журналист Боб Вудвард напомнил Рамсфелду эту беседу. Министр ее помнил слабо). Гарнер и Рамсфелд пошли в другую комнату, где их ждали Вулфовиц, Фейт, Райан Генри, ДеРита, Тори Кларк, генералы Рэйс и Кейзи. Гарнеру вручили медаль за выдающуюся общественную службу. Гарнер *не хотел* этой медали, но расплавился перед публикой, не сказав ей ничего такого, что он говорил наедине Рамсфелду. Встреча с президентом была полна шуток и экзотических воспоминаний, но о существенных вопросах Гарнер, наученный Рамсфелдом, уже не говорил. Все сошлись на том, что прежде всего нужна конституция (свободная от этнических и религиозных особенностей региона), а все остальное приложится. Говорили даже о конституции, созданной на принципах Иисуса Христа. Бушу это нравилось в высшей степени. Гарнер процитировал одного из иракских клириков, что Ирак должен стать 51-м штатом. Все согласились, что это превосходная идея.

Корреспондент «Тайма» не рискнул поместить услышанное в своем журнале. «Никто не поверит». А Буш требовал рассказов о том, как простые иракцы благословляли Буша и Блэра. «Вот это здорово». От самого президента Гарнер узнал, что Бремер был избран ему на замену никем иным как Рамсфелдом. Министр не повел и бровью – а ведь это он говорил Гарнеру, что *лично* президент в конце апреля избрал главой американской администрации в Ираке Джерри Бремера и что даже время выезда Бремера в Багдад было делом рук президента Буша. Рамсфелд сидел в молчаливом согласии.

Президент Буш обнял Гарнера за плечи: «Джей, не хочешь миссии в Иране?» Гарнер: «Мне и ребятам больше нравится Куба – ром, сигары и женщины красивее». Президент Буш: «Ну, ладно, пусть будет Куба»¹⁷¹.

За всеми этими шутками Гарнер не осмелился заговорить о главном – о своих разногласиях с Бремером, о будущем Ирака, о трагических ошибках, сделанных в несчастной стране. Напротив, теперь он говорил, сколь удачным был выбор Бремера, о мечтах шиитов построить государство на принципах Иисуса Христа, о том, что каждый на улицах Багдада прославляет президента Буша.

Боб Вудвард утверждает, что не существует никаких доказательств того, что президент Буш знал об ошибках дебаасизации, роспуска армии и всем прочем. Спустя два года Вудвард спросил Гарнера в его доме в Орландо, сказал ли он президенту о насущных нуждах? Гарнер: «Я был военным человеком и моим командиром был Дон Рамсфелд».

Вудвард: «Но ведь из-за этих ужасных ошибок мы находимся в таком сложном положении два с лишним года спустя. Вы осознаете это?» – «Абсолютно». «Вы смотрите новости и видите эти ужасные бои. Вы не хотите повернуть время назад?» – «Для меня высшим уровнем командования был Дональд Рамсфелд. И если бы время обернулось, я поступил бы точно так же».

«Но, если бы сказали президенту тяжелую правду, вы бы спасли много жизней?» – «Я сказал это человеку, которому подчинялся и мне невозможно было перейти на уровень президента». Именно эти ошибки скоро отзовутся в американской армии. Заметим, что и сам президент Буш не задавал неудобные для себя вопросы. Возможно, это и есть главное на этом раннем этапе иракского сопротивления. В атмосфере королевского двора неприятные вопросы и задавать было неприятно. А вокруг сидели Чейни, Кондолиза Райс и Дональд Рамсфелд, для которых всходила заря нового мира. Они не видели, что это зарево над Багдадом.

---

¹⁷¹ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 224.

Поиски неведомого

18 июня 2003 г. Дэвид Кэй отправился в Ирак с 1400 инспекторами в решающем поиске Оружия Массового Поражения. В команде были все вспомогательные службы, даже свой капеллан и специалисты по отдыху. Основой отряда были 40 специалистов по оружию массового поражения и несколько аналитиков. Отряд был полностью обеспечен переводчиками. Кэй разделил отряд на специалистов по ядерному, химическому и биологическому оружию, по ракетным технологиям и по обеспечению жизнедеятельности отряда.

Прежде всего переслали в Катар все кажущиеся необходимыми документы и многие из них перевели на английский язык. Был создан глоссарий, содержащий такие арабские выражения как «ядерное оружие», «биологическое оружие», «антракс», «ботулин» и т. п. Увы, документы не дали ничего нового. Часть отряда отказалась броситься в Ирак, пока в нем не будет оборудована «цивилизованная площадка» с горячей водой, регулярной пищей и койками для полноценного сна. Но Кэй жестко потребовал начать проведение поисковой операции в самом Ираке, невзирая на условия жизни.

Кэй переселился в кондиционируемый контейнер в аэропорту, остальные разбились на группы и примкнули к военным. Довольно скоро Кэй пришел к выводу, что «ядерные схемы рушатся полностью. Выявилась довольно отчетливая картина иракских ядерных усилий, не достигших уровня даже 1991 года. Отряд повернул в сторону химического и биологического оружия. Мир в это время обсуждал возможность ядерной сделки Нигер-Ирак, что, собственно, стало символом дикредитации американских усилий. Все яснее становилось, что Вашингтон избрал в качестве повода вторжения в Ирак неубедительный мотив.

5 июля 2003 г. глава ЦРУ Джордж Тенет обсуждал иракские проблемы в Совете национальной безопасности. Оба ведомства признали, что «16 слов» о Нигере в Послании президента «О состоянии страны» оказались, мягко говоря, сомнительными. Но ясно было, что и ЦРУ и СНБ допустили грубейшие ошибки. 8 июля газета «Нью-Йорк таймс» поместила следующий текст: «Учитывая то, что мы знаем сейчас, указание на попытку Ирака добыть уран в Африке *не* должно было быть включено в текст президентского послания «О состоянии страны»»¹⁷².

Демократы тут же призвали к расследованию: «Что еще мы не знаем?» А в ходе поездки президента по Африке Кондолиза Райс сказала журналистам: «Если бы директор ЦРУ сказал: „Изымите это из речи“, это место было бы немедленно изъято». Буш уловил нить спасения: «Речь была полностью просмотрена и одобрена ЦРУ». Тенет впал в уныние – он знал, что даже его человек в правительстве Саддама Хусейна отрицал африканскую сделку. Но ясно было и то, что Тенета при всех делали козлом отпущения.

В личном плане Тенет был в ярости, но его загнали в угол и он выпустил желаемое президентом заявление: «Первое. ЦРУ поддержало тест выступления президента „О состоянии Союза“. Второе. Я ответственен за процесс проверки, доверенный моему агентству. И третье. Президент имел все основания верить, что предоставленный ему текст проверен. Эти 16 слов не должны были появиться в тексте президента»¹⁷³. Но заставили повиниться и Энди Хэдли, взявшего часть вины на возглавляемый им Совет национальной безопасности. Президент был «отгорожен» от обвинений.

Такие люди как Эрмитидж знали, что не Буш, а вице-президент Чейни настаивал на том, что Саддам восстанавливает свою ядерную программу. В частном разговоре Эрмитидж и Тенет сошлись на том, что Хэдли выступил «агентом» связки Чейни–Рамсфелд. В

---

¹⁷² Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 232.

¹⁷³ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 233.

американских кругах заговорили о некомпетентности Тенета. О его давнем противостоянии Райс.

2 октября 2003 г. человек Тенета Дэвид Кэй дал отчет о первых трех месяцах поисков ОМП. «Пока мы ничего не нашли». По поводу ОМП, был ли президент неверно информирован? «Нет». А правдой ли было то, что Тенет говорил с такой убежденностью, используя баскетбольные аналогии? «Ведь вы не нашли средств массового поражения». – «Мы нашли проекты реализации таких программ. Реальное оружие могло быть создано быстро».

8 февраля 2004 г. президент Буш во время передачи NBC *Встреча с прессой* сказал: «Я ожидал найти запасы оружия... Мы думали, что у Саддама есть оружие». «Думал ли президент, что это была ошибка в калькуляции?» – спрашивает журналист Боб Вудвард¹⁷⁴.

Обескураживающая реальность

Администрация Буша говорила о двенадцати месяцах, необходимых для построения нового Ирака. Их главным источником были эмигранты, ненавидевшие БААС и готовые на все ради его крушения. ОРХА ощутила себя «сиротой» сразу же после падения режима Хусейна. Прочитав планы госдепа на послевоенный период, Бренер приказал отставить несуразные тексты.

Но уже примерно через четыре месяца, осенью 2003 г. поверхностное долгосрочное планирование Пентагона на *следующий*, послепобедный период и «оккупация Ирака очевидным образом вызвала подъем ужасающе эффективной партизанской войны, направленной против американцев»¹⁷⁵. К концу мая в Ираке находились уже 17 бригад сухопутных войск. К ранее дислоцированным добавились 1-я бронетанковая дивизия, 4-я пехотная дивизия, 3-й разведывательный полк, а также бригада из состава 1-й пехотной дивизии.

Смертельные враги Саддама позабыли даже назвать – не то, что определить и проанализировать проблемы установления нового режима в Ираке. Между тем иракцы ожидали, что эти воинственные американцы подключат электричество, дадут воду, отремонтируют дома и прогонят с улиц воров.

Дипломатия, сопровождавшая вторжение Вашингтона в Месопотамию была поверхностной и излишне самоуверенной. Ее курс измарал всякую легитимность начала войны и, соответственно, ограничила степень международной поддержки вторжения. Но даже западный мир, его безусловное большинство осуждали «односторонность» Вашингтона, называя *rogue state* не Ирак, а Соединенные Штаты. Увы, для тех из американцев, которые были в Ираке и наблюдали эволюцию этой страны, было ясно, что Соединенные Штаты вмешались далеко не в краткосрочную операцию.

Результаты войны

В течение нескольких дней стало ясно, что американская армия и ее союзники «приготовлены к войне, но не к миру». Воинские части на протяжении нескольких месяцев не могли даже восстановить электрического освещения в одном лишь Багдаде, не могли восстановить цивилизованной жизни хотя бы на уровне режима Саддама Хусейна, не могли обеспечить работой огромную массу иракцев, вернуть к труду демобилизованную иракскую армию.

Вторжение американских и союзных с ними войск в долину Тигра и Евфрата многое

---

¹⁷⁴ Woodward, Bob. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 424.

¹⁷⁵ Barnett Th. *Blueprint for Action. A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 14.

изменило на Ближнем Востоке.

Во-первых, изменился Ирак и изменилось соотношение сил на Ближнем Востоке.

Во-вторых, Ирак разделил арабский мир: арабская умма изменилась после американского вторжения. Возросла критика проамериканских режимов и понизилось доверие к этим правительствам.

В-третьих, обнаружилось отсутствие масштабного видения у американского правительства. Возросло единство арабской *уммы*, потеряли свою реалистичность американские планы (демократизация и т. п.).

В-четвертых, возросла политическая нестабильность в арабских странах, что сказывается на положении Соединенных Штатов в регионе. Нападения на американские войска стали нормой для окружающих Ирак стран.

В-пятых, Ирак объединил официальный ответ арабского мира. Основные арабские столицы находились в недоумении – они не знали, как реагировать на американскую битву в Ираке. Высокую цену платят как те, кто поддерживает США, так и те, кто им противостоит. Официально преобладает поддержка Америки; неофициально растет недовольство. Многие страны полагают, что крушение Ирака ставит их «следующими» в очереди американских жертв.

В-шестых, Ирак расколол американское общество. Этот раскол имел место еще до начала войны, но он стал гораздо более видимым после вторжения. Многие общенациональные опросы, проведенные в США, делают очевидным, что сомнения в рациональности войны вызывают массовое недовольство. Население спрашивает о судьбе обещанного оружия массового поражения, которое Ирак должен был использовать в течение нескольких часов после начала войны.

В-седьмых, перед американским народом встал вопрос о мнимых связях официального Багдада с Аль-Каидой. В результате возросло мнение, что война не сделала положение Америки более надежным и безопасным. (Хотя неоконсерваторы продолжают отстаивать противоположную точку зрения).

«Чейни и Рамсфелд не были готовы к принятию идеи, что в сентябрьской атаке *не было* руки Саддама Хусейна и что связи между секулярным правительством в Багдаде и фундаменталистами Аль-Каиды были призрачными. Резонно было бы предположить, что низвержение Саддама имеет очень отдаленное отношение к освобождению иракского народа... Для Чейни и Рамсфелда война решила проблему Саддама Хусейна, а не иракскую проблему, она давала безопасность, а не справедливость... Администрация Буша с гордостью заявила, что создание новой нации – это не дело американцев, пусть это делают другие»¹⁷⁶.

Обескураженные американцы резко увеличили ассигнования на Ирак. Они создали 40-тысячную полицию и приступили к созданию союзной иракской армии, основу которой, так или иначе, составили офицеры предшествующего режима. В ноябре 2003 года был сформирован первый батальон новой, прозападной армии. Но это не спасло карьеру еще одного проконсула – американского посла Бремера; 12 ноября 2003 года он был отозван в Вашингтон за безвластие и неумение наладить контакты с местным населением.

Но положение было уже не поправить: громадное большинство иракцев жаждало ухода американской коалиции. И все песнопения о *демократии в Ираке* с каждым месяцем становились абсурдом. Все больше иракцев полагалось на насилие как на средство напрочь терпение привыкшей к роскоши страны. А президент Буш полагался на Временный правящий совет, члены которого решали обыденные проблемы, но не осмеливались (пока) проявить свою мусульманскую цивилизационную сущность.

Ирак и мир

---

¹⁷⁶ Friedman L. Writing of Wrongs; in: «Foreign Affairs», Jan./Feb. 2006, p. 147.

Заместитель Рамсфелда – независимый Вулфовиц впервые посетил Ирак в июле 2003 г. и был во многом разочарован. В частности, его полностью разочаровала новая полицейская служба. По мере роста насилия осенью 2003 г., Вулфовиц стал одолевать Рамсфелда, указывая своими филиппиками генералу Санчесу: «Силы безопасности Ирака должны быть устрашающими».

Но не менее важно отметить, что погруженный в огонь Ирак меняет весь мир. Роль ООН пала самым очевидным образом. Такие страны, как Франция и Германия, заняли позицию, противоположную американской. Противоречия довольно быстро вышли за пределы Ирака. Усилился антиевропейский элемент в американском видении Европы. Такие американские идеологи как Пол Кеннеди (2003) и Роберт Каган (2003) утверждают, что Европа неспособна противостоять Америке, если даже нефть региона будет жизненно нужна европейской индустрии.

Ирак интенсифицировал проблему терроризма. Односторонние действия Соединенных Штатов обострили проблему гуманитарных несчастий. Изменилась сама концепция военной мощи. Война в Ираке изменила все основные представления о параметрах мощи. Эта мощь не замиряет послевоенный Ирак и не примиряет его основные общины – шиитов (67 процентов населения) суннитов и курдов. Высокотехнологичное оружие не может соревноваться с довольно примитивной ракетой, стоимостью в 5 тыс. дол., которая сбивает самолет, стоимостью 50 млн дол.

В такой ситуации возможны все сценарии. Основные «игроки» на сцене не знают, что им делать. Складывается практический союз Европы, ООН, и арабского мира против американского высокомерия, столь жестоко проявившего себя в Ираке.

Американская администрация объясняла ситуацию в послевоенном Ираке как проблему, связанную с неоправдавшимися ожиданиями, «некоторой недооценкой сложностей» и с тем, что устранение Саддама снимет угрозу со стороны партии БААС. Белый дом также полагал, что значительное количество иракских военных и полицейских сплотятся вокруг американцев, и, наконец, верил в то, что иракские чиновники останутся на своих местах и продолжат работу¹⁷⁷.

Улучшения, на которые рассчитывали американцы, осуществлялись на удивление медленно. На курдском севере, практически не тронутом боевыми действиями (Саддам не осуществлял над этим регионом контроль) жизнь продолжалась без особых перемен. Но у курдов были свои проблемы. Они предъявили претензии на нефтеносный район города Киркука, чему воспротивились не только арабы, но и тюркское население района. Но недовольна была и курдская администрация, чьи доходы от нефти резко сократились – сократился крайне прибыльный доход от нелегальной торговли нефтью с Турцией.

На юге – в контролируемой англичанами зоне Басры вначале дело казалось приходящим в норму: подача электричества, воды, возобновление комбинат-крекинга нефти Хор аль-Зубайр и частичное восстановление порта Умм-Каср. Авиакомпания «Катар Эйрвэйз» начала полеты (дважды в неделю) в приходящую в себя Басру. В отличие от американцев, англичане использовали свой колоссальный колониальный опыт, и хотя несколько представителей Королевской военной полиции близ Амара были убиты, в целом это было нетипично для более мирных отношений англичан и иракцев на юге страны.

Но в центре страны американцы столкнулись с проблемами, которые они оказались не в состоянии решить. В Багдаде подача электричества и запасов воды теперь уже не превышала 50–70 процентов довоенного уровня. Открылась лишь половина прежней численности школ.

Но все портила американцам проблема безопасности – особенно в глубине суннитского треугольника, в западной части страны, в Багдаде, где саддамовские лоялисты ожесточенно сражались. Здесь ослабление американского диктата было неизбежно.

---

¹⁷⁷ Кларк В. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 114.

Трудно определить, какое влияние оказал на общеполитический процесс запрет на деятельность партии Арабского социалистического возрождения – БААС. Но отметим, что именно секулярные кемалисты привели Турцию в лагерь Запада – только после того как из страны после 1918 года бежал имам. Американцы же поступили наоборот. Они сокрушили антифундаменталистов, и в итоге получили исламскую республику Ирак, в которой две трети шиитов, полагаясь на симпатию и помощь шиитской исламской республики Иран, выступили против одной трети населения страны – суннитов (из которых прежде происходил Саддам Хусейн).

Вероятно, крупной ошибкой Вашингтона был полный роспуск иракской армии. Эти люди умели воевать и вскоре получили мотив: жизнь в послесаддамовском Ираке быстро опустилась до точки невыносимости. Выброшенные на мертвый рынок 400 тысяч вчерашних солдат и офицеров, лишившихся довольствия и зарплат, стали готовой силой сопротивления. Американцы первоначально наметили начало создания новой армии на конец июня 2003 года, но значительное время Ирак был просто питательной средой цивилизационного и патриотического сопротивления на фоне отчаянных попыток американцев сколотить послушное правительство из неизвестных иракскому народу деятелей, единственным достоинством многих из них было знание английского языка и видимость лояльности американцам.

Временный совет

В июле 2003 г. американцы решили создать новый орган – Политический Совет, некоего предшественника нового иракского правительства, который назначил членов Совета Временных министров. Его задачей было решать проблемы ежедневного управления страной, а также ревизовать школьное образование, создать новую судебную систему. Предпарламент – Совет из 200 членов обязали создать проект новой конституции, которой предстояло пройти национальный референдум. Но все это было легко лишь на бумаге. Непреодолимое началось с вопросе о степени федерализма, на котором настаивали столь удобные до сих пор американцам северные курды.

В июле 2003 г. Бремер одобрил состав Временного правящего совета Ирака из 25 членов, каждый из которых был одобрен американцами. (Гарнер уже пытался создать нечто подобное). Теперь наступила жесткая борьба за выделение из этой группы лидера. Несмотря на явный раскол шиитов, суннитов и курдов, Совет все же пришел к определенному решению: председательство совета будет ротироваться среди девяти человек, каждый из которых будет президентом на протяжении месяца.

Отметим то обстоятельство, что в избранной девятке все ее члены были эмигрантами и завязали связи с американцами задолго до описываемых событий. Они вернулись в Ирак вслед за американскими танками. Белый дом не знал, радоваться ли ему, или грустить. Кто же собирается взять ответственность за страну? Пока такой фигурой продолжал оставаться Бремер.

Существенно отметить, что в Вашингтоне летом победного 2003 года довольно быстро образовалась партия республиканских политиков, крайне недовольных быстрым восстановлением иракского государства – какой бы вид это государство ни приняло. Заговорили о коварстве арабов, о том, что возрожденный Ирак не преминет напомнить о своем всемирном унижении. Укрепились позиции противников федерализма (федерации XX и XXI веков давали мало оснований для оптимизма), которые боялись, что основная масса иракцев с готовностью выступит против попыток курдов укрепить свою самостоятельность. Ирак, мол, уже выработал устойчивую национальную идентичность. Выход стали искать в разделе политического влияния между шиитами, суннитами и курдами.

Курдам это не нравилось; они желали жить и учить детей на своем языке. Американцам же все больше мнилось возрождение БААС, тайной основой которой будет мщение. Итак, осень 2003 года победоносная Америка встретила, видя радикализацию шиитов, озлобление

суннитов и недовольство курдов. Триумфом дипломатии это назвать было трудно.

А антиамериканские элементы в Ираке надеялись на то, что в 2004 году Америка будет занята президентскими выборами, что позволит БААС и прочим постепенно возродить свои организации. А население Ирака почти монолитно желало ухода оккупационных сил (кроме, понятное дело, коллаборационистов).

Желая привлечь на свою сторону молодежь, американцы осенью 2003 года открыли все 22 университета и 43 технических колледжа, равно как и большинство средних школ, 240 госпиталей и более 1200 клиник. В Ираке появились 170 газет, спутниковое телевидение, Интернет. Во многом это была лишь благопристойная поверхность: в госпиталях не было оборудования, а родители не отпускали своих детей, желая видеть их живыми. Террорист-самоубийца взорвал здание представительства ООН (убив представителя этой организации Де Мело).

Глава двенадцатая Где приветственные цветы?

Отрезвление

Пресс-конференция Буша 2 июля 2003 г. положила начало долгой череде президентских встреч с прессой, из которых становилось видно, что судьба Америки в Ираке покатила под гору. На пресс-конференции было отмечено, что число атак на американские войска в Ираке непрерывно растет. Буш ответил неудачно: «Мой ответ – „Подавайте противника сюда“. У нас достаточно сил, чтобы справиться с любой ситуацией». Стало ясно, что американский президент весьма далек от понимания природы партизанской войны.

Мы практически впервые видим как заместитель госсекретаря Эрмитидж и заместитель советника по национальной безопасности Хедли *недовольны* троицей Буша, Чейни и Рамсфелда, принимающей решения втроем в уюте Овального кабинета. Массивный Эрмитидж подумал, что его и его шефа – Колина Пауэлла держат для стратегического прикрытия в ситуации, когда интеллектуальным лидером Белого дома выступает умелый Дон Рамсфелд. И никто не пытается ему противостоять – и менее всего аппарат Советника по национальной безопасности.

При всем при том военное сопротивление оккупантам не ослабевало, а росло в течение лета 2003 года. Август был ужасным месяцем для тех американцев, кто полагал, что можно уже умыть руки, что наиболее тяжелое позади. В мечети имама Али в Наджафе развернулась битва. Здесь аятолла Мухаммад Бакр аль-Хаким и 82 его сторонника были убиты, а 175 – ранены. Сентябрь и октябрь 2003 года были еще хуже. Автомобили Сопrotивления, начиненные взрывчаткой взрывались у объектов войск американской коалиции, и везде, где иракцы соглашались сотрудничать с оккупантами. Одной из наиболее впечатляющих была ракетная атака 20 октября на Отель Рашид в Багдаде, где тогда находился заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц. В ноябре бойцы Сопrotивления сбили вертолет «Чинук», атаковали штаб-квартиру Красного Креста; через неделю был сбит еще один вертолет. 16 ноября самолет-камикадзе взорвал с воздуха штаб проамериканской полиции в Назирии, в британском секторе (убив 27 человек, 18 из которых были итальянцами).

Возникли идеи возврата Саддама Хусейна как единственную альтернативу наступающему хаосу. Американская администрация стала пользоваться услугами бывших военных чинов Саддама Хусейна.

Буш и его окружение не смогли дать трезвую оценку своей растущей иракской проблемы и пытались ее решить за счет смены командного состава.

Ирак входит в телевизионную эру

В годы правления Саддама Хусейна телевизионная тарелка на крыше дома вела прямо к шестимесячной отсидке в государственной тюрьме и к штрафу в 300 долларов. Падение Саддама ознаменовалось грибным дождем, выбросившим на множество крыш домов тарелок для приема спутникового телевидения. Даже в домах без водопровода на крышах лежала тарелка. Американцы спешили захватить этот мерцающий эфир, говорящий по-арабски. Компания «САИК» получила 82 миллиона долларов на восстановление иракского телевидения и радио. Скептицизм выражала Кондолиза Райс: «САИК делает не то, что нужно» и послала в Багдад свою бригаду.

Американцы в конечном счете создали свою телестанцию, вещающую на арабском языке. Они обратились к таким странам как Ливан для создания передач, соответствующих западным стандартам. Жестким конкурентом американцев была базирующаяся на Катаре «Аль Джазира», независимая в своей подаче новостей.

Постепенно американцы укрепили так называемую «зеленую зону» – шесть квадратных миль вокруг Американской администрации в Ираке. Отсюда началось и новое телевидение. Буш рекомендовал ответственным лицам посетить Голливуд ради мастерства телевидения. Он чувствовал – редкий случай – что американцы проигрывают информационную войну. Буш стал осозновать это уже летом 2003 г. Он сказал премьеру Блеру: «Если мы не улучшим качество к декабрю, я передам информационную службу англичанам». Никто не знает насколько серьезен был Буш, но ход его мысли был очевиден.

А Кэй продолжал просеивать иракские пески в попытке найти страшное оружие массового поражения. Каждый день Кэй контактировал с Тенетом по видеотелефону; представители Пентагона были рядом. Еженедельно Кэй посылал отчеты в Лэнгли. Его удивило то, с каким тщанием за ним и его поисками следит вице-президент Ричард Чейни.

В конце июля 2003 г. Джерри Бремер вылетел в Вашингтон. Прежде всего он встретился здесь с Тенетом, затем его путь лежал через Пентагон в Совет национальной безопасности. Бремера поразило, что посылаемые им регулярно доклады Рамсфелду не размножались и не распространялись в заинтересованных местах. Рамсфелд все прятал у себя. Происходит колоссальное разочарование Бремера в Рамсфелде. «С ним невозможно работать». Межведомственный процесс зашел в тупик. В СНБ слабаки, где Райс? Озлобленный Бремер желал знать, как Вашингтон желает решить свою багдадскую проблему. Ведь американская столица попросту не знает о его нуждах.

26 июля в Вашингтон возвращается Кэй. Он уже практически уверен в том, что ОМП в Ираке нет. Он спешит сообщить об этом главе ЦРУ Джорджу Тенету и поставить того перед следующей задачей: а не перевез ли Саддам Хусейн оружие массового поражения в соседние страны, в дружеские режимы? Речь могла идти, прежде всего, о Сирии. Сам он не мог оперировать за пределами Ирака и требовалась более широкая операция ЦРУ для поисков иракских ОМП в пределах региона. Тенет предложил Кэю прибыть с ним завтра к президенту Бушу, когда тот получает информацию о произошедшем за ночь в мире.

Без десяти шесть утра следующего дня Кэй прибыл в штаб-квартиру ЦРУ. Его удивило то что, подготавливаемая как экстренная, информация для президента вовсе не несла на себе отпечаток экстренности и экстренной важности. В Белом доме Кэя уже ждали Рамсфелд, Тенет и начальник штаба Белого дома Энди Кард. Вместе они вошли в Овальный кабинет, где их уже ждали Буш и Чейни. Кэй выступил вперед: «Самая большая из допущенных нами ошибок является та, что мы позволили в Багдаде принять массовый характер грабежам и беззаконию». Ирак стал неуправляемым месивом и это осложнило поиски оружия массового поражения. Возможно, части лабораторий были просто украдены. На текущий момент складывается впечатление, что иракцы не создали ни единой единицы ОМП. «Мы не нашли больших хранилищ. Возможно это оружие спрятано в других местах. Много еще нужно проверить».

Буш в ответ: «Продолжайте поиски. Что мы можем сделать для вас?»

Кэй: «Сэр, единственное в чем мы нуждаемся – это время и терпение».

Буш: «У вас есть время, а у меня – терпение».

Кэй покинул Овальный кабинет, шокированный отсутствием у президента какой бы то ни было любознательности. Кэй был доктором наук и немало преподавал в своей жизни. Но сейчас он чувствовал себя не в «своей тарелке». На протяжении всей встречи Чейни был относительно спокоен. И только на обратном пути помощник Чейни Либби отвел Кэя в сторону. Вице-президента интересовала возможность связи с иракскими ОМП Сирии. А если иракское оружие спрятано в долине Бекаа, в Ливане, где господствует проиранская Хезболла? Чейни нажимал, казалось, что это его идея фикс. Кэй: «На эти вопросы можно ответить только с помощью Центрального разведывательного управления». «Если события пересекут границы, мы сможем тоже перейти границы». Но это дело Тенета. А вообще-то о долине Бекаа больше всех знает ливанская контрразведка. Или израильская.

Кэй был удивлен, что вице-президент США был столь вовлечен в дела разведки, рассматривая самые невнятные донесения людей на местах. Чейни и Либби действовали как пара агентов среднего ранга. Они словно разгадывали «код Давинчи». Можно ли понять мир таким образом? Кэй не прояснял дела, он возбуждал надежды на нахождение иракских ОМП.

Между тем в Вашингтоне все отметили падение интереса к Ираку со стороны министра обороны Рамсфелда. Был зримым контраст с тем Рамсфелдом, который готовился к атаке на Ирак. Теперь, в решающие дни строительства он был едва ли не безучастен. Совет национальной безопасности в итоге решил обращаться непосредственно к Бремеру. Кондолиза Райс решила выделить от СНБ специального чиновника – недавнего посла США в Индии Роберта Блеквила (63) в качестве непосредственного связующего звена Вашингтона с Багдадом.

Немедленно взвился Хэдли, изучивший послужной список Блеквила: «Не берите его. Он разрушитель по природе. Люди не желают с ним работать». Но Райс верила в умственные способности Блеквила и пригласила его в Белый дом, где он получил титул «координатора стратегического планирования» и рекомендацию сконцентрироваться на Ираке. Именно Блеквил внес ту ноту страшного реализма, которая отныне присутствовала на washingtonских советах: «Мы терпим поражение. Мы теряем всю кампанию. Общественное мнение обратилось против нас. Это ужасно. Мы уступаем в битве за душу и сердце Ирака»¹⁷⁸.

Но Райс теперь больше интересовали даже не события на берегу Тигра, а явственный разлад на берегу Потомака. Во время заседаний она стала сажать Эрмитиджа и Дуга Фейса по противоположные стороны стола – и все же враждебность между ними была огромной. Человек-гора Эрмитидж буквально лаял на Фейса в Ситуационной комнате. У него от враждебности и напряжения буквально белели пальцы. Особенно явственно это было видно новичку Блеквилу. Когда Рамсфелд обращался к президенту, Колин Пауэлл смотрел прямо перед собой. Когда к президенту обращался Пауэлл, перед собой смотрел Рамсфелд. Они не комментировали заявления друг друга. Это лишало Буша серьезного обсуждения своих главных советников. Сам президент вызвать глубокую дискуссию не мог.

Блеквил почувствовал симпатию к Райс – бедная женщина пыталась впрячь в одну повозку «трех титанов» национальной безопасности – Чейни, Рамсфелда и Пауэлла, каждый из которых многие десятилетия занимался этим делом. Райс демонстрировала осведомленность и вежливость на одном конце стола; на другом президент олицетворял неосведомленность и неопытность.

Конец ОМП

При всем своем авторитете Пауэлл умел прежде убедить значительную часть членов ООН, что множество алюминиевых труб свидетельствуют о дальних планах Саддама

---

¹⁷⁸ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 240.

Хусейна создать изошренную центрифугу для реализации ядерного проекта. Теперь Кэй на месте, в Багдаде, был убежден, что трубы готовились для снарядов обычных пушек. Лопнул еще один миф.

Кэй обещал иракцам за подсказку в отношении ядерной программы Ирака 10 млн дол. (деньги спецфонда ЦРУ). Он раздавал «грин кардс» всем, кто выказывал сотрудничество. Он пользовался привилегией приглашать дружественных иракцев в США. Но единственный переселенец утверждал, что «он не видел этого, но сосед говорил, что видел». Иракцы изошрялись в своих рассказах и приносили самые странные вещи. Кэй прослушал беседу жены с ведущим иракским специалистом: «Иди, придумай им что-нибудь. Нам нужны деньги». Муж отвечал: «Мы не делали ничего такого, мне нечего рассказать американцам».

Ни один из иракцев никогда не видел ОМП. Американцам так и не удалось закричать: «Эврика!». Кэй все больше убеждался в том, что все его люди понапрасну тратят время. Он обратился к Тенету: «Джордж, здесь этого нет». Кэй просился домой.

В июле 2003 г. состоялась смена командования. Фрэнкс ушел в отставку, а американские части в Ираке возглавил генерал Эбизайд, новый глава СЕНТКОМа.

Самым главным было то, что в период лета 2003 г. изменился характер массового насилия в Ираке. В июне насильственные эпизоды стали случаться каждый день. Половину из них инициировали американцы. В августе каждый день тоже приносил по бою, но на этот раз зачинщиками в большинстве случаев были сами иракцы. Поднималась пресловутая дубина народной войны. 19 августа игравшая в теннис Кондолиза Райс получила срочное сообщение: «грузовик, груженный взрывчаткой врезался в резиденцию представительства Организации Объединенных Наций, убив почти всю миссию и ее руководителя Серхио Виеру де Мело. А ведь Райс лично уговорила де Мело отправиться в Багдад».

Буш сказал: «Возмутительно. Мы участвуем в войне. Особенной войне, но войне тем не менее. Террористы хотят, чтобы мы ушли. Но мы добьемся победы. Мы должны заново проанализировать своего противника. Противник меняет свою тактику и мы должны следовать за изменениями. Но те, кто бежит из Ирака – просто поддается террористам и убийцам, как бы награждая их». Это была *первая* в побежденном Ираке битва такого масштаба. Американское вторжение в Ирак становилось международной трагедией. Буш публично задал несколько новых вопросов: «Что нам нужно делать с пришельцами из Сирии и Ирана? Мы должны считать их по головам. Нам нужно улучшить свою разведку, укрепить свои военные возможности».

В Вашингтоне, сидя в своем кабинете в Государственном Департаменте, Эрмитидж видел этот перехват инициативы инсургентами. Пока он полагал, что основная масса иракцев молча наблюдает за двумя сцепившимися силами – и присоединится к победителю, более точно зная, уйдут ли американцы. Иракцы явно знали о нападающей стороне, но никогда ее не выдавали. Эрмитидж служил три срока во Вьетнаме и нечто подобное он уже видел. Можно ли изменить концовку? Газета «Вашингтон пост» 4 августа сообщила, что Пауэлл и Эрмитидж покинут государственный департамент вне зависимости от того, победит Буш в 2004 г. или проиграет. Шизофрения быть ответственным чиновником в администрации Джорджа Буша их не устраивала.

В свете этих сообщений и слухов президент Буш призвал Пауэлла и Эрмитиджа в свое имение Кроуфорд. Переодевшись, они явились перед президентом, который предложил им выпить. «Двойной мартини», – сказал Эрмитидж. Увидев удивленные глаза президента – «завязавшего» алкоголика, Эрмитидж изменил заказ: «Безалкогольное пиво». Потом курили сигары и Буш по традиции провез их по ранчо. Приятный обед с присоединившейся Лаурой Буш, Кодолизой Райс и женой Пауэлла Альмой. На пресс-конференции, перед журналистами все они демонстрировали исключительное единство. Бывший спикер нижней палаты Ньют Гингрич объяснил американцам: «Как можно идти на выборы, выступая *против* самого популярного министра?»

А в Ираке август принес радикальные перемены. Бремер после нападения на миссию ООН потребовал изменения функций Правящего совета Ирака. Он должен взглянуть в лицо

реальности. Иракский народ должен ощутить свое место в мировом сообществе. Бремер потребовал Совета реальной помощи полиции и формируемой армии. Президент Буш спросил его издали: «Способны ли вы конкурировать с „Аль Джазирой“»? Бремер ответил уклончиво: «У нас есть станция. Мы используем ее». Буш: «Вы обязаны создать коммуникационную станцию. Мы должны убедить Ирак не принимать проникающие из-за рубежа воинские силы. Надо использовать национальное чувство, требовать сотрудничества с нами и отказа от взаимодействия с иностранцами».

Вудвард: «Ирония заключалась в том, что говорил главнокомандующий армии в 130 000 превосходно вооруженных иностранных войск и *призывал к чувству патриотизма, требуя строго отвергать иностранцев*»¹⁷⁹.

Буш утверждал, что американцы уже кое-чему научились и он призывал «заново проанализировать противника». Это был конец победным фанфарам, это было начало проявления иракцами столь приветствуемого Бушем «патриотического чувства». Президент сказал слова, которых он ранее не произносил: «Ирак превращается в постоянное поле битвы». Теперь Буш спрашивает Совет национальной безопасности, не становится ли война в Ираке «битвой против всего Запада?.. Одно дело свергнуть Саддама Хусейна с его трона, чтобы гарантировать безопасность Америки, наших друзей и союзников, а другое – ощутить на себе сопротивление прежних баасистов, которые явно предпочли мирному восстановлению битву насмерть. Я думаю, что здесь присутствует и иностранный элемент, борцы типа Аль-Каиды, решившие воспротивиться строительству свободного общества на Ближнем Востоке».

И все же, выступая с радиообращением к Америке, президент Буш предпочел нарисовать розовую картину – несмотря на атаку на чиновников ООН. «Происходит постоянная реконструкция и создание стабильного самоуправляющегося общества. Этот прогресс обесценивает потуги террористов».

Лучше ли новый мир в Ираке?

С выходом американских войск к центру Багдада лидеры шиитов обратились к трансформации баасистского режима в исламскую республику. Вначале американцы не могли поверить, что они вольно и невольно творят исламскую республику. Да и их союзники в Ираке тоже. Особенно против религиозной республики выступали курды и образованные сунниты. Так лидер курдов (вскоре он станет президентом Ирака) Джалал Талибани занял вначале очень твердую позицию: «Мы никогда не примем в Ираке религиозного правительства. Никогда. Здесь для нас проложена красная линия. Мы никогда не будем жить внутри исламского Ирака»¹⁸⁰.

Ситуация начала меняться довольно быстро. Уже в 2003 году американский командир назначил женщину главным судьей города Наджаф – чем вызвал резкое возмущение шиитских клириков. Встретив сопротивление, американский офицер приостановил свое назначение. На протяжении 2003–2006 годов эта история повторилась в многих городах Ирака, как в шиитской, так и в суннитской его части и экстремисты унизили «посланцев Франклина и Джефферсона». Американцы сами признают, что жители Ирака *потеряли* немалое число прав, которые они имели при Саддаме Хусейне.

Можно ли положиться на шиитов?

1 августа Бремер, признанный гурман, принимал шиита Джаффари – председателя

---

¹⁷⁹ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 247.

¹⁸⁰ Coleman I. Women, Islam and the New Iraq («Foreign Affairs» January/February 2006, p.29).

правлящего совета, принесшего курицу, приготовленную по старинным персидским рецептам. Речь зашла об опубликованных в шиитской печати клерика Муктады аль-Садра, составившего список 124 человек, которые, по мнению Садра, изменили стране и должны быть наказаны. Садр базировался на городе Наджаф – одном из центров иракского шиизма. Он был сыном Великого аятоллы Мухаммада Садика аль-Садра, убитого людьми Хусейна в 1999 г. Садр призывал к созданию независимой исламской армии. Теперь он грозил началом междоусобицы. По мнению Бремера, Муктада был растущей угрозой в условиях инертностиправлящего совета. Бремеру не импонировал Челаби, требовавший увеличить зарплату членам Совета до 50 000 дол. в год.

7 августа два иракца припарковали грузовик рядом с иорданским посольством и быстро ушли. Взрыв уничтожил нескольких иракских полицейских. Бремер отметил: «Наш первый грузовик-бомба. Но почему они нанесли удар по Иорданскому посольству?». – «Потому что иорданцы были союзниками американцев в ходе войны». Американцы отметили, что бомба была сооружена профессионально. Американцы нашли документы саддамовского режима, требовавшие, в случае оккупации, активной партизанской войны. «Разрушать электроснабжение и водопроводную систему». Работа поручалась баасистской разведке MI 6.

Бремер считал, что новому Ираку будут нужны примерно 70 тысяч полицейских. В текущий момент их было 32 тысячи. Пессимисты говорили, что подготовка остальных 40 тысяч займет 6 лет. А «Муктада-большевик» (как называли его американцы) не терял времени зря. Американцы говорили, что он понимает лишь одну вещь в мире – силу – и стремится он к обладанию максимальной силой. Неважно, что за ним пока не стояло подлинно массового движения. Он полагался на верных ему примерно двести человек, фанатично ему преданных. Их Муктада использовал для получения контроля над мечетями юга страны, что обеспечивало и значительную долю контроля над церковной кассой. Американцы так и не сумели наладить с ним контакт и выражались о нем в том смысле, что лишь тюремная решетка может спасти Ирак от Садра.

Американцы, после ряда расследований, пришли к выводу, что именно аль-Садр убил верховного шиитского авторитета в своем регионе – аятоллу Абд аль-Маджид аль-Хоз, который, якобы, уже выписал повестку с приказом арестовать Садра и десяток приближенных к нему. Морские пехотинцы США, под чьим контролем находился город Наджаф, видели руку Садра во всех проявлениях антиамериканизма. Бремер приказал морской пехоте собрать свидетельства боевой деятельности Садра и прислать их к нему в Багдад.

11 и 12 августа 2003 г. британские войска были неожиданно атакованы. По слухам это снова Муктада показал свою руку. До сих пор морская пехота США готова была помочь в поимке Муктады; с этих же пор морпехи обратились в Пентагон с просьбой избавить их от действий, способных вызвать народное восстание. К тому же морпехи готовились к ротации, к отбытию через три недели в Америку и не хотели терять своих людей в этом пути домой.

И ЦРУ опасалось антагонизировать популярного молодого религиозного лидера.

Лэнгли предпочитало «не обращать на него внимания – это, мол, ослабит силу притяжения к нему. Так Муктада аль-Садр получил передышку и возможность подготовить своих людей. В тюрьмах Ирака содержалось более 4 тысяч заключенных, которых на определенном этапе следовало отпустить – и это тоже был резерв сопротивления. Одной из больших проблем оккупационных войск было отсутствие а Ираке тюрем западного стандарта. Примером восточного типа тюрьмы была тюрьма Абу-Граиб, расположенная в 30 километрах к западу от Багдада. Эта тюрьма завоевала мрачную репутацию еще при Саддама Хусейне, когда она была тюрьмой секретной полиции.

Именно тот факт, что прежние тюрьмы работали в новой системе, укреплял антиамериканизм Муктады аль-Садра. Город Наджаф становился его фактическим владением. 14 августа Бремер начал инспекцию южных областей – Дивании и Амары. В обоих случаях американский наместник Ирака ощутил влияние Муктады. Его сторонники

вели эффективную пропаганду против оккупационных сил. Садр, к примеру, вознамерился изгнать губернатора Дивании за «слишком тесное» взаимодействие с американцами. Во время встречи в Амаре один из присутствующих иракцев потребовал вывода коалиционных сил из страны. Американский вертолет случайно сбил одно из религиозных знамен в Садр-сити, шиитском районе Багдада. Один из шиитов призвал Муктаду аль-Садра отбыть в священный город Наджаф и начать там борьбу с ненавистными американцами. Муктада ответил: «Да. Это моя обязанность».

На юге люди Муктады испытывали нервы британцев. В Лондоне ощущали рост давления в Басре. Бремер и его окружение пришли к заключению, что время работает в данном случае против них. Генерал Санчез создал план ареста Муктады. Ареста силами новой иракской власти. Для совершения этой операции требовалось несколько дней – к 18 августа 2003 г. Глава правительства Джаффари был предупрежден о предстоящем аресте и поддержал эту операцию: «Арест Муктады – фундаментальный вопрос».

Но события следующих часов сорвали эту операцию.

Взрыв ооновской миссии

19 августа, посредине встречи «представителя президента» Джерри Бремера с американскими законодателями, возглавляемыми сенатором Джоном Маккейном, пришло оглушающее сообщение: огромный взрыв, произведенный грузовиком, начиненным бомбой, разрушил трехэтажное здание, где размещалась миссия ООН. Сцена выглядела ужасно. Погиб глава миссии Серхио де Мело – взрыв произошел под его офисом. Недалеко от кратера была найдена человеческая рука, что навело местное отделение ФБР на мысль, что действовал самоубийца.

В августе повстанцы начали обстреливать аэропорт Багдада ракетами САМ-7.

Американцы увеличили численность охраны багдадской администрации. Конвой Бремера теперь состоял из двух БМП, бронированного «Шевроле-Субурбан» с мощными пулеметами, личного бронированного автомобиля Бремера, еще одного бронированного «Шевроле» с пулеметами и действующими в арьергарде еще двумя БМП.

Бремер построил себе новый дом с исключительно толстыми стенами и переехал в него из своего прежнего трейлера. Нанята была специальная кампания «Блэкуотер», специализирующаяся на охране. «Блэкуотер» тоже была против проживания Бремера в трейлере – слишком уязвимо. Но Бремер любил свой маленький спартанский трейлер и не хотел (вначале) переселяться в дворцового типа жилище с мрамором, фонтанами и хрустальными светильниками. Бремер думал, что Саддаму эта новая вилла понравилась бы. А вокруг виллы уже начали падать снаряды.

Опаснее всего для американцев было бы нападение суннитов и баасистов на 300 000 шиитов, двинувшихся на юг, оплакивать убитого аятоллу Мухаммеда Бакир аль-Хакима. Тогда гражданская война приблизилась бы на видимые расстояния. У американцев не было достаточно сил прикрыть шиитов, ушедших на юг. Американцев более всего беспокоил спор между Джаффари и Челаби за назначение своих людей в правительство Ирака. Два месяца уже продолжалась эта борьба за решающее влияние в Ираке, которая увеличивала силу некоторых кланов, но не увеличивала социальную базу правительства. Пока американцы были еще в силе запретить Правящему совету допускать исламистов в министерство образования и внутренних дел. В правящем совете уже сформировалась господствующая группа в тринадцать шиитов с министерскими постами. Здесь были пять курдов и пять суннитов. Последним дали важные министерства электроэнергетики и юстиции. Ассирийский христианин стал министром транспорта. Турок Рашад Миндан возглавил министерство технологии. В кабинете была лишь одна женщина – молодая курдистанка.

Самыми влиятельными членами Кабинета были Джаффари, Талабани, Чалаби, Хаким. Американская разведка проверяла кандидатов – среди них не должны были быть бывшие баасисты. Берни Керик стал отвечать за создание иракской полиции. Для ее создания вначале

просили помощь Венгрии, а потом – Иордании.

Правящий совет предупредил Бремера, что Муктада аль-Садр планирует издать фетву верующим в Наджафе, призывая их начать джихад против коалиции, возглавляемой американцами. Технически позиция Садра в шиитской клерикальной администрации не позволяла ему выступать с подобными инициативами. Но наличие массовой безработицы, приверженность озлобленных сторонников, общая тенденция в «просыпающейся» стране, давала Садру огромный шанс. В Садр-сити сторонники молодого священника уже заняли ключевые позиции. Отзвуки их деятельности были слышны и в Киркуке.

Американцы приказали Правящему совету послать делегацию в Наджаф. Бремер размышлял: «Если Муктада бросит в бой свои банды, они могут достичь многого, особенно в Садр-сити»¹⁸¹.

Сократить ли американскую армию?

4 сентября в Багдад прибыл министр обороны США Дональд Рамсфелд. Главное, что его волновало: нельзя ли сократить численность американских войск в Ираке? По первоначальному плану в текущее время США должны были иметь от 25 000 до 30 000 солдат. Однако события повернулись иначе, и в Ираке стояла 130-тысячная американская армия. Чтобы уменьшить ее, Рамсфелд предложил быстро создать 27 батальонов новой иракской армии – к концу текущего года.

Только спецслужбы знали, что в июле 2003 г. против вооруженных сил США и их союзников произошло 500 нападений. И столько же в августе. Во время обеда, не успев отойти от долгого полета, Рамсфелд спросил, ощущается ли Бремером чрезвычайность положения? Бремер, работавший день и ночь, почувствовал себя оскорбленным. Рамсфелд выговаривал Бремеру и команде: «Не вижу прогресса». Бремер стал кивать на то, что «Стратегический» план был создан только в июле текущего года. Первая фаза этого плана завершится в октябре. Но Рамсфелд был неумолим: «У вас отсутствует чувство экстренности и в вашей работе нет приоритетности». Присутствующие заговорили в один голос: «Приоритет № 1 – безопасность. Рамсфелду Бремер еще раз сказал, что главная проблема – безопасность.

Может ли Америка обеспечить мирное строительство желательного для нее новой страны?» Бремер обрисовал ход строительства новой армии, о выборе в Иордании крупнейшей полицейской школы в мире. Окружающие говорили о недостатках американской разведки, так и не проникнувшей в недра противостоящей силы, не имеющей четкого представления о стратегии баасистов. Рамсфелд всегда боролся с разведкой на уровне ее значимости в Вашингтоне. Пентагон вечно конкурировал с ЦРУ.

С Рамсфелдом полчаса говорил Дэвид Кэй. Видя, что Ирак не производит ОМП, Рамсфелд хитро перекинул ответственность на ЦРУ. Газетчикам: «Я не спрашивал Кэя об этом. У меня множество иных экстренных дел».

8 сентября 2003 г. Бремер опубликовал в «Вашингтон пост» статью под названием «Путь Ирака к суверенитету», в которой употреблялось слово «оккупация». Бремер словно не знал, что переведенное на арабский язык (*ихтилал*) в высшей степени унизительно. Так в арабском мире называли оккупацию израильянами палестинских земель. Определенно, арабы-иракцы не думали о Германии или Японии, а рассуждали о своем регионе. Бремер безапелляционно заявлял, что коалиция на время взяла иракский суверенитет.

В Наджафе старший аятолла Али Хусейни Зистани – некий «римский папа» среди шиитов – объявил, что *никогда* не встретится с представителями сил, ворвавшихся непрошено в Ирак. В Вашингтоне содрогнулись. Поступил запрос, как отреагировали

---

¹⁸¹ Bremer P. (with Malcolm McConnell). My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 154.

члены Правящего совета? Между июлем и сентябрем 2003 г. Бремер и Зистани встречались более 10 раз. Они обсуждали стратегическую обстановку в стране. Спокойнее всего было на севере, у курдов и на шиитском юге. Подготовка новой иракской армии ускориалась. В Иордании готовили иракскую полицию. Но в суннитском треугольнике и в некоторых частях Багдада крепость восставших сил лишь умножалась.

На службу вышли уже 40 тысяч проамериканских иракских полицейских – но, в основном, это была старая полиция. В течение 15 месяцев официальный Багдад должен был получить 25 профессиональных полицейских из Иордании. Бремер считал, что без профессиональных полицейских он не удержит Ирак.

16 сентября Бремер впервые созвал новый иракский Совет министров. Все сели за огромный четырехугольный стол. Он сам сел в самый центр, рядом с английским послом, сэром Джереми Гринстоком. Переводчики обеспечивали быстрый переход с английского на арабский. Бремер высказался более чем откровенно: «Нравится вам это или нет, но я вам должен сказать, что коалиция обладает суверенной властью в Ираке. Он обозначил семь ступеней, которые следует предпринять до получения Ираком суверенитета (включая создание конституции, ее ратификации и выборов). Несогласование этих пунктов с Кондолизой Райс положило начало их взаимному отчуждению.

Бремер перестал скрывать свое презрение в отношении иракцев. Вулфовицу он сказал: «Эти люди не могут организовать даже парад, не говоря уже об управлении страной». В очередной раз громкоговоритель, после громкого взрыва, объявил тревогу и «вице-королю» США в Ираке пришлось спуститься в укрепленное бомбоубежище. Окружающие объяснили, что стреляют гаубицы повстанцев. Всем заблуждающимся пушки напоминали: война продолжается. Гаубицы били со стороны юго-запада, из-за Тигра.

29 сентября повстанцы смертельно ранили одну из трех женщин в Правящем совете – Акилу аль-Хашими. Стреляли из «калашникова».

24 сентября Бремер возвратился в Соединенные Штаты. В Белом доме его и супругу Френси ждал обед с президентской четой. Бремер задал тон, сказав, что испытывает оптимизм в отношении Ирака, но обеспокоен все более массовой и стратегически растущей массой вооруженных инсургентов. Он жаловался на недостаточность американских войск, на позицию конгресса, на качество разведслужб, на иракскую бюрократию, на качество создаваемой иракской армии.

Что примечательно, за столом не было подлинной дискуссии, настоящего анализа сложившейся ситуации. Президент лишь попросил ограничить число помощников, прямо обращающихся к Бремеру. Самому же Бремеру, служившему при восьми президентах, хотелось сказать, что задачей президента является не непосредственное управление, а определение главной цели и выбор готовых достичь эту цель помощников.

Одним из первых, кто сказал, что «президент теряет мир» был Стив Хербиц – глаза и уши Рамсфелда в Пентагоне. Он устроил встречу двух влиятельнейших неоконков – Пола Вулфовица и Ньюта Гингрича. За столом ресторана Les Halles 30 сентября 2003 он и изложил свое печальное наблюдение. «Буша не переизберут, если он потеряет Ирак. Долгая неопределенная оккупация принесет только несчастье. В Ираке президент должен сделать следующее: определить дату передачи правления иракцам; я предлагаю 30 сентября 2004 г. Мы должны одеть иракцев в униформу. Я предлагаю одеть 300 000 человек к июню 2004 г. (Бремер предлагал сорокатысячную армию и полицию численностью 146 тысяч человек.)».

Но собеседники не изъявили восторга. Гингрич считал, что Ирак станет главным вопросом президентской кампании. Вулфовиц испытывал сомнения. Но к концу встречи двое приглашенных разделили идеи Хербица о конкретном сроке и восстановлении армии. То были первые сигналы осознания Вашингтоном своей неудачи на берегах Тигра и Евфрата. В конечном счете, было решено, что обозначение финальной даты имеет свой смысл и что необходимо что-то сделать для создания новой иракской армии. Все трое пообещали действовать. Вулфовиц постарается воздействовать на Рамсфелда и Хедли. Гингрич берет на себя комитет по международным отношениям, комитет по оборонной

политике, а главное – на Чейни. Оба они были избраны в конгресс в 1978 году и их дружба продолжалась четверть века.

Эта встреча знаменует также начало открытой критики Бремера. Гингрич обвинил его в неверном информировании ведущих ведомств. Гингрич считал неверной экономическую политику Бремера. «Бремер – самое большое несчастье в американской внешней политике современности. Самым опасным существом для мира является самоуверенный, восхитительный в своих манерах джентльмен с неверными представлениями и огромным энтузиазмом. Бремер представляет себя неким Макартуром в Японии. Самой большой ошибкой было бы не уволить его вовремя». Гингрич распалился до такой степени, что пообещал немедленно навестить Роува (писателя президентских речей) и Хедли, вовлечь в «заговор» Райс и Чейни. Главное – потерпеть в этой войне поражение.

Иракская разведка

Кондолиза Райс встретила в сентябре 2003 г. с руководством Центрального разведывательного управления для обсуждения возможностей создания иракской разведки. Тенет жевал сигару. Его заместитель Маклафлин достал ручку. Руководство ближневосточного отдела достало бумаги. Для непосвященных была заметной взаимная неприязнь Тенета и Райс. Присутствующие знали, что госдепартамент и министерство обороны не одобряют рассматриваемой идеи – иракцы, по их мнению, увидят в новой разведке некое продолжение разведорганов Саддам Хусейна; новая разведка будет давать то, что американцы хотят услышать. Американские же разведчики нуждались в помощи местных коллег, во внутренней иракской информации. А пока в Ираке находилась самая большая в мире группа сотрудников из ЦРУ.

Маклафлин считал Вулфовица и Хедли наивными людьми, если не простаками. Вулфовицу же не нравилась вся эта идея – ЦРУ свяжется с продажными людьми, информации которых просто нельзя доверять. После девяти месяцев пререканий ЦРУ одержало верх, получив право на рекрутирование 1000 иракских разведчиков к июлю 2004 года.

Пока же наиболее важные стратегические оценки делал в Багдаде Блеквил, отсылая их Кондолизе Райс. Бремер и Влеквел были главными американцами, оценивающими складывающееся положение. А Дэвид Кэй с обобщающим докладом возвратился в Вашингтон 2 октября 2003 г. Тенет решил предоставить этот доклад в Белый дом только после окончания слушаний – так Кэю проще будет избежать давления Белого дома. Главными словами Кэя были следующие: «Мы еще не нашли запасов оружия».

В Пентагоне Рамсфелд представил Бремеру план «Вулфовица-Фейса» предоставить Ираку суверенитет до 9 апреля 2004 г. – первой годовщины свержения Саддама Хусейна. По мнению Бремера это была слишком ранняя дата. «Мы рискуем ввергнуть Ирак в беспорядки и гражданскую войну». Он предложил подождать до избрания правительства и создания конституции. К апрелю всего этого не сделаешь. Но Рамсфелда трудно было остановить. На ближайшем совещании он заявил, что не желает, чтобы американцев называли «оккупантами»; Ирак должен получить отобранный суверенитет. Вице-председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Пейс поддержал эту позицию. Теперь американские генералы стояли за раннее предоставление Ираку суверенности – только в этом они стали видеть выход из кошмара, который разворачивался перед ними в долинах Тигра и Евфрата.

Похожей позиции стал придерживаться Пауэлл в беседах с президентом: «Можно строить планы создания электростанций, добычи нефти, политических процессов, но прежде всего следует решить проблему безопасности».

Сможет ли Америка выдержать?

Американцы стремились создать несколько ударных центров в Ираке. Одним из таких центров был квартал 7 Нисана (дата прихода партии БААС, основанной в 1951 году, к власти в Ираке).

10 октября 2003 г. более 300 повстанцев «Армии Махди» (Махди предстал перед мусульманами как «тайный имам», приходящий когда нужна помощь правоверным), возглавляемой Муктадой аль-Садром атаковали патруль 2-го механизированного полка, который отвечал за некое подобие порядка в шиитском пригороде Багдада, где в ужасной бедности жили 2 миллиона иракцев. Двое американских солдат были убиты и несколько ранены. Муктада начал серию невероятно эмоциональных словесных атак против иноземцев, оккупировавших землю Ирака.

Американцы обратились к умеренным мусульманам с целью остановить неукротимого Муктаду, но на того это не произвело впечатления. Что обеспокоило американцев еще больше – так это контакты Муктады с воинственными суннитами, такими как радикал Ахмед аль-Кубаиси. Суннитский треугольник ответил насилием и бои пришли на самый юг Ирака.

На следующее утро Бремер говорит генералу Санчесу: «Мы были слишком мягки с Муктадой». На следующий день американцы узнали, что Муктада занят созданием «альтернативного» иракского правительства. Бремер: «Если мы не нанесем удар сейчас, то будет поздно». Бремер узнал, что Муктада перехватывает значительную часть помощи окружающим бедным районам. План американцев заключался в том, чтобы выпустить вперед иракскую полицию, поставить американские войска во втором ряду и постараться арестовать Муктаду аль-Садра. Главное: предотвратить его вход в Садр-сити, наполненный его сторонниками. Но испанский командир, ответственный за Наджаф, отказался подчиняться американским приказам.

Пентагон также напугался резкого обострения ситуации. Сторонники силовых действий (такие как генерал Эбизайд) оказались изолированными и почти парализованными. Их предостережения о возрождении партии БААС уже не действовали на верхушку американского руководства.

В середине октября Временный правящий совет возглавил Аяд Аллави. Совет дал оценку первым трем месяцам нахождения у власти. Вынужденным был вывод, что ситуация с безопасностью в стране явно ухудшилась. Восстание Муктады ширилось. Его центром были Кербала, Наджаф и Аль-Хилла. «Армия Махди» рвалась в Карбалу, атакуя местный муниципалитет, правительственные здания и телевизионный центр. Садр захватил полицейские участки, где обрел оружие, униформу, припасы. Теперь его мог остановить только главный исламский авторитет региона – Великий аятолла Зистани. Муктада объявил, что не признает власти оккупационных войск.

В данном месте оккупационными войсками был болгарский батальон, входивший в состав польской дивизии. Поляки утешали: в городе не происходит ничего особенного. Но американская разведка говорила противоположное. Генерал Санчес прибыл в дивизию, отказавшуюся подчиняться его приказам. Из Багдада приказали изолировать разрастание движения Муктады. В соседнем Вавилоне американцы удвоили численность полиции. Садр держался в окружении своей охраны в священном городе Наджаф. Началась битва, которая длилась несколько дней. Убито было не менее 60 повстанцев. Но Муктада захватил в Карбале телестанцию и много зданий. 15 октября в Карбале были убиты еще трое американцев. 16-го Муктада послал местному губернатору письмо с требованием присоединиться к повстанцам. Местная полиция уже отказалась бороться с Муктадой. Стратегия американцев включала в себя попытки оторгнуть от Муктады аятоллу Зистани, запугать последнего, показать ему Муктаду как соперника и конкурента. Зистани дал знать, что «лучше бы Муктады не было» – намек – или санкция на убийство Муктады аль-Садра.

Одновременно президент Сирии Башар Асад предложил Зистани объявить фетву с призывом бороться с неверными – как это было в 1920 г. в отношении англичан. Американцы стали бояться общего шиитского взрыва против своих войск. Бремер приходит к выводу, что ни о каком выводе американских войск из Ирака не может быть и речи.

Удар 20 октября 2003 г. в Карбале принес американцам успех. Укрывшимся в местной мечети-святыне войскам повстанцев был предъявлен ультиматум – никакого ответа. Проамериканские иракские войска ворвались в мечеть. На следующий день министр внутренних дел Нури Бадран объяснил по национальному телевидению происходящее. Американцы остановили 40 000 человек, собравшихся бежать из Садр-сити в Карбалу, чтобы присоединиться к Муктаде. Американцам не удалось арестовать ни Муктаду, ни его основного помощника аль-Каземи.

27 октября 2003 г. Бремер ждал встречи с президентом Бушем в Вашингтоне. В комнате были Райс, Кард, Рамсфелд и Майерс. На стене действовала телесвязь с генералом Эбизаидом, который указал на растущее умение повстанцев и потребовал вернуть на действительную службу офицеров армии Саддама. Бремер (сделавший основной доклад) возразил: «В этом есть немалый риск. Мы создадим впечатление, что восстанавливаем старый режим». Напомним, что именно Бремер подписал указ, распускающий саддамовских офицеров. Не следует делать вид, что мы восстанавливаем старый режим. Буш: «На нашу решимость вы можете полагаться. Курс в Ираке определен». Президент Буш загорелся идеей восстановить суверенитет Ирака. Он постоянно повторял: «Никому не нравится быть оккупированным. Мы не хотели бы, чтобы нас оккупировали». Окружающим оставалось додумывать, кто же отдал приказ оккупировать Ирак? В Ираке Зистани требовал проведения выборов. Американцы рассчитали, что это скорее всего удвоит время пребывания американских войск в Ираке. Великий аятолла Зистани становился крупной американской проблемой. Ее обсуждали на заседании СНБ осенью 2003 г. Бремер по телевидению спросил присутствующих: «Можем ли мы позволить семидесятилетнему священнику определять нашу политику в Ираке?»

Вице-президент Чейни: «Джерри, ты можешь любить его. Ты можешь не соглашаться с ним. Но ты вынужден иметь с ним дело, потому что он может сделать тебе очень много вреда». Американцы начали осознавать, что в Ираке есть люди, чья власть распространяется на *миллионы* иракцев. Их артиллерийский огонь в ноябре 2003 г. уже бил по пристанищу Бремера, и тот обсуждал проблему контактов с аятоллой Зистани с агентами ЦРУ Салливэном и Мартинесом в подвале своего дворца. Бремер звонил Чейни по секретному телефону: «У нас нет соответствующей обстоятельствам военной стратегии в Ираке». Чейни соглашался: «У меня складывается впечатление, что Пентагон считает войну оконченной, они предпочитают не видеть, что мы находимся в сердцевине огромной иракской битвы».

Замдиректора ЦРУ Джон Маклафлин постарался ответить на вопрос президента: «Кто является нашим противником?» Маклафлин выделил четыре группы: 1) Бывшие баасисты, стремящиеся восстановить прежний режим. 2) Иракские националисты, ненавидящие оккупантов. 3) Пришлые ненавистники Америки. 4) Иракцы, возмущенные облавами и общим поведением американских вооруженных сил.

Через несколько часов Бремер сидел в кабинете у Рамсфелда, а на следующий день на заседании Совета национальной безопасности под председательством президента. В переполненном зале заседаний Совета национальной безопасности Джерри Бремер поделился своими взглядами на проблему восстановления иракской суверенности. Теперь, сделав несколько уступок, он считал, что суверенность можно вернуть к концу 2004 года. Буш был в возбужденном состоянии: «Мы победим в Ираке, невзирая ни на какие трудности». Он не потерпит сомнений. Успех в Ираке изменит весь мир. Американский народ должен отбросить все сомнения. Вопрос во времени. Мы можем не успеть завершить своей миссии к выборам. Выступил генерал Эбизаид, по мнению которого, у коалиции осталось всего три месяца для подготовки иракской армии и сил безопасности. Буш: «И все-таки мы намерены добиться успеха в Ираке»¹⁸².

---

¹⁸² Bremer P. (with Malcolm McConnell). *My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope*. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 207.

Президент «охолонул» в гимнастическом зале, куда он позвал и Бремера. Здесь, как бы между прочим, президент Буш спросил мнение Бремера о министре обороны Рамсфелде. «Что он за личность, как с ним работается?» Бремер: «Я знаю Рамсфелда уже тридцать лет, восхищаюсь им, считаю его интеллигентность превосходной. Но он способен увлечься деталями». Буш посмотрел на Бремера удивленно: «Дон мучает своих гражданских подчиненных и они попросту боятся вести дискуссию – это далеко от идеала». Через несколько дней, 31 октября Бремер вылетел в Багдад, будучи уверенным в абсолютной поддержке президента.

Во время совместных гимнастических упражнений Буш и Бремер обсуждали возможную замену Бремеру в Багдаде. Президента интересовало, как работается с Рамсфелдом. Вскоре Бремер вылетел «управлять страной». Задача была сложной. Число атак на американские войска подпрыгнуло в октябре до тысячи нападений. Тридцать нападений в день. Насилие стало правилом жизни в Ираке. (Эти цифры в ту пору не разглашались, они были секретными).

Советник по национальной безопасности Кондолиза Райс поделилась с руководителем советников президента Энди Кардом, что президент провел слишком много времени тет-а-тет с Джерри Бремером. О чем они говорили? Теперь Бремер будет объяснять каждое свое действие договоренностью с президентом, и окружающих будет трудно переубедить. Райс нашла родственную душу в Рамсфелде, тот был в ярости, что иракские проблемы обсуждались Бушем и Бремером вдвоем, без участия министра обороны. «Бремер работает на меня!» Но Кард не выразил согласия: «Он посланник президента».

Глава тринадцатая Временный совет

Какое самоуправление

Члены Временного совета использовали все возможности, чтобы бежать от самоубийц в Багдаде и округе. Пачачи не было видно в Багдаде с августа, Чалаби уехал более чем на месяц, Барзани и Талабани уютнее чувствовали себя на Севере, среди курдов.

Бремер полагал, что время требует сближения с суннитами. Однако в начале ноября 2003 г. иракцы сбили два американских вертолета, и Бремер обсуждал сложившуюся ситуацию с генералом Эбизаидом. Между ними уже пролегла тень. Эбизаид: «Слушай, я всегда был против роспуска армии, но я не шел немедленно к прессе с этой идеей». Бремер: «Если мы восстановим армию Саддама Хусейна, в Ираке начнется гражданская война».

2 ноября 2003 г. инсургенты попытались подбить два крупных вертолета «Чинук», на которых американские военные перебрасывали свои части. Один вертолет ушел, но второй рухнул наземь: 25 убитых солдат, самая большая дневная потеря американцев. Они стали летать низко и быстро, чтобы избежать поражения. Но самым слабым местом американцев была их недостаточная разведка. Именно поэтому повстанцы владели инициативой. Бремер в мемуарах признает ухудшение положения оккупационных войск.

Как привлечь суннитов ? Бремер и Эбизаид стали приглашать мусульманских священников на смотры американских войск.

А президент Буш выступил 11 ноября на ланче в консервативной «Херитидж фаундейшн» и сравнил войну в Ираке с битвой Трумэна и Рейгана с коммунизмом. «Решимость и воля Америки была испытана в Афганистане и в Ираке. Мы повернем течение терроризма вспять». Цифры говорили иное. В сентябре в Ираке случилось 750 нападений на американские войска, а в октябре эта цифра подскочила до тысячи. Более 30 атак ежедневно.

В Ситуационной комнате Роберт Рихтер (ЦРУ) заявил о становлении в Ираке повстанческого движения. Рамсфелд сказал, что ему не нравится термин «повстанческое движение». Пусть Рихтер даст определение, что это такое. Рихтер был не робкого десятка и

определил повстанческое движение по трем характеристикам: «Массовая поддержка, постоянные вооруженные атаки, способность действовать по собственной воле и самостоятельно». Рихтер посчитал, что Бремер боится Рамсфелда. А Буш неожиданно заявил, что ему тоже не нравится определение «повстанческое движение»¹⁸³.

Генерал Майерс постарался улучшить всеобщее психологическое состояние и начал перечислять позитивные факторы. Тенет возмутился: разведка знает дело лучше. Но Рамсфелд был непоколебим: «Генералы – вот кто может оценить ситуацию». Тогда Эрмитидж и подумал, что ослабевшему Тенету надо уходить. Для него лично лучше всего было бы покинуть ЦРУ после победы в Афганистане – в 2002 году. Или в июле 2003 года – после убийства сыновей Саддама Хусейна. Теперь важнейшей проблемой было нежелание Буша признавать поражения на иракской земле. «Пусть все знают: я не потерплю поражения в Ираке». Приближался год президентских выборов. Буш нуждался в победе. Или в ее видимости.

Бремер прибыл в Вашингтон еще раз в ноябре 2003 г. Буш призвал его в Белый дом. В чем причины неудач? Бремер сказал как думал: «Плохая работа разведки. У военных нет стратегического плана». Позже Бремер будет вспоминать так: «Это давление на местную политическую элиту, это давление на слишком рано предоставленный суверенитет – оно было политическим, хотя никто этого не говорил. Я ощущал его всеми фибрами»¹⁸⁴. С точки зрения Бремера, «прекратить оккупацию – хорошая идея. Но мы обманываем сами себя, думая, что это решение всех проблем. Нет, потому что средний иракец при выходе из дома все равно увидит американский бронетранспортер – даже если оккупация якобы прекратилась». Но президент Буш, увлеченный предвыборной кампанией, сказал 12 ноября 2003 г., что Ирак скоро получит суверенитет. Бремер: «Пусть все выглядит так, словно иракцы *сами* добились независимости». Буш (смеясь): «Согласен. И пусть об этом знают все, кроме прессы».

Именно в это время всерьез встает проблема федерализации Ирака. О федерализации заговорили в секретных документах. Она возбудила особенно курдов, их лидеры выступили с зажигающими речами.

Не менее страстно восприняли проблему шииты – в едином государстве они выигрывали благодаря своему большинству. Американцам пришлось оказать давление на шиита Талибани.

Тенет уходит

22 ноября повстанцы применили ракеты САМ-7. В целом за ноябрь 2003 г. вторгшаяся коалиция потеряла 46 человек – самые большие потери за месяц с начала войны. Большинство погибло из-за автомобилей, ведомых самоубийцами, от выстрелов по бронетранспортерам, от пуль снайперов. Проблема обсуждалась Бремером, генералом Санчесом и полным составом СНБ по телесвязи. Эбизайд говорил о 5 тысячах баасистов, взявшихся за оружие. Снова недобрым словом поминали разведку. Это был один из последних ударов по Тенету.

В декабре 2003 г. ЦРУ стало терять позиции в своем споре с министерством обороны. Тенет сообщил Кэю, что его иракская группа должна, помимо поисков ОМП, осуществлять другие функции. Кэй вылетел в Вашингтон, чтобы напомнить Тенету, что возглавил разведывательную группу только с одной задачей – найти иракские средства массового поражения. Тенета не волновало то, что Кэй покинет спецподразделение. Его подлинно

---

¹⁸³ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 266.

¹⁸⁴ Bremer P. (with Malcolm McConnell). My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 232.

волновало то, что он скажет, покинув свою службу. Под ударом было все ЦРУ. Кэй пообещал не общаться с журналистами, не писать мемуаров. Тенет предложил Кэю остаться в ЦРУ консультантом и Кэй согласился. И еще многие в ЦРУ были убеждены, что, если поискать хорошенько... Но Кэй, получив свободное время в Вашингтоне, убедился, что его главные донесения, выразившие самые большие сомнения в существовании иракских ОМП, никогда не предоставлялись вниманию президента, Колина Пауэлла, Кондолизы Райс.

В декабре вашингтонские мудрецы начали постепенную атаку на Джерри Бремера. В интервью «Ньюсвику» Гингрич сказал, что «крабль в Ираке наткнулся на риф». Дело управления нужно скорее отдавать самим иракцам. По телевидению Гингрич сказал, что в Ираке нужно поступать как в Афганистане – быстро найти и назначить Хамида Карзая. Иначе иракский национализм станет антиамериканизмом. На следующий день Бремер пригласил Гингрича в Ирак и тот пообещал пробыть в стране неделю. Но накануне предполагаемого визита Бремер сообщил через помощника: «Мы здесь очень заняты. Вы не можете приехать».

Но Рамсфелд все более занимал похожую позицию: «Почему они не могут все сделать как в Афганистане?» Явственно нужен был иракский Карзай.

Кэй: «Проблемой является то, что директор Тенет находится в сердцевине политического процесса – это лишает его баланса».

Буш: «Вы думаете, мне не нужно принимать здесь Джорджа ежедневно?» Кэй подумал, что пересек тонкую невидимую линию. «Вы можете встречаться с ним, но при этом вы платите цену». Вопросы сыпались со всех сторон и Кэй не прикоснулся к своему ланчу. На вопрос, какую разведку он считает лучшей в мире, Кэй ответил – «китайскую». Буш: «Они непрерывно крадут наши технические секреты».

13 декабря 2003 г. американские войска схватили прятавшегося недалеко от родного Тикрита Саддама Хусейна и постарались сделать сее возникшее шоу американской операцией. Убило ли это баасизм? В декабре численность атак на американцев дошла до 800 нападений в месяц. Некоторое время Тенет думал, что это спасительный акт. Зря. Он был уже обречен.

Американцы к началу 2004 года обратились к «знакомому» оружию: деньгам. Они напечатали новые ассигнации без портрета Саддама Хусейна. Американский конгресс ассигновал на уже якобы победоносную войну 67,5 млрд дол. В Мадриде добавили еще к этой сумме.

Мир трудно назвать розовым

К дню Благодарения в 2003 г. президент Буш решил навестить действующую армию. Шестьсот человек присутствовали на праздничном ужине. Буш был в пуленепробиваемом жилете. Бремер сказал, что не будет поздравлять присутствующих, поскольку это прерогатива самого старшего по званию. Все в огромном зале недоуменно оглядывались. Пока в центре зала не появился президент США.

Буш думал о перевыборах. Но все окружающие всерьез размышляли о долгой зиме, в которую попала самая мощная армия мира, представляющая самую богатую и развитую мировую державу. Генерал Майерс считал эти первые восемь месяцев оккупации Ирака «относительно спокойными». Это говорит в основном о том, что Майерс *не был* в Ираке. Иначе его затронул бы скандал, разразившийся в январе 2004 г. в тюрьме Абу-Грейб, старой крепости Хусейна.

Райс все более антагонизировала Рамсфелда. Мир обратился к Гуантанамо и другим американским тюрьмам, курируемым Пентагоном. На заседании Комитета национальной безопасности Райс начала читать весьма долгое описание военных тюрем. Рамсфелд делал вид, что его это не касается. Наконец, президент спросил его прямо в лицо: «Дон, что ты думаешь обо всем этом?» Рамсфелд: «Что речь идет о плохих ребятах. Но я не адвокат». Присутствующие были более всего удивлены защитой, которую президент предоставил

Рамсфелду в обстоятельствах явной виновности последнего.

Один из пойманных около Тикрита военнопленных сказал, что он может указать на гораздо более важную фигуру.

14 декабря 2003 г. на ночном столе у Бремера зазвенел телефон – генерал Эбизайд: «Мы поймали Хусейна». Он по-английски назвал себя именно так. Если Саддам Хусейн был военнопленным коалиции, Женевская конвенция запрещала американцам показывать его в состоянии задержания – это можно было делать только на борту американского военного корабля. Но ликующим американцам было не до конвенции.

В 9 часов утра Бремер позвонил Конди Райт: «Нет сомнений в том, что мы захватили Саддама Хусейна». – «Пойду разбуджу президента. Ему это будет интересно».

Во время холодного заката американский вертолет приземлился у ничем не примечательного здания, окруженного колючей проволокой. У ворот стояла военная полиция. Генерал Санчес и его охрана провели прибывших через десятиметровый коридор. Четверо членов Временного комитета едва разместились в небольшой комнате. Саддам спокойно сидел на стуле и смотрел на вошедших. Саддам поднял глаза: «Кто здесь проклинает меня? Предатель, который пришел с американцами?» Начался процесс, конец которому пришел в самом завершении 2006 года, когда Саддам Хусейн был повешен.

В январе 2004 г. генерал Эбизайд явился к Тенету – вызревал их союз против Рамсфелда. Генерал был в недоумении от защиты, предоставленной Бушем министру обороны. «Мир далеко не такой розовый, каким его представляет Рамсфелд. Эти люди должны позволить мне выиграть войну». Эти люди не понимают, что драконовские меры против баасистов имеют эффект бумеранга. «Мы рубим бесчисленные головы гидры, но никак не подберемся к ее телу». Что касается Бремера, то Эбизайд сказал, что он «не может даже разговаривать». Война против суннитов бессмысленна, она может кончиться только со смертью всех суннитов.

Буш продолжал утверждать, что 85 процентов Ирака замиренны, но 15 процентов ведут яростную отчаянную войну. Секретная информация говорила президенту, что в январе 2004 г. имело место 800 нападений на американских военных – держался декабрьский уровень. Ему предстояло выступить с посланием «О состоянии страны», но теперь президент говорил о «сопутствующем массовому поражению оружию». Тенет упрямился молчать о своем уходе до президентского послания. Но во встречах с видными сенаторами Кэй прямо говорил: «Перестаньте болтать об ОМП. Его нет и найти его невозможно». 23 января 2004 г. Кэй ушел в отставку. Корреспондент агентства Ройтерс узнал номер его домашнего телефона и услышал давно ожидаемое: «Я не думаю, что ОМП существуют в Ираке. В 1990-е годы Багдад этого оружия не производил».

Несдержанность Кэя разъярила верхушку ЦРУ. Ведь ему обещали пост консультанта, рассчитывая на его сдержанность. Тенет дошел до того, что сказал Пауэллу, что будет держать Кэя в заточении. Но это только подстегнуло Кэя во время слушаний по его делу перед сенатским комитетом по вооруженным силам: «Мы все были неправы и я конечно же включаю в это число себя... Поражения нужно признавать». На следующий день, в половине одиннадцатого утра раздался звонок: президент приглашает Кэя на ланч. За полтора часа Кэй привел себя в порядок и прибыл в Белый дом. За столом помимо президента сидели Чейни, Райс и Энди Кард.

Президент приступил без подготовки: Как Кэй пришел к своим умозаключениям и почему американская разведка села в лужу? Кэй попросту объяснил, что иракцы оказались хитрее. Саддам Хусейн делал вид что обладает тем, чего у него не было и в помине. Сознательно нагнеталась секретность. Удай Хусейн оказался мастером черного рынка. ЦРУ не сумело правильно оценить коррупции в иракском обществе, не смогло понять, что Хусейн просто не в силах создать оружие массового поражения.

Буш: почему тогда Саддам Хусейн, рискуя всем, не показал, что у него нет ОМП и не спас тем самым свой режим?

Кэй: Потому что Саддам Хусейн *не мог поверить, что американцы начнут против*

него войну. И более чем американцев и их союзников он боялся шиитов и курдов. Американская же разведка полагалась на технические средства, а не на свою агентуру. Чейни спросил, в чем дефекты американской разведки? Кэй: «Она ориентируется на сегодняшний день и в этом плане уступает ООН и ведущим газетам. Она не может видеть мир панорамно. Особенно диковинны ежедневные доклады разведки президенту. Им недостает глубины. Они поверхностны».

Буш обратился к Чейни: «Вот почему они упиваются рассказами об этом сукином сыне из Мозамбика! Стоит мне задать вопрос, как они начинают насыщать тебя неведомо чем». Как же мы могли так облажаться, все – ЦРУ и все прочие?

Начинается настоящая схватка

15 января 2004 г. аятолла Зистани потребовал, чтобы в Ирак прибыли полномочные представители ООН и отношения внешнего мира с Ираком были бы поставлены на международную основу. Это говорил духовный глава шиитов, составлявших 67 процентов населения Ирака. Такие письма трудно игнорировать.

2 февраля 2004 г. журналисты спросили Колина Пауэлла, как бы он себя вел накануне войны, если бы твердо знал, что в Ираке нет ОМП? Пауэлл: «Это поменяло бы стратегическое уравнение». Пресса озаглавила это интервью так: «Пауэлл говорит, что новая информация повлияла бы на принятие решения». Президент и Райс «пришли в бешенство. Демократы получили превосходные аргументы»¹⁸⁵. Придворная камарилья заставила Пауэлла *пять раз* публично заявить, что «решение пойти войной на Ирак было правильным».

Кто еще был виноват? Райс, которой положено прикрывать президента с тыла. Тенет виноват тем, что «влез» в политику. Но подлинно виновным, судя по всему, является Джон Маклафлин, заместитель Тенета. Им, профессионалом ЦРУ, овладела фантазия о передвижных лабораториях Саддама. Алюминиевые трубы – для процесса ядерной очистки. Он горько сожалел, что его подчиненные не столь подозрительны как он. Он подорвал репутацию Тенета, который позже признал, что ЦРУ не смогла стоять на двух ногах, потому что у ЦРУ не было настоящих ног.

4 февраля Джерри Бремер встретился с Тони Блэром в Басре. Их обоих беспокоило воинственное настроение шиитов во главе с аятоллой Зистани. Те требовали как можно более приближенных выборов – цифра 67 процентов, обещавшая полное преобладание шиитов в любом выборном органе. Если восстанут шииты, то стране грозит полный развал.

Бремер жалуется на жизнь в Багдаде. Разница во времени с США – восемь часов – и многие американцы спали по три-четыре часа, они бродили по своей высокоохраняемой «зеленой зоне» как призраки. А Вашингтон как бы не обращал внимания на разницу во времени, принуждая американскую администрацию быть на чеку в самые «сонные» часы. А тем временем в таких провинциях как Аль-Анбар люди Заркави ежедневно атаковали американские части. Новым было их взаимопонимание с баасистами и другими инсургентами.

Бремер стремился найти каналы связей с инсургентами. Когда повстанцы впервые объявили (в отдельных провинциях) о временном перемирии, он настаивал на немедленных ответных действиях – выводе части войск и т. п. Центром сопротивления американцам становился город Бакуба. Американцам удалось узнать, что здесь против них воевали не религиозные фанатики, а высокоинтеллигентное ополчение – инженеры, учителя, техники. Многие из них прежде были в партии БААС.

Один из главных администраторов – Шариж Али: «Люди в Бакубе – не племенной народ. Это бывшая интеллигенция, офицеры государственной безопасности, армейские

---

¹⁸⁵ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 281.

офицеры... Они хотят создать национальное военное командование. Они, собственно, даже не против американцев. Их беда – то, что они отрезаны от национальной жизни, от правительственного управления. Они хотят участвовать в управлении страной». Американцам казалось возможным привлечь некоторых, но они сомневались в возможности массового приема «героев» прошлых лет. Американцы противились приему прежних офицеров, особенно с того времени как Заркави признал, что значительный сегмент суннитского населения настроен участвовать в повстанческом движении.

Периодически люди Бакубы устраивали перемирие, но ненадолго. Вот и на этот раз краткое перемирие прервалось нападением на американские автомобили. Бремер считал нужным отпустить из тюрем прежних баасистских офицеров.

Испытывая определенную панику, американцы сблизилась с теми, кто их охотно принимал. «Мы разработали компромисс, который позволит Курдистану как региону сохранить значительные элементы полученной автономии, сохраняя при этом полномочия федерального правительства. Но как арабы отреагируют на ущемление федерализма? Получит ли курдский язык более широкие функции? Что скажет конституция об исламе?»¹⁸⁶ Но наиболее насущной была проблема Зистани. Тот требовал проведения выборов до 30 июня 2004 г.

В феврале 2004 г. Бремер изложил свои взгляды на новую иракскую армию. «Коалиция не видит никаких принципиальных возражений против использования персонала прежней армии. Около 80 процентов новой иракской армии и Корпуса гражданской обороны представляют собой прежних солдат старой армии. Все офицеры и сержанты служили в старых войсках». Теперь *все* руководство армии было взято из недавно разбитой иракской армии. Бремер более всего беспокоился об офицерах, так как видел в них элиту БААС. Не имеют ли они тайных планов?

В том же феврале генерал Эбизайд предложил Совету национальной безопасности план включения в новую иракскую армию американских элементов. Американские войска могли обеспечить высших военных командиров, отделы разведки, подразделения связи. Бушу этот план понравился чрезвычайно. «Дон, это превосходно».

Всем будет ясно, что иракцы берут на себя часть бремени – все это должно быть соответственно освещено в прессе.

Ноты реализма

12 февраля 2004 г. представитель ООН Лахдар Брахими посетил аятоллу Зистани, который настойчиво требовал национальных выборов до 30 июня 2004 г. и признания Временного совета правительством Ирака – это сохраняло преимущества шиитов.

14 февраля повстанцы напали на полицейский участок в Фаллудже с трех сторон, сделали это вполне профессионально – захватили оружие и убили полицейскую охрану. Фаллуджа была в зоне действий 82-й воздушно-десантной дивизии армии США. Американцы были застигнуты врасплох. Фаллуджа становилась неким прообразом иракского Сталинграда.

Тем временем, выступая в британской «Санди таймс», Ахмад Челаби не очень умело отрицал, что его эмигранты снабжали американцев сведениями о нахождении у Саддама оружия массового поражения. «Но то, что было сказано вчера – неважно. Важно то, что Саддам изгнан из страны, а американцы – в Багдаде». Буш был этой статьёй «заморожен». Он приказал никогда более не иметь дела с Махмудом Челаби.

А война разгоралась. Бремер мог вылететь из «зеленой зоны» только на огромной скорости, летя максимально низко над землей. Повстанцев в американской армии называли

---

¹⁸⁶ Bremer P. (with Malcolm McConnell). *My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope*. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 288.

«Али-Бабой».

25 февраля Временный совет издал декрет, в котором говорилось о свободе исповедания, но не об Исламской республике Ирак. Шиитские члены Временного совета покинули Багдад и отправились к аятолле Зистани. 27-го февраля они потребовали признания особой роли ислама в новом Ираке. Багдадские шииты бросили в бой секулярного врача – доктора Раджа Хусаи. Она привела большую толпу женщин, но правоверные были непоколебимы. Собственно, шииты были расколоты.

В марте 2004 г. советник по национальной безопасности Кондолиза Райс послала одного из своих близких сотрудников – Фрэнка Миллера в Ирак с целью проверки происходящего там. Миллер желал избежать заведомой индоктринации. Он не хотел видеться даже с Бремером. Миллер был поражен отчужденностью американского анклава в Багдаде. Этот американский муравейник спрятался в хорошо охраняемой «зеленой зоне». Миллер взял двух своих коллег и решил отправиться по всей стране. Он видел завистливые глаза своих военных собеседников, которые и помыслить не могли о том, чтобы проехаться по стране. У Миллера возникло чувство, что он играет в баскетбол, идет передача за передачей и никто не рискует произвести бросок.

Взяв БМП, группа отправилась в путь. Первым на их пути был шиитский пригород Багдада – Садр-сити. Фантастическая бедность, грязь, нечистоты прямо под окнами. Из нечистот вылезали люди, которых американская пресса называла «новыми гражданами нового Ирака». Американские войска в подобных местах в лучшем случае налаживали канализацию. Деньги, которые они вынимали из карманов были единственной местной валютой. Миллер отметил для себя, что следует предоставить деньги офицерам – вплоть до лейтенанта.

Более всего Миллера поразило то, что встреченные иракцы были относительно мирными. Дети смеялись и многие показывали большой палец – к удовольствию оккупационных солдат (которые не знали, что в Ираке большой палец означает то же, что в Америке – средний палец). В Тикрите (родине Саддама Хусейна) американцы создавали новую часть иракской армии. Не хватало техники. Не было общей системы подготовки. Один из офицеров спросил: «Почему Багдад не дает нам денег на создание новых частей и на восстановление мостов?».

Но Миллер и его помощники видели прежде всего то, что весь Ирак остается одной большой зоной военных действий. Число атак на американцев возросло до 1000 в месяц. Скопления американцев подвергались артиллерийскому огню. На вертолетах американские пехотинцы не отрывали глаз от опасной поверхности, автоматы М-16 в боевой позиции. Все надели металлические жилеты. Миллер подумал: «Хорошо путешествовать с автоматом в одной руке. Но так мы не завоюем сердца местного населения?».

Из Тикрита – в Киркук. Здесь американцы тренировали полицию. Тут Миллер узнал о том, что нигде не принимают на работу учителей – они все – бывшие члены партии БААС. Все ли знали, что в прежнем Ираке невозможно было преподавать, не будучи членом этой партии. Миллер искал слабые места. Одним из них он считал отсутствие контакта между Бремером и генерал-лейтенантом Кардозо Санчесом, командующим американскими войсками в Ираке. Миллер отобедал с Санчесом. Обозначилась проблема – отсутствие связи между американскими частями на огромной территории. Санчес говорил о миллиардах долларов, которые конгресс якобы ассигнует на Ирак. Но более осведомленные не питали иллюзий: «Мы этих денег не видим и не увидим».

Миллер докладывал Райс и Хэдли. «Ситуация экстренная за пределами „зеленой зоны“, но не внутри ее». Бремер не делегирует свою власть, а сам он физически не успевает сделать много. Чиновники оккупационной администрации выглядят уставшими и запуганными. Иракцы впились в экраны «Аль Джазиры». Военные и гражданские лица не контактируют. «Дебаасизация» превратилась в бедлам. Ею «руководит» племянник главы администрации Ахмеда Челаби. Администрация ни под каким предлогом не согласна покидать «зеленую зону». 18 провинций страны предоставлены себе. Администрация Бремера предполагает

покинуть страну через 90 дней. За это время она сделать ничего не сможет.

Миллер говорил с многими. В частности с главным помощником Чейни «Скутером» Либби, с Полом Вулфовицем, с Райс. Та считала необходимым привлечь к делу Организацию Объединенных Наций. Но Блеквил, которому дали это поручение, обнаружил, что Чейни и Рамсфелд против интернационализации конфликта. «Сюда придет ООН, и мы потеряем контроль». Блеквил на три месяца отправился в Ирак. Суннитам он обещал в новом Ираке важные позиции. Те ответили: «Вы не понимаете. Мы желаем править Ираком». Блеквил ощутил холод в ногах.

Курды

Американцы могли рассчитывать только на курдские племена, которые за мечту о национальной независимости готовы были пойти в сотрудничестве с американцами достаточно далеко. За контакты с курдами на севере Ирака отвечал Блеквил, установивший контакт с Махсудом Барзани, лидером курдов. Барзани сказал, что американцы допустили ужасную ошибку, стремясь включить суннитов в политический процесс. Правившие долгое время в Ираке сунниты должны быть разбиты и унижены. Они должны заплатить свою цену за безжалостное отношение к шиитам и курдам. Американцы получают шанс только тогда, когда изолируют суннитов.

Вторая крупнейшая ошибка американцев – отход от Фаллуджи. Вначале американцы растроубили на весь Ирак, что дадут бой террористам повсюду, а потом показали, что серьезная битва им не по плечу. Махсуд предложил американцам послать в Фаллуджу 30 тысяч курских войск. «Мы сделаем то, чего не смогла сделать морская пехота». Блеквил: «Тогда наступает то, что называется гражданской войной». Махсуд: «Но на котротком этапе. А иначе вы увидите полномасштабную гражданскую войну».

Американцы начинают рассуждать о том, что в ходе быстрой войны не смогли уничтожить офицерский корпус иракской армии, и теперь пожинают последствия. Вначале они были деморализованы, но Фаллуджа и общее расширение сопротивления показало, что у них есть шанс. Лежавшие на диване вскочили и начинают присоединяться к повстанцам-ветеранам. Следует менять военную стратегию. Райс начинает испытывать разочарование в Рамсфелде и Пентагоне. Блеквил потихоньку находит выход к прессе. Хедли начинает спрашивать, какая у американских вооруженных сил стратегия? Миллер спрашивает, что делает председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Ричард Майерс? Ведь именно он должен добиться *результатов*.

Миллер заметил, что к Рамсфелду стали хуже относиться в Белом доме, но в то же время – лишь до определенного предела. Пользующийся общей поддержкой президента, министр обороны еще стоял в Вашингтоне «политической скалой». Но в дальнейшем произошли события, пошатнувшие эту скалу. 6 мая 2004 г. заседание временного совета прервал страшный грохот. Обстоятельства скоро разъяснились: грузовик с динамитом взорвался у «Моста 14 июля». Несколько убитых, множество раненых. На сайте Усамы бен Ладена появилось объявление: 10 килограмм чистого золота за голову заместителя Бремера. Американцы пообещали за голову Усамы 25 млн дол. То был конец периода, продолжавшегося почти год – время, когда Ираком управляли американцы во главе с Бремером и Эбизайдом. Прочие члены Коалиции и ООН, представленные Брахими – секулярным суннитским арабским националистом, как бы передали американцам всю инициативу в Ираке.

Глава четырнадцатая Шииты возобладали на Ближнем Востоке

Новое могущество шиитов

Администрация Буша представляла политику как отношения между индивидуумом и государством и поэтому американцы не смогли разобраться в том, что на Ближнем Востоке политика – это баланс между отдельными этническими и религиозными коммунами. В крушении Саддама многие иракцы увидели шанс не строительства либеральной демократии, а возможность ликвидировать прежние несправедливости в распределении власти между этнорелигиозными общинами. Более всего выиграли шииты, которые освободились от доминирования суннитов.

Шииты составляют 90 процентов населения Ирана, 70 процентов всех тех, кто живет на берегу Персидского залива, 50 процентов всех, живущих в арке, протянувшейся от Ливана до Пакистана – примерно 140 млн человек в целом. Многие из них годы (и столетия) были оттеснены от участия в политической жизни. Подняли голову даже саудовские шииты (10 процентов населения), шииты Ливана (45 процентов), шииты Бахрейна (75 процентов населения), которые впервые участвовали в голосовании.

Действия американцев в Ираке породили взаимное сближение шиитов всего Ближнего Востока. Начиная с 2003 г. сотни тысяч пилигримов прошли многочисленные пути от Ливана до Пакистана, стремясь в священный город Наджаф и другие шиитские святыни Ирака под общим руководством главного шиитского клирика Ирана аятоллы Али Хаменеи. Произведенная американцами дебаасификация открыла шиитам путь к власти в Ираке.

В воскресенье, 22 июня 2003 г. две тысячи шиитов, подойдя к штаб-квартире Бремера, подняли протест против оккупации, требуя национальных выборов, которые позволили бы создать национальное иракское правительство. «Нет Америке, прощай Саддам, все иракцы за ислам» – скандировала толпа. В отдалении был виден духовный вдохновитель этого общественного взрыва – аятолла Али Зистани – семидесятитрехлетний клирик с огромным авторитетом, гуру иракских шиитов. Зистани отказался встретиться непосредственно с Бремером, исходя из общего самозапрета на встречи с неверными. Он настаивал на национальных выборах до принятия единой конституции. «Как можно поручать написание конституции людям, которые не являются чьими-то избранными?»

Вопрос вызвал неловкое молчание Совета национальной безопасности, собравшегося в Вашингтоне на следующий день. Президент Буш спросил: «разве можно обсуждать само право иракцев на выборы?» Райс считала, что ей не пристало поддаваться на подобные уловки шиитов: после многих десятилетий господства суннитов они хотят капитализировать факт своего численного превосходства над суннитским меньшинством.

Новое иракское правительство было почти готово (планировалось передать ему власть 30 июня 2004 г.), нужно было найти лишь умелого руководителя, непременно шиита, но умеющего ладить с суннитами – и приемлемого для Великого аятоллы Зистани. 17 июня Кондолиза Райс позвонила сказать, что президент желает ускорить процесс передачи власти. Бремер ускорил приготовления и позвонил об этом в Стамбул (где проходила сессия совета НАТО), чтобы услышать президентское «звучит прекрасно». Буш повернулся к Блэру: «Тони, что ты думаешь об этом?»

А Зистани подливал масла в огонь. 28 июня он издал фетву (свое обязательное исламское суждение, исламский декрет) о том, что любой подобраный американской оккупационной администрацией совет (или любой другой орган) будет отвергнут большинством иракского народа – шиитами. Именно иракцы должны избрать тех, кто возьмется за написание конституции своей страны.

Шииты

Своими действиями американцы сокрушили традиционное превосходство суннитов в мире иракского ислама. Теперь шииты преобладают в Иране, Ираке, Бахрейне, имеют значительные меньшинства в Саудовской Аравии, Ливане. Король Иордании заговорил о «шиитском полумесяце» на арабском востоке. Немало говорится и о возможности *второй*

иранской революции, которая окажет весомое воздействие на арабский мир. А ведь совсем недавно – в 1980–1988 годах Саддам Хусейн пытался «запечатать шиитов в отгороженном Иране». И США помогали Хусейну. Аравийский король Фахд называл Саддама Хусейна «своим братом».

А теперь Эр-Рияд опасается своих шиитов. Да и в Бахрейне шииты чувствуют себя на подъеме. В конечном счете, шиизм вырвался, и мы видим его подъем, осуществленный с помощью Соединенных Штатов. Еще более обиженными чувствуют себя ваххабиты, своеобразный авангард суннизма. Американский журнал «Каррент хистори» пишет, что «нет сомнения в укреплении власти шиитов, где религия будет определять курс Ирака способом, который не виделся американцам даже в самых страшных снах»¹⁸⁷. Амбиции шиитов и бешеное недовольство суннитов «грозят лишь обострением гражданской войны»¹⁸⁸.

Суверенным новый Ирак был провозглашен, как уже говорилось, 28 июня 2004 года. И тут же стала очевидной грубейшая ошибка американцев, веривших в секуляризм шиитов. Вашингтон постарался вытеснить из политического центра Багдада Великого аятоллу Али Зистани, но убедились очень скоро в том, что Зистани – возможно самый влиятельный политик современного Ирака. Он написал Бремеру письмо, в котором «напоминал», что шииты – это не только покорная американцам шиитская партия ТАЛБ, что шииты помнят о своем долге пребывания в качестве граждан второго сорта в Ираке. А лидер курдов Барзани был раздражен тем, что в письме нового иракского правительства в ООН не была упомянута приемлемая для курдов партия ТАЛБ. А ведь в начале противостояния американцы мечтали о либеральной демократии. А получили систему, при которой шииты Ирана стали самой влиятельной внешней силой в стране, где 66 процентов населения – шииты. Стоит ли напоминать, что именно Иран 25 лет назад стал главным противником США в регионе. Но теперь подули другие ветры. Специальная группа Совета по международным отношениям во главе со Збигневом Бжезинским и экс-директором ЦРУ Робертом Гейтсом призвала Соединенные Штаты «предложить Ирану прямой диалог по специфическим проблемам региональной стабильности»¹⁸⁹.

Фаллуджа

Муктада аль-Садр стремился к постоянному движению. Его растущий отряд в середине марта захватил главную мечеть города Куфы – города побратима Наджафа, куда племянник Пророка Мухаммеда Али привел верующих в седьмом веке.

Муктада демонстрировал всем, что у него есть силы захватить верховную власть. Он снова носил белый тюрбан и черный плащ. Он говорил, что стремится к мученичеству. Он звал в бой. Его харизма была признана всеми. Он воспламенял бедных и обиженных, а они были готовы идти с ним в битву против Коалиции и ее иракских ставленников.

12 марта «армия Махди» бросилась на городок иракских цыган в провинции Кадиссия, недалеко от Наджафа. Дома жгли, цыган пытали, женщины и дети исчезали. Рядом стояли подразделения Союзной армии, пестрой на этом участке: поляки, украинцы, болгары, испанцы, центральноамериканцы. Они бездействовали. Бремер предложил освободить мечеть Куфы. Но тогда убитые воины Аллаха немедленно станут героями и восстание охватит весь регион. Колебания Коалиции взнуздали Муктаду.

Все это были цветочки. Ягодки появились в самом конце марта 2004 г. 31 марта группа повстанцев в городе Фаллуджа напала на конвой американских бронемашин. Над трупами

---

¹⁸⁷ «Current history», January 2005, p. 9.

¹⁸⁸ «Current history», January 2005, p. 9.

¹⁸⁹ «Current history», January 2005, p. 7.

надругались. А вокруг (многократно показывало телевидение) ликовала толпа. Буш сказал в начале своей кампании по переизбранию: «Эти люди скорее будут убивать невинных людей, чем приветствовать приход свободы... Они испытывают нашу волю. Они нас не запугают. Мы нанесем ответные удары повсюду в Ираке». Бремер сказал, что это – Талибан. Президент Буш указал генералу Эбизаиду: «Если дело не разрешится в 24 часа – вы уволены». Эбизаид практически то же передал генералу Санчесу, командующему американскими войсками в Ираке.

26 марта Муктада стал уничтожать союзную администрацию на юге Ирака.

Весь мир обернулся к расположенной в 70 километрах к западу от Багдада Фаллудже, городу на Евфрате с населением в четверть миллиона. Она стала центром суннитского сопротивления. Бремер в Багдаде обещал: «Их смерти будут отомщены». Этот город был своего рода прямой противоположностью расположенному в штате Коннектикут Новому Канаану, где вырос Джерри Бремер.

Бремер не знал о приказе, отданном генералу Санчесу. Санчес тоже знал детство, отличное от детства Бремера. Он родился в маленьком тexasском городке Рио Гранде-сити, на границе с Мексикой. И за его спиной не было Йельского университета и ньюйоркской «Школы бизнеса», как у Бремера. Санчес вместе с пятью братьями и сестрами жил в одной комнате, а едой у них многие годы был рис и бобы. Бремер обращался к Санчесу с позиций «опекающего элитизма». (Позже, в 2006 г., сам Рамсфелд признает, что такому молодому генералу нельзя было давать в командование самую важную для США армию).

Представляя ООН, Брахмини предупредил, что выведет своих людей из Ирака, если американская армия бросится на Фаллуджу на Евфрате. Америка потеряет ООН и Временный совет, а это значит – потеряет весь Ирак. Бремер колебался. Суннитские вожди горой стояли за Фаллуджу. Эбизаид, напротив, говорил, что, если американская армия *не* возьмет Фаллуджу, она потеряет Ирак. Блеквил считал такой подход шизофреническим, эмоциональность американских военных выводила его из себя.

Итак, в среду 31 марта 2004 г. повстанцы подкараулили американский конвой в самом центре Фаллуджи. Шла неукротимая стрельба из «калашниковых». Американский бронетранспортер взорвался. Вокруг бешено затанцевали шииты. Толпа тащила трупы обожженных американских солдат. Двух американских солдат – вернее, то, что от них осталось, сбросили с городского моста. Все это снимало телевидение, чтобы вскоре появиться на арабских каналах. Отредактированная копия пошла и по американским каналам. Сразу возникло: Коалиция не контролирует Фаллуджу. Генерал Санчес получил суровый выговор за то, что не послал подмогу сразу же, как только узнал о засаде.

Бремер спросил Санчеса: «Какими будут ваши следующие действия?» – «Мы очистим Фаллуджу». Райс сообщила Бремеру, что Челаби все больше становится антиамериканистом. «Выкинуть его из Совета». Американским войскам удалось арестовать одного из видных соратников Муктады – Мустафу аль-Якуби. Но это вызвало подлинный взрыв в Садр-сити, Наджафе, Аль-Куте.

В Наджафе, непосредственно перед закатом полторы тысячи морских пехотинцев и части иракской армии окружили город. Громкоговорители предлагали сложить оружие. До рассвета объявлялось перемирие и сложить оружие; затем американцы обещали схватку. Подобная же ситуация сложилась в Садр-сити и на юге. Но люди Муктады начали окружать ударные пункты американцев и их союзников.

В эти часы «представитель президента» Джерри Бремер создает Службу безопасности Ирака – новую тайную полицию – ИНИС, которую возглавил Мохаммед аль-Шехвани – суннит, некогда генерал в армии Саддама. Помощник Зистани стал Советником Бремера по вопросам безопасности.

Тем временем «пожар Муктады» распространился на юг страны. В Наджафе американские войска прибегли к крайнему средству – запросили поддержки с воздуха. Но на ближних аэродромах не было авиации. Невероятно, но испанцы сохраняют нейтралитет. Появились сомнения в том, что американцы удержат свои позиции. Сообщили, что Ф-16 уже

в полете. Ополчение Садра захватило полицейский участок, получив дополнительное оружие. Муктада перегруппировал свои войска.

Большая толпа собирается в Карбале. Здесь планируется повторение Наджафа.

В Багдаде суннитские лидеры вышли из Временного совета. Чиновники ООН стали паковать чемоданы. Тогда Бремер и Блеквил по секретной телевизионной связи вышли на президента: «Мы должны остановиться». Разваливался созданный иракцами Совет, Бремер оставался один на один с враждебной массой. И Буш приказал на время оставить Фаллуджу. Окружающие понимали, в чем главная причина президентской осторожности – Буш думает о переизбрании. Наступление было отменено, но морские пехотинцы окружили город, стараясь не выпускать из него повстанцев.

Часть повстанческих войск стала захватывать мосты в Назарии, и прорвалась в город, столкнувшись с итальянским контингентом. Силы Муктады движутся в Киркук, где ситуация уже напряженная. «Прогрессивный коллапс в Ираке» (ЦРУ). 5 апреля ситуация для американцев ухудшилась в Аль-Хилахе, где действуют несколько тысяч сторонников Муктады. Сам Муктада издал фетву, которая призывает Коалицию выпустить всех заключенных и покинуть Ирак. Линия борьбы очерчена.

Бесконечные совещания в Вашингтоне родили только одну мысль: Муктаде следует ответить соответствующим образом. Но не развязать гражданской войны.

Тайное сообщение, что Муктада готовит в Багдаде всеобщую забастовку.

А паломники устремились в священный город Наджаф, и борьба американцев с Муктадой осложнилась. А средства массовой коммуникации интересовал лишь один вопрос: состоятся ли общенациональные выборы 30 июня? Бремеру пришлось давать весьма уклончивые ответы. По «Аль Джазире» Абу Мусаб Заркави пообещал «собрать урожай американских голов» в Ираке. Было ясно, что он в контакте с суннитом Муктадой.

Собрался Иракский министерский комитет национальной безопасности – только что созданный. Муктада был в центре дискуссий. Популярным было мнение, что с ним следует провести переговоры. Военный министр Али Аллави предлагал подождать, когда движение Муктады распадется. Только министр финансов Камель аль-Кейлани и глава госбезопасности генерал аль-Шервани согласны были поддержать войну американцев против Муктады.

Более важным была состоявшаяся ночью телеконференция Совета национальной безопасности в Вашингтоне. Бремер начал словами: «Перед нами фундаментальный вызов американскому влиянию в Ираке». Многие иракцы ждут, что американцы смогут сделать с Муктадой. Отступление американцев придаст их противникам новые силы. Бремер предложил «стратегию анаконды» – начать вытеснять противника с периферии – нанести удар по его тренировочным лагерям, базам снабжения, пунктам пересылки. СНБ единогласно поддержал Бремера. Ночью Муктада опередил всех – он начал наступление на Багдад. Представителя ООН алжирца Брамини еле уговорили остаться в городе.

Но морская пехота США теряла своих людей в соседней с Фаллуджей Рамади, и не могла при этом добиться перелома в свою пользу. Украинцы оставили Аль-Кут и Бремер был в ярости от союзника. «Аль Джазира» показала это всему арабскому Востоку. Половина Первого батальона новой иракской армии перешла на сторону Муктады. А в Правящем совете исламисты жестко выступали против американской тактики.

Пришло известие, что люди Муктады ограбили банк в Багдаде и добились закрытия школ. Спасением американцев стало лишь привлечение на свою сторону умеренных шиитов. Пауэлл настаивал на немедленном взятии Аль-Кута. Буш согласился: «Мы должны перейти в наступление».

Но при этом американцы признали, что выпестованные ими «силы безопасности» продемонстрировали лишь бессилие. Первый батальон новой иракской армии отказался воевать. Президент Буш потребовал ежедневного доклада. Генерал Эбизаид потребовал дополнительные 20 тысяч войск.

Кризис

Утром 8 апреля 2004 г. двойной военный кризис породил кризис политический. Подал в отставку министр внутренних дел Нури Бадран. Шиит с юга Абу Хатем – «хозяин болот» – «заморозил» свое членство в Правящем совете. Ушел со своего поста министр гражданских прав Абдель Басит Турки, умеренный суннит. Шиитская исламская партия Ирака объявила о выходе из Правящего совета. Пачачи, один из лидеров Временного совета, назвал события в Фаллудже «коллективным наказанием». Морские пехотинцы США вызвали неожиданный и самый мощный за все время войны политический кризис. Ставки не могли быть выше. Представители ООН грозили уходом из Ирака. Американцы испытывали ожесточение.

Бремер решил встретиться с генералом Эбизаидом: рассыпался Временный совет.

Утром следующего дня началось коалиционное наступление на силы Муктады на юге. В самом Багдаде были разрушены офисы Муктады. «Анаконда» начала сжимать свою жертву. Но в Фаллудже было решено не предпринимать решающих операций, чтобы не вызывать бешенство шиитов. Бешенство американцев вызывало нежелание людей Муктады выдать виновных в убийстве американских солдат. Они также хотели знать имена иностранцев, воюющих с ними. И все же стороны пошли на перемирие, учитывая возможность совместного восстания суннитов и шиитов.

В радиообращении к Ираку президент Буш осудил деятельность отдельных отрядов, раздирающих страну на части. 30 июня 2004 г. оказалось слишком ранней датой для общенациональных выборов и передачи власти иракцам. Генерал Эбизаид призвал вернуть в армию саддамовских офицеров – ситуация в суннитском треугольнике оказалась хуже, чем предполагалось. Но шииты воспримут такое обращение к саддамовским офицерам как шаг против них. И верно: Муктада аль-Садр призвал всех иракцев объединиться в восстании против захватчиков.

Шел апрель 2004 г. Американские морские пехотинцы окружили центр Фаллуджи и расстреливали всякого, кто пытался оттуда вырваться. Курды тем временем укрепили свою армию в 35 тысяч человек, действующую под курдским командованием. В Багдаде Бремер все больше проникался к Аллави, министру обороны, как к потенциальному премьер-министру. Но Аллави боялся возврата в армию саддамовских офицеров.

Тем временем с маем возвратилось невыносимо жаркое иракское лето. Асфальт дымился в Фаллудже и Наджафе. Отдельные части иракской армии после отдыха в тылу отказались возвратиться на линию фронта. Бремер–Бушу: «Чем больше я здесь нахожусь, тем скорее мне хочется выйти с войсками отсюда»¹⁹⁰.

23 апреля 2004 г. Джерри Бремер выступил с речью, которую он назвал «самой важной речью в своей жизни». С названием: «Перевернем страницу!» Отныне он ослабил дебаасификацию и вернул к партам 10 тысяч иракских учителей. Реакция на эту речь была самая разнообразная. Сунниты приветствовали намерение расширить политическую базу правительства. И увеличение армии за счет прежних военнослужащих. Шииты жаловались, что «преданы» и что процесс «дебаасизации» закончен. Чалаби сказал, что призвание учителей равнозначно возвращению нацизма в Германию.

Американцы организовали опрос иракцев. На вопрос «Какая страна является наиболее дружественной по отношению к Ираку?» первое место получил ответ: «Такой страны нет».

Пытаясь как-то выйти из положения, американцы 30 июня 2004 г. объявили, что пойдут на передачу власти иракскому правительству. Встал вопрос, что делать с морскими пехотинцами? Нельзя держать их в ужасающей грязи Фаллуджи, оставив им лишь одно право – думать. Бремер и Блеквил посетили осаждающие Фаллуджу войска. Первое заключение, к которому они пришли – войск в Ираке мало. Будь их больше, Фаллуджу

---

¹⁹⁰ Bremer P. (with Malcolm McConnell). My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 342.

можно было бы штурмовать.

На данном этапе ЦРУ нашло продажного генерала – прежнего члена БААС с двумя генеральскими звездами – Джассима Мохамеда Салеха, придали ему бригаду иракских войск и он пообещал очистить Фаллуджу от повстанцев. Райс волновало только его удивительное сходство с Саддамом Хусейном. Бригада выступила к осажденному городу, но глубоко разочаровала американцев, ее бойцы в основной своей массе присоединились к осажденным.

Начался раскол и на американской стороне. Командир морской пехоты Санчес без согласования с командующим в Ираке Эбизайдом нашел свой вариант решения проблемы в Фаллудже и вызвал острое несогласие начальства. Назначение командиром здесь саддамовского офицера Салеха вызвало острое негодование иракского руководства: Салех в 1991 году был республиканским гвардейцем и подавил восстание шиитов в Карбале. Генерала Салеха сняли, но шииты и курды запомнили «бригаду Фаллуджи» и генерала Салеха, ее командира. На следующий день весь Временный совет обрушился на Бремера. Ирак был близок к гражданской войне.

Стороны прошли очень близко от гражданского конфликта. И проблемы не были решены. Муктада продолжал оставаться главным защитником шиизма в Ираке и американцы боялись, что лобовое столкновение с ним противопоставит их шиитскому большинству страны. К этому заключению американское руководство пришло к маю 2004 г. Фаллуджа не станет Сталинградом.

Представитель ООН Брамани не рискнул порвать с американцами и вернулся в Багдад. И американцы решили в Фаллудже предоставить поле деятельности «бригаде Фаллуджи» под руководством Латифа. Будут ли новые солдаты республики сражаться?

Некоторые шиитские помощники американцев не выдерживали напряжения и устремлялись за пределы страны. Так верный друг американцев Пачачи, один из создателей промежуточной конституции Ирака, отбыл из Ирака в Абу Даби вместе со всем семейством 2 июня 2004 г. Пресса не уставала напоминать, что он был членом партии БААС. Его партия (ТАЛБ) готовилась к выборам 2006 г. и не хотела идти к ним во главе с прежним баасистом.

Люди подобные Пачачи (намечавшемуся прежде американцами в президенты Ирака), осуждали Саддама Хусейна особенно за то, что он ликвидировал в Ираке средний класс – основу любой демократии. Договорились о встрече в Вашингтоне. И все же даже Бремер заметит в лице Пачачи огромную разочарованность. Полтора года содействия американцам буквально разрушили его психику. На пути назад Бремер заметил в вертолете: «Политика – кровавый спорт»¹⁹¹.

Но Зистани прислал специальное письмо: «Если в послании ООН нового иракского правительства будет упомянута партия ТАЛБ, то Зистани, как представитель большинства шиитов, оставляет за собой свободу действий».

Бремер понимал, что отказ от поддержки проамериканской ТАЛБ может подтолкнуть шиитскую массу к господству в Ираке и ориентации вовне на Иран. Поэтому Бремер специально попросил президента Буша выразить свое позитивное отношение к партии ТАЛБ в своем еженедельном радиобращении. Бремер предложил ООН поддержать концепцию федерализма (чтобы не оттолкнуть курдов) и чтобы дать должный шанс шиитам. Буш упомянул предложенное Бремером и это понравилось как членам и сторонникам ТАЛБ, так и жаждавшим автономии курдам.

5 июня 2004 г. Муктада вывел свои войска из святой мечети Али в Наджафе и в мечеть вошла иракская государственная полиция. Временно кризис потерял свою остроту. Но все знали, что только временно. В то же время ситуация в Фаллудже продолжала оставаться достаточно опасной. Теперь с Муктадой имело дело прежде всего новое иракское правительство.

---

¹⁹¹ Bremer P. (with Malcolm McConnell). *My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope*. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 379.

Абу-Грейб

В конце апреля 2004 г. телевизионная передача «60 минут» показала издевательства над обнаженными арабами в американских военных тюрьмах, конкретно в тюрьме Абу-Грейб. Улыбающийся американский персонал наблюдал за «кучей-малой» обнаженных плененных арабов, за их садистскими допросами. «Нью-Йоркере» Сеймур Херш опубликовал детали секретных армейских расследований в этой тюрьме. Десятки поразительных фотографий попали в прессу и на телевидение. В течение нескольких часов изображения садистских сцен обошли весь мир.

Рамсфелд заявил, что не видел этих фотографий, и что в Пентагоне нет их копий. Но Буш не удовлетворился глухим невежеством военных и устроил Рамсфелду то, что может быть названо как «головомойка». Пошатнулся ли «великий Дон»? Рамсфелд на некоторое время потерял выдержку и заявил, что если пришедшее время наилучшее для его ухода, то он *готов*. Шли слухи что его пост привлек Джона Негропonte, американского посла в ООН. Госсекретарь Пауэлл жаждал этой смены в Пентагоне – очень ему знакомом.

Когда Временный совет начал свою работу 12 мая 2004 г., Бремер выразил сожаление, он извинился перед иракцами. Санчес тоже публично осудил «бесчеловечное поведение». Но другие события заслонили в Ираке позор американской армии.

В мае ротирующимся председателем Временного совета стал Изаддин Салим – ученый шиит из Басры, основатель антибаасистской партии Дава. На него много раз покушались и в Ираке, и во время его эмиграции в Иране. Утром 17 мая 2004 г. президент Правящего совета Изаддин Салим и три члена его охраны, а также трое прохожих были убиты у контрольного пункта «зеленой зоны». Довольно быстро стало известно, что убийство организовал Абу Мусаб Заркави. Президентом Временного совета стал шейх Гази аль-Явур. Гази получил образование в Америке (Джорджтаунский университет), был бизнесменом, участвовал в политике. Он произвел большое впечатление на президента Буша.

Встал вопрос о грядущем президенте и премьер-министре Ирака. Поднялись премьерские шансы военного министра Айдя Аллави – выбор Буша.

Курды, за свое согласие остаться в Ираке потребовали президентского или премьерского поста. Но наиболее громким стал скандал с давним другом американцев Ахмедом Челаби. 3 мая 2004 г. американский журнал «Ньюсуик» сообщил, что Челаби сообщил иранской агентуре о том, что американская разведка раскрыла иранский код и теперь читала иранскую секретную переписку. 10 мая Челаби потребовал прекратить инспекцию министерства финансов, которое он возглавлял. Бремер отверг это требование. 20 мая иракская полиция под прикрытием американцев вошла на виллу Челаби и в соседние дома, принадлежащие его партии Иракский национальный конгресс. Челаби выступил пред прессой: «Мне мстит ЦРУ. Почему лишают свободы моих сторонников? Пусть никто не вторгается в иракские дела». И Челаби начал делать то, чего он не делал до сих пор – поддерживать исламских шиитских политиков.

Постепенно все же ситуация для американцев стала улучшаться на юге Ирака. Этому содействовал перевод трех бригад в южные районы, а так же неослабевающее давление на Муктаду аль-Садра. На улицах Наджафа появились пешеходы. Американцев мучило лишь то обстоятельство, что летом они уведут часть своих войск и это даст новый шанс Муктаде. И то, что выдвижение Аллави в Ираке будет рассматриваться как победа ЦРУ.

Тем временем повстанцы убили нескольких русских техников, что вынудило Москву покинуть электростанцию Даура и вывести всех своих людей из огнедышащей страны.

Американцы приложили все возможные усилия, чтобы сделать Аллави премьер-министром. Только представитель ООН Брамани отказывался забыть о контактах Аллави с американской разведкой. Но на него оказали огромное воздействие, и Бремер поздравил своего фаворита.

Багдад, лето 2004

11 мая 2004 г. президент Буш подписал президентскую директиву NSPD-36, согласно которой высшая власть в Ираке передавалась от Пентагона аппарату Государственного департамента. США будут представлены в Ираке главой миссии, который подчиняется Государственному секретарю. Это был очень заметный поворот к госдепу. Новым послом в Ираке предполагался Джон Негропonte, а военным командующим – генерал Кейзи.

В новейшей истории Ирака произошло важное событие – образование Временного правительства во главе с премьером Айядом Аллави. Многие зависело от того, сумеет ли это правительство воспользоваться опытом своего предшественника – Временного совета. Важнейшей задачей была безопасность – страна стояла на грани гражданской войны. Несмотря ни на что напряжение в суннитском треугольнике и в самом Багдаде росло, повстанцы не собирались складывать оружие. В Фаллудже сохранялось равновесие и здесь в любую минуту могло вспыхнуть пламя сражения. На юге повстанцы были ослаблены, но и здесь организующая роль Муктады была вполне ощутима.

На следующий день Бремер и генералы Эбизайд и Санчес встретились с премьер-министром Аллави в его кабинете, чтобы обсудить письмо Аллави в Организацию Объединенных Наций, чтобы обсудить статус Ирака после 30 июня 2004 г. После этого Бремер долгое время ежедневно встречался с Аллави, наставляя его. Американцы составили Аллави своего рода «учебник верного управления», равно как и бюджет на 2004–2005 финансовый год.

Генерал Петреус (которого ждет в Ираке большое будущее) был послан в Ирак для создания остова новой иракской армии. Он пришел к выводу, что новая армия, полиция и войска безопасности нуждаются в лучшем оборудовании, улучшенной системе тренировки и в значительно большем объеме денежных средств. Вулфовиц сказал Комитету по вооруженным силам, что это – центральная тема войны. Невинные сенаторы спрашивали, почему понадобился год, чтобы понять такие простые вещи. Вулфовиц не забыл, что Рамсфелд блокировал его усилия.

Пока Бремер готовил восстановление государства Ирак, Пауэлл и Рамсфелд бились друг с другом по вопросу, кто будет главным опекуном нового государства. Пауэлл и Негропonte говорили, что речь идет о создании первого после 1991 г. американского посольства в Багдаде. Рамсфелд напоминал о 130 тысячах американских солдат на иракской земле. А конгресс говорил о 18 млрд дол., ассигнованных американской казной.

Бремер постоянно говорил о системе балансирования властей (система, возможно понятная президенту Джефферсону и Верховному судье Маршаллу), но совершенно чуждая в ближневосточном единоначалии.

«Верные друзья» бежали от системы, которую с их помощью создавали американцы. Вслед за шиитом Пачачи в дальний путь собрался один из «героев» периода – Джаффари. Далее двинулся в дальний путь назначенный Бремером в 2003 г. председатель Центрального банка Ирака доктор Сман Мохаммед Рида аль-Шабиби. Двумя часами позже прибыл прощаться Главный судья Ирака Медхат аль-Махмуд, пытавшийся с американской помощью установить в Ираке «царство закона». Он был особенно благодарен Бремеру, что тот сделал судебную систему страны независимой от правительственной власти и «удвоил заработную плату судьям».

Коллеги Бремера бежали не зря. Этим же утром поступили сведения о нападениях на систему южных нефтепроводов. Особенно болезненным был обрыв связи нефтепроводов Юга с очистительным заводом Даура и с электростанцией Мусайя.

Американцы создают посольство

Новоназначенный посол Джон Негропonte прибыл в Багдад 28 июня 2004 г. В десять утра этого дня произошла простая церемония в кабинете нового премьер-министра Аллави.

Ирак получил правительство на два дня ранее предполагаемого – чтобы не приурочить к этому дню повстанческого взрыва. Теперь задачей Негропонтэ были не поиски оружия массового поражения, а установление в Ираке демократии, чему яростно противодействовали разъяренные сунниты. На военных картах американцев в Багдаде красным были обозначены места возможных ракетных выстрелов (РПГ), желтым – укрытия для непрямого огня, зеленым – места наземного огня.

Бремер совершил широкий жест: «Джон, передаю тебе твое посольство». И тут же предал ему вышеуказанный слайд с трехцветными обозначениями. Пауэлл и Райс инструктировал Негропонтэ быть помягче с иракцами – они теперь суверенны. Не пытайся играть подобно Джерри Бремеру в проконсулы. Негропонтэ максимально старался показать, что не произошло ничего экстраординарного – просто приехал новый посол.

Негропонтэ сразу же столкнулся с проблемами: не работает транспорт. В целом правительство до болезненного напоминало «потемкинскую деревню». Сельское хозяйство в жесточайшем кризисе. Раздача продовольствия по карточкам зависела от импорта, а тот от четкости действия турецких и ливанских банков. Генерал Кейзи получил 2 млрд дол., чтобы на месте нанимать рекрутов в новую армию.

Генерал Кейзи обустроился в двух местах: «Лагерь Победа» близ аэропорта и в американском посольстве – через коридор от Негропонтэ. Они дали клятву не возвращать взаимную неприязнь подобно Бремеру и Санчесу. Взаимная неприязнь и борьба явственно мешали американцам. Одним из ее очень видных проявлений было датированное 15 июля 2004 г. письмо помощника Рамсфелда Стива Хербитца «Обобщение послевоенного Иракского планирования». Оно было направлено прямо против шефа – против Рамсфелда.

«Почему Рамсфелд опекает Бремера так, как он поступал в отношении Фрэнкса? Почему не была воссоздана иракская армия? Никто не понимал, что Ираку потребуются силы безопасности? Никто не стремился к скорейшей стабилизации? Почему дебаасизация была такой широкой и глубокой?»¹⁹² Хербиц охарактеризовал министра Рамсфелда, «как нерешительного, вопреки сложившемуся о нем мнению. Он никак не способен признать, что некоторые люди в определенных сферах жизнедеятельности превосходят его. Доверяет лишь единицам. Очень, очень осторожен. Склонен оскорбить других, особенно в присутствии публики. Он склонен преуменьшать значимость других, особенно прилюдно. У него стиль следователя. Вывод: Не ошибался ли Рамсфелд в фундаментальных политических вопросах данной администрации, не достигнув улучшения в Ираке на протяжении 18 месяцев?»

Это был сильный удар по министру, который чаще всего находился вне поля критики.

Гроза нависла и над другим крупным деятелем войны Америки против Ирака. Для разговора тет-а-тет к президенту пришел глава ЦРУ Джордж Тенет. Несколько лет назад у него был сердечный приступ и теперь врачи рекомендовали покой. Но Буш был непреклонен: ни один из его министров не покинет свой пост в год перевыборов. Но на этот раз Тенет был неуступчив – он уходит (инстинкт охотника подсказал ему, что на этот раз *за ним* идет охота). 4 июня 2004 г. в газетах появилось сообщение, что Тенет уходит с поста директора ЦРУ. Тенет, пролив слезу, выступил перед контингентом Лэнгли – его ждет жена и сын. Он занимал свой пост семь лет при двух президентах. 11 июля 2004 г. Джордж Тенет официально покинул свой пост.

Первые признания

Президент Буш 17 июня предложил «обмануть» повстанцев и объявить об изменении даты выборов в самый последний момент – это лишит смысла приготовления повстанцев к 30 июня – дню конституции. Бремер позитивно оценил эту идею.

В качестве одного из последних своих шагов Бремер выделил 750 млн дол. «на

---

¹⁹² Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 316.

строительство демократии в Ираке». Много средств пошло на создание женских центров. Бремер издал приказ, запрещающий отдельным партиям иметь свои вооруженные силы. 22 июня Бремер вместе с президентом Гази посетил курдский Киркук. 35 лет Саддам пытался заселить город арабами, чтобы стереть с лица земли его курдский характер. Сейчас болезненно шел обратный процесс. Шиитская партия ТАЛЬ согласилась отложить определение статуса Киркука. 100 млн дол. было выделено на расселение и переселение.

Передача суверенитета была перенесена на 28 июня 2004 г. Ранним утром начался обстрел мест, где расположились американцы. В полдень американцы открыли фондовую биржу Багдада. Пушки били по «зеленой зоне» и американцам приходилось спать в бомбоубежище. Разведка доложила Бремеру, что повстанцы хотят 30 июня взять Багдад штурмом. Еще предполагалось взять Рамади или Бакубу.

А Бремер размышлял уже только о том, как выбраться из Багдада живым. Улетая, он думал о том, что за год не сумел обеспечить безопасность страны. 28 июня в 10 часов утра – опережая планы – американцы передали верховную власть, иракский суверенитет иракскому правительству – премьеру Аллави. Президент Буш находился поблизости – в Анкаре, но не рискнул пересечь границу. Так же панически выглядит отбытие из Багдада Джереми Бремера во время 20-минутного прелета в багдадский аэропорт.

Здесь стояло несколько С-130 и никто не знал, на каком полетит Бремер. А он обманул всех. Проводив прессу, он быстро – на вертолете перелетел к реактивному самолету, который взлетел и направился в Германию.

В июле 2004 г. американцев мучило постоянное нарушение повстанцами нитей нефтепроводов – особенно к юго-западу от Басры. («Южная нефтяная компания Аль-Фав»). Опасно стало предвигаться даже в «зеленой зоне». Чтобы пообедать с аятоллой Багдада Хусейном аль-Садром, Джерри Бремер *дополнительных* 17 бронетранспортеров запустил в воздух, три дополнительных вертолета «Блэкуотер» (два пулемета в каждом), два вертолета «Апач» и истребитель-бомбардировщик Ф-16. Так Бремер прощался с «гостеприимным» Багдадом.

Летом 2004 г. генерал Эбизайд впервые признал: «Мы не можем выиграть эту войну в военном смысле. Мы попали в очень тяжелую ситуацию». Эрмитидж передал эти слова своему другу Колину Пауэллу. «Нам он этого не говорил».

А на заседаниях Совета национальной безопасности спецы подсчитывали численность убитых иракцев. И сколько их всего, иракцев, воюющих с американцами с оружием в руках? Генерал Эбизайд считал, что «активных» повстанцев – 5 тысяч человек. А сколько убито? На одном из заседаний Эбизайд назвал цифру в 5 тысяч убитых, а на другом – в три раза больше. Военные показом потерь противника пытались доказать прогресс в борьбе американских регулярных сил против иракских противников.

Глава пятнадцатая «Эту войну нельзя выиграть»

Ничто не могло более укрепить образ американцев как имперских оккупантов, чем отряды тяжеловооруженных солдат в касках и с бронежилетами, передвигающимися по всей стране и неспособными общаться, не питающих никакого интереса к тому, о чем думают иракцы, что они чувствуют и чего они хотят.

Боб Вудвард, 2006

Новая эпоха

В августе 2004 г. молодой и воинственный шиитский священник Муктада аль-Садр бросил вызов начавшему сближаться с американцами Великому аятолле Зистани. Садр

воспользовался тем обстоятельством, что Зистани лечился в Лондоне и начал создавать свою организацию. Своей опорой он сделал город Наджаф, в котором находилась самая священная из шиитских святынь – мечеть Имама Али, собственно, основателя шиизма.

Американцы выделили 4 тысячи морских пехотинцев и продвинули их к мечети Имама Али. Дружественные американцам арабы умоляли Вашингтон не штурмовать Мечеть Имама Али. Американцы не понимают, о какой святыне шиитов идет речь. Быстрее других суть проблемы поняла Кондолиза Райс – если разрушить эту мечеть, то американцам можно не мечтать о едином Ираке во главе с большинством – шиитами. Более того, американцы могут проиграть войну, учитывая близость шиитского Ирана.

Командующий американскими войсками в Ираке генерал Кейзи попытался договориться с шиитским лидером. Американцы вели бесконечные переговоры с премьером Аллави, который был, собственно, неверующий и «не любил тюрбаны» и не хотел впускать Зистани обратно в Ирак. Блеквилу Аллави сказал: «Мы должны их сокрушить». Но Вашингтон ответил быстро и грозно: «Не делайте этого». Аллави отступил. Его советник Касим Давуд вынужден был встретить возвращающегося Зистани в Басре, на пути в Багдад.

Но у генерала Кейзи были свои соображения. Он приказал *всем* американским снайперам сконцентрироваться у Наджафа. Там же были пресловутые «морские коттики». Они фактически загнали людей Садра в дома, окружающие знаменитую мечеть. Все спрашивали, где же посол Негропonte: А тот отдыхал в Эгейском море, вырвавшись из Иракского ада. В неурядице Аллави послал Муктаде аль-Садру весьма грозное послание, фактически ультиматум. Аллави был полон ярости; некоторые относили это к его нервозности.

При этом Аллави заручился поддержкой Зистани (почувывшем в Садре соперника). Зистани издал церковный указ: идти к мечети Али. Тысячи верующих с мирными намерениями направились к мечети. Зистани встретился с Муктадой аль-Садром, обсуждая развязку у знаменитой мечети. Кейзи был вынужден пообещать, что не станет покрывать огнем уходящих от мечети людей Муктады. Президент Буш в этой ситуации считал, что следует стоять на стороне Зистани.

Муктада отвел свои войска в свой главный опорный пункт – Садр-сити к северо-востоку от Багдада. А американцы впервые заговорили о том, стоит ли им оставаться в Ираке. Если шииты готовы драться с ними до последнего, то не грозит ли все это бессмысленным кровопролитием?

Сомнения в Вашингтоне

Здесь в год выборов неизбежно обратили внимание на то, что Буш никогда не подходит к проблеме Ирака аналитически, не высказывает резонных сомнений. В речах президента не было слов о трудностях, которые американцы встретили на Ближнем Востоке. Любимой фразой президента Буша была: «Я в этом нисколько не сомневаюсь». Эрмитидж: «Он что, думает, что задача уже решена. Почему он не скажет ни слова в память об уже погибших?»

И именно Эрмитиджу, второму человеку в госдепартаменте, Буш предложил возглавить ЦРУ после Тенета. Эрмитидж категорически отказался и близкие люди знали, что причиной были Чейни и Рамсфелд. Эрмитидж сказал Пауэллу, указывая в сторону Белого дома: «Их представление о дипломатии заключается в словах: „Ты, сволочь, делай то, что тебе велят“. Напомним, что сам государственный секретарь Пауэлл сказал президенту Бушу за шесть месяцев до начала войны, что самым выигрышным для США путем является дипломатия. И теперь, завязнув в Ираке, это был единственный подход к Ирану и Северной Корее».

11 августа 2004 г. главой ЦРУ стал конгрессмен от Флориды Портер Госс. Но его значимость уменьшилась с созданием Министерства внутренней безопасности.

На слушаниях в конгрессе 18 августа Дэвид Кэй, говоря о ОМП, обвинил, прежде всего, советника по национальной безопасности Кондолизу Райс и руководимый ею СНБ.

«Собакой, которая ни разу не твякнула в случае с иракским оружием массового поражения, является Совет национальной безопасности». Газеты размножили это мнение молниеносно. В этом случае проявилась чувствительность Райс, немедленно пославшей своего человека к Кэю. «Она – худший советник президента за всю историю».

Каждый вечер Миллер и выпускница Оксфорда, начавшая работать в штате СНБ Меган О’Салливен делали обобщенную оценку ситуации в Ираке для Буша. Обычно это была одна страница, иногда две, в редких случаях – четыре. Подавались главные события в стране, проблемы реконструкции и, главное, военные действия (всегда включавшие в себя сведения о потерях с обеих сторон). О’Салливен пользовалась своими иракскими знакомствами с тех пор как работала с Бремером. И эти слухи ничтожных вчерашних эмигрантов шли прямо к президенту. Вскоре она стала фактически главным советником президента Буша по Ираку.

В августе 2004 г. заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов и Фрэнк Миллер в течение четырех дней инспектировали войска коалиции. В «Лагере Фаллуджа» генерал Пейс прикрепил медали «Пурпурное сердце» на груди семерых американских пехотинцев. Миллер фиксировал нужды местных командиров. Командиры дивизий (от 10 до 20 тысяч солдат) сходились в одной просьбе: переводчики. Батальонные командиры (600–800 солдат) вторили им: переводчики. Та же просьба читается и в докладах более мелких подразделений: переводчики с арабского языка. Без языковой связи происходили противоречия огромных размеров. В Вашингтоне этого не ощущали. И не пожелали внять призывам таких инспекторов как Миллер. В Пентагоне ему сказали: «Нам нужны знатоки языка для допросов». И лишь только когда генералов из пентагоновских кресел посылали в Ирак, они быстро приходили к выводу, что им нужны переводчики. В противном случае потери американцев будут выше.

А добыть переводчиков было сложно – годы учебы и тренировки. Традиционным стало обращение к Государственному департаменту. Решили готовить переводчиков где-нибудь поодаль от Ирака. Например, в Алжире или Марокко. Обеспечили большие бонусы. Но и много месяцев спустя проблема американцев не была решена. До конца 2005 г. американская армия испытывала острейшую нужду в армейских переводчиках.

Придя к выводу, что они имеют дело не с войной классов или идеологий, а отдельных этнорелигиозных коммун, с января 2006 г. американское руководство изменило тактику, оно попыталось расколоть цельные коммуны курдов, суннитов и шиитов, постаралось смешать их.

Выборы 2004

Переломное время. Число нападений на войска американской коалиции подпрыгнуло с 1000 в месяц до 3 тысяч. Райс теперь уже ненавидела чтение газет. Впереди лежали выборы президента, а пресса описывала поражения американских войск в Ираке. В начале сентября Белый дом собрал специалистов с той же задачей: как решить проблему Ирака? Пусть президент признает свои ошибки в Ираке. Нет, сказал представитель Белого дома, президент не собирается признавать какие-либо ошибки. Он предпочел – сражаясь с сенатором Джоном Керри – спрятаться в словесном тумане.

Ньют Гингрич навестил знакомых из СНБ в начале осени 2004 г., думая об Ираке.

Приводили в трепет цифры. Летом 2004 г. начался подъем повстанческого движения. Если в июне и июле число нападений на американцев достигло 1750, то в августе оно превысило 3 тысячи. В сентябре «упало» до 2 тысяч, но в октябре достигло 2500 нападений. Ярость нападающих была десятикратно больше, чем мае 2003 г., когда Буш приземлился в Ираке и объявил, что война окончена. Повстанцы обладали превосходной разведкой и знали все о перемещении коалиции и новой иракской армии. В провинции Диала (160 км к северо-востоку от Багдада) повстанцы переоделись в форму новой иракской армии и расстреляли всех солдат коалиции, ехавших в военном автобусе. Где-то между 30 и 50 процентами всех обученных иракских войск возвращались в родные места.

Ясно было, что дела у американцев идут неважно. Они не имели общей стратегии и только реагировали на нападения. А Буш постоянно твердил о выигрышной иракской стратегии американской армии. Ожидания не являются стратегией – знал каждый кадет. А президент страны говорил генералу Эбизаиду: «Джон, давай выберем часа полтора и ты объяснишь мне свою стратегию победы»¹⁹³.

Удивительно, что в ходе президентской кампании никто *не уличил* Буша именно в отсутствии подлинной стратегии. Новости давали картинки, но американский народ так и не понял, как дорого обходится ему навязывание своей воли другому народу, ничем перед американским народом не виноватым.

Лишь очевидная политическая слабость демократа – сенатора Керри (голосовавшего за военные ассигнования в войне с Багдадом), да неудачный старт губернатора Джонатана Дина дали Джорджу Бушу-младшему фантастический шанс второго срока правления.

Колин Пауэлл ушел с поста государственного секретаря и этот пост с великим удовольствием заняла Кондолиза Райс (которая прежде раздумывала над постом министра обороны). Самым сложным вопросом была судьба министра обороны Дональда Рамсфелда. Госдепартамент уже превзошел по важности в американской власти в Ираке. Но в стране было 130 тысяч американских солдат, а это значило, что Пентагон задействован непосредственно. Образовался целый список претендентов (сенатор Дэн Коатс, глава «Федерал экспресс» Фред Смит, Пол Вулфовиц, заместитель госсекретаря Эрмитидж, сенатор Джон Уорнер, сенатор Джо Либерман, губернатор Патаки, мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани, сенатор Джон Маккейн, губернатор Пит Вилсон, Джеймс Бейкер), но победила идея, что изгнание среди войны министра обороны может подорвать боевой дух сражающейся армии. И Рамсфелд хотел остаться. Чейни помог как мог. Пауэлл отреагировал неожиданно эмоционально. Хедли возглавил СНБ.

Американский народ снова доверился демократическим империалистам и жестким неоконсерваторам, словно не понимая, что именно ему, американскому народу придется платить за авантюризм лихого поколения, слишком самоувердившегося после крушения СССР.

Демократизация

Впервые за столетие республиканская партия в 2004 г. во второй раз подряд завладела Белым домом, сенатом и палатой представителей. Так было только во времена после победы Севера над Югом в гражданской войне. Произошла немыслимая прежде концентрация колоссальной власти. И центром этой, правящей миром власти является Совет национальной безопасности (СНБ), в который входит президент США и его ближайшие помощники. У этого органа больше ресурсов, мощи, прерогатив, способности применять силу в любом краю планеты, чем у любого правителя в мировой истории.

Как известно, СНБ первых сорока пяти лет существования концентрировался на реакции Советского Союза; после этой эпопеи данный орган, чьи полномочия не подтверждает и не оценивает даже конгресс, обрел невообразимую силу. И при этом мало кто специально обращает внимание на этот, находящийся как бы в тени орган, работающий ежедневно и принимающий решения, касающиеся всех нас. Но те, кто входил в СНБ как бы являет собой самую влиятельную элиту современного мира. Теперь члены СНБ практически игнорируют внешнюю реакцию, отношение мира за пределами американских границ. Поразительна «безнаказанность» работы этого органа, членов которого не нужно проводить через процедуру парламентских слушаний.

Как главный распорядитель нынешнего американского совета национальной безопасности, Кондолиза Райс бесспорно была ближе к президенту, чем любой из ее

---

¹⁹³ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 337.

предшественников на посту советника президента по национальной безопасности. По ее собственному признанию, она проводила до шести-семи часов в день рядом с президентом. Более того, она как бы стала «неофициальным» членом семьи президента, проводя с этой семьей воскресные обеды, проводя с ней отпуск.

Лояльность Райс президенту как руководителю и как личности абсолютна. Вот ее собственная оценка своего босса: «Этот президент обладает стратегическим мышлением в большей мере, чем какой-либо другой президент, которого я видела. Время от времени что-нибудь в разведывательных оценках провоцирует его мыслительный процесс и подвигает на уточнение его стратегического курса. Я видела много такого в летней резиденции, в Кемп-Дэвиде и в его ранчо в Техасе. Мы сидим и работаем над очередной проблемой и вдруг он говорит: „Вы знаете, я сейчас подумал... ситуация в Китае...“. Этого люди не понимают, говоря о президенте. Потому что, если вы не сидите рядом с ним в Овальном кабинете, вам этого не увидеть»¹⁹⁴. Во многом перекликается мнение еще одного наблюдателя, видевшего Белый дом обоих Бушей – Колина Пауэлла: «Буш 43 похож на Буша 41 своей готовностью действовать, но для 41-го это был процесс. Которому предшествовали специальные размышления, в то время как 43-й руководствуется больше внутренней инерционной навигационной системой, а не интеллектом. *Он знает во многом то, что он хочет делать, и что он хочет услышать по поводу того, как достичь задуманного*».

Представления Райс об оптимальной работе СНБ были выработаны еще в годы ее работы в СНБ Буша-старшего, где ее учителем был тогдашний советник – Brent Скаукрофт (самый влиятельный президентский советник после Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского). Скаукрофт входил в элиту, внутри которой апологеты и антагонисты текущего курса ведут негромкую, но очень важную борьбу. И примечательно то, что весьма ожесточенным антагонистом курса современного СНБ (лицо которого определяют сам президент, вице-президент Чейни, министр обороны Дональд Рамсфелд и госсекретарь Кондолиза Райс) является именно секретарь СНБ его отца, Дж. Буша-ст., – Brent Скаукрофт. Сам Скаукрофт определяет свою борьбу как сражение «традиционалистов», которых он возглавляет, против пришедших с Бушем-сыном «трансформистов», прагматиков, выступивших против некоего курса. Борьбу интернационалистов против приверженцев односторонних действий, людей, победивших в «холодной войне», недовольных стратегией борцов «с террором».

Последние раскололи прежнее единство американской элиты, агрессивно оттесняя триумфаторов 1991 года от рычагов фантастической власти Вашингтона. Признаки этой борьбы налицо. Общеуважаемого Brenta Скаукрофта при Буше-младшем не назначили даже на во многом декоративный пост главы президентского Совета по внешней разведке.

Почему? Потому что столь близкий отцу нынешнего президента Скаукрофт не желает демонстрировать стопроцентную лояльность. Он пытается сейчас объяснить причины склонности Дж. Буша-мл. к радикальным решениям: «Трансформация пришла 11 сентября. Нынешний президент – очень религиозен. Он воспринял как нечто уникальное, как поданное сверху то катастрофическое, что произошло 11 сентября, когда ему пришлось быть президентом. Он воспринял происшедшее как миссию, как его личную миссию расправиться с терроризмом». Скаукрофт замечает, что проблема в «абсолютной вере, в мотиве столь благородном, что отныне все содеянное в отместку – О.К., поскольку речь идет о правом деле». Анализ Brenta Скаукрофта однозначен: от традиционных отношений с союзниками до событий в тюрьме Абу Граиб – чем меньше моральной двусмысленности в твоём мировоззрении, тем лучше, тем спокойнее ты можешь оправдать свои действия.

Еще одна проблема согласно взглядам Скаукрофта проистекает из того факта, что «если вы верите в то, что ваши деяния – абсолютное благо, тогда *грехом* будет отходить от уже намеченного и взятого курса». Это означает, что абсолютизм либо создает опасные

---

¹⁹⁴ Rothkopf D. Inside the Committee that Runs the World («Foreign Policy», March/ April 2005, p.19).

политические решения, либо, в противном случае, он делает Соединенные Штаты открытыми к обвинениям в лицемерии. Скаукрофт: «Например, вы выступаете в защиту тезиса об экспорте демократии и при этом вы обнаруживаете себя в объятиях таких лидеров, о которых можно сказать что угодно, но только не то, что они привержены демократии или готовы отстаивать демократические идеалы где-либо. Абсолютные истины невозможно подвергать сомнению; невозможно одновременно практиковать прагматизм и полностью загоразиваться от критики». Это своего рода объявление войны традиционалистов трансформистам. Возникает ситуация противостояния курсов 41-го и 43-го президентов, отца и сына. Согласно Скаукрофту, «11 сентября позволило трансформистам утверждать, что ситуация в мире быстро ухудшается и *мы должны быть смелыми*. Мы знаем что делать и у нас для этого есть сила».

Контраст нынешнего Совета национальной безопасности и того, который возглавлял Скаукрофт, очевиден. Нынешние лидеры СНБ и не пытаются прикрыть своего отличия. Кондолиза Райс откровенно гордится своим детищем: «Я не хотела бы иметь СНБ, похожий на СНБ времен Брента – действующий в низком ключе, занимающийся координацией, а не оперативными проблемами, маленький и менее энергичный». Возглавляя СНБ, Райс требовала прежде всего безусловной лояльности, полного подчинения курсу президента, потакания всем его привычкам: «Вашей первой обязанностью является поддержка президента. Если президент желает иметь текст 12-го размера печати, а вы подаете ему 10-го, ваша обязанность дать нужный размер».

Традиционалисты утверждают, что Райс превратила главный штаб выработки американской внешней политики – Совет национальной безопасности в организацию, которая служит индивидуальным прихотям одного человека в ущерб лучшему служению более широко понимаемым национальным интересам. Огорченный Скаукрофт пессимистически размышляет: «Существуют две модели осуществления функций советника по национальной безопасности – снабжать президента информацией и управлять СНБ как организацией. Сложность состоит в том, чтобы решать обе задачи». Будучи советником президента по национальной безопасности, Кондолиза Райс, по мнению традиционалистов, ежеминутно была занята тем, чтобы быть на стороне президента, постоянно шепча ему что-то на ухо, становясь его alter ego в вопросах внешней политики. Это изменило роль СНБ как центра анализа, способного критично взглянуть на свой курс. В результате государственный секретарь Колин Пауэлл, видимый миру как обладатель «голоса разума» – столь нужный рядом с импульсивным президентом, стал восприниматься президентскими лоялистами как подозрительная личность. Пауэллу приходилось не раз оправдываться перед иностранной аудиторией. Так в Давосе в 2003 г., накануне американского наступления на Ирак, он заявил европейцам: «Вы хотите одеть меня в ваши одежды... Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я не борюсь за ваш курс внутри американского правительства... я думаю, что президенту решать, должны мы применить военную силу или нет. Вы ребята должны понять, что я не являюсь выразителем европейской точки зрения в среде администрации». Отговорки, подобные вышеприведенной, не помогли: Пауэлл стал терять влияние, а затем и покинул администрацию. Его заместитель Марк Гроссман сказал: «Мы стали ненужной бюрократией». Традиционалисты в американской дипломатии уступили «демократическим империалистам» типа вице-президента Чейни и министра обороны Рамсфелда, уступили СНБ, возглавляемому Кондолизой Райс. Не зря Генри Киссинджер назвал Рамсфелда «самым безжалостным человеком», которого он когда-либо видел в американском правительстве. Трудно привести схожую аналогию в международных отношениях, когда одна страна столь зависела бы от судьбы далекого и столь отличного региона, как это имеет место с Соединенными Штатами и Ближним Востоком после 2001 года и началась эра войн: Афганистан, Ирак, Иран, палестино-израильский конфликт. Практически нет сомнений в том, что успех или неудача второго срока президентства Джорджа Буша-младшего будет зависеть от итогов его действий на этом географическом направлении.

Ключевой можно считать фразу, произнесенную президентом в ходе предвыборной

кампании 2004 года – во время выступления в армейском военном колледже в мае: «Мы полагаем, что когда все ближневосточные народы начнут жить, думать, работать и молиться как свободные мужчины и женщины, они восстановят величие своего прошлого. И когда этот день придет, горечь и ненависть, которые питают терроризм, увянут и отомрут. Америка и весь мир будут более безопасными, когда надежда вернется на Ближний Восток»¹⁹⁵.

После года жестоких боев администрация Буша объявила, что война в Ираке идет не по поводу оружия массового поражения, а за установление в Ираке демократии. Должен же быть резон в грандиозных жертвах?

Еще в январе 2003 года американский Национальный совет по разведке предупредил об угрозе восстания в Ираке против Запада. Он предсказал, что *задача демократизации Ирака может оказаться непосильной*. Когда этот документ проник в прессу, президент Буш сказал, что «это просто догадки». Он обещал создание собственной иракской армии в 150 тысяч человек к выборам 2005 года (но к этим выборам указанная армия была создана лишь на 60 процентов). А Пентагон уверенно утверждал тогда, что американские войска после скорой победы выйдут из побежденного Ирака. Прошло три года, а Пентагон держит в регионе 150 тысяч *своих* военнослужащих (плюс 24 тысячи союзных войск). Жертвы одного 2004 года достигли в американской армии 11 тысяч человек (1300 убитых). Теперь Пентагон волнуется то обстоятельство, что в случае конфликта в любом другом месте, Америка *не имеет* людских средств участвовать со своими войсками. Сообщения из Ирака стали полниться цифрами. Новая конституция, словесно гарантировавшая гражданские свободы была принята большинством 4:1. Только все суннитские провинции отказались от голосования. К выборам в Ираке были зарегистрированы 250 партий. А американцы пересекли скорбный рубеж – более 2000 американцев в униформе полегли в Ираке.

Конституция

Статья 14 новой иракской конституции, одобренная национальным референдумом, проведенным 15 октября 2005 года, декларирует, что все взрослые жители Ирака равны перед законом «без дискриминации по мотивам пола». В то же время эта конституция утверждает, что ни один закон не будет проведен, если он противоречит «установленным правилам ислама». Это дает основание говорить, что новая конституция представляет собой цивилизационный регресс по меньшей мере, с точки зрения отношения к женщинам. По мнению иракского ученого Ишама аль-Кафай, этот документ «легко может лишить женщин их прав». Организация «Свободу женщинам Ирака» утверждает, что «исламская оговорка» легко «обратит Ирак в Афганистан при Талибанах, где дискриминация женщин была овящена законом».

Америка встретила в Ираке непредвиденные трудности. Главная трудность – отсутствие перспективного видения, что стало очевидным в свете изменения стратегических намерений и объяснения причины войны. Непредвиденными стали американские потери – более двух с половиной тысяч американских солдат в начале 2006 года. (А в мае 2003 г. президент Буш назвал цифру потерь к тому времени: 298 солдат и офицеров). Образовались особенно сложные для американцев регионы (суннитский регион и Центральный Ирак особенно). Влиятельный английский журнал пишет: «Многие сомневаются в возможности утверждения в Ираке демократии»¹⁹⁶.

Более того. Оккупация Ирака стала для США первостепенным бременем. Продолжение

---

¹⁹⁵ Norton A. and Kazemi F. The Limits of Shock and Awe: America in the Middle East («Current history», January 2005, p. 3).

¹⁹⁶ «Economist» January 11, 2004, p. 31.

нынешней ситуации все менее гарантированной безопасности угрожает положение Америки в арабском мире. Никто из американских планировщиков даже в страшном сне не мог предположить, что спустя три года страна еще не станет покорным доменом. Это означает непредсказуемое будущее для США, Ирака и арабского мира. Нынешняя ситуация не может быть разрешена нынешней американской политикой и стратегией. Встают весьма непривлекательные для США перспективы:

1. Продолжение американского присутствия в Ираке, не имеющее решающих результатов, предполагает долговременное американское военное присутствие в регионе. Неизбежно возникает параллель с 7-й американской армией в Германии и с базой на Окинаве.

2. Нетрудно предсказать рост антиамериканских сил. Практическим результатом этого будет яростное вмешательство США в фактическую гражданскую войну, охватившую Ирак. Соседние арабские государства могут не ограничиться покорным нейтралитетом.

3. Растущая численность американских жертв в Ираке свидетельствует о том, как далеко эта страна от стабильности. Это показатель того, что Пентагон не может защитить в Ираке даже собственные войска – что подстегнет возмущение внутри Соединенных Штатов; общественная поддержка нынешней войне американцев на Ближнем Востоке может ослабнуть.

4. Ухудшение положения в Ираке подстегнет силы сопротивления в Ираке; арабское общественное мнение станет еще более антиамериканским, что может ослабить позиции Вашингтона в критически важном регионе.

Предвидится растущее давление внутри США и внутри арабского мира. Вашингтон неизбежно задумается над своей позицией в центре мировой нефтедобычи, о целесообразности подвергать политическому давлению дружественные арабские государства. Непрерывающаяся битва в Ираке отвращает государства, склонные оказать помощь в восстановлении Ирака после войны.

И именно в этот момент ситуацию в преимущественно шиитском Ираке осложнило возвышение исламской республики Иран.

Об этом американцев предупреждали. Речь шла о потере проамериканской Саудовской Аравией лидерских позиций на Ближнем Востоке. Саймон Гендерсон писал еще в 2003 году: «В месяцы, последовавшие за сентябрем стало все более ясно, что Саудовская Аравия больше не может исполнять роли американского фильтра в регионе, роли поддерживаемого США лидера в Персидском заливе... США просто обязаны укрепить отношения с *другими* консервативными государствами региона»¹⁹⁷.

Итак, 15 декабря 2005 года жители Ирака избрали свое правительство. Правда, рядом и с помощью американской армии. К чему это привело? Американский посол в Ираке Джон Негропonte не согласился отложить выборы вопреки противостоянию, прежде всего, суннитов. Как и было ясно с самого начала, выиграла прежде всего шиитская религиозная партия «Аль-Дава» («Призыв»), творение аятоллы Мохамеда Бакира аль-Садра. Все секулярные планы Америки рухнули в одночасье. Теперь иранец – президент Мохаммед Хатами не менее влиятельная в иракском правительстве фигура, чем возглавляющий Всемирный банк американец Пол Вулфовиц.

Относительно мирному переходу Буша от первой администрации ко второй сопутствовал относительный мир в 14 из 18 иракских провинций. Но все знали, что это ненадолго.

Фаллуджа

---

¹⁹⁷ Henderson S. The New Pillar: Conservative Arab Gulf States and US Strategy. Washington: Institute for Near East Policy, 2003, p. 34

Символом иракского сопротивления стал город Фаллуджа. Именно из его ворот выезжали набитые динамитом грузовики смертников, поворачивая на дорогу к Багдаду (да и в другие места). Генерал Кейзи мобилизовал шесть ударных батальонов армии США, поддерживаемые подразделениями правительственной иракской армии с целью замкнуть кольцо вокруг Фаллуджи. Гражданское население покинуло город, а людей с оружием американцы не выпускали из этого гнезда. Складывалось впечатление, что на этот раз американцы решили сокрушить «рассадник терроризма».

Одна за другой делегации суннитов навещали Багдад, премьер-министра Аллави, со слезными прошениями «Предоставьте Фаллуджу саму себе». А из Вашингтона требовали «второго Наджафа». Кейзи и Негропonte писали переизбранному президенту: «Эту страну невозможно привести в порядок до назначенных через два месяца выборов – как с точки зрения безопасности, так и в политическом смысле, если не провести операцию против Фаллуджи и если не найти *modus vivendi* с Муктадой. В противном случае страна дезинтегрирует»¹⁹⁸.

Президент Буш, находясь на пике второй президентской победы, дал генералу Кейзи «зеленый свет». Битва была яростной. Американцы убили от тысячи до двух тысяч вставших насмерть повстанцев. Американцы потеряли семьдесят солдат и офицеров. Один американский солдат за взвод повстанческой армии. Иракские батальоны потеряли от 20 до 30 человек каждый. Смерть Арафата несколько отвлекла внимание «Аль Джазире» от смертельной битвы в Фаллудже.

Американскому руководству пришлось объяснять представителям арабских стран причины американского ожесточения в Фаллудже. Нужно сказать, что арабский мир не сумел сделать Фаллуджу сборным пунктом арабской солидарности.

Затем наступила очередь Мосула, города с почти двухмиллионным населением. 14 ноября 2004 г. город буквально взорвался. Повстанцы напали на полицейские участки и получив новое оружие стали расширять зону своего влияния. Они взяли штурмом госпиталь и расчленили офицера правительственной армии. Более половины полиции Мосула разбежались. Повстанцы подбили два транспортных С-139 ракетами «земля-воздух». Негропonte пытался приземлиться в городе, но его отогнали. Генерал Кейзи приземлился ночью и его немедленно обстреляли.

Назначенные на 30 января 2005 г. национальные выборы в Ираке оказались под угрозой. Оставалось 60 дней. Представлявший ООН Лахдар Брахими умолял отложить выборы. Оказавшиеся в меньшинстве сунниты давали знать, что сделают все возможное, чтобы сорвать выборы. (Вспомнили, что в 1920-е годы шииты бойкотировали выборы). Премьер Аллави тоже просил о переносе даты выборов. Но шииты хотели демократии, цифры были явно в их пользу. Но Буш не желал откладывать обещанные выборы.

Эрмитидж в конце 2004 г. проехал по Ираку. По возвращении он сказал президенту: «Мы не побеждаем. Ситуация в целом развивается в пользу повстанцев». Невероятно эффективная кампания запугивания всех, кто сотрудничает с американцами. Буш не спорил. Эрмитидж позвонил Кейзи и Негропonte, чтобы сообщить о реакции президента. С Эрмитиджем никто не спорил. Силы сопротивления имеют внутрииракскую природу. Пришельцы из Сирии и Ирана представляют собой дополнительный фактор.

После яростных атак на иракские государственные полицейские участки Фрэнк Миллер снова поднял вопрос о том, как американцы готовят иракских полицейских. По официальным данным было уже подготовлено 60 тысяч полицейских, но эти данные были явно неточными. Другие данные говорили о том, что на службе находится лишь половина этого числа. Ясно было лишь одно, что с этим числом полицейских победить повстанцев невозможно. И американцам нужны были отряды специальной полиции. Миллер сказал Кондолизе Райс, что во всей системе «что-то не так». Миллер предлагал американскому

---

¹⁹⁸ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 359.

посольству держать связь (как при Бремере) с губернаторами всех восемнадцати провинций. Но Негропонте предпочитал замкнуться в «зеленой зоне».

Атаки повстанцев часто завершались нарушением нефтеперегонной сети. Требовалось круглосуточное наблюдение. Вся эта головная боль выбила из себя посла Негропонте и тот начал просить об отзыве в Штаты. Он был на своем посту только шесть месяцев. Райс и Миллер начали уговаривать Залмана Халилзада – рожденного в США афганца, отвечавшего за связь с иракской эмиграцией. В начале января 2005 г. было обнародовано решение о назначении Халилзада послом США в Ираке. Халилзад сказал главе миссии ООН в Ираке Лахдару Брахими не беспокоиться по поводу 30 января 2005 г. – дате иракских выборов. И так, один из послов Буша успокаивал ООН по поводу американской политики.

2005. Жертвы

Заметной жертвой среди военных стал генерал Фрэнкс. Он покинул «СЕНТКОМ» еще в июле 2003 г., получив миллион долларов за речи и несколько миллионов за контракт на мемуары. Государственный секретарь Колин Пауэлл все дальнейшие месяцы находился в своего рода осаде. Тем, кто желал видеть в нем противника войны, он отвечал, что сделал все возможное. Он был за сотрудничество с Организацией Объединенных Наций – особенно заметно это было в августе–сентябре 2002 г. «Но в дальнейшем президент принял свое решение и моей обязанностью стала защита его решений».

Рамсфелд, технократ-менеджер, дал президенту план атаки, но он утверждает, что не хотел войны. (Президент на эту тему сказал, что он *не спрашивал* Рамсфелда.). Подлинными «выкручивателями рук президента на пути к военному решению» была троица Чейни, Вулфовиц и Фейт. Но президент задавал Рамсфелду ключевые вопросы: «Можно ли доверять генералу Фрэнксу? Верю ли я в составленный военный план?»

Рамсфелд сравнивал Буша с Рональдом Рейганом – ориентация на горизонт. Рамсфелд сознательно занижал свою роль в подготовке иракской войны.

Узкий круг американского руководства, сложившийся вокруг президента Дж. Буша-мл., держался до июня 2004 г. Первому черная метка президента пала на главу Центрального разведывательного агентства Джорджа Тенета. Он уходит в день своего семилетия пребывания на этом посту. Уходит самым молодым руководителем американской разведки (44 года). На прощальной церемонии в Лэнгли Тенет указал на сидящего в первом ряду сына, который семь лет назад едва доставал ему до пояса, а теперь нагнал отца и «нуждается в моем внимании».

Присутствующие почтительно слушали своего руководителя, необычного для ЦРУ греко-албанского происхождения, и дружно кивали, дружно одобряя цветистое средиземноморское чадолюбие. Ни у кого из присутствующих не возникло желания коснуться двух подлинных причин ухода Тенета *за пять месяцев* до президентских выборов: 1) именно Тенет становится «козлом отпущения» на той политической дистанции, когда президентская гонка поставит перед Дж. Бушем вопрос о причине вторжения в Ирак; 2) кто посадил Ахмеда Челаби в президентскую ложу американского конгресса в апреле 2004 г. в качестве почетного гостя официального Вашингтона, в качестве потенциального нового лидера Ирака? В последовавшие дни судьба подвела авантюриста – Челаби подвел своего шефа-разведчика, он предупредил иранскую разведку о том, что американцы читают их тайный шифр (иранский агент не поверил Челаби, и послал очередное донесение в Тегеран прежним шифром, в результате чего офис упомянутого в донесении Челаби был немедленно обыскан американцами, а сам он испытал на себе, насколько превратна судьба профессионального предателя).

В кругу бушевого Камелота пала первая жертва. По большому счету провал с Челаби можно ожидать. Каким образом американская разведка могла не обратить внимания на то обстоятельство, что Челаби *уже трижды* отбывал заключение (ожидается четвертое). Некачественного претендента нашли американцы на пост собственного главы Ирака. Но

гораздо более интересно наблюдать как высшее американское руководство на виду у всего мира стало отстаивать и выдавать *абсурд* как безусловную объективную реальность. Мы имеем в виду неколебимое упорство администрации Буша в отстаивании тезиса стратегической вооруженности Саддама Хусейна.

Теперь американцы признают, что их разведка «тесно вписалась» в ряды международных инспекторов, работавших в Ираке. Более того, американские разведчики неустанно интервьюировали этот международный контингент и, по их же словам, «направляли» его деятельность. Тенет и его окружение указали на якобы «неучтенные» 3200 тонн химического оружия и на 6000 якобы неучтенных снарядов.

Выйдя в отставку, Джордж Тенет будет иметь время поразмыслить над безапелляционностью своих оценок, введших в недоразумение одних и попросту обманувших других. 1 октября 2002 г. Тенет возглавил объединенный совет всех американских разведок – Национальный совет по внешней разведке, который родил высокосекретный 92-страничный документ, осевая идея которого заключается в коротком предложении: «Багдад имеет химическое и биологическое оружие... Багдад возобновил производство горчичного газа, зарина, циклозарина... Создание вируса оспы является частью наступательной программы Ирака».

Апогеем следует считать, видимо, беседу президента Дж. Буша-мл. с Джорджем Тенетом и его заместителем Джоном Маклафлином ранним утром в субботу, 21 декабря 2002 г., происходившую в Овальном кабинете Белого дома. На разведчиков кроме президента смотрели вице-президент Ричард Чейни, советник по национальной безопасности Кондолиза Райс и ее заместитель Энди Кард. Автоматический проектор показывал «занимательные» картинки. Всеобщее внимание привлекли снимки из космоса, на которых была изображена стартовая площадка ракет с необычно большими боеголовками. Их радиус, объясняли разведчики, явно превышает допустимые (барьер, оговоренный ООН) 150 километров. Другой снимок глава американской разведки интерпретировал как завод по производству химического оружия. Руководители американской разведки утверждали, что ракета такого класса может поразить цель в 500 км – что достаточно для нанесения удара по соседнему государству. Тенет и его заместитель уверенно указывали на наличие системы автоматического наведения ракет. Маклафлин цитировал показания перебежчиков, якобы видевших мобильные трейлерные площадки запуска. Руководители американского государства как замороженные слушали запись разговора двух иракских республиканских гвардейцев. «Передвинуть нервнопаралитические вещества». Если у Ирака нет нервнопаралитических газов, то, что обсуждают эти офицеры?

Что касается ядерного оружия, то в Ираке работает группа специалистов-атомщиков, которых американцы нарекли «ядерной мафией». Американцы прислушивались к их переговорам, те обсуждали, что *нечто* следует спрятать на «заводах Аль-Каиды».

Если бы Соединенными Штатами внезапно овладела бы идея помощи Аль-Каиде, то они не смогли бы сделать ничего более эффективного, чем вторжение в Ирак, то есть удар по светскому элементу в модернизации исламских государств и создание подлинно массовой школы подготовки исламских террористов в масштабах 25-миллионного государства.

Не дано нам знать, откуда нанесет удар судьба. Неспровоцированное нарушение суверенных прав Ирака, казалось бы, могли вызвать более твердую реакцию мирового сообщества: завтра мишенью станешь ты. Но мощь несдержанного лидера, помощь 34 пособников, отсутствие жизнотворной солидарности фактически погасили вестфальскую систему взаимопомощи суверенных держав. Наказание последовало изнутри американского и британского обществ. Граждане этих обществ настоятельно пожелали знать, кто убедил правительства в Вашингтоне и Лондоне, что Ирак владеет оружием массового поражения и способен применить его после всего лишь 45-минутной подготовки.

Тихо и вначале незаметно возник вопрос, за что посланы на смерть кормильцы семей? Налогоплательщики задались вопросом, на что пошли миллиарды долларов и фунтов стерлингов? Оправданы ли затраты на «вылотекущую» войну, которую, как выясняется,

нельзя выиграть? Но *главный* вопрос: можно ли доверять жизни и кошельки правительствам, которые склонны исказить факты и обманывать своих граждан?

Буш на новогоднем приеме живописал жертву, которую приносят политики, покидая семьи, отдаваясь стране. Это был очень дурной тон, потому что 1333 американца, погибшие в Ираке, принесли настоящую жертву своей стране. И многие десятки тысяч иракцев. Буш же лишь коснулся мельком Ирака: «Мы определенно выиграем эту войну». Смелое заявление. ЦРУ стало ежедневно просвещать президента по своим каналам. И здесь Буш читал: «Выборы не уменьшат объем насилия».

В Багдаде крупное подразделение ЦРУ в январе 2005 г. завершило масштабную оценку сложившейся ситуации – ААРВОЛЬФ. Главная идея: борьба с американцами будет набирать силы, подводя страну к грани гражданской войны. Число нападений на силы коалиции дошло до ужасающей американцев отметки – 2 000 нападений в месяц в декабре и до 3 000 нападений в январе. Вся страна бралась за автомат. Теперь, работая рядом с президентом советник по национальной безопасности Хедли знал главную эмоцию президента – постоянная обеспокоенность.

Вудвард: «Хедли знал, что, спустя два года после вторжения базовые проблемы Ирака не были решены – безопасность, создание инфраструктуры, способ управления»¹⁹⁹.

Глава шестнадцатая Национальные выборы

Демократия по-иракски

В начале 2005 г. Рамсфелд послал в Ирак отставного генерала Гэри Лака (доктора наук в математике, прежде командовавшего американскими войсками в Южной Корее) с инспекционной поездкой. Лак был советником Фрэнкса в золотые дни подготовки к походу на Багдад. Первый вывод Лака: подготовка новой иракской армии полностью провалилась: «Винтовка в руки, три дня маршировки – и в армейский строй». Но более важным был следующий вывод Лака: «Мы недооценили эффект правления Саддама Хусейна на иракский народ. Тогда от них не требовали инициативы, а теперь мы не знаем как эту инициативу остановить».

Госсекретарь Райс послала в Ирак своего старого друга Филиппа Желикова с небольшой группой экспертов. Те обнаружили, что за последние шесть месяцев вырабатываемое в Ираке электричество сократилось, подготовка полиции зашла в тупик, банковская система не создана, в сельском хозяйстве застой, суды отсутствуют, осужденные безнадежно ожидают суда. Этот доклад привел бы в уныние любого, но не Кондолизу Райс. «Я владею Ираком, я была в команде, принявшей решение о вторжении». Прежде она была в Ираке только раз – с президентом в 2003 г. Теперь, уже в должности госсекретаря, она решила сделать это во второй раз.

Для иракских повстанцев Райс была желанной целью. Теперь ее приезд был игрой со смертью. А Негропонте согласился на пост министра национальной безопасности. Президент сказал ему лично, что «глава МНБ будет вершиной вашей карьеры». И назначил его на этот пост 17 февраля 2005 г. Послом США в Ираке стал Халилзад. Президентский приказ NSPD-36 сделал ответственным за Ирак Государственный департамент.

По мере приближения выборов в национальное собрание смерч насилия в Ираке поднимался все выше. Генерал Чиарелли предупреждал в Багдаде, что к этому событию повстанцы приготовят нечто особенное. 26 января 2005 г. был сбит вертолет в западной части Ирака. Погибли 31 американец – самые большие одноразовые потери со времени

---

¹⁹⁹ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 384.

вторжения американцев в Ирак. А президент заливался соловьем, греша всеми возможными преувеличениями: «Завтра мир будет свидетелем поворотного пункта в истории Ирака». Буш отметил особое внимание к выборам со стороны Заркави – второго человека в Аль-Каиде, назвавшего демократию «злостным принципом».

В голосовании приняли участие 8 миллионов иракцев. Буш ликовал – оправданы все его силовые действия: «Голос свободы со Среднего Востока». Многим казалось, что пройден решающий этап. Но – очень важно – сунниты бойкотировали выборы, а это было 20 процентов населения страны. И по всему было видно, что сунниты не оставят это дело просто так. Никогда не говори никогда. Секулярно настроенные женщины были оттеснены в самом начале избирательного процесса. Набранный американцами Иракский правящий совет за закрытыми дверями проголосовал за резолюцию № 137, которая отвергала существующие законы в отношении семьи и поставила шариат над гражданскими законами. В результате национальных выборов в январе 2005 г. половина из 55 членов Конституционного комитета представила Объединенный шиитский альянс; четверть комитета составили представители Демократического патриотического альянса Курдистана. Из восьми женщин, попавших в комитет, пять представляли шиитов, две – курдский альянс и только одна женщина оказалась независимой. Частично потому, что Американская миссия в Багдаде не имеет ни *одной* женщины в своем составе. Многие американцами уже упущено.

Сегрегация полов стала фактом иракской жизни. А в зоне влияния таких ортодоксов как Муктада аль-Садр женщины прямо опустили в средневековье. А сотрудничество с американцами легко дискредитирует самых благожелательных сторонников секулярных нравов. Техническая помощь таких американских институтов как Национальный демократический институт по внешней политике воспринимается в Ираке весьма подозрительно, как и спонсируемое американцами Радио Аль-Махабба. Возможно, такая же судьба ожидает идею создания в Багдаде американского колледжа.

Американцы оказались в ловушке. Желая добиться стратегических преимуществ, американский посол Залмай Халидад поддержал исламские силы. Курдам было просто некуда деваться. Статья вторая конституции делает ислам официальной религией государства. Прогрессивно законодательство 1959 года кануло в Лету. Шариатский закон вернулся в Ирак. Очнулись даже самые убежденные оптимисты: «Предполагать, что просто наличие женщин в правительстве произведет либеральное законодательство – было ошибкой»²⁰⁰.

Окончательно новый мир установился в Ираке с принятием новой конституции на референдуме 15 октября 2005 г. Главным положением конституции видится то, которое утверждает, что никакой закон не может быть принят в стране, если он противоречит «установленным правилам ислама». 39-я статья конституции делает «освобожденный» американцами Ирак копией теократии иранского типа. Хотя бы только по этой причине эта конституция была осуждена критиками внутри и за пределами Ирака как «фундаментальное отступление назад для большинства населения Ирака – женщин». Вместо секулярной страны с прогрессистскими перспективами Соединенные Штаты получили фундаменталистскую страну, главным законом которой является Ислам. Это «обращает страну в Афганистан при Талибане, где дискриминация женщин была институционализирована»²⁰¹.

Центральное положение исламских порядков в прозападной по внешнему виду конституции смутило американцев. Теперь даже в Вашингтоне те, кто надеется создать относительно либеральный режим в Ираке, *вынуждены* иметь дело с религиозными мусульманами, двигаясь по религиозным каналам, опираясь не на идеи Просвещения, а на Коран, в котором примерно 80 сур посвящены законодательным вопросам и

---

²⁰⁰ Coleman I. Women, Islam and the New Iraq («Foreign Affairs» January/February 2006, p. 35).

²⁰¹ Coleman I. Women, Islam, and the New Iraq («Foreign Affairs», January/February 2006, p. 31.).

«воспитываемому» американцами Ираку придется руководствоваться правилами, замороженными в законах примерно тысячу лет назад.

А ведь Ирак на протяжении почти 50 лет давал женщинам наиболее широкие права в регионе. Женщина выходила замуж не ранее 18 лет, полигамия была запрещена, насильственный развод был запрещен.

Вначале Полу Бремеру, американскому главе временного правительства Ирака, показалось возможным наложить вето на спорную резолюцию, но в дальнейшем американцы смирились. Уже в августе 2003 г. влиятельный среди шиитов Великий аятолла аль-Зистани объявил, что «религиозные положения, моральные принципы иракского народа и благородные социальные ценности должны быть основой новой иракской конституции».

Против (категорически) выступили курды и секулярные сунниты. Курдский лидер Джалал Талабани (вскоре он станет президентом Ирака) заявил довольно жестко: «Мы никогда не согласимся с каким-либо правительством в Ираке. Никогда. Для нас это красная линия. Мы никогда не будем жить внутри исламского Ирака». Но большинство иракцев одобрили шариат и с самого начала было ясно, что в основу новой иракской конституции будет положен ислам. Секулярные иракские женщины были полностью маргинализированы. В результате выборов в январе 2005 г. половина из 55 членов конституционного комитета вышла из шиитского Объединенного арабского альянса. Это и определило результат. Статья 2 конституции делает Ислам официальной религией завоеванного американцами Ирака. Шариат позволяет жениться в девять лет, позволяет полигамию, и исключает право женщин быть судьей. Таков прогресс, добытый строителями империи под маской демократии.

А в Ираке началась после январских выборов борьба за пост главы правительства. Вперед вышел шиит Ибрагим аль-Джаффари, выдвинувшийся еще при Бремере. Негропонт не любил его, считая пустым болтуном. Джаффари считал, что курд Талабани не может быть главой правительства. Джеффри считал, что в Вашингтоне никто не понимает ситуации в Багдаде и не советовал Райс лететь в Багдад.

И все же курд Талабани 7 апреля 2005 г. был приведен к присяге в качестве президента Ирака. Через несколько минут Джаффари стал премьер-министром. Их телефонные разговоры с Вашингтоном были полны меда. Джеффри не жалел шампанского и виски, уговаривая шиитов включить в правительство суннитов. Но когда окончилось виски, Джеффри понял, что не преуспел.

На самолете генерала Эбизаида в Ирак летела Райс. Прежде всего она встретила в Махсудом Барзани на севере Ирака, в Курдистане. Здесь то же самое: суннитов надо включить в правительство. Сирийцев и иранцев в Ирак не пускать. Барзани считал сирийцев глупцами, а иранцев – умными противниками.

Через 45 минут Райс в Багдаде и прессирует Джаффари. Тот предельно уклончив. Это ввело госсекретаря в предельную депрессию, но она улыбалась как никогда широко. Она посетила госпиталь, где лежала женщина из личной охраны Джаффари, бросившаяся на гранату и потерявшая ногу. Райс сказала, что та пострадала за демократию. Женщина медленно поблагодарила. Райс впервые увидела реальную иракскую войну. В палатах она увидела умирающих американских солдат. Это был новый опыт. «Стоило ли оно того?»

30 мая 2005 г. Чейни сказал в программе Лари Кинга, что «иракское сопротивление находится при последнем издыхании». Это было тотальное отрицание реальности со стороны второго лица американской правительственной системы. В апреле этого года было зафиксировано 1700 нападений на американские войска, которые потеряли 52 человека. Сенатор Хегел заявил в «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт»: «Дела не идут в Ираке лучше, они идут хуже. Белый дом полностью отрезан от реальности». Это была мягкая оценка. Окружающим Хегель говорил, что в администрации нет ни одного стратега.

Лондон

21 июня 2005 г. Залман Халилзад стал послом в Ираке. А 7 июля четыре налета

сотрясли Лондон.

Пrestиж США в мире вернулся к отметке 75-летней давности. 82-летний Генри Киссинджер сказал, что «Ирак не созрел до демократии». За кого готова сражаться иракская армия – за шиитов, суннитов и курдов? Неясно, знает ли Буш, как следует управлять государством. Он не уверен. В начале сентября 2005 г. Киссинджера спросили, почему он поддерживает войну в Ираке? – «Потому что Афганистана было недостаточно». Радикальный ислам желает нас унижить. «Но это мы унизим его». Иракская война несет миру фундаменталистов еще более убедительное послание – «что мы не будем жить в мире, который они предназначают для нас». В Белом доме видели в Киссинджере политика, который мало интересуется демократией и живет в мире геополитики. Американские войска должны оставаться в Ираке при любых условиях.

В сентябре 2005 г. Желиков снова по просьбе Райс отправился с инспекционным туром в Ирак. Он посетил четыре провинциальных города и Багдад. По возвращении Желиков написал на 23 страницах отчет СЕКРЕТНЫЙ/НЕ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ. Смысл доклада сводился к тому, что повстанцы успешно адаптировались к усилиям американской армии. Они усовершенствовали свою тактику и теперь использовали более эффективную подрывную технику. Теперь они старательно выбирали цели нападений, используя фактор возросшей взрывной силы. Наиболее ужасающим была свобода перемещения повстанцев по всей стране, тогда как численность американских войск была недостаточна для плотного контроля.

Некий подъем прозападных сил после выборов 30 января 2005 г. выдохся. Правительство Джаффари работало неэффективно. Министерство внутренних дел приобретало знаменитость незаконными задержаниями и убийствами. В оккупированном Ираке, писалось в докладе, население во многих провинциях жило хуже чем при Саддаме. В области использования электричества, добычи нефти, обеспечения водой прогресс был почти не виден. Убийственным было следующее предложение: «Иракцы имеют преувеличенное мнение относительно того, что Америка может сделать для них и сможет ли она восстановить рухнувшие общественные учреждения, и это приведет к глубокому разочарованию Америкой».

И все же Желиков призвал постепенно довести к 2008 г. численность американских войск до 50 тысяч. Он питал некоторую надежду на большую эффективность иракского правительства. Но признавал, что нельзя исключить катастрофы – когда центральное правительство утерит власть над страной. «Я, лично, в исходе происходящего не уверен». Успех – 70 процентов; крах – 30 процентов.

На фоне того, что президент Буш объявил: «поражение в Ираке для нас не выход», доклад Желикова допускал такую возможность. Он называл 2006 год решающим.

Наиболее совершенное оружие приходило к иракцам из Ирана и Пентагон получил 3 млрд дол. на обрыв этой тайной связи. Речь шла о наступлении на «Хезболлу», организацию повстанцев-шиитов, базирующуюся на Иране, где находились ее лагеря. Американская армия должна быть сосредоточена на защите инфраструктуры.

Райс считала, что победить повстанцев в бою невозможно. Необходимо изменение социального климата. Сенатор Левин обвинял «интеллектуально ленивого» президента Буша, терпящего вокруг себя только тех, кто согласен с ним. Требовалась честная оценка обстановки, а ее не было. Вокруг мечтали о людях типа генерала Джорджа Маршалла, который отказал президенту называть себя Джорджем. Генерал Пауэлл обязан был предупредить Буша, что тот встает на скользкий путь. Пауэлл был обязан остановить войну. Когда Буш в начале 2003 г. спросил Пауэлла, с ним ли он, Пауэлл был обязан – он был на пике влияния – преградить путь войне.

А теперь в Америке растет раскол по роковому вопросу Ирака. В эти дни окончилась карьера главного помощника вице-президента Чейни – «Скуттера» Либби. К нему пришли и, несмотря на сломанную ногу, забрали все пропускные документы и вышвырнули Либби на улицу. Чейни не шевельнул пальцем. Сенатор Маккейн назвал Буша «лишенным

интеллектуальной любознательности». Скаукрофт видел повторение Вьетнама. Создать иракскую армию Вашингтон имел меньше шансов, чем в свое время создать армию Южного Вьетнама. Это говорил человек, отвечавший за Вьетнам при президентах Никсоне и Форде. А теперь он спрашивал, может ли советник по национальной безопасности Хедли противостоять Чейни или Райс? Или Рамсфелду? Разумеется, нет. Буш-старший видел зло в Райс, неспособной вести самостоятельный курс. «Она не соответствует своему посту».

Скаукрофт: «Буш-младший считал, что Саддам Хусейн управляет эффективным современным государством. Снять его, и государство заработает много лучше. Никто не видел ясно, что управлять останется хаосом». 90 процентов армии Хусейна следовало сохранить. И использовать. Отчаяние Ирака американцы просто не способны оценить. Генерал Майерс – конченый, разбитый жизнью человек. Но худший среди всех является вице-президент Чейни. Рамсфелд ведет себя как всегда – «таинственный, обструкционист, злонамеренный, не знающий своей игры». Отец президента – Буш-старший «находится в агонии, его мучает эта война. Но он не вел бы себя так даже в миллион лет».

Белый дом потерял критическое качество самооценки. Одним из важных эпизодов этого противостояния стало слушание в сенатском комитете Кондолизы Райс 19 октября 2005 г. Это было первое слушание столь ответственного лица на протяжении довольно продолжительного времени. Главным оптимистическим аргументом было создание иракской армии в 263 тыс. солдат.

Популярный лидер

Между 11 и 16 ноября 2005 г. ЦРУ проводило в Ираке опросы: кто является самым популярным политическим деятелем страны. Высший балл оказался у Зистани – 61 процент иракцев считал его ведущей политической фигурой. 39 процентов с ними не соглашались. Следующим был недавний премьер-министр Аллави – 59,7 – за, 40, 3 процента – против. Чалаби набрал только 34 процента. В Соединенных Штатах Буш мог только мечтать о такой популярности – 38 процентов опрошенных считали его успешно осуществляющим свои функции, а 57 процентов были о нем негативного мнения.

Кондолиза Райс, ставшая, фактически главной ответственной за Ирак, старалась расширить влияние госдепа как можно шире за пределы Багдада. Критические замечания Желикова были восприняты весьма серьезно. Теперь Райс создавала Команды по реконструкции провинций (КРП) – заимствовался опыт Афганистана, когда послом там был Халилзад. Ее отношения с Рамсфелдом становились все более прохладными, но президент встал на сторону Райс. 11 ноября госсекретарь совершила свою вторую поездку в Ирак. Она приземлилась в курдском Мосуле в 300 километрах от Багдада и объявила о КРП.

Но в стране уже поднималась новая волна. «Нью-Йорк таймс» самым критическим образом проанализировала стратегию Буша, приведшую к кровавой войне. 17 ноября 2005 г. конгрессмен Джек Мурта (демократ, Пенсильвания) призвал вернуть американские войска на их собственно американские базы. Мурта четырежды посетил Ирак и не увидел военного решения: «Война в Ираке – это ошибочная политика, обернутая в иллюзию. Наши военные сделали все, чего от них просили, и теперь они должны вернуться домой»²⁰². Многие из американцев в униформе деморализованы и плохо экипированы. Сторонники войны прибегли к лобовой стратегии. Они предложили в Капитолии проголосовать за *немедленный* вывод войск. Сам Мурта вынужден был голосовать против (403 против 3). Все ожидали выборов, назначенных в Ираке на 15 декабря 2005 г. – избиралась ассамблея, которая выберет премьер-министра на 4 года.

Иракское сопротивление добилось максимальных результатов в октябре 2005 г.: 3000 нападений на американцев. Лора Буш сказала, что не знает, почему ее муж восхищается этой

---

²⁰² Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 424.

войной. В жестко засекреченном «Плане кампании» целью ставилось *нейтрализовать* повстанцев. Но выполнение этого плана «задерживалось». Теперь американские генералы (Эбизайд, Кейзи) не смотрели на карту страны и не рисовали стрелы – их главной целью стало создание собственно иракской армии. 2 октября 2005 г. генерал Эбизайд сообщил Америке, что созданы иракские силы безопасности, численностью 200 000 человек, готовые уничтожить силы повстанцев.

Но те, кто читал секретную информацию, знал, что на протяжении года уровень нападений на американцев и их союзников держался не ниже 2500 в год. И многие американцы в униформе считали, что Ирак превращается во Вьетнам. Выиграть эту войну невозможно. Теперь Эбизайд и прочие говорили, что войну должна выиграть собственно иракская армия. Прекратить оккупацию со всем этим патрулированием, влыванием в спящие дома, ночной стрельбой, бесконечным насилием. Коллеги пытали Эбизаида: «Какова американская стратегия?» и слышали в ответ: «Это не мое дело».

«Чье же? – Рамсфелд удалился и теперь этим занимаются президент и Конди Райс». Крик: «Здесь нет стратегии!» стал едва ли не всеобщим. Опросы говорили, что американское общество вынесет потери, если ему будет указан путь к победе. И уберите Рамсфелда – этот призыв ширится постоянно. 30 ноября 2005 г. был выпущен 35-страничный документ «Национальная стратегия для победы в Ираке». Документ требовал политического прогресса и усиления правительственных иракских войск. «Наша миссия в Ираке – одержать победу».

Цифры

Но в ответ 20 000 суннитов вышли на похороны своих убитых и эта масса говорила весьма красноречиво. Буш признал «огромные трудности на пути к победе».

На пресс-конференции 12 декабря президента Буша спросили о цифрах. Сколько жителей Ирака погибли в этой войне? «Я бы сказал, 30 тысяч, около того в ходе вторжения и последовавших боевых нападений повстанцев... Мы потеряли 2 144 человека из численности наших войск в Ираке».

Министр обороны Рамсфелд тем временем думал о будущем. Одним из своих достижений он считал определение американской стратегии в мире на следующие двадцать лет. Он предполагал увеличить силы быстрого реагирования примерно на 15 процентов. И не уменьшать военные расходы. В Ираке армия производила ротацию примерно каждые девять месяцев.

15 декабря 2005 г. в Ираке были проведены национальные выборы. В Национальную Ассамблею проголосовали 11 миллионов иракцев – 70 процентов от общей численности способных голосовать. Рамсфелд в Белом доме сказал: «Слава богу, у нас больше нет выборов». Буш первоначально был в эйфории, но потом его порыв погас. «Теперь, после победы, уходить из Ирака было бы предательством... Отцы погибших говорят мне: Мистер Президент, завершите работу в Ираке».

А потом в Ираке (после выборов) делили портфели. В Вашингтоне открыто говорили, что «в Багдаде нет ни Вашингтона, ни Джефферсона или Адамса».

В ноябре в Ираке погибли 88 американцев, в декабре – 67. В октябре было 3000 нападений. В декабре – 2 500. Буш к этому времени 34 раза навестил госпитали с ранеными. И не раз несчастные родители указывали на своих детей-калек со словами: «Это не стоило того. Вы можете остановить это». Президент: «Я могу вас понять». Вопрос: «Почему вы не можете ничего сделать?»

Отметим, что в январе 2006 г. добыча нефти в Ираке упала на 20 процентов по сравнению с уровнем предшествующего года. Новое правительство будет получать на 2-3 млрд дол. меньше. Ирак очевидно теряет экономическую стабильность.

В январе в Ираке наступила эра генерала Чиарелли. Он получил третью звезду и был назначен командующим американскими войсками в Ираке. Генерал убедительно говорил о том, что Ирак имеет высокую культуру чести и праведной мести. Жестокое убийство только

помогает инсургентам увеличивать свои ряды и способно вызвать полное отчуждение страны. Америка теряла страну, когда полагалась лишь на эффективную жестокость. По крайней мере, на бумаге один из американских генералов готов был признать превратную сторону насилия.

Самарра

Утром 22 февраля 2006 г. взрыв нескольких бомб уничтожил золотой купол мечети Аскаррия в Самарре – в 100 километрах к северу от Багдада. Остались руины. Было ясно, что нападение на одну из главных шиитских святынь Ирака было тщательно спланировано. Милиция Муктады аль-Садра в ярости бросилась к сохранившимся в Багдаде две дюжины суннитских мечетей, забросала их гранатами и полила пулеметным огнем. Были убиты три суннитских имама, а четвертый был похищен. Это был взрыв десятков тысяч верующих с обеих сторон. Премьер-министр Джаффари призвал обе стороны к умиротворению, но было ясно, что слова бессильны. Да он и не мог прямо обвинить аль-Садра, своего политического союзника. Президент Буш призвал к миру.

Американская разведка указала, как на виновного, на шиита Заркави. Генерал Кейзи уже составил список возможных устрашающих последствий – в том числе вторжение Ирана и Сирии, обрыв нефтяного экспорта, убийство Зистани. Райс считала, что Ирак не вынесет еще одного подобного нападения. Страна встала на путь, ведущий к гражданской войне. Специалисты из РЭНДа подсчитали, что Ирак на протяжении трех лет испытывал потерю 200 человек ежедневно – то же, что США в результате катастрофы 11 сентября 2001 г. Буш послал секретное письмо Зистани: иметь дело со всем Ираком не получается, Вашингтон готов иметь дело с Зистани.

Популярность Буша в США опустилась ниже 41 процента. Следует убрать Рамсфелда – все более популярное мнение в марте 2006 г. Буш кипел, ощущая разочарование страны.

Премьер Джаффари не мог разомкнуть свою связку с Муктадой аль-Садром.

Госсекретарь Райс снова послала Желикова в Ирак в феврале 2006 г. Тот слетал и доложил, что в Ираке установился неясный баланс, некое молчание моря. Джаффари некомпетентен. Он хитер и цепок, но не государственный деятель. Он не может управлять страной.

Кард решил уйти от этого президента.

А бывший премьер-министр Аллави в марте 2006 г. напомнил миру, что в Ираке ежедневно гибнут 50–60 человек. И если это не гражданская война, то что же это?. Буш: «Иракцы заглянули в бездну гражданской войны и решили избежать ее». А к югу от Багдада вооруженные силы повстанцев ворвались в полицейский участок и в суд, убив 17 полицейских и освободив 20 своих сообщников. Теперь Буша теребили все кто мог: Нужна ли эта война? Не превращается ли она в войну во Вьетнаме?

Начальник штаба Белого дома Кард, вопреки всем уговорам президента, покинул его, передав дела Джошу Болтену 28 марта 2006 г. А человек, более других виновный в Иракском кошмаре – министр Рамсфелд с чистой совестью оставался на своем посту. Кард еще помнил времена Вьетнама, когда участники проводили дискуссии под флагом «А что мы могли бы сделать иначе?» При Буше таких дискуссий не возникало. В качестве одного из своих последних действий Кард, столько лет служивший Бушу, предложил генералам Майерсу и Пейсу в Пентагоне и Эбизаиду и Кейзи в Ираке совместно обратиться к президенту Бушу со словами: «Эта миссия выполнена быть не может». Некомпетентность и высокомерие Буша буквально душили Карда, знавшего его много лучше других.

Болтен надеялся, что иракская драма сама найдет свое завершение. Он позвонил одному из специалистов по Ираку: «Где будет Ирак через шесть месяцев?» Ответ не обнадежил: «Там же, где он находится сейчас». Мы видим как от прямого участия в иракских делах отходит вице-президент Чейни. Достаточно. Без Либби, который руководил его делами и устраивал его встречи, он словно потерял руку. Теперь он просил совета у жены

и дочери, все более отрываясь от реальности.

Критика иракской политики начала приобретать массовый характер не только в США, но и в Британии, где Тони Блэр переживал далеко не лучшие времена. Он предложил создать совместную американо-британскую комиссию, ответственную за Ирак. 2 апреля 2006 г. Райс вылетела в Ирак из Лондона вместе с Джеком Стро. Страшный ливень заставил в аэропорту пересестись на тяжелый полутанк и двинуться к знаменитому иракскому «Кольцу смерти». Помощник Райс Джим Вилкинсон вспомнил памятные слова Рамсфелда: «Нас встретят цветами и сладостями». В глубине танка было решено сместить премьера Джаффари. Особенно им были недовольны курды. С Джаффари они и встретились после обеда.

Джаффари хотел устроить пышный восточный прием, но Райс проявила жесткость: «Наступило время вам уступить дорогу». Стро кивал головой. Осознавший, что его отстранили, Джаффари впал в безучастность. Его опорой был Муктада аль-Садр и Иран – неприемлемые для Вашингтона и Лондона союзники. Самарра была памятна всем. Джаффари не остановил мстящего Садра. Да и не мог – он зависел от боевых отрядов шиитов.

А в Вашингтоне в апреле 2006 г. шестеро ушедших в отставку генералов потребовали ухода Рамсфелда. Тот их высмеял: «У нас в стране от 6 до 7 тысяч отставных генералов. И все они имеют свою точку зрения. И что прикажете делать? Трудно быть министром, когда тысячи людей настаивают на своей правоте». Рамсфелд напомнил, что генералы изначально требовали боевой силы в 400 000 человек и он, вместе с генералом Фрэнксом удержал их от мегаломании. Старый лис знал свою науку.

Уход Джаффари

И все же премьер-министр Джаффари не мог противостоять всем американцам. 20 апреля 2006 г. он объявил о своей отставке. На следующий день иракский парламент впервые избрал постоянного премьер-министра – жестко настроенного пятидесятилетнего шиита Джавада аль-Малики. Американская разведка мало знала о нем. Он находился в изгнании 23 года – и у него, естественно, были все основания ненавидеть Саддама. Представляя шиитскую партию «Призыв», Малики метался между Сирией и Ираном. Все, что он говорил, было музыкой для американцев, но как политик он был американцам и непонятен и неприятен.

Райс и Рамсфелд прилетели в Багдад. И в 4 часа пополудни 26 апреля 2006 г. встретились в резиденции Халилзада с новым премьером Малики, который встретил их арабским приветствием. Малики трудно было назвать неразговорчивым, он ощущал опасность молчания. Он понимал английский, но предпочитал говорить по-арабски, используя переводчика. Свою главную задачу он видел в том, чтобы избежать межрелигиозного конфликта шиитов, суннитов и курдов. Вторая по важности задача – погасить терроризм. Через три месяца произойдут изменения к лучшему, «если страна получит полную дозу электричества». Но Малики не доверял полиции и видел в них переодетых повстанцев. Он намеревался воссоздать министерство внутренних дел для контроля над полицией. Его лозунг был «Возвратите прежний Багдад».

Это потом, а сейчас американцы выделили «морских котиков» для охраны Малики круглосуточно. Он не был глупее американцев и говорил им ровно то, что они желали услышать. Его можно было принять за американского посла. С другой стороны, Малики понимал, что открытое холуйство обречет его – бушевала подлинная гражданская война. Ирак не желал жить в навязанной ему силой оружия «демократии». Каждый день в черных пакетах убитые американцы отправлялись в Штаты. Стоит ли Ирак их жизней? Даже Райс периодически смотрелась деморализованной. Ее помощник сказал: «Я ненавижу эту глупую войну». Многие говорили, что Малики – последний шанс для американцев; это Вьетнам 1975 года, Сомали 1993 года.

Райс назначила Джеффри «отвечать за Ирак». Что будет в случае американского

поражения? Первый вариант – царство хаоса в Ираке. Второй вариант – обращенная к отмщению «Большой сатане» озлобленная страна. А между тем, в недрах Ирака находились от трети до половины нефтяных запасов Ближнего Востока. Теперь от судьбы Ирака зависело и президентство Буша. Реалисты полагали, что американская армия из Ирака не уйдет, если даже Малики рухнет.

Лучше ли Малики, чем Джаффари? Есть ли у него план? Собирается ли он воссоздать полицию? Готов ли охранять нефтепроводы?

20 мая 2006 г. Малики прошел церемонию вступления в должность. В большом, хорошо охраняемом зале внутри «зеленой зоны» он огласил свою программу из 33 пунктов. Он назвал троих главных своих противников: терроризм, коррупция, лишение народа элементарных прав.

Ожесточение

24 мая 2006 г. разведывательный отдел американского штаба распространил строго секретный доклад, главной мыслью которого было то, что «террористы в Ираке вовсе не находятся в состоянии отхода и отступления». Этот вывод ставил в самое глупое положение бесконечную браваду президента, оптимизм государственного департамента, самоуверенность прежних оценок. Разведчиков интересовала доминирующая тенденция, а она выглядела для американцев безрадостной.

«Атаки в мае, если подходить к делу реалистично, превзойдут апрельский уровень, который является самым высоким за всю историю. Повстанческое движение арабов суннитов набирает максимальную силу». Диаграммы показывали эволюцию повстанческого движения за первые пять месяцев 2006 г. – постоянный рост. Средняя численность нападений в день в январе составляла 72 нападения, в феврале – 87 нападений, в марте – 95, в апреле – 110, а в мае – 113. Это означало от 600 нападений до 700. Ситуация в целом изменилась между маем 2003 и маем 2006 года.

В докладе утверждалось: «Повстанцы и террористы сохраняют ресурсы и способность поддерживать и даже повышать текущий уровень насилия в следующем году»²⁰³.

Доклад не содержал оптимистических оценок и в отношении добычи нефти. Иракское правительство наметило в качестве цели добычу 2,5 млн баррелей нефти в день к июню 2006 г. Пока же добыча держалась на уровне 2,1 млн баррелей.

США держали в Ираке 130 000 солдат – 80 процентов от максимума, равного 160 тысячам. Государственные иракские силы были доведены до 263 тысяч солдат и полиции. Остовом армии были американские советники. Доклад предсказывал и рост шиитского повстанческого движения, создание боевых шиитских отрядов, усиление требований к коалиции покинуть Ирак.

Американские разведчики говорили о создании повстанцами летом 2005 г. новых боевых средств (EFP), способных уничтожать американские бронетранспортеры и даже американские танки – в 4 раза более эффективных, чем прежние взрывчатые средства. К весне 2006 г. были подбиты 15 американских машин, затем их численность перевалила за 40 единиц в месяц. Аккуратные американцы подсчитали, что один такой заряд уносит 2,2 солдата. А периодически подрывал и гигант – танк «Абрамс».

ЕФП использовался преимущественно шиитами на юге – в районе Басры – и, частично, в Багдаде.

Опросы общественного мнения говорили о том, что 50 процентов суннитов позитивно относились к повстанцам – то есть 10 процентов всех иракцев, 2 миллиона человек. Генерал Пейс, начальник Объединенного комитета начальников штабов подтвердил, что численность нападений возрастает. «Они хотят выкинуть нас отсюда». Эдвард спрашивает Пейса, не было

---

²⁰³ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 472.

ли ошибкой вторгаться в Ирак? – «Абсолютно правильно. Лучше вести войну *на их территории*».

Через два дня Пентагон выпустил открытый доклад «Измеряя стабильность и безопасность в Ираке» – ежеквартальный доклад, который американские военные обязаны были предоставить обществу. Этот документ смотрел в будущее с большим оптимизмом: «Антииракские силы никак не могут... Более 80 процентов террористических атак сконцентрированы в четырех из 18 иракских провинций, в которых живет 37 процентов населения Ирака». Повстанцы характеризовались как «бывшие чиновники прежнего режима, саддамисты и террористы, связанные с Аль-Каидой». Им еще хватит силы продержаться в 2006 году, но их движение пойдет на спад в 2007 году. Открытый доклад явственно противоречил закрытому варианту, где говорилось, что «повстанцы *сохраняют* ресурсы и способность вести продолжительные действия. Уровень насилия поднимется в следующем году».

Негропонте

Джон Негропонте был директором национальной безопасности более года. Он имел доступ к любым секретным данным и почти ежедневно общался с президентом. Он знал все основные детали войны США в Ираке. Один из немногих в этих кругах, он видел недооценку объема войны, характер ее мотивации. На его глазах война между шиитами и суннитами превратилась в ненависть соседа к соседу. После взрыва мечети Самарра произошло более 450 насильственных инцидентов, которые принесли 1800 жертв.

По его мнению, корнем зла был иорданский террорист Заркави, который умело противопоставлял одних другим, разжигая масштабную войну. Негропонте не верил в свет в конце туннеля. Официальная бравада только ухудшала общее положение. Сам он отказывался поливать сиропом кровавую бойню. Он не верил, что американская разведка в бедламе иракской жизни способна дать трезвую и надежную оценку сложившейся ситуации. Негропонте часто спрашивал: «Кто наш враг?» Вначале таковыми считались баасисты, инопришельцы (типа Заркави), иракские националисты, трайбалисты, пораженные американской жестокостью. Постепенно эти группы смешивались, создавая более или менее единый антиамериканский фронт.

Негропонте часто повторял свою любимую шутку об адмирале, который спросил ученого, как избавиться от вражеских подлодок. Тот сказал, что следует вскипятить море – и ушел, оставив адмирала размышлять над тем, как это можно сделать в реальной жизни. Для него загадка Ирака лишь углублялась. 2006 год казался ему решающим: шииты явно одерживали верх. Вопрос только в том, как США «примажутся» к их победе. И, заключив с ними союз ДжиАйс пусть ринутся домой из этого крошечного ада. «Я думал бы иначе, если бы армия США собралась стоять в Ираке еще 10 лет».

Райс стояла на пути тех, кто хотел бы начать отвод войск. «Мы обязаны... – начинала она почти каждое свое выступление. Но она признавала, что в Ираке прогресс идет в ногу с хаосом. По ее мнению, удар американцев по Ираку сокрушил устоявшиеся структуры всего региона Большого Ближнего Востока. Старый строй разбит, следует создавать новую международную структуру. Если немцы помирились с французами, то и на Ближнем Востоке возможны такие чудеса – все это вопрос времени.

Реальность

Иракская реальность была ближе к секретному докладу американской разведки. В мае 2006 г. численность нападений повстанцев поднялась до 900 в неделю. Прахом пошли невероятные усилия по тренировке, экипированию, формированию иракской армии – пресловутые 263 тысячи солдат. Они стоили американской казне 10 млрд дол. и среди союзных иракцев находились американские советники – эквивалент вьетнамизации. Все

больше людей приходили к выводу, что иракская система *не работает*.

«Нью-Йорк таймс» поместила в мае 2006 г. статью члена Комитета по международным делам сенатора Джозефа Байдена и бывшего главы Комитета по международным делам Лесли Гелба. Они предлагали составить график постепенного ухода из Ирака. Они оставят позади три региона, обладающие значительной автономией – шииты, сунниты, курды. Каждый регион будет иметь собственную конституцию и собственную полицию. Центральное правительство в Багдаде будет регулировать нефтяные дела и внешнюю политику. Это было логично в том плане, что три региона и без указанного ожесточились друг против друга. Десятки тысяч иракцев мигрировали в «свои» регионы.

А Питер Гелбрейт (20 лет знакомства с страной) издавал книгу «Конец Ирака» – та же линия на раскол. Пусть Вашингтон назовет это «реализацией права на самоопределение». И назовет это своей победой. Единственная верная стратегия выхода.

Президент Буш любил обозначать своих противников карточками – для наглядности. Так он собрал 22 карточки «наиболее разыскиваемых террористов», и в случае поимки того или одного ставил на фотографии большой крест. И постоянно шел счет: «Они убили троих наших. Я хочу знать сколько бойцов противника убили мы». 1 октября 2005 года он сказал по радио, что «мы убили сотни повстанцев и террористов». Буш обязал генерала Пейса, составлять соответствующие списки. Но Эбизайд и другие генералы считали такой счет постыдным.

Тень Вьетнама превратилась в популярную метафору. Буш стал считать, что для умиротворения Ирака понадобится от 8 до 10 лет. Но в июле 2006 г. Рамсфелд говорил с Вудвардом уже о стратегии *выхода*. Сунниты усилили давление. Объединенный комитет начальников штабов и ЦРУ открыто говорили, что повстанцы набирают силу. Мнение Рамсфелда: «Я не знаю. Я не хочу этого комментировать... Ситуация меняется от месяца к месяцу»²⁰⁴.

Вудвард задал роковой вопрос: «Каким он видит наиболее оптимистический сценарий окончания войны в Ираке».

Рамсфелд: «Это отвратительная работа. Это тяжело. Не существует *лучшего сценария*. Перед нами группа вызовов, природу которых наша страна не понимает. Противник быстро перемещается, у него нет конгресса или каких-либо других сдерживающих органов. Мы воюем первую войну в новом столетии». Репутацию Рамсфелда подтачивали тюремные новости, положение в Гуантанамо. Ударом по администрации (*Hamdan v. Rumsfeld*) стало решение суда остановить пытки в военных тюрьмах.

Президент Буш продолжал действовать в своем стиле *отрицания негативного*. Он так и не признал свою роковую ошибку с ОМП, с планами «демократизации» региона, с наращиванием смертоносных операций. Страна погрузилась в маразм массового убийства арабов, а президент продолжал отрицать очевидное. И он был популярен в первые девять месяцев после американского вторжения в Ирак. Но здравый смысл есть здравый смысл, который заставляет признать, что, не имея стратегии и путая правое дело с геополитическими планами, администрация Буша зашла в тупик.

Самые главные проблемы, которые американцам предстоит решать в Ираке в ближайшие месяцы и годы – конституционные переговоры относительно пределов федерализма в Ираке. Посол Залмай Хализад уговорил шиитов и курдов согласиться на такую конституцию, которая учитывала бы и некоторые права суннитов. И Вашингтону важно не озлобить всемогущий соседний Иран. США и Иран могут свернуть на дорогу взаимного примирения.

Глава семнадцатая

---

²⁰⁴ Woodward B. State of Denial. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 484.

Ступор в Месопотамии

*Вместо того, чтобы видеть свет в конце туннеля, некоторые опытные обозреватели пришли к выводу, что Соединенные Штаты очутились в темной аллее, из которой нужно срочно бежать*²⁰⁵.

А. Нортон и Ф. Каземи, 2005.

Не ОМП, а демократия

Администрация Буша, не найдя на складах Саддама Хусейна средств массового поражения, решила сделать главной причиной военного умиротворения послесаддамовского Ирака установление в нем «зрелой демократии» – как бы одномерное решение проблемы вместо многомерного. Как пишет Грегори Гос, «администрация Буша и все ее сторонники полагают, что распространение арабской демократии не только будет способствовать распространению американских ценностей, но и укрепит безопасность Америки. По мере распространения демократии в арабском мире, регион перестанет генерировать антиамериканский терроризм»²⁰⁶. Особую ненависть к демократии выказывают лидеры Аль-Каиды; они именуют ее еретическим учением и известны своими убийствами невинных афганцев только за то, что обнаруживали у них регистрационные талоны избирательных участков.

Вторая половина месопотамской кампании прошла под знаком демократизации: «По мере того как демократия будет укреплять свои позиции в арабском мире, регион перестанет генерировать антиамериканский терроризм»²⁰⁷. Это мнение Грегори Госса – главы ЦРУ. Были мобилизованы силы обеих партий. Так в защиту «арабской демократии» выступила группа авторов во главе с Мадлин Олбрайт – Соединенные Штаты должны поддержать эволюционное развитие демократии во всем регионе Ближнего Востока²⁰⁸.

В арабском мире демократия заняла некоторые позиции в Афганистане, Ираке, Ливане. Эти страны перестали спонсировать террористические организации – в отличие от Ирана и Сирии, поддерживающих «Хезболлу». Но растет оппозиция представлению о том, что элемент демократии является просто одним из политических элементов. Президент Буш и различные высокопоставленные деятели его администрации многократно настаивали на центральном характере продвижения демократии в контртеррористической стратегии Америки. Все больше ставится под вопрос то обстоятельство, что Буш и его администрация после фиаско поисков оружия массового поражения обратились к притягательности демократии.

Ключевой момент растущего ныне американского самосознания: «Демократия вовсе не обязательно выступает сдерживающим терроризм фактором»²⁰⁹. Эти американцы указывают, в частности, что такие авторитарные страны как Китай кажутся способными пресечь деятельность террористических организаций. Демократия лучше решает внутренние

---

²⁰⁵ Norton A. and Kazemi F. The Limits of Shock and Awe: America in the Middle East («Current history», January 2005, p. 4).

²⁰⁶ Gause G. Can Democracy Stop Terrorism? («Foreign Affairs», September/October 2005).

²⁰⁷ Gause G. Can Democracy Stop Terrorism? («Foreign Affairs», September/October 2005).

²⁰⁸ Albright M., Weber V., Cook S. In Support of Arab Democracy: Why and How. New York: Council on Foreign Relations, 2005.

²⁰⁹ «Foreign Affairs» January/February 2006, p. 117.

проблемы – но и здесь демократизация в неподготовленной стране ведет к иллиберальным режимам, а это немедленно увеличивает возможности для проявления насилия и войны. Яростные сторонники демократизации арабского мира фактически слепы в отношении неминуемых угроз безбрежного насилия и войны. Эти сторонники *сознательно* игнорируют высокий уровень антиамериканизма в мусульманском мире. И если некто (в данном случае сами американцы) посредством демократических выборов заставит население четко высказать свои взгляды, то на национальных выборах арабская улица выразит весь свой антиамериканизм.

Американские демократические преобразователи стремятся попросту закрыть глаза на то, что в результате массовых выборов они получают во всем большом арабском мире *исламистские правительства*, которые вовсе не будут либеральными. Если либерализм необходим демократии для погашения терроризма и распространения международного сотрудничества, то демократизация, производящая иллиберальные режимы, вовсе не идет по этому пути.

К примеру: если американская администрация оказывает сильнейший нажим на сирийское правительство, то оно вольно и невольно увеличивает риск того, что Дамаск может пережить смену режима и к власти придут рьяные приверженцы демократии. Возможно, возникнет новая либеральная демократия и позиции Америки на Ближнем Востоке укрепятся. Но никоим образом не исключено то, что к власти в результате выборов придет исламистский режим, симпатизирующий иракским инсургентам, отторгнет сосуществование с Израилем и постарается распространить свое влияние на Ливан и Иорданию. Вот тогда это не послужит никаким американским интересам.

Если в результате консолидированная баасистская система распадется на разделенные и ненавидящие друг друга группы, то антизападные террористы «оценят» столь благоприятную среду.

Повсеместны ли шансы демократии?

Окунувшись в средства массовой информации Запада, нетрудно прийти к выводу, что победоносный Запад идет от триумфа к триумфу. Победа в Афганистане. Бен Ладен и аль-Завахири прячутся в афганских пещерах. Остатки Аль-Каиды скоро капитулируют. Прозападный демократический режим правит в Кабуле. Энтузиазм в отношении ислама и джихада спадает, превращаясь, если пользоваться словами директора ЦРУ, в «лунатический бред». Израильский премьер-министр Шарон стал «человеком мира». Война против Аль-Каиды – это *не* война против ислама. Антитеррористическое наступление якобы не имеет с этой религией ничего общего. Бен Ладен ненавидит Соединенные Штаты за их свободу, а *не за их политику*. Исламисты невидят Америку за то, что она есть, а не за то, что она делает. Пакистан и Саудовская Аравия поддерживают борьбу Америки с Аль-Каидой. Запад перекрывает субсидии Бен Ладену. Израилю – «дорожная карта», Палестина уже жизнедействует. В Ираке полная победа, исламисты не готовы к борьбе. Ирак нуждается с собственном правительстве, в демократии, в суверенитете. В реальности картина несколько сложнее.

Даже западные исследователи ныне делятся на тех, кто верит в возможность вытянуть сельский мусульманский мир из двенадцатого века в двадцать первый, и на тех, кого практика убедила, что это абсолютно невозможно. *Первые* – это столь влиятельные при Дж. Буше-мл. «неоконсерваторы». Их политические противники не разделяют их веры во всемирную приложимость правления демоса, скептически относятся к безудержным оптимистам типа министра обороны США Рамсфелда, которые сводят любую проблему к простому набору действий. Они отказываются считать, что все решают «большие батальоны» и время. Более того, они предсказывают впереди даже не *пат*, а поражение Америки, неспособной пока понять стратегию и тактику своего противника. Противники неоконсерватизма дают убедительные исследования битвы самой могучей державы

современности с самой отсталой мировой сельскохозяйственной провинцией, на стороне которой лишь убедительно требующая жертвенности религия и волны обиженного историей населения.

На основе серьезного анализа, критики курса Буша выступили с тревожным предупреждением. Они не видят впереди «свет в конце туннеля», они не обещают быстрой победы и настроены достаточно пессимистично. Опыт Афганистана и Ирака говорит о том, что вооруженные силы США «не коснулись сердцевины мощи противника... Мы все еще смотрим на войну глазами генерала Маклелланда (сторонника стратегии решающей битвы в Гражданской войне 1861–1865 гг. – *A. V.*), а не Линкольна (сторонника более осторожной и *основательной* стратегии), мы не признаем ни размеров, ни природы угрозы, представляемой Бен Ладеном, ни того что мы еще даже не приступили к ведению того типа войны, который необходим для разгрома наших врагов... Аль-Каида не побеждена... Постоянный рост антиамериканского влияния Усамы бен Ладена в широком суннитском экстремистском движении, и широкое распространение деструктивных навыков Аль-Каиды свидетельствует о серьезной угрозе для нас в обозримом будущем»²¹⁰. Поддержка Америкой Израиля, России, Китая, Индии, Алжира, Узбекистана и других стран, воюющих с радикальным исламизмом, поддержка Америкой тирании в мусульманских странах, попытки контролировать арабскую нефть, боевые действия в Афганистане, Ираке, на Аравийском полуострове способны создать стратегическую уязвимость Запада.

Сотрудник ЦРУ «Аноним» полагает, что «способ, каким мы видим и интерпретируем людей и события за пределами Северной Америки, густо окрашен нашим высокомерием и самососредоточенностью, доходящими до некоего имперского наваждения». Если Запад не будет учитывать различие в цивилизационном восприятии, противостояние мусульманского и западного миров может длиться неограниченное время. «Аноним» предлагает «признать факт, что нас ненавидят, никаких иллюзий на этот счет»²¹¹. Америка находится в состоянии войны с исламом – и это серьезная война, а не результат невротики нескольких фанатиков. И теперь, когда американцы противостоят воинствующему исламу, «они должны понять, что решение этого противоречия не может быть безболезненным; и не следует ожидать быстрой трансформации мусульманского мира в демократическую систему западного типа».

Крах понятия суверенитет

Иракская война – это неспровоцированная война против государства, «которое не представляло собой непосредственную угрозу Америке. Не следовало идти на применение военной силы. «В мире это называют *милитаризмом*». Усама бен Ладен назвал вторжение в Ирак «возвращением прямого колониального правления»²¹². «Аноним» полагает, что, если бы Соединенными Штатами внезапно овладела бы идея помощи Аль-Каиде, то они не смогли бы сделать ничего более эффективного, чем вторжение в Ирак, то есть удар по светскому элементу в модернизации исламских государств, фактическое стимулирование массовой школы подготовки исламских террористов в масштабах 25-миллионного государства. США невольно стали наиболее ценным союзником Бен Ладена, радикализируя исламский мир. Сказались наивная уверенность во всемирной приложимости западных

---

²¹⁰ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 261–262.

²¹¹ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 261–240.

²¹² Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 111

ценностей, и вера в способность военными методами решить цивилизационные проблемы. Следует ли игнорировать слова Аймана аль-Завахири, сказанные в конце 2003 г.: «Американцы в Афганистане и Ираке попали в деликатную ситуацию. Если они уйдут, то потеряют все, а если они останутся, то истекут кровью до смерти». Данные из захваченных компьютеров Аль-Каиды говорят о ее желании опереться на иракских курдов, которые накануне американского вторжения получили от Бен Ладена 350 тыс. долларов, оружие и джипы. И завод по производству химического оружия. И готовую философию: «История пишется только кровью. Славу можно обрести только на основании из черепов»²¹³. В результате, пока американцы наносили удары по исламскому терроризму в коридоре Исламабад-Амман, Аль-Каида сместилась в Северный Ирак и в Ливан, где «Хезболла» остается мощной исламской организацией.

После вхождения американских войск Аль-Каида занялась привычной работой – приемом, размещением и обучением добровольцев со всего исламского мира, пожелавших сразиться с западной цивилизацией в долине Тигра и Евфрата. Новое: исключительное внимание к интернету. Боевые мусульманские организации используют электронные средства связи (компактные компьютеры, сотовые телефоны и пр. для пропаганды, обучения и объединения). Ислам нашел свою информационную территорию, о чем убедительно говорит число откликающихся на сайты Аль-Каиды. Резко увеличилось военное обучение по Интернету. Так называемая «Энциклопедия джихада» дает «братьям по Интернету» всю необходимую информацию для создания ударных вооруженных групп. Основная информация излагается на арабском и английском языках. Теперь террористам не нужны специальные лагеря – они могут завершать подготовку и дома, черпая всю необходимую информацию из всемирной сети. Особенно активна в этом отношении суннитская секта Салафи. Типичный пример перехвата: «Сообщите нам сведения относительно важных экономических и военных целей американских крестоносцев»²¹⁴. Речь в Интернете идет о нефтепроводах, расположении оккупационных офисов, воздушных коридорах. Задаются вопросы об именах старших офицеров американской армии и т. п.

Условия генералов

В мае 2004 г., сразу же после взятия повстанцами Фаллуджи, председатель объединенного Комитета начальников штабов генерал Ричард Майерс сказал: «В случае перелома здесь, нас ждет общий успех». Шестью месяцами позже – перед ноябрьским наступлением на Фаллуджу генерал Джон Эбизайд, командующий американскими войсками в Ираке и в Афганистане, пришел к заключению: «Когда мы выиграем эту битву – а мы ее выиграем – в Ираке не останется места прятаться от нас». Фаллуджу американцы взяли и генерал Джон Саттлер, командующий военно-морской пехотой в Ираке сказал, что на этот раз повстанцам перебит спинной хребет. Но шли месяцы, а ожесточенность иракского сопротивления *не* ослабевала. Несмотря на это, через семь месяцев вице-президент Ричард Чейни заявил, что повстанческая активность в Ираке находится «при последнем издыхании». С ним согласился генерал-лейтенант Джон Вайнс – командующий союзными войсками в Ираке: «Инсургенты уже не усиливают своих операций»²¹⁵. Но весь этот показной оптимизм рухнул в 2005–2006 годах, по мере того, как иракские силы доказали, что их не

---

²¹³ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 76.

²¹⁴ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 83.

²¹⁵ Krepinevich A. How to Win in Iraq («Foreign Affairs», September/October 2005, p. 67).

сломить.

Трехлетний опыт говорит о том, что постоянные заявления военной верхушки администрации Буша-младшего о грядущей победе характерны лишь своей пустотой. Американцы еще не приняли решения о выходе из Ирака, но они уже практически все согласны в том, что курс действий в Ираке надо менять, прежний успеха не обещает. Поразительно, но американские генералы сейчас во всеуслышание рассказывают, что попытки создать единую «стратегию коалиции» предпринято *никогда* не было.

Теперь американцы пытаются в массовом порядке тренировать «свою» иракскую армию и поставить ее впереди себя на боевых позициях. Стратегия не новая, особенно если вспомнить Южный Вьетнам, но и не многообещающая.

Как победить

Не имея продуманной и связной стратегии, американские вооруженные силы в Ираке так и не сумели победить повстанцев. На победу Вашингтон может рассчитывать только тогда, когда американцы в униформе будут прежде всего обеспечивать безопасность иракцев, а не отдавать все силы засадам, погоням, поискам повстанцев. Пока же, несмотря на постоянные утверждения администрации Буша об успешном решении иракской проблемы трехлетние результаты битвы в Месопотамии не дают Вашингтону оснований для рассуждений об успехе. Численность погибших американцев приближается к двум с половиной тысячам. В американском народе растет протест, американские вооруженные силы начинают испытывать опасное перенапряжение. Все большее число американцев приходит к выводу, что старые методы бесперспективны, что без нового поворота в войне практически невозможен.

Несколько раз высшие американские чины считали возможным делать победные заявления. Так в мае 2004 г., вскоре после взятия повстанцами Фаллуджи начальник объединенного комитета начальников штабов генерал Ричард Майерс сказал: «Я думаю, что мы находимся на грани успеха». Шестью месяцами позднее он признал, что победа находится дальше, чем в победном мае.

Теперь американцам пришлось задавать немислимые прежде вопросы. «Почему сумма в 100 млрд дол., предназначенная на безопасность и реконструкцию, оказалась недостаточной для подъема Ирака? В конце концов, это второразрядная страна с вторыми по величине запасами нефти в мире. До войны валовой национальный продукт на душу населения в Ираке составлял примерно половину американского, но войны и изоляция довели иракский ВВП на душу населения в начале 2000 годов до 1 процента американского: 243 ам. дол. в Ираке и 32 260 в США»²¹⁶.

Окрепла точка зрения, что Вашингтон пошел войной ради огромных нефтяных богатств Ирака²¹⁷.

Как замирить?

Но как замирить пылающий Ирак? Ответ на это был продолжением спора министра обороны Дональда Рамсфелда и начальника штаба армии генерала Эрика Шинсеки. Рамсфелд стоял за небольшую мобильную армию, а Шинсеки требовал войска, значительно превышающие 200 тысяч солдат. В послевоенных дебатах выяснилось, что генерал Шинсеки вообще стоял против войны в Ираке, так как знал, что за боевыми действиями (возможно,

---

²¹⁶ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 337.

²¹⁷ Slevin P and Loeb V. Bremer: Iraq Effort to Cost Tens of Billions for Iraq («Washington Post» August 27, 2003).

победными) последует нерешаемая задача создать целую страну с определенным политическим строем и множеством этноконфессиональных особенностей. А если воевать, считал начальник штаба армии, то нужно было иметь вдвое большую армию, чтобы плотно контролировать Ирак. Даже официальный историк американской армии утверждает, что «никто не удосужился создать документа, определяющего стратегию консолидации страны после окончания военных операций»²¹⁸. И специалистов по наведению послевоенного порядка должно было быть вдвое больше. Шинсеки с его требованием послать в Ирак 250 тысяч солдат стал обретать популярность.

Американские генералы начали выдвигать проекты призвания 30–40 тысяч солдат из таких крупных стран как лидеры НАТО, России, Индии, Китая, а не теребить десятки мелких стран. Запросы пришли слишком поздно. Буш попросил Путина о 40 тысячах солдат, попросил Индию о 17 тыс. военнослужащих, Китай о 50 тысячах – все это было отвергнуто на фоне народной войны, развернувшейся в Ираке. Китайский ответ был наиболее софистичным: «В совершенном мире такие соглашения, возможно, были бы нормальными. Но мы живем не в совершенном мире. И американское правительство никак не движется к более совершенному миру»²¹⁹.

Вот как видят будущее сторонники большой международной армии в послевоенном Ираке: никакого хаоса, грабежа, уходящей в леса иракской армии вместе со своим оружием, никакого восстания Муктада аль-Садра, никакой народной милиции. Все это можно было избежать. И силы, в которых отчетливо видны были бы славяне и азиаты, смягчили бы антиамериканизм иракского населения. Поскольку этого не произошло, Белый дом изобрел подходящее выражение: «Катастрофический успех». Некоторые западные авторы заговорили о «пирровой победе».

Весной 2004 г. один из деятелей Пентагона Томас Барнет издал книгу «Новая карта Пентагона», которая получила необычайный отклик особенно из среды американских военных. Речь шла о том, как «выиграть мир», как возобладать в послевоенном Ираке. Собственно, Барнет призывал создать *две* армии – одну (Левиафан) для демонстрации боевых способностей, а вторую – для умиротворения, перестройки и возрождения завоеванной страны (автор называет ее Администрацией Системы – System Administration, SysAdmin). Начиная с 2004 г. дискуссии среди американских стратегов свелись к созданию «армии четвертого поколения», способную не только разбить противника, но восстановить поколебленное государство. Чем лучше Левиафан, тем *больше* должна быть SysAdmin. К последней, по мысли американских стратегов, должны принадлежать столпы современного мира – Европа, Россия, Индия, Китай, Бразилия. Американцы готовы дать Сисадмину часть своей пехоты и военно-морской пехоты.

Сисадмин проникнет в завоевываемую страну вместе с штурмовыми ударными группами, но всю свою энергию проявит во второй части военно-политического действия как часть Международного фонда реконструкции.

Мировой порядок согласно американским стратегам должен поддерживаться «группой восьми» – главы наиболее мощных держав – а на более низком уровне группой двадцати – функционирующей основой глобализации (Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Европейский Союз, Франция, Германия, Индия, Италия, Япония, Мексика, Россия, Южная Африка, Южная Корея, Британия, Соединенные Штаты плюс Индонезия и Турция, а также главный источник энергии – Саудовская Аравия. На эти двадцать стран приходится две трети мирового населения и 90 процентов глобального Валового внутреннего продукта.

Г-8 постепенно будет расширяться, постепенно включая в себя страны из Группы – 20-ти. Китай видится первым претендентом на вхождение в группу Г-8. Хотя первоначально

---

²¹⁸ Barnett Th. Blueprint for Action. A FutureWorth Creating. New York: G.P.Putnam's Sons, 2005, p. 15.

²¹⁹ Barnett Th. Blueprint for Action. A FutureWorth Creating. New York: G.P.Putnam's Sons, 2005, p. 17.

Г-8 была настроена на экономические проблемы, переворот произошел после 11/9. Г-8 будет только увеличивать свою роль, самые богатые страны мира создадут Международный фонд реконструкции. Итак, задача американского военного истеблишмента: сплотиться с остальными ключевыми странами мира, создавая непревзойденную силу Сисадмина.

Что сдерживает мирового лидера

Ирак был первым испытанием «доктрины Буша», ее сердцевины – обоснования необходимости «упреждающего удара». Один из высших представителей администрации указал прямо и непосредственно: «Ирак – пример того, что случается, когда Соединенные Штаты что-либо ставят в свою повестку дня, а затем привлекают весь остальной мир к решению поставленной задачи».

Ирак и пример «доктрины Буша» в действии, и первое испытание этой доктрины.

Критики указывают, что вторая война против Ирака являет собой яркий пример нарушения того правила, которое ввел в американскую дипломатию первый империалист американской истории – президент Теодор Рузвельт: «Говори тихо и неси с собой большую дубину». Растиражированная агрессивность, громкая несдержанность на всех форумах, начиная с трибуны ООН – вот что мы видели на подходах и в ходе трехнедельной войны двух никак не равных сил. Сторонник реалистического подхода к решению проблемы не может не смутиться в провинциальной несдержанности команды, которую не сдерживают даже вопросы жизни и смерти. Фанфары по поводу «предвосхищающего удара» никому не нравятся, это некая некорректная несдержанность представителей страны, где общественная жизнь регулируется политической корректностью.

Война – всегда тяжелая трагедия. Неизбежна ли была иракская трагедия весны 2003 года? Даже представляющий ближайшего союзника Америки в этой войне посол Великобритании в Организации Объединенных Наций сэр Джереми Гринсток полагает, что, прояви Белый дом еще чуть-чуть изобретательности и выдержки, и американская сторона могла добиться принятия «второй» резолюции Совета Безопасности ООН. Тогда проблема была бы всемирной, а ныне Франция и Россия сделали ее американской проблемой.

Проблемы для Соединенных Штатов начались не с так и не сбывшимся столкновением с саддамовской армейской элитой (испарившиеся четыре ударные дивизии), а с ломкой представления о том, что население Ирака страстно желало избавления от диктатуры и приступит немедленно к созданию демократического государства тотчас же после изгнания из Багдада Саддам Хусейна.

Назовем (мельком) более серьезные проблемы, чем разгром иракской армии, которая, как оказалось, никогда не имела ядерного оружия и средств его доставки. 1) Как управлять 60 процентами иракских мусульман, которые являются *шиитами*, и смотрят как на священный, на иранский город Кум? 2) Можно ли разоружить вчерашнего союзника – почти пятимиллионный (в Ираке) народ курдов? 3) Как сохранить лояльность ключевого в регионе союзника – Турции, более всего на свете боящегося восстания воодушевленной курдской *трети* 67-миллионного турецкого населения? 4) Как уберечь американскую армию от партизанской войны, столь памятной по Вьетнаму? 5) Где среди местного населения найти носителей демократических ценностей, если они здесь никогда не имели распространения? 6) Как сплотить, на чем основываться в поддержании единства Ирака, если прежняя элита (баасистские сунниты) стали меньшинством, а шиитское большинство дружелюбно антиамериканскому Ирану?

Следуя «доктрине Буша», Соединенные Штаты нанесли упреждающий удар по Ираку, но, в результате трехнедельной победоносной кампании не только не решили своих проблем, но обрели, как мы видим это сейчас, *гораздо более масштабные* проблемы. Отчего потеряла влияние Британская империя? Оттого, что принимала активное и непосредственное участие в двух мировых войнах, доведших ее до измождения. Между тем, если бы Британия содержала большую армию в мирное время – убедительное для Германии сдерживание, то

она не изошла бы жизненными силами в мировых катаклизмах. В пик имперского влияния (между 1870 и 1914 годами) Британия расходовала на военные нужды 3,1 процента валового внутреннего продукта в год²²⁰ – не столь уж напряженное бремя. Не более напряжено оно пока и у Соединенных Штатов, но несколько обстоятельств «работают» против продолжительного имперского всемогущества.

1. У власти в США долгое время были республиканцы, доминирующий элемент их внутривластной философии – снижение уровня налогов в стране. А ведь империя требует жертв, в том числе и финансовых. Даже на военные нужды Соединенные Штаты в годы «холодной войны» расходовали значительно *относительно* больше, чем сегодня. Республиканцы президента Дж. Буша-мл. уже произвели несколько подобных налоговых сокращений. Не собираются ли они доминировать в мире «бесплатно», пользуясь просто ослаблением (последовательно) мусульманского мира после 1700 года, Китая после 1850 года, Западной Европы после 1914–1945 годов, России после 1991 года? Ведь все поименованные силы прилагают старания восстановить свою мощь – военную в том числе – и настроены на координацию своих усилий.

2. Встает вопрос, как могут Соединенные Штаты контролировать огромный внешний мир, если двух главных механизмов-доноров, Государственного департамента и Американского агентства международного развития совокупно составляют всего один (!) процент федерального бюджета? Американское правительство тратит 16 процентов на военные нужды, но ведь империя не может жить одним лишь покорением непокорных.

3. Изменить функции военных? На этот счет внутри республиканской администрации идет борьба и похоже, что побеждают те, кто, словами Джозефа Ная, предназначает военному ведомству ограниченную функцию: «Вломиться в дверь, избить диктатора и возвратиться домой, а не приступать к тяжелой работе создания демократического общества»²²¹.

4. Главное. Даже если Соединенные Штаты произведут более серьезную, чем просто создание Министерства внутренней безопасности, внутреннюю мобилизацию, и идеологическую и материальную, все равно жестким фактом реальности будет то, что *все более растущий объем процессов в мире остается за пределами контроля даже самого могущественного государства*. У Соединенных Штатов нет инструментов, воли и психологического настроя на постоянной основе вмешиваться во внутренние дела бесчисленного множества государств, заниматься постоянным мониторингом происходящих в этих государствах внутренних процессов, силовым вмешательством на постоянной основе.

5. Трудности в Ираке начались не с выдвижением американских армейских частей против элитных иракских формирований, а после того, как эти формирования исчезли неведомо куда. Американский народ в общем и целом воспринял как «приемлемые» потери полтора человека в ходе боевых действий между Тигром и Евфратом (примерно такими же были потери в афганской кампании). *Но американское общество начало испытывать конвульсии после 1 мая 2003 г., когда президент Буш объявил об одержанной победе, а еженощные потери американских военнослужащих начали приближаться к цифре собственно боевых потерь. Мир оказался для американской армии и общества едва ли не более болезненным, чем объяснимый военный период.*

Особое внимание следует обратить на демографические процессы, быстро меняющие мир и влекущие за собой последствия стратегического характера.

---

²²⁰ Boot M. The Savage Wars of Peace. Small Wars and the Rise of American Power. New York: Basic Books, 2002, p. 351.

²²¹ Nye J. U.S. Power and Strategy After Iraq («Foreign Affairs», July-August 2003, p. 67).

Угроза гражданской войны

Выход из Ирака *немедленно* администрация Буша отвергает на том основании, что это грозит немедленным столкновением трех сил – шиитов, суннитов и курдов. Причем соседние страны – Иран и Сирия примут в такой войне непосредственное участие. Радикальные исламисты возликуют, увидев в этом поражение Америки. А результирующий хаос взметнет вверх цену на нефть.

Итак: или расписание выхода, или новая стратегия. Такой оказалась дилемма американцев после трех лет отчаянных усилий. А пока американские вооруженные силы просто уничтожают своих вооруженных противников в изнурительной партизанской войне. Задача состоит в том, чтобы убивать быстрее, чем повстанцы рекрутируют новые партизанские силы. На настоящем этапе (весна 2006) эта стратегия шансов американцам и их союзникам не дает. Инсургенты несут кровавые потери, но они не сломлены и за ними двадцать с лишним миллионов человек.

Более гуманные американцы говорят, что выходом является коренное изменение: американские вооруженные силы начинают *защищать* иракский народ, а не расстреливать его.

А пока пора разобраться в причинах страшного ожесточения всех задействованных сторон. *Первая* – необъяснимое отсутствие в Вашингтоне планирования в отношении строительства послевоенного Ирака. Этот вакуум обнаружился сразу же после крушения режима Саддама, а не был по-настоящему заменен. Едва ползущая реконструкция снабдила инсургентов тысячами безработных и ожесточенных людей. *Вторая* причина – вольное и невольное действие давней традиции: Ираком всегда правили те, кто пробился к трону в жестокой борьбе. Впечатление, что американцы скоро уйдут, лишь придало жестокости этой битве на политическое выживание – вот почему шииты и курды (которые якобы поддерживают американцев) категорически отказались распустить свои военные отряды. *Третий* источник – джихадисты всего исламского мира сделали Ирак главным полем битвы, тем более, что именно здесь находятся 140 тысяч живых мишеней.

В среде инсургентов господствуют два течения, две группы бойцов с американцами. 1) Суннитские арабские баасисты. Это сторонники режима, господствовавшего при Саддаме Хусейне – часть прежней правящей элиты, цель которых восстановить status quo ante. Первая группа меньше численно. 2) Прибывшие извне сторонники джихада – вторая группа больше, ее численность доводят до 20 тысяч и их цель – установить в Ираке радикальное исламское государство.

Обе эти группы весьма отчетливо знают, что победить в открытом бою американскую армию они не могут. Остается ждать собственного ухода американских дивизий, а затем осуществить путч – тогда хорошо организованные партизаны имеют шанс захватить верховную власть, вырвать ее у проамериканского коррумпированного режима. Поэтому инсургенты ведут едва ли не «вялую» борьбу, ожидая решения американцев, теряющих своих людей. Пусть сохранится постоянный беспорядок. Атаки на лидеров проамериканского режима дают всем понятный сигнал: если это правительство не способно защитить даже самого себя, чего оно стоит? Главное здесь электричество и нефть, это уязвимые фрагменты хозяйственной структуры иракского общества. А новые убитые американские солдаты действуют на общество там, за океаном.

Поневоле возникает желание сравнить это движение с вьетнамской войной. По сравнению с вьетнамскими партизанами, иракских инсургентов примерно в сто раз меньше. Иракцы редко сражаются группами более 100 человек (во Вьетнаме партизан были многие тысячи). СССР и Китай помогали сражающимся вьетнамцам, нынешняя помощь из Ирана и Сирии несравнимо меньше.

Не следует забывать, что иракские инсургенты в значительной степени отделены от собственно иракского народа. Суннитские арабские мусульмане составляют основу боевых частей, но представляют собой лишь 20 процентов населения Ирака. А участники джихада

вообще иностранцы. У суннитов мало шансов рассчитывать на шиитов и на курдов. Массового восстания нет и не видно в перспективе. Нечего удивляться – восставшие не предлагают позитивной привлекательной программы общенациональных действий. Негативную сторону правления баасистов иракцы уже знают. Джихадисты исполняют свою программу: царство ужаса до ухода неверных. Тогда в Багдад ринутся и сунниты и джихадисты; предсказать гражданскую войну в этом случае несложно.

Гражданская война идет

Она идет с 2004 года, идет несколько вяло, вдали от объективов западных журналистов. На севере курды вытеснили множество «некурдов», а арабы провели этническую чистку в отношении курдов. На юге шииты захватили несколько суннитских мечетей. В Багдаде шииты и сунниты атакуют мулл и мечети друг друга. В суннитских районах они вытеснили шиитов убийствами и угрозами. Некоторые назвали это «следованием боснийскому примеру». Милиции отдельных фракций становятся все сильнее и лучше вооруженнее. При этом все сунниты являются баасистами, сторонниками Саддама Хусейна и ваххабитами.

Строго говоря, исламские экстремисты завладели страной не 9 апреля 2003 года. Американские войска присутствовали при этом, но они владели лишь верхушечным контролем. Как только американцы разбили войска безопасности Саддама Хусейна, в вакуум ринулись клерики всех мастей. И из этого состояния Ирак так и не вышел. Никто кроме мулл не контролировал иракские пригороды. И именно видя это, американцы не пошли на выборы весной 2003 года. С тех пор американские войска владеют своими базами, а исламские муллы – всей страной.

Пока еще не выделился общепризнанный лидер, но если говорить об отдельно взятом вожде, то таковым является Муктада аль-Садр. Верховный Совет в Даве воспринимается иракцами как «рука Ирана». Но Муктада – араб, с самого начала он молился с радикальными суннитами, он помогал им в борьбе против американцев. А сунниты помогали шииту аль-Садру бороться против коалиции на юге Ирака. Это единственный общеуважаемый лидер. Его стойкий антиамериканизм, особенно ярко проявившийся весной и летом 2004 года, привлекает всех иракцев, объединяя суннитов и шиитов.

В перспективе реальным видится победа Мусульманского братства в Египте, радикализация сил в Саудовской Аравии и в Сирии, и в Ливане. Хамас победил в Палестине. Во всем арабском мире носят Т-шirts с названием Фаллуджа. Много лет будет длиться гражданская война. А получившие военную квалификацию арабы пойдут в города Запада.

Если Америка выступит против Ирана, тот просто начнет помогать иракским шиитам. Нападение на Золотую мечеть в Самарре, уже вызвало консолидацию шиитов. Причем даже центральная милиция является более дестабилизирующим элементом, чем инсургенты. Ее численность увеличилась за прошлый год с 6 до 10 тысяч человек.

Постоянно осуществляется помощь из-за рубежа. Иран помогает Верховному Совету Исламской революции. Саудовская Аравия, Иордания и отдельные лица из Сирии помогают суннитам, оказавшимся в новом Ираке в сложном положении. Если суннитское племя оказывается атакованным в Ираке, имея родственников в соседних странах, это племя немедленно обращается за помощью и получает ее.

Ричард Хаас, недавно бывший главой отдела планирования госдепартамента, говорит, что гражданская война «явственно будет иметь антиамериканский характер»²²².

Президент Буш сказал в конце марта 2006 года, что «Саддам Хусейн, а не американское правительство виноваты в гражданском раздоре в Ираке»²²³.

²²² http://www.cfr.org/publications/10194/civil_war_becomes_the_question.html.

²²³ <http://www.cbsnews.com/stories/2006/03/29/politics/printable1453138.shtml>.

За что идет битва

Она идет не за некий географический пункт, а за трудноопределяемые понятия – симпатии американского народа, поддержку иракского народа, за психику американского солдата. Это весьма отчетливо понимают и американцы; они тоже бьются за «сердца и умы» иракского народа. Только когда большинство иракцев придет к выводу, что центральное правительство реально обещает большее, чем обожженные огнем партизаны, оно лишит инсургентов главного – народной поддержки и симпатии.

Американский народ должен видеть в происходящем благородное дело; в противном случае очередные выборы выбьют из-под Буша абсолютно необходимую массовую поддержку. Солдаты имеют свои критерии, и если они станут думать, что страна забыла о них, вербовочные центры в США опустеют. Пока этого нет, но цифра жертв только недавно перевалила за три тысячи.

Парадокс: для победы инсургенту достаточно победить на одном участке; американцы для победы обязаны победить на всех трех. Американские войска имеют безусловное превосходство в вооружении, мобильности и выучке. Но инсургенты преобладают в разведке. Если американцы точно знают, где скрываются партизаны, они могут достаточно быстро их уничтожить. Но иракская герилья пользуется симпатией своего народа и ей легче ускользнуть. Американцы полагаются на коллаборационистов.

Во Вьетнаме «уничтожение врага» за счет «завоевания сердец вьетнамского народа» оказалось ошибочной стратегией. Если они пойдут по старой дорожке, то рискуют поражением. В 14 из 18 провинций Ирака американцы, опираясь на шиитов и курдскую «Пеш Мергу», заняли довольно прочные позиции. Это американская «зеленая зона». Но в провинциях Анбар, Багдад, Ниневия, Салах-ад-Дин – «красный» пояс – инсургенты чувствуют свою силу.

Специалисты предлагают сначала укрепить позиции в «зеленой зоне», включить американских солдат в сотрудничающие с ними правительственные части – даже если это грозит большими американскими потерями. Подготовив войска, начать наступление на «красный» пояс. Американскому командованию следует ускорить ротацию солдат. Генералов, показавших способности в Афганистане и Ираке в сотрудничестве с местным правительством, следует вызвать из запаса.

Наступление должна начинать правительственная иракская армия. Обязателен контроль над Багдадом и Мосулом. Заниматься постоянным поиском племен, склонных к взаимодействию. Следует быстрее отдавать контроль над «замиренной местностью» местным политическим лидерам. Но обязателен и постоянный контроль, вылазки в «красный» пояс с тем, чтобы избежать консолидации сил инсургентов. Вначале небольшие патрульные группы американской армии; затем части новой иракской армии.

Что предлагается конкретно

Ныне предлагается сократить 140-тысячную армию США в Ираке на 20 тысяч – как начало процесса²²⁴. Оставлять в действующих войсках умелых генералов, способных найти общий язык с населением.

Но главное, что предлагают лучшие американские специалисты – найти почву для грандиозного компромисса, который смог бы связать воедино все религиозные и этнические группы Ирака. Для этого нужно досконально разобраться во всех тонкостях иракской внутренней политики; США *должны* помочь Багдаду создать систему национальной информации. Чтобы *сами* иракцы интерпретировали происходящее вокруг. Именно в этом

---

²²⁴ Krepinevich A. How to Win in Iraq («Foreign Affairs», September/October 2005, p. 69.

Вашингтон обязан оказать Багдаду самую большую помощь. Только это способно разбить систему трайбализма в разоренной стране; без этого гражданская война практически неизбежна. До сих пор президент Буш «ошибочно решал свою иракскую задачу»²²⁵.

Его курс отличался культурным невежеством, непониманием характера конфликта и «удобным» – «делай все как прежде».

Изменить стратегию будет тяжело по четырем соображениям.

Во-первых, создание коалиции за «общенациональную сделку будет очень сложным делом – слишком долго сражались друг с другом сегменты иракского общества, слишком непонятны им Соединенные Штаты.

Во-вторых, военное руководство США должно преодолеть страх перед ростом потерь в войсках, ослабление тяги к рекрутированию в США, долго держать мощные силы на линии огня.

В-третьих, не терять веру в формируемую иракскую армию.

В-четвертых, в Вашингтоне должен быть создан центр всей разведки в Ираке, анализ должен быть постоянным.

Несмотря на периодические бодрые заявления Пентагона, в Америке растет чувство, что Ирак – проигранное дело. В январе 2006 года в Вашингтоне собрались более 600 специалистов (индустрия, войска, академические ученые) по вполне конкретной проблеме: как совладать смертельно опасные «импровизированные взрывные устройства» ИВУ, ставшие едва не главным средством поражения от рук иракских инсургентов. Заместитель министра обороны Гордон Инглэнд заявил присутствующим, что у них моральный долг перед армией, страдающей от импровизированных изобретений иракского сопротивления. Собраны были лучшие умы. Задача – что противопоставить ИВУ? Именно они убивают основную массу погибших американских солдат. Пентагон указал, что только двадцатый американец гибнет от пули в Ираке. В основном же от ИВУ. В 2004 году в Ираке при дорогах было найдено 5607 «грязных бомб», а в 2005 году – вдвое больше – 10 953. В те же дни оплачиваемый Пентагоном частный доклад Эндрю Крепиневича призвал к изменению тактики в Ираке. Рекрутирование в 2005 году впервые стало ниже критических показателей, что было названо эрозией армии. Генерал Джордж Кейзи сказал, что силы армии в Ираке распылены. А босс Пентагона Дональд Рамсфелд в присущей ему жесткой манере отверг критику Крепиневича, военного аналитика. Но на дороге критики немедленно встали демократы во главе с бывшим главой Пентагона Уильямом Перри. Они были солидарны с критиками поведения американской армии в Ираке.

Мир, который хуже войны

Прошло четыре года после майского триумфа 2003 г. Но насилие и повстанческое движение в Ираке растет и не видно его предела. Выступая на партийном съезде лейбористской партии, премьер-министр Блэр сказал, что получает письма тех, кто потерял близких на войне. «Не верьте тем, кто говорит, что получающие такие письма люди не испытывают страданий и сомнений». Буш: «Я не испытывал сомнений».

13 декабря 2004 г. американцы обнаружили Саддам Хусейна, небритого и очевидно дезориентированного, в небольшой пещере у его родного города Тикрита.

Сомнения охватили даже тех, кто много лет считал свержение Саддама Хусейна национальной целью Соединенных Штатов. Боб Вулфовиц – даже он – стал задавать вопросы, стоила ли война раскола страны, усиления шиитов, обострения курдской проблемы. Он трижды посетил Ирак на протяжении девяти месяцев после окончания основных боев. Для Вулфовица баасистская партия была аналогом фашистов в Италии и нацистов в Германии. Но и его охватили сомнения.

---

²²⁵ Krepinevich A. How to Win in Iraq («Foreign Affairs», September/October 2005, p. 71.

Правящая элита Америки, оглушенная одиннадцатым сентября, не сразу стала возвращать себе здравый смысл, в общем, и целом, присущий американскому народу. Стоявший во главе Группы обзора Ирака Дэвид Кэй, сказал Комитету по вооруженным силам американского сената 28 января 2004 г.: «Мы практически все допустили ошибку, в том числе и я». Он сказал, что проделано 85 процентов работы и не видно никакой надежды на нахождение Оружия массового поражения в Ираке. «Следует особо расследовать ошибки разведки, допущенные в поисках ОМП... Важно было бы признать эту ошибку, чтобы исправить веру сената и народа и президента разведывательным органам».

Люди типа Пауэлла самым внимательным образом читали показания Дэвида Кэя. Тенет даже не уволил его из ЦРУ. И это был человек, который признал, что допустил «ужасную ошибку». На слушаниях один из членов комиссии спросил Пауэлла: «Если бы Тенет накануне войны сказал вам то, что сегодня сказал Кэй, продолжали бы вы рекомендовать вторжение?». Пауэлл: «Я не знаю... Отсутствие запасов меняет всю систему рассуждений. Меняет характер ответа». Чиновники Белого дома затаили дыхание. Президент Буш продолжал настаивать, что решение начать войну против Ирака было правильным.

Присмотримся к поведению директора ЦРУ Тенета. 5 марта 2004 г. – ровно через год после речи Пауэлла об ОМП в ООН, Тенет выступил в Джорджтаунском университете. О поисках оружия массового поражения он сказал, что «мы проделали уже 85 процентов работы, но все умозаключения сейчас поневоле все еще являются преждевременными. Почему? Потому что мы нуждаемся еще во времени и в новых данных». ЦРУ вцепилось в идею, что любое предупреждение лучше бессмысленной пассивности. Но чем больше Тенет полагался на самоуверенность, тем слабее были его позиции. Но Буш сразу же после выступления Тенета в Джорджтауне позвонил Тенету: «Вы проделали прекрасную работу».

Кондолиза Райс уже давно была известна вопросом сотруднику ЦРУ: «Это факт или точка зрения?» – ответ: «Это точка зрения». Самым категорическим образом точку зрения выдал за факт вице-президент Чейни 26 августа 2002 г.: «*Нет сомнения в том, что Ирак имеет ОМП*».

Выигранная война и потерянный мир

Быстро шло время, и обозначились новые процессы: американцы начали критиковать иракцев за отсутствие благодарности, за нехватку инициативы, за неспособность принять вызов в собственном государстве. Американские солдаты все громче говорили о ненадежности иракцев, об иррациональности их людей, на помощь которым они якобы пришли. Shitheads. Консерваторы в США заявили, что этого не случится никогда, что американские войска будут стоять в Багдаде до тех пор, пока не будет создана дружественная им армия, способная отстоять свой союз с Западом. Сенатор Маккейн отпечатал максимум: «Невозможно уйти из Ирака и при этом надеяться на мир». А военный аналитик Фредерик Каган написал, что убедить суннитов оставить оружие практически невозможно. Они будут сражаться с шиитами, курдами, турками, христианами и другими иракцами до тех пор, пока не возвратят себе лидирующих позиций. Требуется более эффективная противоповстанческая стратегия.

Встал вопрос об уходе. Противники предпочли говорить о «преждевременном» уходе. Но все более важным стало мнение *противоположной стороны*. Обнародованное письмо правой руки Бен Ладена – Аймана аль-Дзавахири, направленное Абу Мусафу аль-Заркаи – ведущему террористу Ирака: Соединенные Штаты не выдержат, они покинут Ирак и Аль-Каида перенесет боевые действия на американскую территорию. Дзавахири изложил четырехступенчатый план, включающий в себя создание в Ираке халифата и расширение «волны джихада» на секулярные государства, окружающие Ирак; возобновление конфронтации с Израилем. Исполнение плана возможно только при реализации главной предпосылки – изгнания американцев из Ирака. Дзавахири заметил, что повторится коллапс

американской мощи во Вьетнаме, «и они побегут, оставляя коллаборационистов»²²⁶.

Окончание правления президента Буша уже обозначилось на горизонте, а угроза терроризма не ослабла. Возникла глубокая необходимость в пересмотре характера войны в Месопотамии. И обострились вопросы: в каком смысле, например, атаки войск сопротивления, начавшиеся 11 сентября 2004 г., представляют собой «войну»? Кто, собственно стал врагом Соединенных Штатов? Возникла ли угроза собственно континентальным Соединенным Штатам, и какова может быть американская реакция? Само американское правительство не склонно к самобичеванию и критицизму в отношении себя. Бремя здоровой критики падает преимущественно на американскую журналистику и на американских мыслителей, на экспертов и военных стратегов.

Мрачные итоги

Отсутствие позитивных перемен после национальных выборов в январе 2005 г. подорвало веру многих. Немалое число умных обозревателей объясняет происшедшее различиями взглядов «либеральных орлов» леводемократического фланга и либералов бушевского склада.

Все большее число американцев говорят, что именно американское присутствие в Ираке делает мир на Ближнем Востоке хрупким. Обратимся к этим дебатам.

И только когда «стоимость войны» в Ираке дошла в 2005 году до 250 млрд дол., иракской армии как таковой создано еще не было, а безработица в Ираке металась между 30 и 40 процентами – заколебались неколебимые. «Даже самые упорные среди адвокатов войны в Ираке на Западе теперь считают, что амбиции, с которыми Соединенные Штаты вторглись в Ирак, оказались ошибочными. Мост оказался слишком длинным».

Главное: *цивилизация мусульман объединилась*. «Самой драматической трансформацией, осуществленной исламизацией, явилось уничтожение национальных различий – иорданцы и бедуины из восточной пустыни, алжирские иммигранты из парижского пригорода, индонезийцы из Сулавеси – все они во все большей степени чувствуют себя единым сообществом с общими интересами. Остальное – вторично»²²⁷. Бенджамен и Саймон оценивают опросы 2005 года: «Образ Америки в мусульманском мире не был никогда более негативным, чем ныне – неважно, сколь благородно мы видим местные жертвы Америки».

В американской прессе сразу же начали появляться статьи, которые чуть позже составят книги под весьма говорящим заглавием «Была ли война в Ираке обреченной с самого начала» Джорджа Пакера и «Какое количество жертв американцы могут вынести?» В первой книге прямо говорится, что, была ли война 2003 года благоприятной для Ирака или она была для нее несчастьем – говорить рано, «но краткосрочные последствия уже были мрачными в плане того, стоило ли начинать войну и предвидимы ли были результаты послевоенной потрясающей некомпетентности»²²⁸. Те, кто полагал, что проект был обречен с самого начала, стали открыто утверждать, что только политически наивные и исторически неграмотные люди могли думать о создании жизнеспособной демократии на развалинах тирании Саддама Хусейна. Люди, стоявшие вокруг Джорджа Буша не удосужились даже ознакомиться с опытом Великобритании по умиротворению Ирака в начале 1920-х годов. Ни один регион в мире не является более ложным для экспериментов в строительстве

---

²²⁶ McCain J. Stay to Win. («Current history») January 2006, p. 9.

²²⁷ Benjamin D. and Simon S. The Next Attack: The Failure of the War on Terror and a Strategy for Getting It Right. New York: Henry Holt. 2005 p. 117.

²²⁸ Parker G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005, p. 12

демократии, чем Ближний Восток – и невежество людей на Потомаке просто поразительно. А Ирак, прошедший через огонь угнетения, войн и санкций, разделенный по религиозным и этническим признакам – наименее приемлемая страна для демократических опытов.

Советники и наблюдатели, которые в самом начале предупреждали об опасностях оккупации, были полностью проигнорированы. Вместо того, чтобы на ранней стадии мобилизовать все американское правительство на то, чтобы задать и дать ответ на сложные вопросы трансформации иракского общества, администрация Буша полностью проигнорировала соответствующую экспертизу, включая серьезные наработки государственного департамента. Иракские иммигранты, которые утверждали, что освобожденный народ Ирака с радостью примет за сотрудничество с американцами, были восприняты *излишне серьезно*.

Уверенность Буша, что иракскую проблему можно решить без особых, «сверхъестественных» усилий победила и завела Америку в дипломатические и военные джунгли. Наплевательское отношение к последствиям породило зверя, с которым американский Левиафан не может (а может, *не сможет*) справиться. Многие ошибки хорошо видны сейчас: нежелание Пентагона подготовить больше войск для послевоенного управления страной, неадекватная тренировка на этот счет, беспечность в отношении хаоса и грабежа в разбитом саддамовском государстве, решение распустить покоренную армию Ирака «по домам», отсутствие четкой позиции в отношении бывших членов партии БААС, болото этнического непонимания, обращение в американских тюрьмах с заключенными именно в духе саддамовской пенитенциарной системы – все это превратило веселую прогулку в Месопотамии во второй Вьетнам.

Только после окончания войны, когда стало ясно, что режим Саддама не представляет опасности Соединенным Штатам, администрация Буша начала выдвигать проблемы гражданских прав и демократии как объяснение американского вторжения в Ирак. Для убедительности это слишком поздно. Мир уже убедился в некомпетентности американского правительства.

Потери

Но наибольшее влияние на американское общество оказали – как прежде в Корее и Вьетнаме – потери американских войск. В ноябре 1999 года газета «Вашингтон пост» опубликовала статью социологов Кристофера Гелпи и Питера Фивера, в которой говорилось, что американский народ готов заплатить 29 853 жизнями своих солдат ради «предотвращения захвата Ираком средств массового поражения». Сейчас такая цифра никак не смотрится реалистичной.

Стало действовать простое правило: «по мере роста потерь национальная поддержка ослабляется». Исследователь Джон Мюллер отмечает, что внутриамериканская поддержка войне в Ираке сократилась столь быстро, что можно говорить о уже обозначившем себя «иракском синдроме» – произведенном американскими потерями отвращении к будущему использованию войск США в странах, подобных Ираку²²⁹.

Падение популярности в американской войне против Ирака особенно очевидно в «период инсургентов», между июнем 2003 и июнем 2004 года. Мы видим как падает популярность президента Буша как реакция на гибель американских солдат в теряющей свой смысл войне. Затем следует некоторый перерыв после июня 2004 г., когда администрация Буша постаралась восстановить суверенитет Ирака и начала подготовку к выборам, безудержно подчеркивая свои мнимые успехи в иракской трагедии. Этот благоприятный для президента Буша период завершился, и примерно между июнем и ноябрем 2004 г. (предвыборный период в США) безудержная пропаганда как бы остановила процесс

---

²²⁹ Mueller J. The Iraq Syndrome («Foreign Affairs», November/December 2005).

изменения отношения к войне на некой мертвой точке. Так между июлем и ноябрем 2004 г. американцы потеряли 300 человек, но рейтинг президента Буша оставался практически на одной точке. В 2005 году связка между потерями и отношением к войне оставалась едва ли на прежнем уровне вплоть до марта. И только затем глубокое недовольство (Фаллуджа и другие битвы плюс январские выборы в Ираке) начало свое новое движение, уничтожая прежнюю массовую поддержку президента Буша.

Сами американцы отмечают, что то, для чего понадобились *тысячи* жертв американских солдат во Вьетнаме, потребовало в Ираке *сотни* погибших. Значит ли это, что Вьетнам в Америке ценили больше, чем Ирак? (Политолог Джон Мюллер считает, что *в десять раз*). Со времени Вьетнама технический прогресс американских вооруженных сил был столь значителен, что стоимость потерь возросла, американская публика с меньшей доверчивостью переживает боевые потери.

Примем во внимание то обстоятельство, что отвращение к войне ввиду людских потерь происходит быстрее в первый период войны, когда изменяется решимость колеблющихся. Но общая тенденция неизменна: «Значительное и продолжительное изменение в эрозии поддержки войны в Ираке уже невозможно. Те, кто уже считает стоимость войны излишне высокой, не изменят своего мнения даже в том случае, если сообщения с фронтов станут более благоприятными»²³⁰. Те, кто отказался от поддержки войны на ранней стадии, едва ли уже изменят свою позицию.

Встает радикальный вопрос: Не следует ли американцам «подняться выше всяких фобий и признать поражение».

Выборы, дебаты

Знаковым явлением для пребывания американцев в Ираке были выборы в иракский парламент в январе 2005 г. Возможно, наиболее примечательным обстоятельством этих выборов было избрание невиданного числа женщин – 31 процент – в иракский парламент. Это в два раза больше, чем в конгрессе США. Но более важным было то, что нетрудно было предсказать – сокрушительную победу шиитов, отразившую демографический фактор. Взаимное недоверие шиитов и суннитов никак не ослабло.

Впервые за несколько лет американцы усомнились в возможности создать эффективную курдскую армейскую машину. Все дело в том, что нет массовых сил, для которых убедительным *кредо* была бы преданность Ираку как таковому в целом – не важно, внутри правительства или за ее пределами. Взаимное недоверие пока непреодолимо. Хуже то, что полиция и силы госбезопасности никак не могут себя идентифицировать с неким абстрактным «Ираком»; они предельно верны своим этнорелигиозным кланам.

Некоторые части иракской армии, находясь под плотным давлением американцев, были удалены от функции орудия сектантской борьбы, но большинство шиитов, курдов и суннитов и *основная* часть одетых в военную форму иракцев служили своему сообществу, а не иракскому государству. Важно отметить и то, что большинство шиитских лидеров вовсе не намеревались ссориться с американцами, не получив от них еще много широким жестом обещанного. Шииты видели приближение гражданской войны и США был главным источником бесшабашного вооружения тех, кто казался американцам защитником их интересов. В то же время следует отметить, что такие задачи как формирование мощной полиции, так и не были выполнены. Здесь в бешенство приходили американцы: помощь шиитской полиции оказывал Тегеран.

Любая серьезная попытка заставить иракцев «делиться властью и могуществом» будет иметь результатом либо быстрое сокращение американских войск, либо полный вывод американских войск, за которым в Ираке может последовать быстрая эскалация насилия

---

²³⁰ «Foreign Affairs» January/February 2006, p. 143.

вплоть до этнических чисток в масштабах всей страны. А если озлобить шиитов резко и окончательно, то они немедленно перейдут под крыло Ирана.

В любом случае следует признать, что центральное правительство Ирака *не в силах* остановить бойню между отдельными частями страны. Американцам остается идти проторенной тропой – поддерживать центральную милицию, хотя каждый знает, что эта милиция подчиняется, прежде всего, шиитской партии UIA. Самые активные «эскадроны смерти – это „Бригады Бадра“», вооруженное крыло Высшего Совета Исламской Революции, которое контролирует Министерство внутренних дел. Очень могущественной является «Армия аль-Садра Махди», возглавляемая Муктадой.

Ирак оказался разбитым на отдельные религиозно-этнические кантоны. По мере растущего всеобщего озлобления отдельные регионы, города и даже села замыкаются в себе, создавая калейдоскопическую картину. Некоторые регионы, изгоняя «чужих», уже стали моноэтническими. В шиитскую и суннитскую милиции поступают все новые волонтеры. Свободное передвижение между суннитскими и шиитскими районами затруднено. Везде ошетинились блокпосты, которые охраняет местная милиция, а не центральная армия Ирака.

Глава восемнадцатая Возвышение Ирана

Открытие священных городов Наджафа и Карбалы подвигло многие тысячи иранцев посетить эти святые для шиитов места. Иранцы начали инвестировать в иракскую промышленность и сельское хозяйство. Через пограничный город Мехран проходят ежегодно товары на 1 млрд дол.

Багдад уступает Тегерану

Мэдлин Олбрайт и Уильям Коэн (министр обороны при Клинтоне) пришли к заключению, что все зависит от шиитского Ирана. Это мнение стало еще более влиятельным, когда к нему присоединился Колин Пауэлл.

Источник: «Foreign Affairs», July/August 2006, p. 65.

Иранское правительство попросило «Хезболлу» создать специальные тренировочные лагеря для иракских повстанцев. Так или иначе, иранцы убивали американских солдат – акт войны. А ведь Буш победил под лозунгом «Никаких Картеров и Клинтонов», не желающих применять американскую мощь. Что же делать с Ираном? А что будет, если иранцы поставят ЕФП на поток и массами заполонят новой взрывчаткой весь Ирак? Что, если ЕФП дадут суннитам? Ситуация в Ираке и вокруг него изменилась радикально.

Всего шесть лет назад шиитский Ирак был окружен валом суннитских режимов: Ирак и Саудовская Аравия на западе, Пакистан и Афганистан на востоке. Понятно, что иранцы приветствовали падение этого суннитского вала. Особенно иранцы были довольны крушением режима Саддама Хусейна, который 30 лет сдерживал Иран. Именно война с Ираком обескровила революцию Хомейни.

Теперь, освобожденные от страха перед Саддамом на западе и Талибана на востоке, Тегеран воспрял духом. Теперь Тегеран поддерживает единоверцев в Бахрейне, Ираке, Кувейте, Ливане, Пакистане, в Саудовской Аравии. Иран благодарен американцам за крах Багдада и Кабула – это значительно укрепило Тегеран.

Итак, по мере того как американская армия и ее союзники истребляли живую силу Ирака, крушение Ирака открыло дорогу к лидерству в ближневосточном регионе шиитам, которые всегда были меньшинством в мусульманском мире, но волею обстоятельств вырвались к командным высотам в регионе. Транснациональные исламские группы смотрят

теперь на Иран, мощь которого несказанно возрастет с достижением ядерного статуса. У Ирана, в определенном смысле, нет соперников. Саудовская Аравия слаба в геостратегическом смысле, да ее правящая династия и сама ощущает свои слабые стороны, она готова на отступление ради сохранения династии. Эр-Риад не может замкнуться в авторитаризме и вынужден пойти на политические реформы. Египет сотрясает внутреннее недовольство. Пакистан владеет большим населением и ядерным оружием, но у него неконтролируемое недисциплинированное население, делающее шаткими региональные амбиции Исламабада. Туркам придется смириться с «государством внутри государства – четырех с половиной миллионным Северным Курдистаном в новом Ираке. Иракские сунниты могут оказаться под опекой Саудовской Аравии, хотя боязнь трансплантировать „остров интифады“ может отпугнуть саудовцев.

Только Иран способен направить эволюцию ближневосточного региона в ту или иную сторону, только эта страна может эффективно повлиять на Иерусалим и Багдад посредством воздействия на самые действенные мусульманские организации, такие как «Хезболла» и «Хамаз». Только Иран способен остановить поток нефти из Персидского залива. Именно Тегеран определяет, сколько нефти пройдет через пролив Ормуз, равно как только Иран имеет свое «слово» в Каспийском море. Практически главное: от Ирана зависит поток нефти в Китай и Индию. Будучи долгое время парией Америки, Иран полностью оценил значимость двусторонних соглашений с Китаем и Индией.

Последняя, как видится, не прочь выступить в роли внешнего опекуна – или «естественного ментора» Ирана. Сближению содействует планируемый газопровод, который пересечет Пакистан, чьи позиции в таком «сэндвиче» несомненно ослабнут. К стратегическому партнерству с Ираном будет стремиться и Китай, нервничающий по поводу гарантированности энергетического пути, гарантированного доступа в Персидский залив и Центральную Азию. Имея дело с новым «мировым квадратом» – Китай, Индия, Пакистан, Иран, Соединенные Штаты так или иначе будут вынуждены относиться к Ирану с большим уважением.

Новый региональный лидер

На Ближнем Востоке центром раскола и раздела будет шиитский Иран; образуется полумесяц от Бейрута до Исламабада. В китайском направлении двинется шиитский восток, а сунниты повернутся в атлантическом направлении. Газовый король – Россия и нефтяной король – Саудовская Аравия будут составлять своего рода стержень или балансир посередине. В этой долговременной перспективе Саудовская Аравия окажется во власти Аль-Каиды или салафистского джихадистского движения, которое тоже постарается сыграть на противоречиях Востока и Запада.

Ныне, когда американцы отчаянно стараются овладеть контролем над Афганистаном и Ираком (а по возможности, и над Ираном), в основных мировых столицах растет убеждение в том, что подлинная значимость ближневосточного региона в ближайшие два-три десятилетия уменьшится. Большинство специалистов связывают это с переходом мировой экономики от нефти к водороду. ОПЕК потеряет свое центральное место в мировой экономике, а Персидский залив «потеряет» ключи от будущего. Салафисты постараются сделать так, чтобы Запад ушел из Ближнего Востока. А если нет, то фундаменталисты постараются столкнуть «жадный» Запад с «нуждающимся» Востоком. Уход Запада, в первую очередь, США из региона освободит руки Бен Ладену.

Ныне на Ближнем Востоке идет своеобразная гонка. Аль-Каида стремится обогнать глобализацию, чтобы предотвратить процесс западной интоксикации. Саудовский королевский двор соревнуется против Аль-Каиды, желая отправить саудовскую молодежь на работу, открывая при этом консьюмеризм Запада. Соединенные Штаты соревнуются со временем, стремясь превратить Ближний Восток в свой бастион до перехода на водородную экономику (что сразу же лишило регион геополитической значимости). Азия тоже борется

со временем, стремясь как можно быстрее увеличить свою долю в кислородном топливе, не вторгаясь при этом в неразрешимые проблемы данного региона.

Два основных прогноза: Ближний Восток либо станет фланговой частью Запада, либо он останется полем битвы между Западом, устающим от неудачных попыток стабилизировать регион, и поднимающимся Востоком, вынужденно перенимающим здесь во главе с Китаем и Индией прежнюю роль Запада, который неприемлем здесь как «имперский» (Америка) и как впадающий в быстрый демографический упадок (Западная Европа).

А ведь мы еще не касались даже палестино-израильского конфликта. В великом переходе Ближнего Востока из-под западного влияния в восточноазиатское, этот конфликт будет терять свою масштабность. С места «определивателя» цивилизационных отношений палестино-израильский конфликт отойдет в арьергард великих событий. Место безусловного лидера региональной эволюции займет не Израиль, не Саудовская Аравия, а Иран – заметим, не суннитский и не арабский, а шиитский и персидский. Уникальность Ирана будет не препятствовать, а помогать Тегерану. После антиядерной битвы Америка приложит огромные усилия для сближения с Ираном, выделяющимся из общего ряда. Вашингтон очевидным образом заинтересован в том, чтобы поддерживать как раз *антиарабскую* тенденцию в регионе. А обеспечить это может только Иран. Панарабизм долгие годы был извиняющимся мотивом отказа от реформ, обвинения Израиля, стагнации политического прогресса. Для США это становится уже достаточно опасным.

Крушение Ирака откроет Ирану дорогу к лидерству. Транснациональные исламские группы смотрят теперь на Иран, мощь которого несказанно возрастет с достижением ядерного статуса. У Ирана, в определенном смысле, нет соперников. Саудовская Аравия слаба в геостратегическом смысле, да ее правящая династия и сама ощущает свои слабые стороны, она готова на отступление ради сохранения династии. Египет сотрясает внутреннее недовольство. Пакистан владеет большим населением и ядерным оружием, но у него неконтролируемое недисциплинированное население, делающее шаткими региональные амбиции Исламабада.

Только Иран способен направить эволюцию ближневосточного региона в ту или иную сторону, только эта страна может эффективно повлиять на Иерусалим и Багдад посредством воздействия на самые действенные мусульманские организации, такие как Хезболла и Хамаз. Только Иран способен остановить поток нефти из Персидского залива. Именно Тегеран определяет, сколько нефти пройдет через пролив Ормуз, равно как только Иран имеет свое «слово» в Каспийском море. Практически главное: от Ирана зависит поток нефти в Китай и Индию. Будучи долгое время парией Америки, Иран полностью оценил значимость двусторонних соглашений с Китаем и Индией.

Вспомним, шах Ирана предпочитал опираться на Америку. В Вашингтоне об этом хорошо помнят; здесь надеются, что то *не был* просто случай связки шаха Пехлеви и президента Никсона. Здесь хотят видеть объективные предпосылки. Иран весьма долгое время был предпочтительным партнером Соединенных Штатов на Ближнем Востоке.

В Соединенных Штатах разгорелась целая дискуссия о том, что «Иран, якобы, не может быть патроном или помощником салафидского джихадистского движения типа Аль-Каиды. Будучи шиитским государством, Иран *иначе* определяет феномен «революции». Иранский авторитаризм никогда не стремился занять положение салафистского тоталитаризма. В Америке дошли до того, что сравнивают «педантичный постсталинский авторитаризм» иранских лидеров с «маоистско-троцкистским революционным порывом» арабских революционеров. Да, нынешний Иран как и брежневский Советский Союз не прочь был использовать транснациональные террористические движения, но это было «циничное преследование национальных целей, а не фантастический порыв изменить весь мир»²³¹.

---

²³¹ Barnett Th. *Blueprint for Action, A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 99.

По мнению ряда американских политологов, шиитский революционный дух «умер» в Иране весьма давно, оставляя после себя циничный политический порядок, где муллы претендуют на высшее руководство, где граждане склонны подчиняться, где правительство претендует на реформаторскую роль в удивительно молодом иранском мире, стремящемся к лучшей жизни и далекого от преданности аятоллам. Это общество на Западе сравнивают с позднереволюционным, характерным упадком идеологии и цинизмом.

Иран сумеет создать ядерное оружие несмотря на международное противодействие. «После того как администрация Буша сокрушила Талибан на восточных границах Ирана, и режим Саддама Хусейна на западных, Иран не смог избежать ядерного искушения – и сделал это быстро – в то время когда США были заняты Афганистаном и Ираком»²³². Складывается впечатление, что Иран был даже *удовлетворен* крахом двух своих соседей; их поражение увеличило относительный вес Тегерана.

В Америке растет убеждение, что Иран может быть наиболее ценным союзником США – надо только отгеснить аятолл. «Невероятно? – спрашивает в Пентагоне Томас Барнетт. – Не более невероятно, чем получение согласия России на американское доминирование как в Персидском заливе, так и в Центральной Азии, не говоря уже о Восточной Европе, ныне влившейся в НАТО и ЕС. В конце концов, мы в свое время преследовали политику детанта с очень похожим „порочным“ режимом в Советском Союзе в начале 1970-х годов („усталый“ авторитаризм), обанкротившаяся идеология, помощник транснационального терроризма, палец на ядерной кнопке и добились того, что в последующие годы сокрушили этот режим, превратив его в своего союзника»²³³.

Укрепляются позиции тех, кто считает, что настало время изменить нелепую ситуацию, когда иранское правительство ненавидит США, а весьма широкие круги относятся с симпатией. Надо произвести размен: Ирану позволено получить бомбу, дипломатическое признание, снять санкции и расширить торговлю – убрать Иран с американского листа «оси зла». В обмен Иран обязан предложить Соединенным Штатам долгосрочную программу разрешения израильско-палестинского кризиса и прекратить помощь террористическим организациям, оказать давление на Сирию, чтобы прекратить сирийское давление на Ливан, дипломатически признать Израиль.

Строго говоря, это не вопрос выбора. Без умиротворения Ирана Америка не может рассчитывать на свой вариант ближневосточного развития, при котором Израиль будет обеспечен, а консервативные режимы Пакистана, Египта и Саудовской Аравии будут держаться в сени американских штыков. Платой за бомбу Ирану станет безусловное американское доминирование в регионе. До сих пор противостояние арабского мира с Израилем было самым наглядным показателем технологического превосходства Израиля в его конфликте с четвертью миллионами арабов. Иранское стратегическое вооружение ослабит это противостояние к благу Америки. «Иранское обладание ядерным оружием уравнивает стороны, позволяя мусульманскому Ближнему Востоку сидеть за столом переговоров с Израилем на равных. Это – критическое обстоятельство... Два примерно равных партнера – значительно более устойчивое уравнение, чем постоянный дисбаланс»²³⁴. Даст ли Тегеран бомбу террористам? Только в том случае, если Тегеран не сможет добиться своих целей непосредственным переговорным процессом с Западом. Зачем ожесточать Иран, если он *все равно* добьется своего. Спокойное восприятие его вооружения даст Соединенным Штатам мощного мусульманского партнера.

---

²³² Barnett Th. *Blueprint for Action, A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 100.

²³³ Barnett Th. *Blueprint for Action, A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 101.

²³⁴ Barnett Th. *Blueprint for Action, A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 102.

Вашингтон: поменять бомбу на дружбу

Вспомним, шах Ирана предпочитал опираться на Америку. В Вашингтоне об этом хорошо помнят; здесь надеются, что то *не был* просто случай связки шаха Пехлеви и президента Никсона. Здесь хотят видеть объективные предпосылки. Иран весьма долгое время был предпочтительным партнером Соединенных Штатов на Ближнем Востоке.

В Соединенных Штатах разгорелась целая дискуссия о том, что «Иран, якобы, не может быть патроном или помощником салафидского джихадистского движения типа Аль-Каиды. Будучи шиитским государством, Иран *иначе* определяет феномен «революции». Иранский авторитаризм никогда не стремился занять положение салафистского тоталитаризма. В Америке дошли до того, что сравнивают «педантичный постсталинский авторитаризм» иранских лидеров с «маоистско-троцкистским революционным порывом» арабских революционеров. Да, нынешний Иран как и брежневский Советский Союз не прочь был использовать транснациональные террористические движения, но это было «циничное преследование национальных целей, а не фантастический порыв изменить весь мир»²³⁵.

По мнению ряда американских политологов, шиитский революционный дух «умер» в Иране весьма давно, оставляя после себя циничный политический порядок, где муллы претендуют на высшее руководство, где граждане склонны подчиняться, где правительство претендует на реформаторскую роль в удивительно молодом иранском мире, стремящемся к лучшей жизни и далекого от преданности аятоллам. Это общество на Западе сравнивают с позднебрежневским, характерным упадком идеологии и цинизмом.

Иран сумеет создать ядерное оружие несмотря на международное противодействие. «После того как администрация Буша сокрушила Талибан на восточных границах Ирана, и режим Саддама Хусейна на западных, Иран не смог избежать ядерного искушения – и сделал это быстро – в то время когда США были заняты Афганистаном и Ираком»²³⁶. Складывается впечатление, что Иран был даже *удовлетворен* крахом двух своих соседей; их поражение увеличило относительный вес Тегерана. В Америке растет убеждение, что Иран может быть наиболее ценным союзником США – надо только оттеснить аятолл. «Невероятно? – спрашивает в Пентагоне Томас Барнетт. – Не более невероятно, чем получение согласия России на американское доминирование как в Персидском заливе, так и в Центральной Азии, не говоря уже о Восточной Европе, ныне влившейся в НАТО и ЕС. В конце концов, мы в свое время преследовали политику детанта с очень похожим „порочным“ режимом в Советском Союзе в начале 1970-х годов („усталый“ авторитаризм, обанкротившаяся идеология, помощник транснационального терроризма, палец на ядерной кнопке) и добились того, что в последующие годы сокрушили этот режим, превратив его в своего союзника»²³⁷.

Укрепляются позиции тех, кто считает, что настало время изменить нелепую ситуацию, когда иранское правительство ненавидит США, а весьма широкие круги относятся с симпатией. Надо произвести размен: Ирану позволяет получить бомбу, дипломатическое признание, снять санкции и расширить торговлю – убрать Иран с американского листа «оси зла». В обмен Иран обязан предложить Соединенным Штатам долгосрочную программу разрешения израильско-палестинского кризиса и прекратить помощь террористическим организациям, оказать давление на Сирию, чтобы прекратить сирийское давление на Ливан, дипломатически признать Израиль.

---

²³⁵ Barnett Th. *Blueprint for Action, A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 99.

²³⁶ Barnett Th. *Blueprint for Action, A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 100.

²³⁷ Barnett Th. *Blueprint for Action, A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 101.

Администрация Буша откликнулась на решение иранцев продолжить ядерные исследования запросом в конгресс о выделении 75 млн дол. на цели «поддержки чаяний иранского народа». В то время как иранцы подтвердили начало процесса закачки шестифтористого урана в газовые центрифуги на заводе в Натанзе, госсекретарь США Кондолиза Райс потребовала от конгресса увеличить почти в десять раз ассигнования на цели «поддержки демократии» в Иране. Американская администрация приняла решение о круглосуточном телевещании на фарси. Будет также расширено вещание на фарси «Голоса Америки» и некоторых «частных каналов». За счет американского госбюджета будет оплачиваться «учеба иранских студентов за рубежом», будут созданы ориентированные на Иран интернет-страницы.

Строго говоря, это не вопрос выбора. Без умиротворения Ирана Америка не может рассчитывать на свой вариант ближневосточного развития, при котором Израиль будет обеспечен, а консервативные режимы Пакистана, Египта и Саудовской Аравии будут держаться в сени американских штыков. Платой за бомбу Ирану станет безусловное американское доминирование в регионе. До сих пор противостояние арабского мира с Израилем было самым наглядным показателем технологического превосходства Израиля в его конфликте с четвертью миллионами арабов. Иранское стратегическое вооружение ослабит это противостояние (как надеются многие в Вашингтоне – благу Америки). «Иранское обладание ядерным оружием уравнивает стороны, позволяя мусульманскому Ближнему Востоку сидеть за столом переговоров с Израилем на равных. Это – критическое обстоятельство... Два примерно равных партнера – значительно более устойчивое уравнение, чем постоянный дисбаланс»²³⁸.

Удар по Ирану?

Многие американские специалисты всерьез сомневались в том, что администрация Буша может нанести удар по Ирану. Но в конце марта 2006 года эти сомнения начали ослабевать.

Вице-президент Ричард Чейни произнес важную речь, в которой содержалась угроза, направленная против Ирана. Государственный секретарь США Кондолиза Райс заявила перед Конгрессом США, что Иран является самым серьезным вызовом Америке. Президент США Буш обвинил Иран в пособничестве нападению на американских солдат. «Неоконсерваторы бьют в барабаны, в то время как кабельные средства массовой информации обрамляют свои сообщения баннерами с такими словами, как „обратный отсчет“ и „решительное выяснение отношений“. Месяцами я говорил тем, кто брал у меня интервью, что никакой высокопоставленный политик или военный не рассматривает всерьез военное нападение на Иран. В последние несколько недель я изменил свое мнение»²³⁹. Джозеф Циринционе: «Я им доказывал, что военный удар стал бы губительным для Соединенных Штатов. Он привел бы к тому, что иранская общественность сплотится вокруг в остальном непопулярного режима; он разжег бы гнев против американцев во всем мусульманском мире; он поставил бы под угрозу и без того уже хрупкие позиции США в Ираке».

Новый натиск на Ближний Восток

В мае 2006 г. Кондолиза Райс спешно отправилась в Европу, чтобы обсудить новую настойчивость Ирана.

---

²³⁸ Barnett Th. *Blueprint for Action, A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 102.

²³⁹ «Foreign Policy», March 30, 2006, p. 45.

После определенной апатии 1990-х годов «Венера» Европа снова превращается в «Марса». Французы, англичане и немцы заняли главенствующие позиции в ядерных переговорах с Ираном. Европа еще не оставила свою волшебную палочку – «евроислам», доказывая, что между исламом и демократией нет китайской стены – по крайней мере, нет непримиримых противоречий, что шариат и Коран – это две разные вещи.

Россия видит в семидесятимиллионном Иране главный мост, ведущий в нефтяную кладовую мира. Она усматривает в дружественности Ирана залог российского преобладания в Каспийском море, преграду фанатикам на Северный Кавказ, гарантию от Турана. От сделок с Ираном Россия получает твердую валюту; строя атомную электростанцию в Бушере, Россия спасает свою атомостроительную промышленность.

Трудно назвать Иран легким партнером. В середине февраля 2006 года Тегеран отложил переговоры с Москвой относительно совместного строительства завода обогащения урана на российской земле и начал *собственное* обогащение урановой руды. И Тегеран не дал президенту Путину ожидаемых лавров миротворца на Ближнем Востоке. В апреле 2006 г. Тегеран принял российскую помощь пострадавшим от землетрясения, но отказался от отряда МЧС во главе с госпиталем.

Россия становилась разделенной. Часть ее прозападных идеологов продолжают пугать население страны появлением на ее южных границах вооруженного ядерным оружием клерикального режима, активно использующего новую ситуацию в регионе, где шиитский Ирак не сдерживает, а укрепляет шиитский лагерь, где семьдесят миллионов иранцев являют собой самое мощное независимое исламское государство.

Но вторая часть российских политологов возводит к Ирану свои надежды. Продажа семи ядерных реакторов Ирану обещает десять миллиардов долларов России и тесно связанную российско-иранскую позицию в критически важном регионе. В результате Москва, хотя и не сдержала порыв Америки (и Запада в целом) выдвинуть иранскую ядерную программу на рассмотрение Совета Безопасности ООН и не блокировала резолюцию МАГАТЭ в том же направлении, но сделала подход СБ ООН максимально мягким. Между 1990 и 1996 годами Россия продала Ирану оружия на более чем пять млрд дол. Затем, под давлением США, Москва прекратила эти столь значимые для нее поставки. Но в 2000 году, повинаясь приказу нового президента, Россия возобновила военные продажи Ирану. В октябре 2005 г. российская сторона продала Ирану на 700 млн дол. ракет «земля-воздух». Иранский рынок обещает России продажи оружия на 10 млрд дол. в ближайшие годы. Московское руководство все еще твердо надеется на согласие иранцев вместе обогащать горючее для иранских атомных реакторов. Ведь президент Ахмадинежад в этом вопросе подчиняется Высшему национальному совету безопасности, возглавляемому Верховным лидером аятоллой Али Хаменеи, судя по всему, склонному сотрудничать с Москвой.

Чем мотивирует Москва свои действия? Официально Иран имеет право развивать атомную промышленность в мирных целях и ни один из руководителей страны не обозначил в качестве цели *военное* вооружение Ирана. Но нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Иран создает мощные ракеты и объективно нуждается в поддержке своей независимой внешней политики.

Независимая позиция России была оценена представителем палестинского Хамаса, когда тот победил на выборах в Палестине, так: «Это представляет собой раскол западной позиции, формируемой и ведомой Соединенными Штатами»²⁴⁰. Иран пригрозил выходом из Договора о нераспространении ядерного оружия (выступление президента Ахмадинежада по поводу 27 годовщины Иранской революции). В исследовательском центре в Натанце, как уже говорилось, возобновились работы по разработке технологии обогащения урана. Нет сомнения в том, что президент Ахмадинежад полагается не только на дружественность

---

²⁴⁰ Zarakhovich Y. What Putin Hopes to Gain from Iran («Time», February 14, 2006).

России и Китая, но и на завязанность Америки в Ираке. Тегеран уверен, что, одновременно с Ираком, он представит собой мишень для США не может – американцы перенапряглись.

А Россия и Китай, как представляется, используют иранский кризис для ослабления американского всевластия на Ближнем Востоке. Специалисты считают, что Россия (как и Китай) не имеют желания видеть Иран ядерной державой, но американская гегемония на Ближнем Востоке устраивает ее тоже. Глава вашингтонского отделения российского агентства РИА «Новости» заявил, что США не могут рассчитывать на сотрудничество Москвы. «Десять лет назад, когда Россия была гораздо слабее в финансовом отношении, она могла принимать мелкие подачки. Но не сейчас – Россия не действует заодно с Европой, она действует самостоятельно. Россия хотела бы восстановить свой статус сверхдержавы, и не желает, чтобы ее считали младшим партнером, пресмыкающимся перед Западом... Москва считает Иран выгодным рынком для продажи оружия и хотела бы сохранить его».

Оценка американского генерала Стивена Бланка: отказ России от более тесного сотрудничества с США по иранскому вопросу является «попыткой России обрести статус противоположного полюса, расстраивая планы США в регионе». Американские специалисты полагают, что Иран может обрести статус ядерной державы примерно в 2008 году. Американцы утверждают, что тогда – в случае обсуждаемого тектонического сдвига на Ближнем Востоке, ядерный соблазн охватит Турцию и Израиль.

«Хезболла» и подобные

Даст ли Тегеран бомбу террористам? Только в том случае, если Тегеран не сможет добиться своих целей непосредственным переговорным процессом с Западом. Только в том случае, если «Хезболла» (и другие террористические организации) смогут дать Тегерану нечто, чего не сможет дать Запад. А, вообще говоря, зачем ожесточать Иран, если он *все равно* добьется своего. Спокойное восприятие его вооружения даст Соединенным Штатам мощного мусульманского партнера. Обеспечит безопасность Израиля. В какой ситуации Тегеран рискнет снабдить участников джихада оружием массового поражения: когда ему будет что терять, или когда ему нечего будет терять?

Если Америка желает видеть действия Ирана ответственными – тогда Вашингтон должен *сделать* Иран ответственным за важные процессы в ближневосточном регионе. В то же время, предлагая Тегерану *экономическую морковку* взамен желаемой агрессивно настроенными аятоллами *ядерной безопасности*, Америка создает неприемлемое сочетание факторов, при котором не могут выиграть *все* стороны. США получают мусульманского партнера в обеспечении безопасности в критически важном регионе, как бы противостоящего «больному человеку арабского мира» – Египту и даже замещающего королевскую мафию Саудовской Аравии.

Белый дом давно ищет приемлемый сценарий на Ближнем Востоке – показателем чего являются две войны, начатые в 2001 и 2003 годах. В условиях, когда западноевропейские союзники не смогли оказать убедительное давление на Тегеран, а Россия и Китай идут своим путем, неоконсерваторы и демократические империалисты в американской столице ищут новый вариант решения: третья война на Ближнем Востоке, похоже, им уже не по силам.

Если дело заходит так серьезно и размышления об ударе американских сил по иранским ядерным объектам приобретает характер конкретной и актуальной проблемы, то иранское руководство начинает искать надежное убежище на случай нового «шока» с американской стороны. По мнению западноевропейских аналитиков (Михаэль Лаубш – глава европейской исследовательской организации Eurasian Transition Group – и др.) тесные секретные переговоры между Тегераном и Ашхабадом касаются вопроса эвакуации руководства Ирана в Туркменистан, которому есть за что быть благодарным: на протяжении последних лет Иран построил туркменам первоклассную автомагистраль и железную дорогу, навел мосты через реку Теджен, поставил в неурожайные годы зерно и муку.

Как выстоять?

Казавшийся анемичным ближневосточный мир в начале XXI в. начал жесткое сопротивление главенствующей цивилизации. Только более софистичное понимание агонизирующего огромного мира ислама, раскинувшегося от Атлантического океана до Тихого, дает надежду межцивилизационному сближению, подлинную альтернативу террору с обеих сторон.

Реальной альтернативой является только полный выход американцев из Ирака. Вьетнамский вариант. Нет сомнения, что он болезненный и встретит тысячу «но». Однако все остальные сценарии так или иначе сводятся к усилению на берегах Персидского залива шиитов, к росту воинственности мусульманского мира, к сближению между собой нефтедобывающих стран. К потере союзнической дружественности важных партнеров. К сплочению обиженных развивающихся стран. К союзу России с Китаем и Индией.

Президент Линдон Джонсон вначале тоже и думать не смел об альтернативе американского триумфа, но к февралю 1968 года убедился в порочности всех насильственных вариантов. Президент Буш тоже начинает испытывать отвращение к бесконечным похоронам.

А союзники? Кроме верных бриттов, стоических японцев и угождающих поляков здесь уже нет союзнического половодья. А внутри страны? 11 сентября не имело продолжения, почему же Соединенные Штаты должны развернуться по всем азимутам? Почему они должны смотреть на карты Ирана, Сирии, Саудовской Аравии? Особенно важна своей нефтью последняя, но именно она *более неспособна* исполнять роль непотопляемого авианосца Америки на Ближнем Востоке. Напуганный Усамой бен Ладеном и общим антиамериканизмом, Эр-Риад перестает оказывать Америке безоговорочную помощь. Сначала саудовский королевский дом отдалился от Афганистана, а затем – от Ирака. «Давайте продолжать изображать превосходные отношения с Саудовской Аравией, а под прикрытием этого искать нового главного фаворита» – пишет Гендерсон²⁴¹. Все консервативные арабские режимы пока «складывают все яйца» в американскую корзину. Но они боятся, что речи о демократизации американцы вдруг начнут воспринимать серьезно. Никто не согласен своей рукой совершить самоубийство.

Большинство арабских правительств словесно – за победу американцев в Ираке. Но в глубине души они ждут американского поражения здесь. Да и сами американцы дрогнули. Чего стоят лишь тайные визиты в Ирак американского президента. А возможный претендент в президенты от демократической партии – генерал Весли Кларк: «Мы создаем больше врагов, чем союзников»²⁴². Ирак, в конечном счете, желает мира и самостоятельности.

Неустойчивость однополярности

Огромный мир, так или иначе, обязан обсуждать, что означает для него феноменальная американская мощь в XXI веке. Но эта мощь – не константа. В самих Соединенных Штатах не прекращается весьма ожесточенная полемика по поводу определения оптимальной линии поведения в мире – максимального могущества и минимального напряжения на внутренние экономические и силовые основы страны.

Америка после войны в Ираке стала «сверхдержавой минус». Глобальная симпатия уступила после войны в Ираке место широко распространенному подозрению в отношении подлинных мотивов реализации американской мощи. Максимумы типа «кто не с нами, тот

---

²⁴¹ Henderson S. The New Pillar: Conservative Arab Gulf States and US Strategy. Washington: Institute for Near East Policy, 2003, p. 17.

²⁴² Alternatives: Turkish Journal of International Relations. Spring/Summer 2005, p. 73.

против нас» могут породить лишь смятение в среде друзей и ненависть в стане потенциальных противников. «Возникает риск того, что за границей Америку будут воспринимать как поглощенную в свои проблемы; антиамериканская идеология будет набирать международный престиж по мере того как США будут вести себя как самоназначенный шериф»²⁴³.

Тактику президента Буша-младшего Збигнев Бжезинский называет «теологическим подходом». Его проблема в том, что практически никто в мире не разделяет его одностороннего подхода. «Определение терроризма как врага ведет к игнорированию того факта, что *терроризм является летальной техникой устрашения*, используемой отдельными индивидуумами, группами, государствами. Но невозможно вести войну против техники или тактики. Скажем, во Второй мировой войне никто не воевал с *блицкригом*»²⁴⁴. Никто не может игнорировать ту историческую реальность, что главной причиной направленного против США терроризма является американская *вовлеченность* в ближневосточную ситуацию. И терроризм и распространение средств массового поражения «являются симптомами болезненного состояния мировых проблем. Излечение требует последовательной стратегии, которой пока нет». Мир как бы осознал несправедливость условий человеческого существования в различных районах земли.

Беспрецедентный рост политического сознания «среди масс, сделал эти массы крайне восприимчивыми в отношении эмоциональной привлекательности национализма, социального радикализма и религиозного фундаментализма. Этим порывам способствуют осознание неравенства, понятное чувство зависти, раздражения, враждебности, интенсифицированным самовозвышающим культурным и религиозным презрением в отношении гедонизма привилегированных». В этой ситуации мобилизация масс не потребует особых усилий. Как признает Бжезинский, «в отличие от слабых, сильные не могут позволить себе роскошь свехупрощения». Первые, часто находя несовместимость ислама и других религий с модернизацией, бьются с «великим Сатаной», вторые обязаны проанализировать ситуацию. Но и первые имеют шанс. «Ислам теологически не более враждебен демократии, чем христианство, иудаизм или буддизм»²⁴⁵.

И все же, как полагает Бжезинский, на протяжении нескольких грядущих десятилетий самым опасным регионом земли, «мировыми Балканами», источником потрясений будут страны ислама. Основные битвы Америки произойдут именно здесь. Задачей целого поколения американцев будет умиротворение этого региона, где сконцентрирован наибольший объем политической несправедливости, социального бедствия, демографического роста, высокоинтенсивного насилия. Именно здесь сосредоточены 68 процентов мировых запасов нефти, 41 процент газа. Запад будет потреблять 60 процентов этих энергетических богатств (16 процентов – Западная Европа, 25 процентов – США, 19 процентов – Дальний Восток). Взрывным элементом региона является разделенный Курдистан и обиженная Палестина.

Бжезинский не верит в прочные американо-индийские узы – во-первых, причиной тому религиозная, этническая и религиозная мозаика, угрожающие единству индийского государства; во-вторых, враждебность Пакистана и Китая. Что касается России, то Бжезинский ставит под вопрос возможность ее превращения в главного стратегического партнера Америки. Он предполагает, что занятость Америки в Ираке подвигнет Москву на новое давление в отношении Азербайджана и Грузии. Он явно занижает значимость России как «нелюбимой» прежними зависимыми территориями. «Нынешняя российская

---

²⁴³ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 215.

²⁴⁴ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 28.

²⁴⁵ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 58.

неспособность служить социальным примером ослабляет ее значимость для США как международного партнера... В конечном счете Америка имеет лишь одного настоящего партнера в решении проблемы „глобальных Балкан“, и этот партнер – *Европа*, организованная в Европейский союз и интегрированная в военном отношении с Соединенными Штатами».

Ключевой вопрос будущего, согласно Бжезинскому, это «проснутся ли Соединенные Штаты окруженными ненавидящими их антиамериканскими демагогами, или Америка построит привлекательное мировое сообщество, имеющее общие интересы»²⁴⁶. Последнее не предполагает *мировое правительство*, которое Бжезинский называет непрактичной идеей – единственным мировым правительством может быть лишь американская глобальная диктатура (нестабильное, саморазрушающее предприятие).

Это осевая идея. Только союз с Европой кажется Бжезинскому залогом долгого американского глобального доминирования. «Будучи вместе, Соединенные Штаты и Европейский союз являют собой основу глобальной политической стабильности и экономического богатства». (Желательной была бы и поддержка этого союза Японией). На основе союза США и ЕС можно создать мощное международное сообщество, привлекательное для многих. Итак, *лидерство, а не доминирование*; привлечение европейских союзников, а не их высокомерное игнорирование, «интеллектуально ответственные усилия того, кого американский народ избрал своим президентом и который обязан приложить силы для просвещения собственного народа... И лишь два берега Атлантики, работая вместе, могут проложить подлинно глобальный курс, который улучшит состояние международных отношений». Трансатлантический альянс США-ЕС, вот на чем следует строить Соединенным Штатам мировую политику. Так советует традиционный «атлантический» истеблишмент нуворишам и новичкам неоконсервативной волны.

Исходя из этого базового элемента, Вашингтон должен формализовать систему отношений в треугольнике Америка-Япония-Китай. В противном случае Азия второго десятилетия XXI века будет напоминать Европу второго десятилетия XX века. Если же Япония и Китай сомкнут руки на основе односторонней ремилитаризации Японии (способной быстро стать ядерной державой), то в Американском мире произойдет нечто сродни военно-политическому цунами. Тогда Америке придется быть «одиноким крепостью на холме, отбрасывающей угрожающую тень на все низлежащее. Тогда на Америку будет сфокусирована ненависть всего мира»²⁴⁷.

США должны достичь максимально возможной в условиях технологической революции безопасности – но не за счет собственного ухода в свою североамериканскую скорлупу, ибо тогда «мир немедленно погрузится в политически хаотический кризис. Европа, будучи в состоянии брожения, устремится к особому соглашению с Россией. На Дальнем Востоке, на корейском полуострове разразится война, которая ускорит ядерное вооружение Японии. В Персидском заливе Иран станет доминирующей державой, угрожая соседям-арабам». Американцам придется немедленно вступить в локальные войны, чтобы сократить их масштабы.

«Политически мощная Европа, способная конкурировать экономически и не зависящая более от Соединенных Штатов, практически неизбежно будет противостоять Америке в двух регионах, стратегически важных для Америки: на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Соперничество будет особенно ощутимо на Ближнем Востоке, находящемся рядом с Европой и откуда Европа получает столь необходимую ей нефть»²⁴⁸. И все же именно здесь,

---

²⁴⁶ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p.217.

²⁴⁷ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 229.

²⁴⁸ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 91.

по мнению Бжезинского, пролегает главная линия, способная помочь доминированию Америки в мире на несколько ближайших десятилетий.

Так проатлантический истеблишмент, господствовавший в США пятьдесят лет, между 1941–2001 годами, старается противостоять неоконсервативной Америке, пришедшей к власти с президентом Бушем-младшим.

Контраст нынешнего Совета национальной безопасности и того, который возглавлял Бжезинский, очевиден. И Кондолиза Райс гордится своим детищем: «Я не хотела бы иметь СНБ, похожий на СНБ прежних времен – действующий в низком ключе, занимающийся координацией, а не оперативными проблемами, маленький и менее энергичный». Возглавляя СНБ, Райс требовала прежде всего безусловной лояльности, полного подчинения курсу президента и всем его привычкам: «Вашей первой обязанностью является поддержка президента. Если президент желает иметь текст 12-го размера печати, а вы подаете ему 10-го, ваша обязанность дать нужный размер». Традиционалисты типа Бжезинского утверждают, что Райс превратила Совет национальной безопасности в организацию, которая служит индивидуальным прихотям одного человека в ущерб лучшему служению национальным интересам. Традиционалист размышляет: «Существуют две модели осуществления функций советника по национальной безопасности – снабжать президента информацией и управлять СНБ как организацией. Сложность состоит в том, чтобы решать *обе* задачи». Будучи советником президента по национальной безопасности, Кондолиза Райс, по мнению традиционалистов, ежеминутно была занята тем, чтобы быть на стороне президента, постоянно шепча ему что-то на ухо, становясь его *alter ego* в вопросах внешней политики. Это изменило роль СНБ как центра анализа, способного критично взглянуть на свой курс. В результате государственный секретарь Колин Пауэлл, видимый миру как обладатель «голоса разума» рядом с импульсивным президентом, стал восприниматься президентскими лоялистами как подозрительная личность. Пауэллу приходилось не раз оправдываться перед иностранной аудиторией. Так в Давосе в 2003 г., накануне американского наступления на Ирак, он заявил европейцам: «Вы хотите одеть меня в ваши одежды... Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я не борюсь за ваш курс внутри американского правительства... я думаю, что президенту решать, должны мы применить военную силу или нет. Вы ребята должны понять, что я не являюсь выразителем европейской точки зрения в среде администрации». Отговорки, подобные вышеприведенной, не помогли: Пауэлл стал терять влияние, а затем и покинул администрацию. Его заместитель Марк Гроссман сказал: «Мы стали ненужной бюрократией». Традиционалисты в американской дипломатии уступили «демократическим империалистам» типа вице-президента Чейни и министра обороны Рамсфелда, уступили СНБ, возглавляемому Кондолизой Райс. Не зря Генри Киссинджер назвал Рамсфелда «самым безжалостным человеком», которого он когда-либо видел в американском правительстве. Не может быть двух мнений: суверенитет *всех* независимых государств, от Британии до Ирака (по шкале приближенности к имперскому центру) претерпел ущемление. Стало более ясно, что неоконсерваторы круга Чейни-Рамсфелда-Вулфовица готовы к крупным авантюрам даже будучи практически в одиночестве на мировой арене. Имперская логика получила новое *подтверждение* на короткой дистанции, на дистанции одного месяца. В дальнейшем перед Американской империей встают менее легко решаемые задачи: долгосрочное объединение оккупационными войсками или выбором нового азиатского Петэна, иракского карианта Корзая практически невозможно – как и в Афганистане управлять многонациональной и многоконфессиональной страной лидер одной из этно-конфессиональных фракций *не может*. Отныне шииты, сунниты и курды будут жить собственной замкнутой этнической жизнью (так же, как это происходит с пуштунами, таджиками и узбеками в современном Афганистане).

1) Сила, десятилетия сдерживавшая 70-миллионный Ирак, сдерживавшая на основе секулярного подхода партии БААС исламский фундаментализм, исчезла. Победили аятоллы (75 процентов населения того, что прежде было Ираком – шииты) и новый региональный лидер Иран. Ослаблены – сунниты региона (а значит, проамериканская Саудовская Аравия),

баасистская Сирия и заново исламизирующаяся Турция, чья территориальная целостность на этот раз решительно поставлена под вопрос.

2) Во всю силу встал главный взрывной вопрос региона – национальное самоутверждение сорока миллионов курдов, самой быстрорастущей демографически ветви средневосточного населения. Разоружить пешмергу, воюющую уже третье поколение будет сложнее деморализованных «федаинов» Хусейна. Это приводит в крайнее состояние Турцию, готовую в данном вопросе идти наперекор самым близким западным покровителям, поскольку речь идет о собственно выживании турецкого государства в том виде, как его создал Кемаль Ататюрк.

3) Обида миллиардного мусульманского мира, испытавшего колоссальное унижение в долине Тигра и Евфрата – большая плата за мимолетный триумф, за флаг, закрывший голову скульптуре Саддама Хусейна в Багдаде. Словами президента Египта Мубарака, которого едва ли кто-то может назвать антизападным правителем: «Отныне возникнут тысячи бен ладенов».

Суверенитет России ослаблен этой новой демонстрацией готовности Вашингтона улучшать все, что видится *потенциальной* угрозой геополитическому царствованию США. Конкретно символами этого ослабления является украинский батальон в Кувейте и новый договор (вчера подписанный) США с Узбекистаном. В двух ключевых для Москвы точках, на двух суперприоритетных направлениях российской внешней политики укрепляются режимы, более угодные имперскому правлению США в мире, более преданно смотрящие в глаза имперского покровителя. Теперь с ними, повязанными войной с Америкой президент Буш готов иметь дело с большей степенью независимости, чем до иракской войны.

«Стратегическое партнерство» с США – лозунг, желанный прозападному крылу в Москве, но бессмысленный для правящих неоконсерваторов в Вашингтоне. И за огромную помощь в Афганистане Москва не стала ближе Вашингтону; фрондерство же в иракском кризисе заставит американцев прищуриться в отношении России еще больше. Ясно одно: и в последующих неизбежных кризисах новый Черномырдин в конечном счете полетит выкручивать руки очередному Милошевичу, а Примаков – новому Саддаму Хусейну. Лично мне за оба эпизода стыдно. Подталкивать тонущую жертву – далеко от самых простых моральных норм. Но, похоже, мы стали специалистами именно в этой сфере услуг. Предвыборной конкуренции не состоится по ряду причин, главные среди которых следующие: самые умные аморальны, рдетели отечества прямолинейны, верховный вождь стремится не раздражать гегемона – что мобилизует политическую корректность приближенных к органам информации экспертов. Левые, погрязнув в ностальгии, не могут совладать с реальностью; правые, погрязнув в западной лояльности, не смогут выдвинуть общественно ценимых идей. Морально-патриотический сон продлится на еще одно царствование. Затерявшееся между нежданной свободой и неосознанной необходимостью выводить страну из кризиса, крайне поверхностное общественное мнение утонет в банальности, согласившись с тем, что противостояние верховному распорядителю – Соединенным Штатам способно лишь ослабить и без того хрупкую российскую государственность.

Глава девятнадцатая **Вашингтон, Ближний Восток и Европа**

Многие из нас, офицеров, знают, что, сколько бы мы ни выигрывали тактических сражений, мы потерпим стратегическое поражение

Генерал Одом, январь 2006 г.

Еще на раннем этапе межатлантического кризиса по поводу Ирака Генри Киссинджер

предсказал «катастрофические последствия для Атлантического альянса». Так и случилось. Взаимоотчуждение приняло невиданные прежде пропорции. Существуют два подхода к объяснению кризиса в межатлантических отношениях. *Первый* исходит из некоторых имманентных особенностей двух регионов; *второй* – из естественного закона, диктующего развал любой из имеющихся в мировой истории коалиций после того как цели, связывавшие данную коалицию либо были достигнуты, либо исчезли.

Первый подход: ренессанс Америки и декаданс Европы

Первый подход, возможно ярче других подает идеологический лидер американских неоконсерваторов Роберт Кэген: «Американцы прибыли с Марса, а западноевропейцы – с Венеры». Американцы воинственны потому что сильны, а европейцы миролюбивы потому что слабы. Кэген подает Америку страной из жестокого мира постоянного конфликта Гоббса, где побеждает сильнейший, где правит сила, где в борьбе за выживание в мире Марса приходится постоянно думать о вооруженной готовности. Эта воинственность развивалась в Соединенных Штатах долгое время, готовность к территориальной экспансии характеризует все четыре века американской истории.

В Европе же царствует компромисс, государства отошли от силовых решений своих противоречий, где господствует пацифизм – господствует Венера. Благодушествующие европейцы начинают развивать в себе чувство морального превосходства над бездумно воинственными американцами. Величие европейских достижений сделало Старый Свет опасно слабым в силовом смысле. Но европейцы не задумываются над тем, что именно «молодой» энтузиазм Америки позволяет «старой» Европе предаваться расслабленному образу жизни – американский Марс защищает ее от мировых бед. Куда девалась могучая традиция воинственных европейских государств? Кэген полагает, что две мировые войны, характерные неимоверной жестокостью, создали у европейцев новый менталитет. Сегодняшняя «кантианская» («Вечный мир») Европа пытается дистанцироваться от воинственной Америки, боясь, что вирус насилия ослабит их нынешнюю предрасположенность к мирному решению международных проблем.

Европейский «бунт» вызывает эмоциональный тайфун в американской прессе. Роберт Кэген: «С окончанием переговоров и инспекций и началом боевых действий все встало на свои места; американское глобальное превосходство возвратило Америке ее статус глобальной сверхдержавы, а Францию так и оставило Францией и не более». Джордж Уилл: «ООН едва ли можно воспринимать серьезно, если она помогает сохранять фикцию восприятия Франции как значительной державы... Франция иллюстрирует собой безнадежное желание Европы обрести геополитический вес, не платя при этом цену, особенно в военной области. Даже если Европа соберет свою волю в кулак, ее увядающая экономическая энергия не позволит ей достичь своих целей». Чарльз Краутхаммер: «Французы провели последние десять лет в роли адвокатов Саддама Хусейна». Фарид Закария: «Франция и Россия владеют статусом постоянных членов Совета безопасности ООН только потому, что они были среди победителей в войне, закончившейся 50 лет назад. (И даже в этом случае слово „победитель“ едва ли приложимо к Франции)». «Харперс Мэгезин» пишет, что «в Европе все более множатся забытые и неуверенные в себе люди, не знающие своего места на планете». Никлас Фрейзер: «Страх перед неизвестным пронизывает европейскую цивилизацию – и это, в частности, означает страх перед Америкой и всем тем, что она защищает».

Этот подход уделяет значительное внимание личностям – президент Ширак «играет в де Голля», канцлер Шредер зависит от антиамериканизма левых. Но европейцам, полагают главенствующие в Вашингтоне неоконсерваторы, так или иначе придется привыкнуть к ситуации, когда ее военная сила попросту не принимается во внимание. Именно в условиях европейского бессилия у американцев не осталось альтернативы *односторонним* действиям. А Европа должна признать оборонительную функцию Америки. Американская

гегемония – это «приемлемая плата за европейский парадиз».

Второй подход: борясь с терроризмом, США потеряли ЕС

Второй подход исходит из того, что в межатлантической ссоре «виноват» не Саддам Хусейн, а окончание холодной войны, исчезновение восточной угрозы и соответствующее недовольство лидером, взявшим на себя одностороннее руководство миром. Это более глубокий подход.

Смещение командой Буша-мл. фокуса с Аль-Каиды к Ираку в Европе не могут оправдать. Это чрезвычайно повлияло на популярность Америки. Престиж ее уменьшился более чем на 15 процентов в таких странах как Германия, Франция, Россия. В натовских странах, таких как Британия, Германия, Франция и Италия российский президент В. Путин стал более популярным политическим деятелем, чем президент Соединенных Штатов. Как пишет бывший госсекретарь США М. Олбрайт, «я никогда не думала, что придет день, когда Соединенных Штатов будут бояться те, в отношении которых США не имеют ни намерения, ни желания нанести ущерб».

Президент Буш-мл. сделал это возможным, когда вместо борьбы с Аль-Каидой призвал к борьбе против одной из арабских стран и в поддержку доктрины «предваряющего удара» – все в одном пакете. «Многие из тех, кто противостоял Аль-Каиде, – пишет Олбрайт, – решили, что они не хотят быть с Соединенными Штатами... Европейцы чувствуют неловкость в отношении американских претензий – вкуче с американскими сомнениями в европейской решимости, это создает потенциал для долговременного и опасного разъединения». Это была война «по выбору, а не по необходимости», и большинство европейцев вовсе не разделили восприятия и чувств и логики американцев. Связав Ирак с Усамой – что было явно несправедливо, администрация Буша стала подавать таких союзников как французов и немцев не просто как «несогласных», но как предателей. Это не могло не вызвать межсоюзнического кризиса. Европейцы же просто не желали очевидного слома многолетних прежних правил и замены их одиозными новыми – американскими.

С нажимом на союзников участвовать в крестовом походе против Ирака пришло то, что еще скрывала инерция после 1991 года: Атлантический блок потерял свою релевантность. Во всей очевидности начало проявляться то, что американский исследователь Раджан Менон называет «дискомфортом относительно однополярного мира». Именно этот «дискомфорт» сделал невозможное прежде: недовольство *Rex Americana*, проявлявшееся прежде лишь Россией и Китаем, откровенно распространилось на весь континент, включая европейский полуостров. Прежний противник Западной Европы стал ее ближайшим потенциальным союзником – поразительная трансформация, но естественная для исторического процесса: окружение лидера неизбежно стремится создать ему противовес.

Прежние апологеты НАТО бросаются в идейную схватку. Они демонстрируют буквально виртуозность, пытаясь придать, официально именуемому *оборонительным*, Североатлантическому союзу новые, неведомые ему функции за пределами прежней сферы блока, стремятся расширить его состав, живописуют его потенциальные глобальные функции. В ход идут поиски общих угроз: терроризм, распространение оружия массового поражения, миссии по поддержанию мира в отдаленных регионах. Напрасно. Все это не может быть объединяющим началом для *военного* союза. «Расширение на Восток, – пишет американский исследователь Шон Кей, – как организационное нововведение, выдвигаемое в ответ на неясность общей цели, обещает превратить НАТО в еще менее сплоченную организацию, не добавляя ей при этом ни мощи, ни релевантности».

Указанные аморфные цели не способны ни создать общее эмоциональное поле, ни стремление к общим жертвам. И уж никак не страсть достичь консенсуса всеми возможными средствами. НАТО начинает терять преимущество перед двусторонними межгосударственными связями. Становится все более непонятным, почему решения проблем в далеких регионах требует призвания военно-политического союза Северной Атлантики

целиком? Это уж слишком похоже на попытку контроля Запада надо всем миром.

Более того. Расхождение геополитических интересов разводит два региона, которые прежде объединяла единая внешнеполитическая цель. А действия за пределами прежней «ответственности» Североатлантического союза способны лишь вызвать обоюдные трения. Все это накладывается на приход в власти политических лидеров, для которых аргументы эпохи холодной войны значимы все меньше. Добавление к военному союзу весьма разнородных по политико-экономико-социальным характеристикам новых членов способно лишь еще более усложнить процесс принятия решений в Североатлантическом союзе – и без того непростой и чреватый разногласиями в свете обязательности *консенсуса*. Трудно даже представить себе расширенное, гораздо более «пестрое» НАТО, принимающее единогласное решение по поводу военных операций далеко за своими пределами.

Замирение в Европе, консолидация демократии (того или иного сорта), приведут к тому, что, как пишет Раджан Менон, «участие Соединенных Штатов перестанет быть условием *sine qua non* мирного развития Европы». Становится все более очевидным, что западноевропейский регион привязывает к себе более 100 тысяч американских военнослужащих в тот самый момент, когда они – во исполнение «доктрины Буша» – гораздо более нужны в совсем иных частях планеты. Поставленные этой доктриной задачи требуют упора на авианосцы, авиацию дальнего радиуса действия, на легкие – десантные силы, – а не на прикованные к полям и дорогам Европы танковые колонны и пикирующую авиацию.

Никто не согласен быть вторым

Трения не заставили себя ждать как только американцы стали испытывать раздражение по поводу морализаторства «неблагодарных» европейцев, а европейцы возмутились буквально нарочитой американской односторонностью в международных действиях. Рефлекс Соединенных Штатов *наказывать* критиков и слушников более чем способен развалить и дисциплину и структуру блока, созданного в ушедшую эпоху. Западную Европу не удовлетворяет делегируемая ей Вашингтоном роль «выигрывать мир» после того, как американцы выиграют в очередной стране войну. Западные европейцы не согласны с афоризмом американца Тимоти Эша «Америка готовит, а Европа моет посуду».

У европейцев есть все материальные предпосылки хранить себя и свои интересы, недостающим элементом является политическая воля. Кризис НАТО и породит эту волю. Вот как об этом говорит Раджан Менон: «Растущее чувство ненужности НАТО способно породить жизненно важный ингредиент – волю, что будет стимулировать собственно европейские решения и покончит со стратегическим инфантилизмом, порожденным полувековой опорой на Соединенные Штаты».

Численность членов ЕС достигла цифры 25 членов (и это не предел). Важнее сопутствующее обстоятельство – неукротимое стремление Европейского союза создать *сепаратную* военную организацию. В настоящее время ее непосредственными создателями являются Франция, Германия, Бельгия и Люксембург. Это долгий процесс и не следует преуменьшать силу атлантизма в Европе. Будущее едва ли таит немедленное взаимоотчуждение двух главных регионов Запада, где само понятие «Запад» потеряет смысл. Два самых могущественных региона, возможно, найдут *модус операнди*. Но не на основе Североатлантического союза. Америка вернется к стратегической линии, которой она следовала большую часть своей истории – без «обязывающих союзов».

Прежде Америка в своих отношениях с Западной Европой всегда имела *три* козыря. *Первый* – лидерство в холодной войне. *Второй* – сильный доллар («я вас защищаю и я даю вам всеобщий эквивалент»). *Третий*: как давнее наследие рейганомики Америка живет с огромным внутренним дефицитом. Американцы расходуют значительно больше, чем зарабатывают. Дефицит платежного баланса составил в 2002 г. 500 млрд дол., что составляет 4,8 процента американского ВВП. Разницу покрывают иностранные инвесторы, главные

среди них – западноевропейцы. Они делали это охотно. В период клинтоновского бума вложения в американскую экономику были сугубо прибыльными.

Но мир не стоит на месте. Частично исчезли, частично ослабли столь мощные еще в 1990-е годы объединительные звенья. С окончанием холодной войны исчезла потребность в США как в военном союзнике. С выходом на экономическую арену *евро* и этот фактор потерял свою значимость. Что касается инвестиций, то пришли иные времена. Начиная с 2001 г. американская экономика остановила свой бег. Перенасыщенность американской экономики инвестиционным капиталом резко ослабила доллар. Инвестирование европейцами своих капиталов в американские компании потеряло свою привлекательность. Поток инвестиций в американскую экономику уменьшился с 300 млрд дол. в 2000 г. до 23 млрд дол. в 2002 г.

Чтобы продолжать привлекать европейский капитал, американцам придется повысить ставку учетного процента. Но это же ограничит свободу маневра американского правительства – придется выбирать между расходами на военную сферу и внутренними расходами. В настоящий момент, похоже, что администрация Дж. Буша-младшего встала на путь рейганомии, на путь значительного расширения военных расходов и понижения налогов на богатых, на путь игнорирования огромных дефицитов федерального бюджета. Дефицит платежного баланса составит 500 млрд дол. в 2003 г. Проекция дефицита на 2007 г. (согласно МВФ) – те же 500 млрд дол. (4 процента от ВВП). Предсказания других аналитических организаций еще менее благоприятны для США. Дефицит бюджета уже в 2004 финансовом году составит 246 млрд дол. (и это еще не учитывая затраты на войну в Ираке, где расходам пока не видно конца (пока речь идет о дополнительных 87 млрд дол.).

Способы сдерживания Европы

Во-первых, Соединенные Штаты категорически и без оговорок выступают против любой формы создания самостоятельной европейской военной системы. Вашингтон официально выступает против формирования западноевропейских сил быстрого реагирования, находящихся вне сферы компетенции НАТО (то есть, Вашингтона). Аргументы однообразны: зачем дублировать натовские структуры, к чему делать то, что уже сделано или легко может быть сделано через посредство Североатлантического союза. Западной Европе следует помогать Америке, а не бросать ей вызов.

Во-вторых, Соединенные Штаты активно используют тактику «разделяй и властвуй». Вашингтон активно протезирует вступление в Европейский союз Турции, полагая, что тем самым введет в состав потенциального конкурента элемент почти инородного политико-цивилизационного значения, ослабит скорость формирования европейского «нуклеуса». «Соединенные Штаты, полагает Кристофер Лейн, – так же поддерживают расширение НАТО, питая надежду, что „Новая Европа“ (Польша, Венгрия, Чешская республика и Румыния), которая вошла в ЕС в 2004 г., будет на стороне Вашингтона против Франции и Германии по большинству важных вопросов. Для Соединенных Штатов Европа, которая будет говорить разными голосами, является *оптимальной*; именно поэтому Соединенные Штаты способствуют силам, стремящимся довести до краха процесс «надгосударственного строительства» в ЕС».

В-третьих, американцы продолжают убеждать самых различных европейцев, что американское присутствие в Европе необходимо для контроля над потенциальным стремлением к региональному доминированию Германии. О германской угрозе в несколько завуалированных фразах говорил президент Дж. Буш-младший во время саммита НАТО в Праге в ноябре 2002 г. «Тысячи наших солдат в униформе стоят от Балкан до Баварии, готовые принести любую жертву ради будущего континента». Кристофер Лейн приходит к выводу: «Американская политика направлена на поощрение внутриевропейского противовеса устремлениям Франции и Германии создать единый европейский противовес американской гегемонии».

И это в значительной мере удастся Вашингтону. В январе 2003 г. руководители Британии, Италии, Испании, Португалии, Дании, Польши, Венгрии и Чешской республики *поддержали* политику США в отношении Ирака. Возникло своеобразное разделение на «Старую Европу» и проамериканскую «Новую Европу». В то же время создалась ситуация, когда «старая Европа» в составе, прежде всего Германии, Франции и России, стала противостоять стремлению США к мировой гегемонии.

Невозможно просто отменить старый закон «политической гравитации», согласно которому независимые государства беспокоятся, прежде всего о своей безопасности, из которого следует, что стремление одной страны к абсолютной гегемонии неизбежно вызывает желание остальных, не полностью потерявших свою независимость игроков на международной сцене, к группированию против гегемона.

Пока еще в Вашингтоне не ощущается тревоги. Здесь еще полагают, что феноменальная мощь Америки неодолима ни при каких дипломатических комбинациях. Попросту при современном раскладе сил формирование контрбаланса Америке не имеет реальной перспективы. Оптимисты полагают, что сил у Америки хватит при любом раскладе.

Но зрелыми стали и сомнения. «Кумулятивный эффект американской экспансии – войны и последующие оккупации на Балканах, в Персидском заливе, Афганистане – в ходе войны с терроризмом; а также возможные будущие войны против Северной Кореи, Ирана, Сирии или с Китаем из-за Тайваня – будут иметь, полагает Кристофер Лейн, – *нервирующий эффект* на мощь Соединенных Штатов».

Вполне возможно, что Франция и Германия станут непосредственной целью американского давления, усугубляя расхождение двух материков. Тогда эти две страны (с ближайшими союзниками) неизбежно будут искать союзных связей с оттесненными историей Россией и Китаем. До сих пор Париж и Берлин демонстрировали весьма удивительную стойкость, не соглашаясь с Вашингтоном. И не случайно министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен сразу же после падения Багдада вылетел в *Тегеран*. У Европейского союза большое будущее. Создатель «евро» Роберт Мунделл полагает, что в Европейский союз вступят еще не менее *пятидесяти* государств – и все они в конечном счете перейдут на евро. Среди этих стран – все государства Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии и даже некоторые государства Северной Африки. Евро станет подлинным соперником доллара. Европейская экономика будет расти быстрее американской. Европа остановит процесс уменьшения своего населения.

Перспективы

Европа, может быть, и напоминает кому-то Венеру (неспособную противостоять американскому Марсу), но в ходе подготовки войны в Ираке американцам никак не удалось уговорить «слабых европейцев» согласиться с ними в восприятии Ирака как угрозы и в необходимости блокировать эту угрозу силовыми методами. Европейцы с охотой цитируют все оценки, говорящие о преходящем характере американской гегемонии.

Таких, как, скажем, оценка, данная американским исследователем Чарльзом Купчаном: «Две необратимые тенденции свидетельствуют о том, что период однополярности не может длиться долгие десятилетия. Ни одна доминирующая держава не способна поддерживать свою мощь бесконечно. Со временем встанут к мировому могуществу другие державы. Диффузия экономического могущества происходит ныне быстрее чем когда-либо в истории. Ближайшим конкурентом Америки будет не некая отдельно взятая страна, а Европейский союз, который консолидирует ресурсы своих государств-членов». Европа уже превосходит Соединенные Штаты в торговле и финансах. В военной сфере Европа бесконечно отстает, но стремится несколько исправить положение созданием единых вооруженных сил. К 2025 г. Европа нагонит Америку (а позже оба региона ощутят растущую мощь Азии. Меняется сам характер американского интернационализма. «Однополярность покоится, – размышляет

Купчан, – на существовании политического класса, который не только пользуется плодами доминирования, но готов предоставить свои ресурсы для поддержания всех „в строю“ и расходовать на поддержание этого доминирования». Но с окончанием холодной войны американское население – взятое в целом – не ощущает абсолютной необходимости нести расходы по полицейским функциям в масштабах всего мира. Нужно ли напрягать американское общество платить кровью и деньгами за поддержание глобального порядка. 11 сентября 2001 г. подняло патриотическую волну, но насколько продолжительна американская решимость. В период Тонкинской резолюции конгресса (август 1964 г.) американский народ готов был нести жертвы во Вьетнаме, но к концу 1960-х годов эта решимость иссякла. В отсутствие прямой и непосредственной угрозы Соединенным Штатам мобилизация общества на военные и паравоенные кампании будет все более сложным делом. Роль мирового полицейского сопряжена с очевидными жертвами. И в сегодняшней Америке интернационализм, по мере поступления сведений о новых жертвах в Ираке, теряет стойких сторонников. Вот уже сенатор-демократ Эдвард Кеннеди говорит об Ираке как о «не том месте», где следует прилагать американскую мощь.

Что мы видим в результате? Совместите подъем Европы и Азии с упадком энергичного интернационализма в Соединенных Штатах, и вам станет ясно, что доминирование Соединенных Штатов в мире не может продержаться бесконечно долго.

Глава двадцатая

Анализ американского тупика

Американское руководство в своих планах заменить саддамовский Ирак новым, исходило из своего германского и японского опыта. Критики Буша выдвигают другую аналогию – Вьетнам. Более правомочная аналогия – Югославия периода «холодной войны».

Дж. Доббинс, 2006

Сложности стабилизации

Но повстанческая борьба продолжалась с растущей интенсивностью, и впервые открыто встал вопрос о выводе американских воинских частей. Даже такие приверженцы войны как Джереми Бремер, в конечном счете выступили категорически против: «Продолжать широкомасштабные военные действия была бы ошибка исторических размеров. Это означало бы поражение американских интересов не только в Ираке, но и в более широком регионе. С другой стороны, это привело бы к поддержке террористов повсюду»²⁴⁹.

В апреле 2006 г. несмотря на все противоречия, шиитские лидеры первоначально договорились между собой и решили заменить Джаффари на Нури аль-Малики. Курдам и суннитам ничего не осталось, кроме как признать Малики, которого они справедливо воспринимали как негибкого и преданного своей фракции. Главное для шиитов было и остается сохранить контроль над министерством внутренних дел. Ради этого министерства шииты в мае 2006 г. готовы были даже передать министерство обороны какому-нибудь технократу с нейтральными взглядами.

Правящая коалиция представляет собой нечто большее, чем союз шиитов с курдами – так было при Ибрагиме аль-Джавахери, так же пролегает главная линия иракской

---

²⁴⁹ Bremer P. (with Malcolm McConnell). My Year In Iraq. The Struggle to Build a Future of Hope. New York: Simon and Schuster, 2006, p. 397.

внутренней политики Малики. Прошиитский Багдад стал демонстративно игнорировать действия курдов на севере. В ответ курды дали согласие на основные инициативы центрального правительства. Что до суннитов, то им будут даны несколько министерских постов – но шииты никак не настроены делать крупные уступки суннитам.

Президент Буш продолжал и продолжает стоять жестко на линии борьбы с повстанческим движением, называя террористами тех, кто борется, собственно за независимость своей страны. В сентябре 2005 г., выступая в ООН, Буш сказал: «Или мы дадим шанс надежде, или насилие распространится еще шире».

Американский народ довольно долго ждал обещанного в Ираке: уничтожения ОМП, строительства демократического общества. Можно сказать, что вплоть до перевыборов президента Буша население Америки сохраняло иллюзии, поддерживаемые государственной машиной. Но терпение любого народа не безгранично и вскоре после начала второго срока Буша в 2005 г. началось общенациональное осмысление того, что начиналось так лихо. Прежде всего следовало решить вопрос, какого рода сопротивление встречает американская армия в Ираке, где каждый месяц гибнет от 500 до 1000 человек?

Новую ноту затронул Стивен Бидл, пришедший к выводу, что Ирак трудно (и неправильно) сравнивать с Вьетнамом, где американцы встретили национальное восстание. В Ираке же происходит «коммунальная гражданская война» – здесь стратегия должна резко отличаться от «вьетнамизации» (за которую выступают все, кто полагается на огромную проамериканскую армию нового Ирака – от Буша до Бремера). Если увеличить и оснастить новую армию Багдада, то это означает по-видимому передачу ответственности за борьбу с повстанцами новой иракской армии и полиции. А на самом деле это только добавит огня *каждой* из коммун иракского населения и только распалит гражданский конфликт. Выбор невелик: помочь шиитам и курдам забить в угол прежних фаворитов суннитов (1); помочь суннитам со всей яростью обрушиться на своих более многочисленных противников (2). Речь идет о выживании каждой из коммун, поэтому ярость сегодняшнего дня не ослабнет и завтра.

Нет сомнения, что Вашингтон нуждается в новой стратегии. Бидл предлагает не увеличивать силы всех сторон, а, наоборот, уменьшить вооруженные силы трех главных сил Ирака. Тогда эти силы будут ждать не военного, а политического решения²⁵⁰. «Иракизация» бессмысленна – она лишь подпитывает всех воюющих. Нужен толчок к переговорам.

Американцы на определенном этапе все же вынуждены будут прийти к выводу, что многие иракцы (преимущественно сунниты) сражаются с американцами как с захватчиками и со всеми их союзниками – «предателями». Их цель – изгнать американцев. Но часть повстанцев – прежние баасисты, а другая часть воюет за Суннитский исламский халифат. Рядом борцы за шиитский исламский халифат, обращенный к Тегерану. В интересах американцев пересмотреть значительные части иракской конституции – нынешняя не дает шансов для консенсуса. Современная, созданная американцами конституция слаба. Ее главные недостатки: отсутствие решающей центральной власти. Пожалуй, главное: она делит контроль над иракской нефтью между новым шиитским суперрегионом (80 процентов) и курдским регионом, который, если он удержит Киркук, будет иметь 20 процентов нефти Ирака.

Битва за умы

Самой большой угрозой Западу объявлен исламский фундаментализм, порождающий убежденных террористов, готовых сразиться на западной почве и вопреки всей мощи западной идеологии. Самых свирепых борцов порождает ваххабизм, возникший в Саудовской Аравии в XVIII веке – воинствующая секта, которая приобрела особое влияние в

---

²⁵⁰ Biddle S. Seeing Baghdad, Thinking Biddle («Foreign Affairs», March/April 2006).

последние десятилетия. Воинствующие институты ваххабизма обрели чрезвычайное влияние и эти институты не сформировались спонтанно. Ваххабисты как радикальные исламисты создали организации трансконтинентального размаха.

Кто питает этот источник, бросивший вызов западному миру? Адрес очевиден и неоспорим: поддержку радикальному исламу оказывает в первую очередь Саудовская Аравия, она создала превосходных специалистов по идейному воздействию на огромную мусульманскую сумму. Правящая династия Саудитов согласилась оказывать огромную помощь ваххабитам как один из путей умиротворить клерикальную общину, сосредоточенную у священных мусульманских городов. Средства идут через множество каналов и общий поток определить практически невозможно. Но примерную оценку этого потока определить можно. Выступая с экспертными данными перед комиссией конгресса США, один из ведущих специалистов показал, что саудовская династия израсходовала на проекты по поддержке ваххабизма после нефтяного бума 1970-х годов *более 70 млрд дол.* Саудовская династия выступила спонсором 1500 мечетей и 2000 школ по всему миру, от Индонезии до Франции. Ваххабистские медресе заменили менее воинственные и хуже финансируемые исламские школы. Что может противопоставить этому потоку даже богатый западный мир, если его лидер – Соединенные Штаты расходуют на общественную дипломатию в масштабах всего исламского мира ежегодно примерно 150 млн дол.?

Что примечательно, союз саудовской семьи с ваххабистским духовенством дал противоположные желаемым саудовской семьей результаты. Острием влияния поддерживаемого королевской семьей ваххабизма стал не саудовский монарх, а Усама бен Ладен, одной из целей которого является низвержение прозападной монархии саудитов. Показательны в этом плане опросы голосовавших в исламском мире после иракской войны. Большинство в Индонезии, Иордании, Пакистане, Марокко и на Палестинских территориях указало на свою веру в Бен Ладена как благотворителя исламского мира, способного сделать на международной арене много положительного. В этих странах значительное большинство доверяет больше Усаме бен Ладену, чем Джорджу Бушу-мл. и Тони Блэру. Тот факт, что Бен Ладен возбуждает доверие столь большого числа мусульман, просто обязан насторожить Америку, да и весь остальной мир.

Как можно подействовать на умеренных мусульман, на тех, кто не встал на самоубийственный путь джихада? На Западе предлагают три типа стратегии в воздействии на умы и сердца потенциальных жертв ваххабизма: 1) Быстрее реагировать с собственной интерпретацией происходящих событий (американцы уже создали «Радио Сава» и телевизионный спутниковый канал «Аль Хурра», они стремятся создать подлинного конкурента «Аль Джазире»). 2) Создать «позитивный» облик Запада, предложить схему возможной модернизации, обратиться к ценностям, понятным «среднему мусульманину» – как добиться ускоренного развития мусульманских стран, как достичь позитивных социоэкономических целей. 3) Наиболее важным на Западе начинают считать выработку долговременной стратегии, включающей в себя культурных и образовательных обменов, направленных на создание в исламском мире прозападной среды. Западные специалисты особенно настаивают на необходимости расширения образовательных обменов. Частные западные компании, равно как и корпорации, фонды, университеты и не ориентированные на прибыль организации должны предложить все возможные методы воздействия на модернизацию мусульманского мира. Наиболее эффективными апологетами вестернизма считаются не западная ангажированная профессура, а местные специалисты, вышедшие из мусульманской среды и проделавшие карьерный путь в западном мире. Насущно необходимо исследование истории исламских стран, профессиональный подход к исламским проблемам. Исключительно важен такой опыт в журнализме. Западные правительства просто обязаны финансировать изучение западных языков.

С кем сравнивать?

Главной американской ошибкой было сравнение своего положения в Ираке с оккупацией Германии и Японии в 1945 г. Абсолютно неверное сравнение. Германия и Япония были гомогенными государствами с первоклассной экономикой – нечто совершенно противоположное Ираку XXI века. Ирак был создан из обломков Оттоманской империи совсем не так давно и ее экономику можно охарактеризовать только как *примитивную*. Сравни Вашингтон в 2003 г. Ирак с Боснией или Косово – и сразу бы стало ясно, что для подъема стране понадобятся многие десятилетия. Ясно было бы, что после свержения Саддама в стране возникнет вакуум власти. Армию и полицию следовало немедленно создавать в 2003 г., когда престиж США был еще высок, а движение сопротивления только собиралось.

В мае 2003 г. президент Буш и его администрация видели в Ираке *приз*, а не *бремя*. Американцы запретили французским, немецким и русским кампаниям восстанавливать иракскую экономику. ООН была отодвинута вовсе (идея Тони Блэра). Как только возникло настоящее мощное повстанческое движение, внешний мир сам не захотел лезть в огонь.

Американцам в реальной жизни трудно было понять, что иракцы воюют вовсе не за *хорошее правительство*, а за такое правительство, в котором доминировала бы их этническая группа (шииты, сунниты, курды). И не следовало радоваться тому, скажем, что курдская милиция полностью поддерживала американцев: в долговременной перспективе именно она была самым большим препятствием единому, цельному Ираку.

Американцам следует не прижимать суннитов в их внутреннем треугольнике, а создавать «безопасные районы», начиная с Багдада – центра притяжения для всех и города, где живет 20 процентов населения страны, где шииты, сунниты и курды реально перемешаны.

Ирак не более разделенное этнически государство, чем, скажем, Босния или Афганистан. «Что делает случай с Ираком особенным и особенно тяжелым – это то, что впервые США пытаются сплотить пеструю нацию воедино без обеспечения их кооперативных усилий»²⁵¹. Когда США вторглись в Афганистан, они не ставили перед собой цели сделать страну моделью для Центральной Азии. И Вашингтон не провозглашал своей целью демократизацию всех соседей Афганистана. А если бы США поставили такую цель, то лишились бы поддержки Ирана, Пакистана, России, Таджикистана, Узбекистана.

А провозглашение целью создание из Ирака «модели» сразу же отторгло от американцев перепугавшихся соседей. В конечном счете, Ирак разваливается на коммунальные кантоны. И главный процесс, который сейчас там происходит – прежде города и пригороды со смешанным населением приступили к жесткой сегрегации. Никто не знает, как далеко пойдет этот процесс, некоторые данные уже говорят, что многие города и села уже стали моноэтническими. Шиитская и суннитская милиции постоянно растут в численности. Формируются новые подразделения и они ограничивают сферу своего влияния повсюду блокпостами, которые очевидным образом затрудняют перемещения шиитов и суннитов за пределами своих собственных зон.

В Ираке в конечном счете будут созданы укрепленные границы между кантонами. Растущая опасность преследований погонит людей к населению своей веры и языка. Слишком непросто разделить на две зоны – шиитскую и суннитскую – столицу Багдад. Слишком смешано здесь население. В конечном счете, нетрудно предположить, что кантоны превратятся в своеобразные закрытые районы с очень небольшим числом взаимных проходов – вооруженных до зубов и никак не напоминающих районы одной страны. Багдад будет разделен на *несколько* зон, смешанных одна подле другой. (Напомним, что подобным же образом был разделен Иерусалим, и ничего хорошего из этого не вышло).

Некоторые лидеры шиитов еще верят в сохранение единой страны, исходя из того, что ни одна страна на Ближнем Востоке не согласится на существование независимого Курдистана.

---

²⁵¹ Dobbins J. No Model War. («Foreign Affairs», July/August 2006, p. 155).

Роль Америки

И в ходе этой отчаянной борьбы армия Соединенных Штатов будет самой большой военной силой на Ближнем Востоке. У американцев, как минимум, будет одно моральное обязательство: минимизировать жертвы и урон стране. В этом заключается и национальный интерес в сфере безопасности.

Наблюдая за тенденцией в США, не кажется реальным согласие американцев на резкий рост американского военного присутствия (уже рост на 21 тысячу, предложенный Бушем в январе 2007 г.) вызвал неодобрение 63 процентов американского населения.

Показательно уменьшение американской *экономической* помощи Ираку.

Что же касается Ирака, то чем раньше США покинут эту, ничем не виноватую перед ними страну, тем лучше будет для американцев. Нельзя закрыть глаза и на то, что весь мир еще долго будет осуждать Буша и его администрацию за жестокую расовую войну, за огромное горе иракского народа, за раскол страны, за жестокий переход к гражданской войне.

Американцам еще придется решать для себя проблему отношения к иракским беженцам – которых уже *миллионы*. Американские войска имеют моральное обязательство защищать города с наиболее смешанным населением от отрядов шиитов и суннитов, организовать транспорт для беженцев, найти им безопасные места. Если этого не произойдет – то битва в Ираке будет длиться еще долгие годы. Линия фронта – это линия, отделяющая суннитов от шиитов. Стратегия здесь должна быть выработана в тесном контакте с шиитами – двумя третями иракского населения.

Проблемой будущего Ирака будет раскол между двумя шиитскими партиями – Дава и партия Сафра. Обе они сегодня едины в том, что стремятся сохранить единый Ирак. Мирные межшиитские взаимоотношения позволят шиитам демографически еще более превзойти всех в Ираке. Демография – их самый надежный союзник. Грандиозную операцию сегрегации американцам следует провести минимально насильственно, не бросая вызов суннитам. В интересах американцев было бы сохранить дружественность и шиитов и суннитов.

Но, если Вашингтон решит, не задерживаясь долго, отбыть из злосчастного для них Ирака – оставляя ряд шиитских поселений в руках суннитов, то должна действовать и строго исполняться оговорка о том, что шиитам будет позволено присоединиться к своим собратьям в преимущественно шиитских районах. Какие колебания: если шииты настолько превосходят суннитов – то США должны опереться о шиитское большинство и не изменять ему. Шииты должны быть заведомо сильнее суннитов – чтобы у последних не возникало искуса изменить ситуацию в стране. Несомненно, многие скажут, что такая политика знаменует собой легитимизацию этнических чисток. Да и трудно представить себе такой решительный переход современной администрации США к поощрению шиизма, если американская пропаганда чуть ли не ежедневно поносит Муктаду аль-Сафра.

Фантастичным было бы представить, что сунниты, подсчитав силы, смиряются со своим второстепенным положением. Против этого – традиции, история и наличие мощных суннитских соседей. Жесткий для многих американцев вывод: никакая политика не может привести к удовлетворению суннитов – демография и крушение баасизма лишает их реальных посягательств на господство.

Итак, на настоящий момент (2007) четыре года войны в Ираке породили *больше* терроризма, чем подавили. Только в том случае, если иракские сунниты придут к выводу, что их главные враги – не иракские шииты, а иностранные «воины джихада», суннитский треугольник может прийти к выводу, что преобладание шиитов – не худшее из зол.

Выбор

У американцев – развилка меж тремя дорогами: идти прежним курсом, наблюдая как

ситуация ухудшается с каждым месяцем (1), или быстро вывести свои войска из Ирака, точно зная, что это приведет к кровавой гражданской войне. Альтернативой является уход Соединенных Штатов из иракского кошмара – какими бы ни были последствия (2). Третий путь – децентрализация Ирака на основе обещания улучшить положение суннитов по сравнению с современным (3), с параллельным уходом американских войск до 2009 г.

Что касается курса президента Буша, то, представляется, что он уже забыл и мечтать о большой стратегии – его актуальная задача – просто избежать ярко выраженного поражения и передать эту драму следующему президенту (неважно, демократ он или республиканец). И все же и у него осуществимыми являются *три* возможности:

– США отдают высший приоритет созданию правительства национального единства. Этот путь уже испробован. В последнем иракском правительстве *семь* министров-суннитов, среди них первый заместитель председателя правительства и министр обороны. (Честная оценка ситуации требует признать, что это единство не помогло сбить волну насилия в стране и не помогло в борьбе с коррупцией. Гарантий того, что следующее правительство будет более эффективным и более честным – нет). – Вашингтон уводит свои войска по мере того, как набирает силу новая Иракская армия. Беда в том, что эта армия (единая иракская) будет плоха в самом главном деле – в предотвращении внутренних раздоров. (Внутреннюю борьбу гораздо более эффективнее будут вести милицейские части шиитов, суннитов и курдов, или их ополчения. Сектантская милиция несомненно преобладает над центральной армией, прежде всего по боевому духу).

– Наиболее кровавым является путь достижения полной «победы над терроризмом», в традиционном понимании президента Буша – это продолжение прежнего курса. А между тем сами американцы называют ситуацию в более чем трети иракских провинций как критическую и очень серьезную. (Продолжение едва ли возможно. Команда вокруг Буша мечется и направление ее движения уже обозначилось: Вашингтон решил прекратить в ближайшее время экономическую помощь в целях реконструкции страны, хотя ясно, что ингургентов можно так или иначе усмирить только с улучшением экономической обстановки. Уменьшены американские фонды на развитие демократии. Американские войска фактически ушли из центральных районов больших городов на свои вооруженные базы, давая тем самым повстанцам большой шанс на успех). Результатом явилось общее ухудшение ситуации.

Выбор для Ирака

Сегодня перед Ираком стоят следующие пути.

Концепция Большого Ирака. Ее поддерживает влиятельный генерал Энтони Зини, орган неоконсерваторов «Уикли стандарт», сенатор-республиканец Джон Маккейн: резко увеличить численность американских войск в Ираке, не обозначая при этом крайнего срока их ухода. Это компенсация за малый контингент американских войск в первые три с половиной года.

Недостаток этого плана заключается в том, что у США сегодня нет достаточного контингента вооруженных сил. Этот план будет означать продление срока службы солдат и призыв на службу бригад Национальной гвардии. Это осложнит также американское участие в боевых действиях в Афганистане.

Шансы принятия этого плана нулевые: без достаточных наличных сил реализация этого плана видится нереалистичной.

Длительный план. Его поддерживают Объединенный комитет начальников штабов, неправительственная группа по изучению ситуации в Ираке во главе с Джеймсом Бейкером. Они считают, что Ирак слишком важен и слишком уязвим, чтобы покинуть его в быстром темпе. Следует растянуть выход из Ирака на продолжительное время, создать эффективную иракскую армию, все более делая американских солдат советниками и командирами. Таким образом США смогут стабилизировать ситуацию и предотвратить полное крушение.

Обещание оставаться на длительный период – даже в уменьшенной роли – укрепит колеблющийся Ирак.

Недостатками этого плана является то, что США меняет роль в критический период, когда сам Ирак еще не окреп, Аль-Каида и шиитская милиция пытаются заполнить вакуум. Терпение американцев ослабевает в тот момент, когда вооруженные силы не имеют резервов. **У этого плана большие шансы на осуществление.** План приемлем для политиков и для генералов, которые не имеют лишних сил – и для лидеров Конгресса, которые недовольны нынешним курсом и в то же время не согласны на немедленный уход из Ирака.

Помочь суннитам. Сторонники этого плана – прежний премьер-министр Айяд Алави, американский посол в Багдаде Залман Хализад, сунниты в Ираке. Их аргументация сводится к тому, что прежние баасисты и шейхи племен являются прагматиками и далеки от какой-либо идеологии. Следует гарантировать им амнистию, прекратить дебаасификацию и определить им честную долю в иракских нефтяных богатствах. Тогда США могли бы (теоретически) разделить лагерь повстанцев, создать жесткое противоречие между суннитами и шиитами и Аль-Каидой. Прежние действия США способствовали развалу иракской армии и усилением шиитского большинства страны посредством выборов. Сунниты могут рассчитывать на поддержку 85 процентов исламского мира, который по сути является суннитским. Недостатком этого плана является то, что переговоры с суннитами, с их повстанческими частями могут создать взрыв шиитского большинства, направленный против Америки, что укрепит позиции таких лидеров как Муктада аль-Садр и ослабит позиции премьер-министра Нури аль-Малики. К тому же было бы нелегко разделить повстанцев по разным направлениям, трудно представить, кто мог бы авторитетно говорить от имени суннитов. Шансы на реализацию этого плана невелики. Американцы и раньше вели переговоры с повстанцами – и без всякого успеха. Такая стратегия не гарантирует успеха.

Помочь шиитам. Этой точки зрения придерживаются вице-президент Ричард Чейни, лидер иракских шиитов Абдель Азиз аль-Хаким. Их аргументация: гражданская война может длиться десятилетиями и обычно завершается только когда одна из сторон одерживает решающую военную победу. Вместо того, чтобы так или иначе поддерживать гражданскую войну, Соединенные Штаты должны идти путем либо невмешательства, либо сражаться только с повстанцами-суннитами. Недостатки этого подхода заключаются в том, что трудно найти надежного проамериканского шиита. Вероятно и ожесточение суннитских соседей Ирака, укрепление Иранского влияния в Ираке. И это вполне вероятно приведет к истреблению шиитского населения в Ираке, что еще больше дестабилизирует регион. Шансы реализации этого плана – от среднего уровня – до вполне реального. Произойдет драматическое изменение курса – выступление совместно с шиитами против главных сил сопротивления.

Возвратиться домой. Такую точку зрения поддерживают такие деятели демократической и республиканской партий как Джон Мурта, ее поддерживает Иран и большинство иракцев. Их аргументация: чем дольше США останутся в Ираке, тем хуже будет ситуация в самом Ираке. Не только большинство иракцев желает ухода американцев, но присутствие американцев может только обострить внутрииракское насилие, встать на пути внутрииракского примирения. После ухода США могут укрепить свои позиции в Персидском заливе посредством создания военных баз. Недостатки такого подхода заключаются в том, что американский уход оставит их сторонников один на один с патриотами и Аль-Каидой. Это ожесточит соседние суннитские государства, которые могут прийти на помощь своим союзникам. Результатом может быть кровавая баня и рост цен на нефть. Шансы такого поворота событий *умеренны*. Президент Буш вложил слишком много политического капитала, чтобы осуществить такой поворот курса. Но американские силы все равно обязаны на каком-то этапе уйти. А иранцы всегда будут рядом.

Региональное решение. Его сторонники – Группа по изучению Ирака (Бейкер),

демократы в конгрессе, дипломатический корпус США. Свою позицию они аргументируют тем, что Иран и Сирия были бы счастливы видеть США обливающимися кровью еще долгие годы. Но их позиция сейчас меняется – теперь им нужен стабильный Ирак – а с Ираком в огне гражданской войны о стабильности можно забыть. Недостатки – с уходом США на горизонте иранцы и сирийцы не имеют стимула двигаться в этом направлении – если только цена статус кво не станет слишком высокой.

Шансы реализации довольно низки. Администрация Буша может сделать несколько шагов в этом направлении, но она не пойдет на слишком большие уступки Ирану и Сирии. Возможна региональная конференция, но не следует ожидать слишком многого.

Раздел Ирака. Сторонниками такого подхода являются сенатор Джозеф Байден, Лесли Гелб, радикальные курды и шииты. Их аргументация сводится к тому, что Ирак естественным образом делится на три региона – шииты, сунниты, и курды. Центральное правительство будет иметь крайне ограниченные функции, нефть будет разделена. Курды уже обладают автономией на севере, а некоторые шиитские фракции рады оторвать свои участки земли, создавая Шиастан на юге Ирака. Уставшие сунниты поймут, что не смогут победить в гражданской войне. Будет создан новый Ирак. Недостатками этого плана является обострение этнического вопроса, этнические чистки. Лишенные нефти сунниты будут противостоять готовым к борьбе шиитам и курдам, а США не смогут взять на себя роль гаранта. Националистическое движение Садр как и суннитское движение увидит в расколе заговор за границы. Шансы этого оборота невелики. Федерализм возможен и при действующей иракской конституции, но иракские националисты будут сражаться за единство. Сторонники этого варианта говорят, что процесс, собственно, уже идет в этом направлении.

Президент Буш меняет тактику

12 января 2007 г. президент Буш в речи, специально посвященной Ираку, определил новые параметры своей политики. Главное: посылка в Ирак дополнительных 21 тысячи американских войск (1) и выделение на решение иракской проблемы дополнительных 1 млрд дол. (2).

Критические отклики последовали незамедлительно. Президент Джордж Буш сделал последнюю попытку спасти свой президентский имидж и остаться в истории с приличной характеристикой: объявил о выработке очередной «стратегии победы», ради которой в иракскую бойню будет брошена еще 21 тысяча американских солдат. Как сам президент, так и большая часть вашингтонского истеблишмента просто не желают раскрыть глаза и откровенно признать один-единственный факт: иракская война уже окончена.

Садам Хусейн мертв. От остатков программы производства ОМП не осталось и следа. Однако Соединенные Штаты показали полную неспособность достичь каких-либо других целей из своего весьма обширного списка. Уже практически четыре года Америка пытается воссоздать некий добрый и мягкий Ирак. Они будто забыли, что Ирак всегда был искусственным образованием, сочетанием несочетаемых конфессиональных групп, которые были согнаны в одно место Британской империей и не разваливались только за счет суннитского террора.

Американское вторжение полностью разрушило существовавшую на тот момент систему: шииты получили власть, сунниты обозлены, курды вообще хотят отделиться от обоих – и никто из них не хочет делиться властью с конфессиональным противником.

Не будем спорить, Ирак можно воссоздать. Он будет поделен на какие-то условные части, между которыми будут более или менее справедливо распределяться материальные блага. Однако вероятность появления подобной системы выше всего тогда, когда ее формированию предшествует долгая и кровавая гражданская война. Именно такую – гражданскую – войну больше не в состоянии предотвратить американские войска, как их ни усиливай.

Что касается заявления президента о том, что битва за Ирак «станет определяющей для будущего направления всемирной войны с терроризмом», то найти аргументы для ее подкрепления даже при всем желании нет никакой возможности. Ирак уже превратился в эпицентр антизападного терроризма. Это плохо, но это так. Ирак – это единственное место в мире, где у будущих джихадистов есть возможность организовать своеобразные «учения с боевой стрельбой» и тренироваться на американских войсках, готовя себя к будущим битвам. Не случайно, например, «самодельные взрывные устройства», впервые примененные именно в Ираке, позднее распространились и в другие горячие точки – например, в Афганистан. Создается такое впечатление, что кое-кто думает (совершенно бесосновательно), что в мире живет некое конечное число потенциальных террористов, которых приманивает Ирак, куда они попадают, чтобы погибнуть от рук американских военных.

На практике же картины арабского общества, страдающего под пятой ненавистного Запада, уже призвали в ряды Аль-Каиды бесчисленное количество добровольцев. Американская оккупация создала им имидж борцов и мучеников, который будет еще многие десятилетия радикализировать арабский мир. Что делать президенту Джорджу Бушу? Позаимствовать опыт президента Рональда Рейгана. В 1983 году Рейган вначале дал «добро» на размещение американских войск в Ливане, причем для этого использовались те же предлоги, какими пользуются сегодня те, кто говорит, что американские войска должны оставаться в Ираке – надо бороться с террористами, надо что-то противопоставить влиянию Сирии и Ирана, надо предотвратить эскалацию межконфессионального конфликта, способного привести к войне на всем Ближнем Востоке. И тогда разнообразные аналитики говорили о том, что если войска будут выведены, то Америку перестанут уважать – особенно после теракта в казармах морской пехоты. Однако сороковой президент США, надо отдать ему должное, понял, что ограниченному американскому контингенту не под силу достичь ни одной из заявленных целей – и вывел войска. Поскольку сухопутные силы США уже не были заложниками переменчивой военной обстановки внутри Ливана, у Вашингтона были развязаны руки – и он смог принять более эффективную стратегию борьбы с терроризмом и недопущения распространения внутриливанской борьбы на остальные страны региона.

У американского народа нет желания ни нести связанные с Ираком издержки практически имперской опеки, ни вести жестокую военную кампанию, необходимую для умиротворения страны. Поэтому, вместо того, чтобы говорить о новой стратегии победы и посылать в огонь Ирака все новые и новые контингенты несчастных американцев, президенту лучше было бы объявить открыто, что миссия Америки окончена, и представить план постепенного вывода американских войск.

Будущее Ирака – в руках самих иракцев. Именно они – неважно как, с помощью насилия, путем переговоров или взаимных уступок – должны определить пути дальнейшего развития своей страны. Пока что их выбор совершенно не устраивает Америку – так же, как выбор, сделанный ливанцами в 1975 году и боснийцами в 1992-м, – но Вашингтон реально никак не сможет изменить эти решения.

Уже во второй раз в послевоенной истории Соединенные Штаты потерпели поражение на войне – не потому, что были побиты на поле боя, а потому, что не смогли решить свои политические задачи. Задача, которая сегодня стоит перед американским руководством – не придумывать планы продолжения войны, а искать способы, с помощью которых Америка может вновь набрать силу и реализовать свои интересы с учетом этой потери.

Из речи президента можно вынести, как минимум, пять довольно общих наблюдений:

1. Анализ ситуации в Ираке получился намного более реалистичным, чем в любом из предыдущих президентских заявлений. Президент признал наше поражение, хотя тут же применил стандартный прием уклонения от ответственности – объявил его своей личной ошибкой. Язык выступления был менее исламофобским, чем тот, который привычно стало слышать от президента Буша с 11 сентября 2001 года, хотя президент и тут не удержался и, говоря об угрозах, с которыми США приходится сталкиваться в Ираке, встал в ловушку

демагогического упрощенчества, назвав пребывание войск в этой стране борьбой за защиту «молодой демократии» против экстремистов и американского общества – от террористов. Истинность и того, и другого утверждения более чем сомнительна.

2. Направление в Ирак дополнительного контингента из 21500 человек – не более чем политическая уловка, тактическая ценность которой весьма и весьма ограничена, а стратегическая отсутствует вовсе. Добиться военной победы – еще не значит выиграть войну. Войска Соединенных Штатов ввяжутся в кровавые уличные бои, исход которых решающим образом никак не повлияет на прекращение продолжающегося хаоса и этнического и межконфессионального насилия, не говоря уже о целенаправленной антиамериканской деятельности боевиков.

3. Принимая решение повысить уровень американского военного присутствия и одновременно выставляя «суверенному» иракскому режиму какие-то «целевые показатели», а также подчеркивая внешнюю угрозу со стороны Ирана и Сирии, Администрация, в случае, если поставленные целевые показатели не выполняются (а это уже дело практически решенное), фактически оставляет себе выбор только из двух возможностей. Либо политика «моя хата с краю, я убегаю», то есть уйти из Ирака, потому что иракское правительство что-то пообещало и не выполнило – правда, таким способом США никак не прикроются от критики в адрес в высшей степени сомнительного «принципа домино», о котором президент уже слишком много раз говорил как о неизбежном и страшном следствии вывода американских войск; либо – и, не исключено, что такая возможность уже маячит где-то в глубине бушевского сознания – расширение географии конфликта и развязывание военных действий против Сирии и Ирана. Можно с уверенностью говорить, что кое-кто из неоконсерваторов, близких как к президенту, так и к другим чиновникам Белого дома, обязательно попытается их на это толкнуть. Такие же мысли могут возникнуть и в других местах – например, в голове сенатора Джо Либермана.

4. В выступлении президента ни слова не сказано даже о теоретической возможности развития ситуации, которая в конечном итоге привела бы к политическому решению. Поиск политического решения потребовал бы серьезного диалога – причем диалога с реальными политическими лидерами Ирака, за которыми стоят как политические, так и физические силы – относительно принятия американцами и иракцами совместного решения о сроках окончательного вывода американских войск. Судя по результатам социологических исследований, большинство населения Ирака хотело бы выхода американцев из страны в течение какого-то как можно более короткого срока. Если бы имелась конкретная дата этого события, установленная обеими сторонами, то тогда и вовлечение соседних стран в серьезную дискуссию на тему региональной безопасности и стабильности было бы уже гораздо более легкой задачей. Отказ США от возможности переговоров с Ираном и Сирией – это политика самоотракизма, хотя она довольно логично вписывается в общую политическую картину правительства, пытающегося заниматься придумыванием лозунгов вместо того, чтобы заниматься выработкой стратегий. 5. В выступлении президента отражается глубокое непонимание им реалий нашей эпохи. В Ираке Америка действует так, будто Ирак – ее колония. Эра колониализма прошла. Вести колониальную войну в постколониальную эпоху – самоубийство. Это и есть самый главный, убийственный, провал политики Буша.

Глава двадцать первая

Месопотамская авантюра: за и против

Я поддерживал решение сокрушить режим Саддама Хусейна в Ираке. Я знал о потрясающей боевой силе наших вооруженных сил, не имеющих себе равных на планете, которые смели иракские дивизии довольно легко. Я знал также, что эта война будет просто

первой половиной иракской трансформации из авторитарного кошмара в плюралистическое, взаимосвязанное общество. И ведение этой второй войны – за мир – будет чрезвычайно тяжелым. Эта вторая часть должна была осуществляться специалистами по мирному строительству, которых у нас просто нет. Наши военные не были готовы к решению этой задачи.

Томас Барнет, 2005

Неоконы не сдаются

Мантра «неоконов»: величайшей опасностью для Америки является создание одним из rogue states («агрессивных государств») ядерного оружия, которым оно может снабдить диверсионные группы, направляемые в Соединенные Штаты. Они открыто провозгласили первенство США в международных делах, снижение роли международных организаций, предвещающие удары по потенциальным противникам (способным создать оружие массового поражения), недоверие даже к старым союзникам, давление на «ось зла» (Иран, Сирия, Северная Корея). В сентябре 2001 г., когда страна озидалась в поисках утраченного равновесия, «неоконы» вышли на национальную арену и предложили президенту серию активных действий, отвечавших тогдашнему паническому сознанию страны. Как пишет один из их лидеров Макс Бут, «после самой крупной в истории США террористической атаки президент Буш-мл. пришел к выводу, что администрация не может более позволить себе „скромной“ внешней политики». Войны в Афганистане и Ираке окончательно вывели «неоконов» из идеологических пещер в самые главные кабинеты. Особое их ликование вызвала принятая администрацией Буша в 2002 г. «Стратегия национальной безопасности», предполагающая наносить «предваряющие удары» в случае восприятия политики государства как угрожающей.

Администрация Буша считает доблестью пренебрежение мнением специалистов, игнорирование истории; она полагала, что Ирак будет трансформирован без чрезвычайных американских усилий. Мнение людей, чье суждение учитывалось, отражало видение мира очень узкой группы политологов – и эти политологи часто были просто невежественными в отношении ближневосточного региона. Без малейшей критичности на веру было взято мнение группы политических противников Саддама Хусейна, тех эмигрантов, которые утверждали, не моргнув глазом, что освобожденный народ Ирака с великой радостью встретит освободителей от Саддама и будет воодушевленно сотрудничать с оккупационными американскими военными властями. «Неоконы» и демократические империалисты имели немало идеологов. Вначале их было немало. Так Джордж Пакер писал в своего рода эйфории: «Я хочу, чтобы иракцы вышли из тюрьмы; я хочу, чтобы диктатор-убийца лишился своей власти до того, как он сможет убивать снова; я хотел увидеть создание открытого общества, закрепляющего свои корни в арабском мире»²⁵². Либеральный сторонник войны лишь постепенно превращается в хроникера американских разочарований.

Но как долго может держаться несравненная империя? Как избежать такой судьбы?

Немец Иоффе пишет, что «мировая история учит, что Мистер Биг сам навлекает на себя собственный крах. № 2, 3 и 4 сомкнули свои силы в противостоящем альянсе, обеспечивая крах лидера. Так случилось с Наполеоном, Людовиком XIV, могущественными Габсбургами, Гитлером и Сталиным. Мощь порождает превосходящую мощь – это древнейшее правило мировой политики»²⁵³.

Гаррисон считает, что единственным способом является переход от уровня американского таун-холла (сердцевина американской демократии) к всеобъемлющему

---

²⁵² Packer G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Straus and Giroux, 2005, p.7.

²⁵³ Joffe P. «Financial Times», Feb.2, 2002.

мировому правительству. Шаги в этом направлении уже сделаны – это Международная Организация Труда, включающая в себя всех троих участников производственного процесса: национальные правительства, корпорации и профессиональные союзы. Уже примерно столетие эта структура позволяет решать проблемы рабочих масс на компромиссной основе. Чтобы править миром, Соединенные Штаты нуждаются в механизме примирения с рабочим классом самых разных стран, подобно тому как Рууд Люберс – верховный комиссар ООН по вопросам беженцев, решает задачи, сажая за один стол жертв глобализации и ее управителей.

Гаррисон предлагает Соединенным Штатам подобным же образом создать Международный Фонд Реконструкции, который объединит деятельность правительств, корпораций и гражданского общества, заинтересованных в гражданском строительстве и выживании нации. «Эта группа могла бы начать процесс отбора лучших представителей из каждого сектора, начать процесс сбора информации, выдвинуть необходимые рекомендации и начать процесс их реализации. Соединенные Штаты возглавили бы процесс межсекторального обмена и формирование нового мирового права. Это критический по важности процесс для создания межсекторальных связей мирового правления... Он имел бы фундаментальное значение подобно процессам, начатым восемьдесят лет назад президентом Вильсоном и шестьдесят лет назад – президентами Рузвельтом и Трумэном. Как и тогда, ничто меньшее, чем пересмотр *всей* глобальной системы, не способно создать глобальную систему»²⁵⁴. А ведь тогда, как и сейчас, создание ООН, Бреттон-Вудских институтов и «плана Маршалла» *не казалось* необходимым для самой могучей державы планеты, более того, казалось, связывали мощь США. И только вся вторая часть XX века указала на верность курса на создание международных организаций.

По мнению Гаррисона, если Соединенным Штатам не удастся организовать продуктивный диалог богатых и бедных (опираясь на авангард развитого Запада, на многосторонние международные институты, корпорации, НГО) для сбора 50 млрд дол. в год на протяжении двадцати ближайших лет, которые Мировой банк и МВФ считают необходимыми для ликвидации мировой нищеты, обеспечения питьевой водой, медицинским обслуживанием и достойной работой, то Американская империя попадет в полосу жесткого противодействия.

Для того, чтобы американский контроль над трансформированной планетой был подлинно убедительным и жестким, следует (убеждает Гаррисон) трансформировать систему суверенных наций-государств, страдающих, по его мнению, от неэффективности системы управления. Если США сумеют найти дорогу к совместным действиям, тогда Вашингтон ждет успех как в случае с Вильсоном и Рузвельтом. «Лига наций была создана на пепле Первой мировой войны, Объединенные Нации – на пепле Второй мировой. Теперь перед США стоит вызов – построить мировую систему на основе американского лидерства. Может ли нынешнее лидерство США быть столь убедительным и вдохновляющим, что сумеет помочь избежать всего подобного двум предшествующим катастрофам? Ведь следующая катастрофа тоже будет глобальной»²⁵⁵. А на кону судьба первой планетарной цивилизации.

Америка: сомнения

Обречена ли Америка жить в тени параноидальных мнений, осуществляя полицейские функции «по всем азимутам»? В Америке достаточно трезвых людей, склонных к критическому восприятию истории.

---

²⁵⁴ Garrison J. *America as Empire. Global Leader or Rogue Power?* San Francisco: Berrett-Koehler, Inc. 2004, p. 198.

²⁵⁵ Garrison J. *America as Empire. Global Leader or Rogue Power?* San Francisco: Berrett-Koehler, Inc. 2004, p. 201.

Продолжать или не продолжать войну – впервые дебаты серьезного характера вспыхнули в США после открытого призыва конгрессмена Джона Мурта полностью вывести американские войска из Ирака. Этот толчок дал разворот дебатам. Администрация Буша ответила демократу из Пенсильвании довольно быстро. В конце ноября 2005 года президент Буш выступил в Военно-морской академии практически одновременно с публикацией «Национальной стратегии победы в Ираке». Смысл: Америка будет действовать еще отчаяннее.

Но проницательный читатель видел среди строчек – администрация начинает приводить в действие стратегию замаскированного отхода. Внимательное чтение ответа администрации показывает, как убывает твердость в войнах 2003 года, камуфляж провалившейся стратегии, казуистическое новое определение провалившейся стратегии.

Теперь сторонники продолжения войны говорят о тех ужасах, которые может принести с собой внезапный уход американцев из Ирака – гражданская война, полная потеря доверия к США, удар по демократии, утеря безопасности в регионе с результирующей нестабильностью. Уход спровоцирует движение инсургентов, минимизирует шансы демократического развития. Но в национальных дебатах уже звучат контраргументы: чем раньше американцы уйдут из Ирака, тем лучше будет для них. Гражданская война? Но она уже давно идет и иракцы убили значительно больше своих соотечественников, чем американцы. Американцы породили гражданскую войну своим вторжением и они не могут ее прекратить своим бесконечным пребыванием. Чем дольше стоят американцы в Ираке, тем вероятнее их национальное поражение. Практически нет сомнения в том, что любое, способное удержать власть правительство будет антиамериканским.

Сколько бы ни стояли американские войска в Месопотамии, они все равно не оставят за собой стабильную демократию. Провести очередные выборы нетрудно. Но невозможно удержать конституционную демократию в стране, полной ненависти к оккупантам, расколотой в гражданской войне, не имеющей демократических традиций.

Буш все больше напоминает Линдона Джонсона, пытавшегося убедить Америку в победе во Вьетнаме. Какие есть основания верить в то, что Джордж Буш преуспеет там, где сорвался Джонсон? Оставить после себя либеральный режим просто невозможно и всякие аналогии с Германией и Японией бессмысленны. Из всех мировых культур арабская наиболее активно противостоит тому, что американцы называют «идеалами демократии». Тот, кто указывает на Турцию, должен знать, что турецкая культура буквально противоположна арабской.

Противники ухода говорят, что Ирак может превратиться в гнездо мирового терроризма. Но Ирак уже стал полем учебы террористических сил – во многом при помощи боевой учебы – сражения с американцами стал мировым университетом терроризма. ЦРУ уже доложило конгрессу и администрации, что Ирак стал мировым сборным центром террористов. «Чем скорее новый диктатор захватит политическую власть в Ираке, тем быстрее прекратится массовое производство террористов»²⁵⁶.

Противники ухода выдвигают еще один аргумент: без американцев Багдад не создал бы своей армии. Но инсургенты сражаются эффективно и организованно даже без помощи американцев и европейцев. Вполне можно предположить подобное самообучение полиции. Сейчас же полицейские просто опасаются полностью «отдаться» неясной власти, держащейся при помощи иностранных штыков. Целью в Ираке является политическая, а не военно-техническая консолидация, не военная, а гражданская лояльность. Во Вьетнаме американцы выучили немало неплохих генералов, слабым местом которых был их политический статус. Войну там потеряла не армия, а южновьетнамские политики.

Если даже Вашингтон сумеет создать просто превосходную армию, все равно

---

²⁵⁶ Odom W. Withdraw Now («Current history», January 2006, p.4).

конечным результатом в Ираке будет диктатура, поскольку военная тренировка явно идет быстрее политической консолидации.

Но еще опаснее дестабилизация Ирака для всего региона, главного депозитаря нефти на земле. Те, кто выступает за незамедлительный уход из Ирака при этом поддерживают широкую политику восстановления Вашингтоном тесных дружественных связей с европейскими союзниками, со странами СБ ООН, с Японией, Китаем и Индией – только так можно усмирить колоссальный исламский регион от Восточного Средиземноморья до Пакистана. Здесь противники агрессии занимают весьма жесткую позицию: Вашингтон должен признать свою стратегическую ошибку. В противном случае ему создать широкую коалицию не удастся.

Иранские лидеры столь довольны американскими ошибками, что собственно советуют иракским шиитам следовать за американцами. В декабре 2005 г. шииты захватили власть в Ираке легально, на выборах. Шииты в обеих странах не преминули начать сводить счеты с суннитами и баасистами. И если США встанут на путь ослабления Ирана (не говоря уже о войне и т. п.), то Тегеран непременно использует доминирующие в Ираке позиции шиитов. А в целом американское вторжение в огромной мере увеличило влияние Ирана в Ираке и будущее для них весьма многообещающее. Не лучше ли американцам выйти немедленно, чем продолжать нынешний курс ослабления суннитов и баасистов, открывая дорогу шиитской диктатуре?

Неверная стратегия

Фактически гражданская война идет в Ираке уже с 2004 года, в основном по ночам. Америке еще предстоит осознать огромность своей ошибки в Ираке, без этого вывод американских войск из страны невозможен. Американцы в конечном счете поймут, что вторжение в Ирак помогло трем силам: Аль-Каиде, для которой Ирак стал родным домом; Ирану с его шиитским правительством; экстремистам в Палестине и Израиле.

Даже самым горячим головам стало ясно, что во вторжении в Ирак не было смысла и чем дольше война продолжается, тем грандиознее ущерб Америки. Строго говоря, война продолжается в интересах Аль-Каиды и Ирана – тех сил, которые долгие годы были противниками Саддам Хусейна. Соединенные Штаты вынуждены были прекратить интенсивное преследование Аль-Каиды, они на себе ощутили как война в далеких песках стремительно ослабляет Североатлантический союз. Нет уже тех 144 государств, которые стояли на стороне Америки в конце 2001 года.

Конфликт, разожженный американцами в Ираке, может иметь большие последствия в Сирии, Турции, Иране. Сегодня же все три страны помогают оппозиции силам, на которые пытаются опереться американцы. И американцам следует думать о будущем, когда они были бы влиятельными в регионе, опираясь на дружественность Китая, России и Индии.

Пока же Збигнев Бжезинский не зря называет Ближний Восток «глобальными Балканами», теми Балканами, которые привели к Первой мировой войне. Сами по себе балканские страны не были столь уж велики и влиятельны. Но влияние на Балканах давало многое. У Ближнего Востока возможна такая же судьба катализации крупнейших мировых сил. Проблема Америки: как вовлечь на свою сторону важнейшие мировые силы. Почему эти страны должны посылать своих молодых людей под пули неведомых им сил?

Два фактора выходят вперед.

Во-первых, как США могут «завлечь» потенциальных союзников? Можно ли на это рассчитывать всерьез? Трезво говоря, это нереально. Европейские страны никогда не убедят свою общественность послать войска в охваченный пламенем Ирак.

Во-вторых, является ли пребывание в Ираке наилучшим способом поведения? Ирак – наихудшее место для того, чтобы вести битву за региональную стабильность. Чьим интересам служит вторжение в Ирак? Выигрыш Ирана и Аль-Каиды очевиден и эта ситуация продолжается каждый день боев. Необходим пересмотр американской стратегии.

Уход Америки из Ирака является предпосылкой восстановления дружественных отношений США с главными европейскими союзниками. Разговоры о мучительной ошибочности подобных шагов – результат неверного расчета и ошибочных оценок.

Но самые ошибочные оценки – это утверждения типа того, что «если мы выйдем из Ирака, мы оставим его раздробленным – поэтому мы обязаны стоять в нем». Генерал Одом возмущается подобными аргументами? «Конечно же Америка разбила Ирак... Своими действиями Америка гальванизировала антиамериканские силы, практически сформировала антиамериканский союз. Прицепиться к позиции, которую нельзя удержать – верх безответственности»²⁵⁷.

Молодые офицеры, командиры рот и батальонов видели, что американская армия побеждает в отдельных сражениях и терпит стратегические поражения. И они начинают жаловаться на американцев дома – те не рискуют, жестокие в своей критике. Отметим и то, что американские генералы в Ираке не бравировали так, как это имело место во Вьетнаме. Их серьезные замечания явственно отражали их сомнения, которые прежде они не выражали публично. И всем было видно репрессивное отношение министра обороны и его первого заместителя к лучшим из генералов, сомневавшихся в стратегической мудрости войны. Министр Рамсфелд никогда не был фаворитом американских военных.

И когда конгрессмен Мурта вызвал гнев Белого дома и даже своей партии, он катализировал политические дебаты, время которых настало уже давно. В кампании 2004 года один лишь прежний губернатор Нью-Хемпшира Говард Дин выступил с ясной критикой политики администрации в Ираке. Лидеры же демократической партии боятся до смерти обвинений в недостаточном патриотизме.

Журналист Нир Розен пришел к выводу, что вывод американских войск из Ирака был бы лучшей политикой для Америки. Он считает, что шиит Муктада аль-Садр – единственный человек, способный сплотить Ирак. И что Иран и США – естественные союзники. Розен считает, что все происходящее в пределах «зеленой зоны» в реальности не имеет отношения к тому, что произойдет на улицах Ирака. Избранный в благополучной «зеленой зоне» премьер будет «немедленно убит, как только выйдет за ее пределы»²⁵⁸. Милиция основных иракских фракций сражается отчаянно друг с другом. Надежду на примирение питают лишь неисправимые оптимисты.

Выступившие против

Одним из первых был флоридский демократ – сенатор Роберт Грэм, предпринявший в 2003 г. попытку выдвинуться в президенты. Он едва ли не первым в элите стал утверждать, что война в Ираке была одной из самых крупных ошибок во всей внешней политике США. «Словно Вашингтон пошел в 1941 г. войной против Италии Муссолини, а не Германии Гитлера». Грэм сравнивал Гитлера с Усамой бен Ладеном, с Хезболлой и Аль Каидой. Обе эти организации представляли для США гораздо более очевидную угрозу, чем баасистский Ирак. Обе эти организации *могли* нанести удар по США, а Багдад *не мог*. Война с Ираком отвела фокус внимания с Аль-Каиды, в результате чего Америка оказалась в еще более опасном положении, чем до войны с Ираком.

Указывая на ОМП, Грэм утверждал, что ЦРУ использовало сомнительную информацию, которую отяготили личные качества Тенета. Президент Буш обязан остановиться и вооружиться рациональной политикой. Грэм надеялся на выборах 2004 г. нанести Бушу серьезное поражение.

Собственно люди президента начали прозревать значительно позже. Ведущий советник

---

²⁵⁷ Odom W. Withdraw Now («Current history», January 2006, p. 6).

²⁵⁸ Seven Questions: What Next for Iraq? («Foreign Policy», March 2006, p. 38.).

Буша Карл Роув стал усматривать переход позитивного в негативное в Ираке вначале февраля 2004 г. Насилие в разоренной стране усиливалось несмотря на более чем 100 тысяч американских оккупационных войск. Численность убитых американцев увеличивалась с каждой неделей и превзошла цифру две тысячи. Признание Буша и Тенета, что в отношении ОМП американская разведка *возможно* ошиблась, создало предпосылки видения ошибки во всем предприятии. Роув одним из первых определил опасность в губернаторе Вермонта Говарде Дине. Дин на пути к 2004 г. выступил с безусловным отрицанием необходимости для Америки ввергаться в войну с Ираком. «Одной из сильных сторон Дина было то, что он мог сказать: я не из этой вашингтонской толпы».

Рядом с Дином возник сенатор Джон Керри, но позиции последнего были ослаблены голосованием за иракскую войну. В 1990 г. и в январе 1991 г. Керри, согласно «Конгешнл рекорд», утверждал, что «Ирак создал химическое оружие». В решающее время – в октябре 2002 г. Керри требовал от Саддама «уничтожить свое оружие массового уничтожения». В день начала войны Керри сказал по Национальному общественному радио: «Я считаю оружие массового поражения, имеющееся у Саддама Хусейна угрозой, которую нужно предотвратить». И только значительно позже Керри стал обвинять Буша в отсутствии сотрудничества с ООН и другими международными организациями.

Государственный секретарь Колин Пауэлл и его правая рука Эрмитидж обращали первостепенное внимание на одного из самых влиятельных деятелей иракской эмиграции Ахмеда Челаби, который, как виделось, имел всю поддержку администрации Буша. Он сидел рядом с Лаурой Буш во время президентского послания 20 января 2004 г. Именно Челаби, считало руководство госдепартамента, привил Белому дому идею о наличии у Саддама оружия массового поражения. Госдепартамент продолжал противостояние с министерством обороны. Эрмитидж: «Это дерьмо не склеить».

Критическое крыло

В авангарде критики иракской политики президента Буша выступили Ричард Кларк, Джеймс Бэмфорд, Ларри Дайэмонд, Джеймс Фоллоуз, Сеймур Херш, Джордж Пакет, Боб Вудвард, Лоуренс Фридмен, Иммануил Воллерстайн, Нир Розен. Такие представители американской элиты как социолог Иммануэль Уоллерстайн заняли позицию, противоположную господствующему триумфализму. Их сила – в самостоятельном видении исторического процесса, в наличии собственного мировидения, в удивительной ясности, с которой он излагает свои аргументы.

Некоторые из них имели немалый иракский опыт. Так Джордж Паркер, прежде чем написать книгу «Ворота убийц», в качестве корреспондента журнала «Нью-Йоркер» *семь раз* за период 2003–2005 гг. посещал сражающийся Ирак. Вначале он (как и многие) находился под влиянием интеллектуального лидера эмигрантов – жесткого врага Саддама – Канана Макийя, призывавшего всех освободить Багдад от Саддама Хусейна.

Эти авторы, как минимум, говорят, что, если и рано выносить окончательный вердикт, то на опыте 2003–2006 годов уже можно основательно отстаивать тезис о поразительной американской неудаче на *данном* этапе, на послевоенном этапе. Через год после американского триумфа произошло резкое ужесточение американо-иракских отношений. В городе Эль-Фаллуджа – на запад от Багдада группа иранцев, действуя уже в традиционной манере, убила четырех американских и гражданских лиц и надругалась над их телами. Синхронно в Багдаде и других городах Ирака начались столкновения войск американской коалиции со сторонниками тридцатидесятилетнего шиитского лидера Муктады аль-Садра. Вооруженные силы последнего, назвавшие себя «армией Махди», уже повернули свои стволы против оккупационных войск проамериканской коалиции.

Но более организованно (чем аль-Садр и его «армия Махди») начали сражение с американцами прежний офицерский корпус Саддама Хусейна в Эль-Фаллудже. В борющихся с американцами частях были прежние «принципиальные противники» – прежняя

республиканская гвардия, жители суннитских городов и племен, функционеры прежней правящей партии БААС. Американцы позволили втянуть себя в городские кварталы, где их организованность и даже их техника теряли свою силу.

Две тысячи американских морских пехотинцев при поддержке танков и вертолетов вонзились в Фаллуджу, где их уже ждали многотысячные силы партизан, вооруженных стрелковым оружием, минометами и большим числом гранатометов РПГ-7, очень эффективных в городских кварталах. Партизаны умело отрезали фланги наступающих американцев, избегая лобового столкновения. Американский Левиафан выдвинулся во всю мощь. Используя спутники, пилотируемые и беспилотные разведывательные летательные аппараты, компьютеризированную полевую сеть управления, американцы лучше иракцев знали, где находится противник, они лучше ориентировались в руинах города. Война во многом приобрела характер бойни.

Все более складывается мнение об изначальной порочности замысла вторгаться в Месопотамию. Этот замысел был *политически наивен и исторически безграмотен*. Только безудержный оптимист мог обратиться к строительству зрелой демократии в вязких политических топях между Тигром и Евфратом – на руинах совсем иной страны, многие десятилетия строившей арабский социализм БААС. Журналисты свидетельствуют, что американское военное командование не вело дискуссий, оно не имело джефферсоновского опыта. Один из солдат делил свое время между написанием иракской конституции и подготовкой школы к новому учебному году. И то и другое было вновь и явно непрофессионально.

Наступил период постоянной фрустрации – на недели, месяцы, годы. Вот как пишут даже лояльные Бушу ориенталисты (в данном случае Ричард Фалькенрат): «Американские мужчины и женщины гибнут в Ираке почти каждый день; расходуются феноменальные суммы американских денег; террористы и инсургенты нападают все ожесточеннее; их фронт захватывает международные горизонты; жители Ирака не испытывают благодарности к американцам; внутриамериканская поддержка войне слабнет»²⁵⁹.

Лоуренс Фридмен указывает, что «советники и наблюдатели, которые еще на раннем этапе предупреждали об опасности оккупации и о том, что столь смелое предприятие требует исключительных усилий, были полностью проигнорированы. Вместо того, чтобы обратиться ко всему политологическому сообществу, американское правительство проигнорировало мнения экспертов, включая сюда даже подготовительную работу государственного департамента»²⁶⁰.

Джордж Пакер отрицает взгляды типа того, что иракская авантюра была обречена на провал в основном по вине самих неуклюжих иракцев. Но он признает, что все, кто симпатизировал американцам *внезапно* ощутили тягу к переезду в Америку. А если нет – то их симпатии к инсургентам росли с устрашающей скоростью. Мораль: «Беспечность американских стратегов иракской войны столь велика, что их трудно простить»²⁶¹. Два представителя Совета национальной безопасности клинтоновского периода Дэниэл Бенджамин и Стивен Саймон постарались особо критично осмыслить годы, когда «победа» стала горше поражения. В книге «Следующее наступление: неудача в войне с террором и стратегия как исправить положение»²⁶². Главная мысль авторов: односторонность,

---

²⁵⁹ Falkenrath R. Grading the War on Terror («Foreign Affairs», January/February 2006, p. 128).

²⁶⁰ Freedman L. Writing of Wrongs. Was the War in Iraq Doomed From the Start? («Foreign Affairs», January/February 2006, p. 130).

²⁶¹ Packer G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Straus and Giroux, 2005, p 145.

²⁶² Benjamin D. and Simon S. The Next Attack: The Failure of the War on Terror and a Strategy for Getting It Right. New York: Henry Holt. 2005.

провокационная риторика, агрессивная тактика команды Буша привели к ошибке – вторжению в Ирак и его оккупации, укрепивших исламский фанатизм, превративших Аль-Каиду из географически ограниченного движения в мировой поток, вдохновляющий террористов всех мастей. Бенджамин и Саймон убеждены, что вторжение и оккупация Ирака увеличила террористическую угрозу Америке и всему западному миру. Ирак стал надежной базой для террористов, здесь они получают бесценный оперативный опыт и дают материал для пропагандистской машины исламистов.

Глава двадцать вторая **Америка за нефть и против мирового порядка**

Через 10–20 лет военное доминирование США сохранится, если только у вероятного противника не появится мощная противоспутниковая система или не будет секретно проведена установка сети надежно защищенных, большей частью находящихся под землей мощных лазеров, способных уничтожить американские самолеты и ракеты. Эти угрозы позволят потенциальному противнику бросить прямой вызов военному реформированию США и вернуть ведение войны к реалиям XX века – большей численности вооруженных сил и большими потерями. Есть только два государства, способных на это²⁶³.

Генерал Уэсли Кларк, 2004.

Старая Европа будет вынуждена опереться на наши плечи, перейти на нашу сторону... Каким колоссом мы будем.

Томас Джефферсон, 1816

Найолл Фергюсон приобрел в Соединенных Штатах необычайный авторитет своей монументальной книгой о Британской империи. Оксфордского профессора сразу же пригласили за океан, и теперь Фергюсон читает лекции в Ньюйоркском университете. Знакомство с наследником Лондона по имперской гегемонии привело к созданию труда, оценивающего мирового гегемона XXI века – Соединенные Штаты.

Характерен тон британского историографического авторитета. В отличие от немалого числа появившихся в последние годы критических книг об американской империи, Найолл Фергюсон пишет о могуществе колосса нашего времени с «легким одобрением», едва ли не покровительственно.

Атака Аль-Каиды, полагает Фергюсон не была выражением «гнева мусульманского мира», это был результат внутримусульманской борьбы, столкновения внутри исламской цивилизации. Аль-Каиду легче анализировать как «экстремистское крыло специфически арабской политической религии». Империя не должна глобализировать значимость этого экстремистского, особенного даже для арабского мира движения, где ваххабизм «прячется в песках Аравии». Терроризм существует давно, во многом он неизбежен, но империя возобладает в любом случае.

А между тем конкуренты не дремлют: растет азиатский конкурент – уже в 2018 г. Китай обойдет США по объему валового национального продукта; «война в Ираке увеличила вероятность новой роли для Европы – потенциального имперского соперника Соединенных Штатов. Европейские политические лидеры предпочли бы играть именно эту

---

²⁶³ Кларк У. Как победить в современной войне. Ирак, терроризм и Американская империя. Москва, 2004, с. 123.

роль». Европейский союз в полтора раза больше по населению, чем США, а его экономика составляет 82 процента американской.

Да, сегодня американские солдаты патрулируют Косово, Кабул и Киркук. И каждое американское вторжение вело к смене политического режима, военной оккупации и попытке институциональной трансформации, эвфемистски определяемой как «строительство нации». «Но откуда взять деньги для успеха всех этих предприятий? Как много американцев готовы стеречь дальние пределы? И как долго американское общество готово поддерживать политику, которая стоит немалых денег и жизней?»²⁶⁴

Вечна ли республика?

Поражение царя Митридата в 84 г. до н. э. никак не укрепило демократию в Риме. Пройдя под традиционной триумфальной аркой, победоносный Сулла прервал свою задумчивость такими словами: «Теперь, когда во всей вселенной у нас нет врагов, какой же будет судьба нашей республики?» Сомнения Суллы в отношении судьбы республики оправдались. Незамедлительно возникли «внутренние враги» (террористы античности), появились проскрипции, армия вошла в столицу, и республика покатила к империи.

Триста лет Америка провозглашала свою особенность, представляя себя миру как исключительное государство. Теперь она сумела распространить *демократию* в качестве общепризнанного идеала. И потеряла идентичность исключительности. Четырехзвездный проконсул Томми Фрэнкс (даже внешне похожий на Суллу) добил последнего «официального» врага современного Рима – Митридата-Хуссейна.

Но отсутствие явственного врага уже ощущается. Социологическая теория и исторический опыт указывают, что отсутствие ясно очерченного внешнего врага порождает в метрополии внутренний разлад. Неудивительно, что окончание «холодной войны» вызвало тягу местных внутриамериканских общин к самоидентификации. Отсутствие врага ослабляет необходимость в сильном центральном правительстве, в некогда безусловном единстве.

Профессор Поль Петерсен уже в 1996 г. писал, что окончание «холодной войны» сделало расплывчатыми очертания национальных интересов США, уменьшили надобность в национальных жертвах. Эгоистический интерес стал брать верх над национальной приобщенностью. Инаугурационные слова Джона Кеннеди – «Спрашивай не о том, что страна может сделать для тебя, а то, что ты можешь сделать для своей страны» стали голосом другой, героической эпохи, ныне скрывающейся за историческим поворотом. Вслед за германским экспансионизмом, японским милитаризмом и русским коммунизмом ушло в прошлое представление о противнике, как о силе, противостоящей американскому индивидуализму и свободе. И американская демократия, американское общество (со всеми его ценностями свободного гражданина и свободного рынка) оказалась в своеобразном вакууме.

Даже вышедшие к первым ролям неоконсерваторы не растерялись в триумфе. Вот что пишет один из их главных идеологов Чарльз Краутхаммер: «Нации нуждаются во врагах». Новая элита не отвернулась от испытанного компаса – идеальным противником для Америки был бы идеологически противоположно настроенный, расово и культурно совершенно иной, достаточно сильный в военном смысле противник. Сразу же после окончания «холодной войны» в Америке начались дебаты, кто мог бы стать таким противником.

Проще простого было демонизировать совсем недавних союзников – Милошевича и Саддама Хусейна (геноцид, немыслимая жестокость). Но и здесь ранжир явно не тот, особенно на фоне Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна (и даже менее впечатляющих Хрущева и Брежнева). Нужно было обладать исключительно богатой фантазией, чтобы в изолированном, контролируемом с воздуха и инспекторами на земле Ирака увидеть

---

²⁶⁴ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 290.

полномасштабную угрозу Соединенным Штатам, их континентальных размеров территории, их всемирно признанным идеологическим основам. Манихейские искатели дисциплинирующей угрозы обращались к разным разностям: «государства-изгои», кибер-терроризм, асимметричное ведение войны, всемирная наркомафия, ваххабизм, ядерное распространение и многое другое. Одних только террористических организаций официальные американские органы насчитали в 2003 г. *тридцать шесть* (среди них ведущие – Аль-Каида, Исламский джихад, Хезболла, Хамас). Государств, «спонсирующих терроризм» в том же году определили *семь*. В «ось зла» ввели в 2002 г. Ирак, Иран и Северную Корею, к которым государственный департамент добавил Кубу, Ливию и Сирию. Полномасштабными претендентами на угрозу Соединенным Штатам стали быстрорастущий Китай и турбулентный мусульманский мир (Ирак, Иран, Судан, Ливия, Афганистан при Талибане).

Все эти поиски в значительной мере приостановило 11 сентября 2001 г. Усама бен Ладен как бы остановил американские метания атакой на Нью-Йорк и Вашингтон. Теперь главным врагом на первую половину XXI в. был избран *воинствующий ислам*. Римляне тоже сражались с восточной религией.

А сама Америка, как некогда Рим, погрязла в раздорах. Даже система подсчета голосов оказалась сомнительной, как и, скажем, доходы компании «Энрон». Положиться на солидарность? Лояльность все меньше ценится в современном мире – на внешней арене на глазах у всех распадается триумвират США-ЕС-Япония. Автократия? Местный Цезарь не блещет талантами. Ну а народ – и патриции и плебеи бьются за «хлеб и зрелища» (то бишь за «медикэйд» и «медикэйр» на фоне НХЛ, НБА и ста каналов кабельного телевидения). Сенат жестко критикует преторианцев (разведку). А в это время южную границу активно пересекают испано-язычные варвары (второе более низкий образовательный ценз).

Но главное: в Америке (признают такие идеологи как С. Хантингтон) в геометрической прогрессии растет тот сектор населения, в котором, люди, приехавшие в Америку, не желают стать американцами и живут в США как на своей исторической родине. Гарвардский геополитик Хантингтон пишет о растущих миллионах тех, кто «прибыв в Америку из чужих земель, не чувствуют приобщенности к новой „родной земле“». Их поведение в отношении своей новой страны контрастирует с основной массой американской публики».

Но растет еще одно ослабляющее республику явление. Футурологи указывают на воздействие экономической глобализации – *денационализация* элиты будет продолжаться... «Ее приверженность национальным интересам – в условиях глобальной диверсификации интересов американских компаний – будет ослабляться». И приходится в противоречие с американскими интересами. Вот теперь то, что хорошо для «Дженерал моторс» вовсе не обязательно хорошо для Соединенных Штатов. Потому что автомобили эта первая в мире автомобильная кампания собирает где угодно – от мексиканской Тиуаны до российского Петербурга, а вовсе не в родном Дирборне, где за час сборочной работы американскому рабочему нужно платить в *десять* раз больше, чем его мексиканскому или российскому коллеге.

В свое время еще Адам Смит сказал, что «владелец земли по необходимости является гражданином той страны, где расположено его имение... Владелец акций является гражданином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из стран». Сказано более двухсот лет назад, актуально в высшей степени относительно транснационального капитала. Если американская экономика застряла, то нужно вкладывать в китайскую. Дж. Хантер и Дж. Йетс оценивают ситуацию так: «Эта космополитическая элита думает о себе как о гражданах мира, имеющих американские паспорта, а не об американских гражданах, которым приходится работать в организациях глобального охвата». Ныне президентами таких традиционных американских компаний как «Алька», «Бестон», «Дикинсон», «Кока-Кола», «Форд», «Филип Моррис», «Проктер энд Гэмбл» являются не американцы. Все более слышны жалобы ЦРУ, что американская разведка не может положиться на сотрудничество с американскими компаниями, не видящими смысла помогать американскому правительству.

В Риме дело завершилось наследственной империей. В Вашингтоне наследственность ощутима, но цезаризм не нашел убедительного воплощения, а два трибуна, два Джона хулят президента за необоснованный поход в долину Евфрата, за скупость в отношении хлеба и зрелищ, за освобождение от налогов богачей и, разумеется, за падение нравов.

Осенняя политическая кампания обещает быть самой острой и интересной со времен Ф. Рузвельта. Что важнее: величие нового Рима или его внутреннее благосостояние? Нужны ли Вашингтону союзники, какие, где и для чего? Сохраняет ли свою значимость Организация Объединенных Наций, или она просто сдерживает гегемона? Способны ли варвары обратиться в демократическую веру, минуя вековые цивилизационные предварительные процессы? Следует ли закупать дешевый хлеб в провинциях, или нужно беречь свободных «новых римлян» в хлебоборобном Канзасе? Вводить ли войска в Судан или посоветоваться с Клеопатрой (то бишь Мубараком)? Не демократическая и республиканская, а партия «мультикультурализма» против партии «плавильного тигля» столкнулись между собой в отчаянной схватке.

Рим стоял на доблести свободного гражданина и на стратегии осмотрительного сената. А погубили его Содом и Гоморра во внутренних пределах и неконтролируемый поток пришельцев со всего света. В эти дни одна половина Америки обсуждает необходимость поправки к конституции о легальности однополых браков, а вторая – неудержимый натиск испано-язычных иммигрантов, ночь за ночью переплывающих Рио-Гранде в северном направлении, чтобы присоединиться к 38 млн уже осевших соратников.

В притоке иммигрантов и в космополитизации собственной элиты прячется вопрос к новому Риму: что будет с республикой?

Как долгие имперский полет

Хотя мысли о будущем неотъемлемы от международных исследований, собственно футурология – редкая птица на горизонте гуманитарных исследований. И только в Соединенных Штатах размышления о том, как продлить свою мировую гегемонию, стало буквально «национальным спортом». Одним из наиболее видных футурологических центров является в США Гудзоновский институт, основанный несколько десятилетий тому назад одним из основателей футурологической профессии Германом Каном. Именно из этого футурологического центра вышли рассматриваемые в данном конкретном случае Уильям Одом и Роберт Дюжаррич с исследованием будущего Американской империи.

1. Американцев беспокоит то обстоятельство, что в целом «Соединенные Штаты колеблются между приятием международного лидерства и поведением просто одного из суверенных государств»²⁶⁵. Характерно их мнение, разделяемое многими в США, что мировое могущество «невольнo» опустилось на плечи Соединенных Штатов. Америка, мол, не ставила перед собой задачи достижения гегемонии. Целью была просто реконструкция Западной Европы и Японии. Империя же пришла как побочный результат.

Нужно было приложить феноменальные усилия по военному производству, долгие годы воевать от Кореи до Месопотамии, путем долгой и упорной борьбы завладеть контролем над океанами и континентами, чтобы в конце яростно утверждать, будто империя *сама, неожиданно, как зрелое яблоко*, упала на плечи Америки. Можно только улыбнуться. Ведь никто *в мировой истории* не прилагал *более целенаправленных усилий* ради мирового доминирования – от «доктрины Монро» до «доктрины Буша», чем стоящий на Потомаке Вашингтон. Стоит только прочесть строки мечтаний отцов-основателей, направивших бесчисленные фургоны пионеров на Запад, чтобы увидеть целенаправленность покупателей Луизианы, отчаянную самоуверенность основателей Техаса, беспардонную жажду завоеваний у тех, кто захватил половину Мексики, купил Аляску, высадился на Гавайях,

---

²⁶⁵ Odom W. and Dujarric R. *America's Inadvertent Empire*. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 1.

присоединил к себе огромный мир – от Пуэрто-Рико до Гавайских и Марианских островов.

И потом, если груз обрушился так негаданно и случайно, то зачем прилагать столь немислимые усилия, чтобы его сохранить? Если руководство миром – столь тяжелая задача, то нужно ли за нее держаться от Северного до Южного полюса, расходуя огромные средства и постоянно проливая кровь американцев?

2. «Чтобы быть эффективными, США должны действовать в окружении коалиций... Одностороннее использование американской мощи ставит имперский порядок в состояние чрезвычайного риска»²⁶⁶. Но тут же американцы показывают опасность поддаться коллективному безумию, потерять свободу собственных действий. Стоило ли достигать мирового могущества, чтобы делиться им с другими?

3. Источники американской мощи – не естественные ресурсы, не большое население, не благоприятный климат, а государственные *институты* – обычаи, правила, обыденная практика, равно как идеология, религия, мораль – вот в чем могущество метрополии²⁶⁷. Транзит к государству с демократическими институтами чрезвычайно сложен, вот почему США и западный мир уникальны и приблизиться к их стандартам смогут немногие. На протяжении нескольких грядущих десятилетий конкурентам не стоит и мечтать о достижении превосходства над Штатами.

4. Кто выступает конкурентом? ЕС? «Но до сего дня мир не знал успешной интеграции двух дюжен национальностей. Но, даже если Европейский Союз преуспее в своем объединении, это будет (как доказывает глава второй книги, *не угрозой Америке, а ее системой поддержки*. Разве не объединяющим фактором является владение американцами ценностей на 7 трлн за пределами США и ценностями в 9 трлн дол., которыми владеют иностранцы внутри Америки? А что касается военной мощи, то с крахом СССР в мире исчез единственный реальный военный конкурент.

5. Американское военное сообщество считает необходимым замкнуть под своим контролем ключевые регионы Земли. К примеру, руководствуясь «выдвижением передовых систем обороны», американцы жестко настаивают на своем присутствии в Саудовской Аравии, Кувейте, Катаре, Бахрейне, Объединенных Арабских Эмиратах, Омане, Саудовской Аравии, а сегодня и Ираке – с тем, чтобы так или иначе нейтрализовать Иран.

Более всего американских футурологов интересует проблема *альтернативы* американскому могуществу. Они рассматривают все основные варианты и, понятное дело, отвергают любую замену Американской империи.

Глобализация – это аморфное понятие, прошедшее пик популярности в 1990-е годы, оставив, как хвост кометы, огромную литературу. Одом и Дюжаррич отказываются верить в организующую силу глобализации хотя бы потому, что «отсутствует механизм глобального наведения порядка, а тот, что есть никак не может сравниться с организующей силой Американской империи»²⁶⁸.

Демократический мир. Но если даже «атлантические демократии» Турция и Греция готовы воевать за микроскопические острова в Эгейском море, то что можно сказать о бушующем в страстях остальном мире? Кант с его вечным миром смотрится анахронистом в мире Бен Ладена.

Не все регионы одинаковы по важности для США. Селективный выбор союзников фокусирует американские ресурсы – и особенно военные ресурсы.

Оторопь

---

²⁶⁶ Odom W. and Dujarric R. *America's Inadvertent Empire*. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 5.

²⁶⁷ Odom W. and Dujarric R. *America's Inadvertent Empire*. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 11.

²⁶⁸ Odom W. and Dujarric R. *America's Inadvertent Empire*. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 52.

Это явление вызывает оторопь даже среди самых близких союзников Америки в Западной Европе, где французы гордятся своей культурой, англичане считают себя «прирожденными лидерами», а немцы не верят, что их можно превзойти. В Европе критическое отношение к христианскому самоутверждению Америки возникло в XIX веке. Выход Америки на мировую арену в XX веке умножил удивление и скепсис.

Британский экономист Джон Мейнард Кейнс, говоря о своем опыте наблюдения за президентом Вильсоном, пришел к выводу, что «теологический пресвитерианский темперамент стал опасным аппаратом самообмана. Многие поколения предков президента убедили себя, что каждый их шаг поощрен свыше». Находившийся рядом британский дипломат Гарольд Никольсон увидел в американском президенте «духовно высокомерного наследника пресвитерианской традиции». Не без оснований президента Рейгана называли «восхитительной пародией на проповедника морального возрождения». Журналист Кольмен Маккарти написал, что Рейган «дошел до уровня аятоллы Хомейни».

В XXI веке в Западной Европе периодически оценивают Америку как «гигантскую фундаменталистскую христианскую страну, населенную людьми, повсюду читающими Библию», как страну «религиозного экстремизма, угрожающую миру больше, чем Бен Ладен». Бывший вице-президент Альберт Гор в сентябре 2004 г. увидел в вере президента Буша «американский вариант фундаменталистского импульса, который мы видим в Саудовской Аравии, в Кашмире и во многих религиозных центрах мира».

США всегда рассматривается как коммерческая республика, защищенная политической системой. Джефферсоновский принцип отделения церкви от государства в демократическом обществе так же указывает на эти, казалось бы, светские основы американского самоосмысления. Однако при этом забывают, что истоки американской исходной религиозности и миссионерства институционализированы в политические учреждения и установления, в коллективные представления, которые и есть главная softpower США для самих себя – источник их высокомерия и западного фундаментализма, которого нигде кроме мы не найдем на Западе. Именно фундаментализм, неприятие чужих культур, мультикультурализма и мультиконфессионализма в глобальном масштабе создает идейный фундамент доктрины Буша, у которой много приверженцев не столько на политическом Олимпе, сколько в миссионерском сознании глубинной Америки, не знающей и не желающей знать о других.

Некоторые западные политологи считают, что Бен Ладен был подарком судьбы для президента Буша-младшего. Но правильнее, видимо, было бы считать, что атака Аль-Каиды 11 сентября была невероятным «подарком» американской глобальной стратегии. Итог вспыхнувшей после сентября войны примерно ясен: Аль-Каида будет стремиться отъединить ближневосточный регион как можно скорее, а Соединенные Штаты приложить все усилия, чтобы сделать Ближний Восток интегрированной частью общемировой картины. «Обе стороны будут сражаться за один и тот же контингент молодых людей – одна сторона в надежде овладеть их амбициями, а другая – завладеть их ненавистью».

Антиамериканизм

В центре Нью-Мехико стоит памятник кадетам, бросившимся в самоубийственном порыве с обрыва, чтобы не видеть американской победы над собой. Американцам, возможно, трудно представить их боль. Но утверждать, что упали они сами, без внешнего принуждения – это уже слишком. Империи строятся жесточайшими усилиями, а вовсе не по закону сэра Исаака Ньютона, такова горькая правда истории. Утверждать противоположное – отрицать критическое чутье большинства человечества, которым правят сегодня с берегов Потомака. И нынешний главный предмет размышлений американских футурологов известен: как продлить американскую имперскую гегемонию на максимально продолжительный период.

Немалое число американцев верят в продолжительность американского имперского

главенства. Авторы столь смелы в своих оценках, что предвещают «несколько столетий»²⁶⁹ американского всемогущества, поскольку на горизонте не видно никого, кто приблизился бы к качеству американских университетов, стабильности политической системы США, их демографическому росту. Последние полвека, говорят они, доказали глобальное превосходство Америки. Судьба в лице демографии благоприятствует продолжительности американского превосходства. Пусть население бурно растет *без образования* в Африке, Индии и Китае; Америке это не грозит.

Единственное, что способно поставить страну на грань поражения – безумная политика ее лидеров. Речь идет о способности многих новых иммигрантов поставить личные и этнические интересы выше общенациональных. «Сегодня многие наблюдатели предупреждают, что новые иммигранты склонны противостоять традиционной американской идеологии, обращаясь к «политической корректности и гимнам культурному многообразию. Это может быть охарактеризовано как *внутреннее* столкновение цивилизаций... ведущее к тирании»²⁷⁰. Американские президенты – как и избиратели – открыто стремятся поставить всемирные либеральные интересы выше узких национальных интересов США. «В этом заключается самая серьезная опасность Американской империи. Власть лидеров ограничена только их идеологией, то есть либеральными нормами. Нет других преград, чтобы сдерживать власть вождей, не поможет и выработка новых правил. Лучшие из намерений могут оказаться плохим маяком в тумане такой политики»²⁷¹. Другие разрушительные волны менее опасны и реалистичны: экологические катастрофы, массированные ядерные атаки, гигантские метеоры. Но эрозию американской мощи может вызвать необдуманная атакующая внешняя политика, типа вторжения в 2003 г. в Ирак, сделавшее противостояние США с исламским миром неизбежным. Триумфализм и самолюбование способны довести самую мощную державу к той черте, за которой начинается *имперское напряжение*.

Геокультурные траектории

За два последних десятилетия XX в. ослабли и исчезли две великие исторические траектории, определявшие жизнь двух последних веков – великой французской и русской революций. Это убило «левых» – веру в прогресс, в рациональность, в мировую эволюцию как в линейный процесс постоянного прогресса, обещающего привилегии для всех. Произошел геокультурный поворот колоссальных пропорций. Практически потерянными для осмысления происходящего оказались 1990-е годы, когда философские и социальные искания свелись к констатации факта глобализации как триумфа рыночных правил, ниспровергающего все барьеры, включая культурные. Мировую аудиторию убедили, что глобализация меняет все и вся; но подобный дискурс оказался в конечном счете «гигантской ошибкой при осмыслении реальности – обман, спровоцированный на нас мощными своекорыстными группами – и, что еще хуже, этот дискурс оказался самообманом, поскольку он игнорирует *реальность* и ложно трактует исторический кризис, в центре которого мы оказались»²⁷². А затем последовало крушение Берлинской стены в 1989 г. и террористические атаки в сентябре 2001 г. Потеря легитимности сразу же сказалась во вторжении Ирака в Кувейт в 1991 г., стало ясно, что следовать ялтинской системе уже

---

²⁶⁹ Odom W. and Dujarric R. *America's Inadvertent Empire*. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 205.

²⁷⁰ Odom W. and Dujarric R. *America's Inadvertent Empire*. New Haven: Yale University Press, 2004, p.206-207.

²⁷¹ Odom W. and Dujarric R. *America's Inadvertent Empire*. New Haven: Yale University Press, 2004, p.207.

²⁷² Wallerstein I. *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World*. New York: The New Press, 2003, p. 45.

невозможно. И против двухсотлетней культуры триумфализма Запада в последние десятилетия возникает очень своеобразная культура протеста.

Вот кратчайшая оценка Буша: «Полный вперед» – это девиз нынешней администрации, поскольку, если они ослабят темп, то будут выглядеть очень глупо, а поражение *позже* кажется менее болезненным, чем крах *сегодня*»²⁷³. Благоприятная возможность может уже не повториться. «Мир оказался охваченным миражом неолиберализма, акме которого уже пройдено – это мираж, равно как и сознательный обман, заслуживающий меньше дискуссий, чем это казалось вначале»²⁷⁴. Неизбежно и объективно увеличивающаяся стоимость производимой продукции, необратимый процесс повышения заработной платы, требования увеличения расходов на образование и бесплатную медицину неизбежно гасят иллюзию благотворности глобализовавшихся рынков. «Ястребиная интерпретация, исходящая из того, что шансы США на всемирный контроль велики, является *ложной* и следование ей только ускорит американский упадок, превращая постепенное нисхождение в быстрый и турбулентный упадок»²⁷⁵. Более того, слабеют и союзники.

Очень существенный вывод: «Запад вошел в полосу массивного кризиса – не только экономического, но в фундаментальном смысле политического и социального. Мировая капиталистическая система находится в кризисе как социальная система». Босния и Руанда заполнили горизонт. «Мы живем, – говорит И. Уоллерстайн, – в сумасшедшей и умирающей системе, где расистские привилегии пронизывают всю мировую систему и охватывают все ее институты»²⁷⁶. В чем причина? Мировая система вступает в коллапс из-за того, что структурные способности ее адаптации к реальному миру фактически исчерпали себя. В результате США стали тем, чем они являются сегодня: Одинокая сверхдержава, в которой отсутствует подлинная сила; мировой лидер, за которым никто не следует и которого никто не уважает; нация, опасно дрейфующая среди мирового хаоса, который она не может контролировать»²⁷⁷. Да, сохранится колоссальная американская военная мощь как единственная козырная карта американского могущества, но ее не будет достаточно для глобального контроля.

Слабеют идейные позиции. На протяжении двухсот лет Соединенные Штаты приобретали значительный идеологический кредит. Но в сегодняшние дни США избавляются от этого кредита даже быстрее, чем они освобождались от золотого запаса в 1960-е годы. При этом «святая троица» либеральной идеологии – политика, экономика и культура являются инструментами защиты эгоистических позиций. Терроризм, олицетворяемый Сентябрем, привел к тому, что испытывающие фрустрацию даже при самых консервативных американских правительствах, «ястребы наконец-то встали у руля американской внешней политики... Но ястребиное прочтение происходящего может лишь

---

²⁷³ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 7.

²⁷⁴ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 222.

²⁷⁵ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 24.

²⁷⁶ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 95.

²⁷⁷ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 17.

ускорить процесс упадка Соединенных Штатов»²⁷⁸.

В дальнейшем предстоит обострение *трех* проблем: 1) перемещение отдельных секторов производства в новые зоны мировой экономики – речь идет о последствиях сельскохозяйственной революции, которая в ближайшие 25 лет будет иметь колоссальные последствия: повысится стоимость сельскохозяйственных продуктов, а в социальной сфере сотни миллионов выброшенных в города крестьян постараются выразить свой гнев; 2) экологическое истощение планеты усилит спор за сырьевые ресурсы и укрепит позиции их владельцев, одновременно ожесточая менее наделенных; 3) население развитых стран будет все больше требовать увеличения общественных расходов на образование и здравоохранение – налоги станут повсеместной проблемой.

Сутью грядущего конфликта будет столкновение христианства, ислама и буддизма. Многие ценности в этих религиях совпадают, и предопределенности столкновения нет.

Какой будет преобладающая система мира через несколько десятилетий? Итог, *во-первых*, ее вид и сущность будут зависеть от способности «имеющих» и «неимеющих» партий мобилизовать своих сторонников – и меньше будет зависеть от риторики; инициативу возьмут в свои руки те, кто предложит *реальные* альтернативы. *Во-вторых*, от того, как справится Запад с процессом своей абсолютной депопуляции, старения населения, сокращения рабочей силы при одновременном негибком желании сохранить высокий жизненный уровень. Возьмем в качестве примера небольшую, но богатую Австрию. Непременным условием сохранения ее современных жизненных стандартов в ближайшие полвека явится увеличение в **четыре** раза тех ненавидимых западными правыми иммигрантов, которые прибывают преимущественно с Балканского полуострова. Согласится ли Австрия, Европейский Союз, Соединенные Штаты на мирное сосуществование весьма различных культур? До сих пор белые западные христиане лишь *мирились* с наличием инокультурных анклавов; а речь встанет о подлинном равенстве в мультикультурном целом.

В чем нуждается Америка

Вторжение в Ирак было результатом возобладавшего в Америке апокалиптического видения, надежды на изменения в той части мира, которую в Вашингтоне считали важнейшей для себя. Крайний характер намеченного проекта отражает глобальную самоуверенность американцев после 1991 года.

Очевидно морально-политическое противоречие: США доверяют себе, но никому более. США желают инспектировать Северную Корею, но предельно возмущены предложением ООН инспектировать американские установки. Вашингтон полагает, что он будет использовать свое оружие «мудро» и в защиту свободы (что идентично с защитой национальных американских интересов). Из этого следует, что другие действующие лица не способны ответственно пользоваться этим оружием. Может ли это нравиться внешнему миру?

Конструктивное *общее* будущее уступило место проекциям гораздо менее гармоничным, гораздо более хаотичным, целям более эгоистичным. Наступает время чрезвычайно быстрых перемен, именно они, прежде всего, будут характерны для близлежащих десятилетий. Мы отчаянно нуждаемся в *создании* значительно более рациональной общественной системы. Примерно половина столетия понадобится для того, чтобы структурный кризис современной международной системы изменил ее полностью. Характер будущей системы нам неведом, но мы должны приложить все силы, чтобы солидарность и справедливость заняла более видное место в международных отношениях.

Спускающаяся с холма всемогущества, Америка должна слушать и союзников и

---

²⁷⁸ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 23-24.

противников, у которых тоже есть идеалы, мечты и интересы. В противном случае ее окружение будет все менее благосклонным.

По мере прохождения XXI в. Америка будет во все более возрастающей степени окружена конфликтами, страхом, смятением, отчаянными попытками «остановить время». А как иначе, если Соединенным Штатам «не удалось выполнить свое обещание создать мировую либеральную утопию, посредством поражения внесистемных движений создать *новое общество «где все поют»*. Многое будет зависеть от способности американцев хладнокровно анализировать происходящее. Если американцы не сумеют продемонстрировать способности к действенному и хладнокровному анализу окружающего мира, не сумеют соединить эффективность с гуманизмом, их будущее может стать блеклым.

Внешний мир постарается так сманеврировать, чтобы свести непосредственный ущерб себе до минимума. Можно, конечно, утешаться словами Ильи Пригожина, что «неопределенность – есть главная особенность вселенной», но философская истина плохо стыкуется с весьма жестокой жизненной реальностью.

Будущее таит неизбежное ожесточение на поле геополитики. Ведущий социолог Уоллестайн предсказывает следующие черты ожесточения:

- в ходе следующей войны (подобной войне в Ираке) в ходе боевых действий будет применено ядерное оружие и его применение будет «банализировано»;

- доллар перестанет быть единственной реальной резервной валютой мира;

- ЕС не сумеет найти способ сближения с Россией, что ослабит Западную Европу визави США;

- Россия и Китай стоят перед похожими проблемами сохранения внутреннего единства, расширения производственной базы и укрепления вооруженных сил; если они преуспеют в этом, то геополитическая картина мира изменится;

- воссоединение Кореи практически неизбежно и оно сместит баланс сил в Восточной Азии, особенно если объединенная Корея найдет возможности одновременного сближения с Китаем и Японией. Такой треугольник меняет картину мира;

- возможный крах прозападных режимов в Саудовской Аравии и в Пакистане вызовет волну исламского сближения от Марокко до Индонезии, от Узбекистана до Судана;

- Соединенным Штатам будет все труднее ввести в свою орбиту такие латиноамериканские страны как Бразилия, Аргентина, Эквадор, которые постараются сделать шаги в направлении ЕС и Японии.

История – это не поезд, который раскрывает двери на каждой станции. Текущий век все более характерен борьбой за место в несущемся в будущее поезде. И единственный способ открыть в него дверь – наша рациональность, трудолюбие и талант.

Краh мирового порядка

В XX веке не было хозяина Белого дома, который так или иначе не выразил бы ту мысль, что США – величайшая страна в мире, страна свободы, Билля о правах, шансов самореализации. Предлагает поразмыслить, как такое утверждение воспринимается неамериканцами – канадцами, скажем, англичанами и, конечно же, французами слова о том, что американцы более цивилизованы, чем остальной мир. Все это глубоко присуще психике американцев. Поэтому американцы и были так шокированы событиями 11 сентября 2001 г. За что их так не любят? Америку и раньше оскорбляли, но «теперь дураки стали преступниками»²⁷⁹. Наступает фаза силовых взаимоотношений «золотого миллиарда» и остальных пяти. То, что мир не будет прежним после 11 сентября 2001 г. – отнюдь не гипербола. Но справедливо утверждение, что *психика* американцев уже никогда не будет

---

²⁷⁹ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. p. 199.

прежней. Америка обязана научиться жить в мире более равных.

Ныне даже американский мэйнстрим – либеральные вожди прежней Америки – видят в однополярном мире опасность хаотизации растущего (количественно) мира в условиях истощения природных богатств планеты. Почему же с окончанием «холодной войны», упадком колониализма и апартеида, мир не стал более умеренным, в мире не вызрела надежда на понимание наиболее важных тенденций, определяющих политическую жизнь планеты?²⁸⁰

Объяснение чаще всего заключается в том, что «ускорившееся в 1990-е годы стремление к наднациональной справедливости оказалось в начале двадцать первого века оттесненным на обочину общественной жизни в результате всеобщего обращения к проблеме глобального терроризма». Была упущена совокупность возможных инициатив, особенно важны среди которых всеобщая демилитаризация, создание миротворческих возможностей у ООН, предоставление нового «плана Маршала» для таких регионов как Африка и Карибский бассейн. В отличие от финала двух мировых войн, окончание «холодной войны» не породило массовой волны, направленной на обновление мира. И этим воспользовались американские неоконсерваторы. Рухнувший мир Вестфальской системы, где суверенитет отдельной страны был некой гарантией общего мира, вывел мир к четырем тупикам:

1. *Мировой рынок*. Представление сторонников глобализации, что рынок важнее традиций, локальных лояльностей, цивилизационных особенностей оказалось наивным конструктом, искаженным видением меняющегося мира, который наряду с нарастающим материальным могуществом, *укрепляет* цивилизационные, религиозные и этнические особенности.

2. *Мировое правительство* оказалось неприемлемым самой мощной силе планеты – Соединенным Штатам; курс на мировой международный центр оказался наивным в свете веры Вашингтона в свое всемогущество, не менее чем с презрением смотрящего на администрацию ООН и других международных организаций.

3. *Мировая деревня* споткнулась на эффекте глобальных медиа именно в свете **поляризующего**, а не сближающего характера телевидения, Интернета, CNN и пр. Замены гражданства *нетизацией* не произошло, и мнимая деревня не стала сообществом все более близких друг другу индивидов.

4. *Сентябрьский ужас* придал новое значение проблеме безопасности и мир разменял легкость каналов общения на строгость отгородившихся потенциальных жертв. Американское военное доминирование, основанное на милитаризации космоса, стало национальным американским ответом (за неимением более убедительных ответов) – или таких, за которые стояли бы миллионы.

Все эти четыре ответа можно считать тупиковыми, как сверхреакцию на «черный сентябрь», неспособные восстановить вековую стабильность. Дорога, избранная «демократическими империалистами» президента Буша-мл. и его неоконсервативным окружением, несет с собой опасность всемирного ожесточения.

При внимательном отношении еще до окончания «холодной войны» существовали ясные указатели того, что «западная» модель будущих отдельных государств и мирового сообщества в целом являлась неприемлемой для многих стран, особенно стран Юга. Общее восстание «южан» предвосхищала иранская революция 1978–1979 гг. А общим «теоретическим» восстанием явилась концепция «столкновения цивилизаций» Хантингтона, отвергнувшая успокоительные идеи мирового сближения, глобализации. Противопоставление культуры экономике создало благоприятные условия для религиозного возрождения. И именно тогда, когда крушение берлинской стены давало Западу шанс

---

²⁸⁰ Falk R. The Declining World Order. America's Imperial Order. America's Imperial Geopolitics. New York: Routledge, 2004, p. VII

создания более устойчивого мира, западный мир стал игнорировать первостепенные проблемы: распространение оружия массового поражения, придание миротворческих функций Организации Объединенных Наций – что единственно могло остановить кровавое буйство этноцентризма.

То обстоятельство, что мировому Северу не удалось сократить разрыв с бедным Югом, что более половины человечества живут менее, чем на 2 доллара в день, не имея при этом ни адекватной питьевой воды, ни самой примитивной медицины – так или иначе отзовется на мировых судьбах. Что касается мировой организации, то пока не видно альтернативы ООН. Этому противостоит то обстоятельство, что американцы стремились манипулировать Организацией Объединенных Наций еще до вторжения в Ирак, а затем предпочли игнорировать эту организацию полностью.

Мировым откликом на стремление США осуществить глобальное доминирование станет возрождение основных планетарных религий – они выступили против «монопольного американского контроля над милитаризацией космоса и океанов»²⁸¹.

Что же несет иракский опыт? История так или иначе *питает* своей мудростью. «Существует вероятие того, что бремя оккупации Ирака, дискредитация причин, побудивших США начать войну, произведет политический переворот в Соединенных Штатах в сторону уважения базовых прав и принципов международного права, в сторону увеличения уважения ООН и мирового общественного мнения». Мы слышим голос либеральной Америки, чье сознание не помутилось от имперского всевластия.

Напомним, что в 1998 г. конгресс США принял «Закон об освобождении Ирака» – Вашингтон оказал поддержку эмигрантскому альянсу во главе с Ахмадом Чалаби. А во время всеобщих выборов в Ираке в 2005 г. эта группировка не смогла заручиться на выборах ни одним голосом, что говорит о непонимании американцами той страны, которую они решили осчастливить.

В Ираке администрация Буша меняла *raison d'être* от *разоружения, к изменению режима и, в конце концов, к демократизации*. Военная фаза войны (вполне объяснимо) оказалась более осуществимой, чем умиротворение несчастных иракцев и возвращение цивилизации в их жизнь.

Возобладание в Ираке настроило администрацию Буша на жесткое давление на соседние неудобные режимы – в Сирии, Ливане, Иране ради осуществления очевидного желания смены режимов в этих странах. Вторая задача, которую поставил перед собой Вашингтон – лишить Организации Объединенных Наций глобальных регулятивных функций. Самым высокопарным образом говорит об этом провозглашенная в сентябре 2002 года Национальная Стратегия Безопасности, в тексте которой говорится о «распространении благ свободы по всему миру» и о том, чтобы «сделать мир не просто безопаснее, но лучше». Вот коронный абзац этого документа: «Соединенные Штаты должны и будут поддерживать способность нанести поражение любой попытке любого противника – будь то государство или негосударственная действующая сила – навязать свою волю Соединенным Штатам, нашим союзникам и нашим друзьям. Мы будем поддерживать уровень вооруженных сил, достаточный для выполнения наших обязательств и для защиты свободы. наших сил достаточно, чтобы разубедить потенциального противника начать военное строительство в надежде превзойти или встать на равных с мощью Соединенных Штатов»²⁸².

По мере того как американская армия и ее союзники истребляют живую силу Ирака, крушение Ирака в реальности открывает дорогу к лидерству в ближневосточном регионе

---

²⁸¹ Falk R. The Declining World Order. America's Imperial Order. America's Imperial Geopolitics. New York: Routledge, 2004, p. 166.

²⁸² Lifton R. Superpower Syndrome. America's Apocalyptic Confrontation With the Wjrl. New York: Thunder's Mouth Press/ Nation Books, 2003, p. 175.

шиитам, которые всегда были меньшинством в мусульманском мире, но волею обстоятельств – и американской политики – вырвались к командным высотам в регионе. Транснациональные исламские группы смотрят теперь на Иран, мощь которого несказанно возрастет с достижением ядерного статуса. У Ирана, в определенном смысле, нет соперников. Саудовская Аравия слаба в геостратегическом смысле, да ее правящая династия и сама ощущает свои слабые стороны, она готова на отступление ради сохранения династии. Эр-Риад не может замкнуться в авторитаризме и вынужден пойти на политические реформы. Египет сотрясает внутреннее недовольство. Пакистан владеет большим населением и ядерным оружием, но у него неконтролируемое недисциплинированное население, делающее шаткими региональные амбиции Исламабада. Туркам придется смириться с «государством внутри государства – четырех с половиной миллионным Северным Курдистаном в новом Ираке. Иракские сунниты могут оказаться под опекой Саудовской Аравии, хотя боязнь трансплантировать „остров интифады“ может отпугнуть саудовцев.

Новый Ирак окажется между «старым гегемоном» – Северной Атлантикой – и «новым» центром мира – Китай, Индия, Восточная Азия. США будут стремиться воздействовать на Багдад не только прямо, но и косвенно – через традиционных союзников – Египет, Израиль, Иорданию, Саудовскую Аравию. Европа будет выражать свой обновленный интерес к Багдаду через посредничество Турции, Сирии, Ливана, Палестины. Россия поддержит связи с Ираком ради стабильности на Кавказе и в Средней Азии. Китай и Индия постараются найти дорогу в Междуречье через Иран и Пакистан. Надежды «уменьшившегося» Ирака будут зиждиться на надежде умиротворения между Ираном и Вашингтоном.

Американцы будут стремиться сокрушить международный терроризм посредством укрепления связей Ближнего Востока с глобализующимся миром *быстрее*, чем террористы смогут оторвать этот регион от столбовой дороги мирового развития и похитить его у истории.

Плата за крах Вестфальской системы

Не дано нам знать, откуда нанесет удар судьба. Неспровоцированное нарушение суверенных прав Ирака, казалось бы, могли вызвать более твердую реакцию мирового сообщества: завтра мишенью станешь ты. Главное, что происходит: Соединенные Штаты ставят свои международные запросы *выше* требований международной законности и процедур ООН по самым важным вопросам международного бытия, готовые при этом ступить в *необоронительную* войну. Все это ведет к растущему хаосу в международных отношениях, где гаснет важность суверенитета, где сила опять возобладала над международно-признанным законом.

Но мощь несдержанного лидера, помощь 32 пособников, отсутствие жизнотворной солидарности едва ли не погасили вестфальскую систему взаимопомощи суверенных держав. Наказание последовало изнутри американского и британского обществ. Граждане этих обществ настоятельно пожелали знать, *кто убедил* правительства в Вашингтоне и Лондоне, что Ирак владеет оружием массового поражения и способен применить его после всего лишь 45-минутной подготовки.

Тихо и вначале незаметно возник вопрос, за что посланы на смерть кормилицы семей? Налогоплательщики задались вопросом, на что пошли миллиарды долларов и фунтов стерлингов? Оправданы ли затраты на «вылотекущую» войну, которую, как выясняется, нельзя выиграть? Но *главный* вопрос: можно ли доверять жизни и кошельки правительствам, которые склонны исказить факты и обманывать своих граждан?

Заключение

Слабые стороны исполина

Феноменальная мощь Соединенных Штатов как единственной сверхдержавы – военной, экономической, информационной не нуждается в детальном аргументировании. Два обстоятельства – крах Советского Союза и невиданный экономический рост 1990-х годов вознесли Америку на недостижимую высоту могущества. Но даже имперский блеск не способен скрыть или закамуфлировать те слабые стороны огромного американского военного и экономического организма, которые дают отнюдь не лестную картину страны, претендующей на мировую гегемонию.

Во-первых, в 2001 г. прекратился этап бурного экономического подъема. Достигнув цифры 14 трлн дол. валового национального продукта, экономика США прекратила свой бег, вступив в фазу депрессии. Индекс Насдак – индекс развития высоких технологий – ослаб, развеивая мифы о якобы преодоленном экономическом цикле на основе информационной технологии. В ту, клинтоновскую Америку из внешнего мира шли 200 – 300 млрд дол. в год, а в 2000-е годы только 20 – 30 млрд дол.

Во-вторых, по мнению растущего числа экономистов, «упадок и падение американской империи произойдет не из-за стоящих у ворот террористов, и не в свете помощи террористам государств-изгоев, но *из-за фискального кризиса современного американского государства*»²⁸³. В ближайшие пять лет 77 млн американцев, родившихся в эпоху демографического бума, начнут получать пособия по социальному обеспечению. Через восемь лет они станут пользоваться лечебной системой «Медикеэр». К тому времени как все они выйдут на пенсию в 2030 г., пожилое население США увеличится вдвое, а число обеспечивающих их благосостояние – только на 18 процентов. Рождающиеся сегодня американцы должны будут платить налогов вдвое больше, чем их отцы. Военные, и прочие федеральные расходы после сентября 2001 г. заставили бюджетную службу конгресса предсказать рост бюджетного дефицита в ближайшие десять лет до 2,3 трлн дол. Долг американского государства за это время увеличится на 9,1 трлн дол.²⁸⁴ За последние 5 лет 44 процента международных долговых обязательств оплачиваются в *евро*, а 48 – в долларах. Ослабление финансовой системы страны не может не влиять сдерживающим образом на ее внешнюю политику.

В-третьих, программа международной финансовой глобализации не удалась. Япония застыла с 1990 года, а в 1998 г. обнажилась уязвимость тихоокеанских «тигров», Мексики, Аргентины, Индонезии и, конечно, России. Выдвигаемый в качестве схемы мировой финансовой либерализации т. н. «вашингтонский консенсус» оказался губительным для возникающих и растущих экономик Азии и Латинской Америки. Ведущие страны начали очередной виток протекционизма. Одна только «стальная» война вызвала резкое отчуждение Соединенных Штатов и Европейского Союза, России, Японии, Южной Кореи, Бразилии. Китай стал чрезвычайно притягательным направлением японских капиталов и товаров, и здесь на наших глазах возникает восточноазиатское экономическое сообщество, которое в будущем способно бросить новый вызов Америке. В результате есть немало оснований утверждать, что США сегодня пользуются меньшим влиянием, чем десятилетие назад – и этот баланс продолжает меняться не в пользу Америки – в основном из-за того, что американский рынок ослабляет свою значимость для местных стран и в свете растущей зависимости Америки от иностранного капитала.

В-четвертых, ныне более 50 процентов готовых товаров и продуктов, потребляемых Соединенными Штатами, *импортируются* (рост с 31 процента в 1887 г.). США ныне нуждаются в 600 млрд дол. ежегодно, чтобы оплатить этот импорт и покрыть дефицит внешней торговли. Америка как бы повторяет судьбу имперской Британии, которая в 1913 г.

---

²⁸³ Ferguson N. and Kotlikoff L. Going Critical («The National Interest», Fall 2003, p. 31.).

²⁸⁴ «The National Interest», Fall 2003, p. 24.

экспортировала огромные объемы капитала – 9 процентов своего валового продукта, финансируя Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Аргентину, а после Первой мировой войны превратилась в их должника. Подобным же образом, США после Второй мировой войны инвестировали во весь мир. А ныне Америка *импортирует* 6 процентов своего валового внутреннего продукта, черпая капитал не только из богатых Западной Европы и Японии, но даже из относительно бедных экономик. В текущее время Центральный банк Китая стал крупнейшим покупателем ценных бумаг министерства финансов США и, совместно с Японским центральным банком обеспечивает почти 45 процентов текущего дефицита расчетов США. Международный долг США дошел до 30 процентов внутреннего валового продукта. Такой уровень внешнего долга обычно характерен для слаборазвитых стран – он делает страну-должника зависимой от экономических решений, принимаемых другими. (А Западная Европа увеличивает экспорт капитала, обретая все большее влияние на такие страны, как Россия, Бразилия, Турция).

В-пятых, геополитики в Вашингтоне преувеличивают значение военной силы. Развитые страны мира не видят сегодня на горизонте военной угрозы. Электронно-космическая мощь США заставляет вспомнить поговорку: не стреляй из пушки по москитам. При этом, инвестируя в свою военную мощь, Соединенные Штаты объективно подрывают другие элементы своего могущества. Вооруженные силы могут сражаться, но им не под силу полицейские функции или меры по *полномасштабному* поддержанию мира. При этом огромный развивающийся мир *никак* не ощущает блага американского доминирования или желания выразить благодарность. Напомним, что США находятся на последнем месте среди стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития по доле средств, выделяемых на экономическую помощь другим странам. По этой статье расходуется лишь одна семнадцатая доля военного бюджета США. И американская помощь четко концентрируется всего на нескольких странах: Израиль, Египет, Колумбия и Иордания. Богатейшая страна мира, США сегодня не могут предложить ничего подлинно существенного многим стратегически важным странам. Результат: Вашингтон в начале 2003 г. не смогли «уговорить» голосовать в СБ ООН за свой проект по Ираку даже такие относительно близкие себе страны как Мексика и Чили, не говоря уже о Гвинее и Камеруне.

В-шестых, центром приложения американской силы вопреки американским национальным интересам стала не Западная Европа и не Восточная Азия (прежний и будущий силовые центры мира), а прежде маргинальный Средний и Ближний Восток – от Бишкека до Йемена, от Каира до Исламабада. По существу это означает, что Америка взваливает на себя цивилизационно непомерные ноши, которые никому не по плечу (демократизация арабского мира, индустриализация кочевых народов, построение наций на месте племенных союзов и т. п.). При этом американцы, узко глядя на свои цели, помогают регионально важным Египту и Иордании с непосредственной целью предотвратить их помощь палестинцам, сокрушить демократическое движение в этих странах, обеспечить их связи с дружественными к американцам феодалами Персидского залива. Может быть, в этих усилиях и можно увидеть позитивную цель, но едва ли реалистически значимую. Ведь большая стратегия – это всегда создание шкалы приоритетов; а такая шкала, на которой исламский Восток в первом десятилетии XXI века значит для Америки *больше* Европы, едва ли делает честь глобальным стратегам.

Мудрое ли это приложение американской мощи? Не важнее ли Ближнего Востока достижение дружественности с Россией, Китаем, Индией (не говоря уже о Европейском Союзе)? Попытку укрепить глобальное лидерство посредством активизации на Ближнем Востоке можно оценить как иллюзию или неверный расчет. Имперские увертюры в арабском мире способны лишь ослабить США в ключевой, критически важной, евро-восточно-азиатской зоне.

Отметим, что переориентация Америки происходит в то время, когда Западная Европа – после окончания «холодной войны» – все *меньше* нуждается в американской военной защите – даже на Балканах – в Боснии, Косово, Македонии. Объединенная Европа создает

вооруженные силы ЕС *вопреки очевидному сопротивлению Америки* .

В-седьмых. Ярость 11 сентября 2001 г. исключила резонный, обстоятельный и уравновешенный анализ терроризма как явления прошлого и будущего. Неоконсерваторы неистово, республиканцы энергично, демократы вольно-невольны *обязаны* в сложившейся морально-психологической обстановке стремиться к почти спонтанным силовым решениям, придавая Саддаму Хусейну некие дьявольские черты. Одно дело быть настороже, трезво-обеспокоенным, а другое – сводить стратегию к тяжбе с практически невидимым врагом. Именно в этом и заключается сила терроризма – в подталкивании государственной машины к иррациональным решениям, к эмоциональному всплеску вместо хладнокровного анализа.

В результате, чем дольше и больше сражаются американские вооруженные силы на таких театрах боевых действий как безжизненные плато Афганистана, враждебный «суннитский» треугольник в центральном Ираке, близ мечетей шиитов, боевая мощь Пентагона (оптимизированное ядерное оружие, система ПРО, «пятое поколение авиации» и т. п.) может очень многим в нашем мире показаться неэффективной, *дуптой* силой. События в Ираке играют ключевую роль в оценке американского вооруженного Голиафа, оказавшегося неспособным покорить арабского Давида.

При этом американцы, судя о других, с легкостью относят чеченский терроризм к сепаратизму, а своих противников – к неисправимым террористам. Если это так, то нечто другое, чем терроризм можно без особого труда увидеть в колумбийской гражданской войне, в палестинской интифаде, в столкновении племен Афганистана, в иракском котле противоречий. И «перенос войны на территорию противника» (слова президента Буша-мл.) в Центральной Азии легко поддается критике: военное присутствие вооруженных сил здесь (как и в Ливане, Саудовской Аравии, Ираке и др. местах) *увеличивает степень угрозы и американским интересам, и американскому военному персоналу*. Заметим, что многим американцам неясно, как «расширение системы американских военных баз может предотвратить террористические атаки на США»²⁸⁵. Американцу Уильяму Пфаффу, в частности, непонятно, «уязвимы ли базы Аль-Каиды с баз в Центральной Азии?»²⁸⁶

По мере ожесточения непрекращающегося кровопролития в Ираке, в американском обществе растет значимость вопроса, могут ли США позволить себе боевые действия не против Ирака (23 млн жителей), а против Ирана (60 млн жителей)? (Не говоря уже об одновременных действиях). Все более становится ясным, что изоляция Ирана в текущей ситуации может лишь стимулировать усилия Тегерана по обретению собственного ядерного оружия. Американцы «простили» мусульманский Пакистан за ядерное вооружение. Почему же предполагать американский удар по иранским исследовательским центрам, когда на это без одобрения смотрят Россия и Китай?

* * *

Если стратегия «сдерживания» более полувека назад, «дисциплинируя» две трети мира, помогла Америке стать «осью» мирового развития, то неоконсервативная стратегия (которую уязвленные среди американцев нередко называют «мускулистой политикой») грозит расколом Запада, вступлением Вашингтона в безвыигрышную гражданскую войну мусульман, отчуждением России и Китая, что не может, в конечном счете, не грозить истощением ресурсов гиганта Запада, как минимум по двум причинам: американский рынок становится *все менее значимым*; растет зависимость США от внешнего капитала.

Россия нужна Америке при любой степени критического восприятия степени

---

²⁸⁵ Schwenninger S. Revamping American Grand Strategy («World Policy Journal», Fall 2003, p. 6).

²⁸⁶ Pfaff W. More Bases Won't Curb Terrorism («International Herald Tribune», August 2 2003).

ожесточенности Соединенных Штатов. Волею своей географии Россия «нависает» над Китаем, Средней Азией, Каспийским бассейном, Балканским полуостровом. Да и чтобы решить проблему Ирана, Америке не обойтись без помощи России; как и в решении проблемы КНДР Соединенным Штатам не обойтись без поддержки Москвы. В этой ситуации Россия использует сильную сторону своей геополитической и геоэкономической политики – задействование, прежде всего, своих энергетических ресурсов, в значительной мере выступающие альтернативой энергетической мощи Персидского залива, Ближнего Востока.

Обречена ли Америка жить в тени наиболее параноидальных мнений, грозящих в конечном счете распылением мощи американского гиганта, потерей им наиболее важных союзов, невозможную попытку осуществить полицейские функции «по всем азимутам»?

По мере того, как администрация Буша все больше увязает в иракской «трясине», делая победу 2003 года «пирровой победой», сомнения все больше охватывают Белый дом. Внутри Белого дома, Капитолия, Пентагона начинается жесткая внутриведомственная схватка. Намечается глубокий раскол между двумя фракциями – доминирующей фракции сторонников односторонних американских действий (1) исторонниками благотворных единых для всех правил и противостоящими им сторонниками противоположной точки зрения – опереться на потенциальных союзников – Запад и, возможно, Россию (2). Пока альтернативная точка зрения в Вашингтоне отмечается, она подается как воплощение наивности, идеологической зашоренности и неверия в американскую мощь.

Первая точка зрения исходит из того, что миропорядок, основанный на либерализации торговли губителен. Он разрушает имперскую мощь США; мирное и либеральное экономическое устройство порождает внутриведомственные конфликты, неизбежное международное соперничество, ведущее к войне. *Вторая* точка зрения буквально боготворит глобализацию: мирная торговля рассматривается как инструмент построения стабильного, процветающего и взаимосвязанного международного сообщества.

Неоконсерваторы уже сейчас (на всякий случай) жестко утверждают, что они стояли и стоят за более активное, энергичное и быстрое вмешательство в «национальное строительство» в Ираке и Афганистане. Они *уже* обвиняют деятелей типа и класса Рамсфелда в неповоротливости, в скепсисе по отношению к участию американцев в создании новых государств на Ближнем и Среднем Востоке. Они выступают за расширение американского военного присутствия здесь. Современный американский неоконсерватизм – мощная и сплоченная сила, искусная в идеологическом споре и в трактовании оптимального американского курса в огромном внешнем мире.

Если корень угрозы в недовольстве последствиями модернизации, то питательной средой для терроризма является нищета и обездоленность. Если же, напротив, все дело в глубочайших культурно-цивилизационных различиях, то единственной адекватной реакцией становится имперская завоевательная политика. Вопрос ставится так: что делать промышленно развитым странам с «варварами», вставшими у ворот: откупиться от них или? Оба эти варианта представляют собой разные элементы старого и неэффективного «древнеримского» рецепта: покорить «варваров» или соблазнить их минимальным процветанием. Первый элемент символизирует «воинственное высокомерие», второй – корыстное покровительство. И в том и в другом случае средство достижения цели – усилить модернизацию «золотого миллиарда». Во втором случае – создать благожелательную гегемонию.

«"Полный вперед", – пишет ведущий американский социолог Иммануил Воллерстайн – это девиз нынешней администрации, поскольку, если они ослабят темп, то будут выглядеть очень глупо, а поражение *позже* кажется менее болезненным, чем крах *сегодня*». Но, если бы стоящие на первой позиции «неоконсерваторы» были в развернувшейся долговременной войне побеждающей стороной, то мы бы уже видели силовые действия против Ирака и Афганистана гораздо раньше. Сейчас мы наблюдали бы за ударами по Северной Корее и Ирану. Напротив, мы видим первые попытки контактов республиканской администрации с

обеими этими странами.

Это два типа западного ответа на вызов времени. Отвечая на этот вызов, политики промышленно развитого мира уже начинают отказываться от убежденности в том, что будто технический прогресс автоматически несет с собой процветание, а значит, как по волшебству, и решение проблемы ценностных разногласий. Им необходимо обдумать вопрос о ценностях и традициях, и четко высказаться по этому поводу.

Но не все уже зависит – как это было пять столетий – от воли Запада. Подъем Китая и Индии сместил акценты, породил вероятие столкновения цивилизаций. Авантюра на месопотамской равнине – один из последних эпизодов американского всевластия.

Она началась лихо и с полной убежденностью в способность Америки творить мир по своему желанию. Прибывшему в Пентагон генералу Уэсли Кларку, знакомый генерал сказал: «Война против Ирака рассматривалась как часть кампании, рассчитанной на пять лет. За Ираком последуют Сирия, Ливан, Иран, Сомали и Судан»²⁸⁷. Но уже через три года столь лихой подход обнаружил свою цену и Вашингтон перестал озвучивать подобные планы.

В Америке достаточно трезвых людей, не опьяненных положением единственной сверхдержавы. Быстро выигранная война (против армии Саддама) обратилась в Ираке (да и в Афганистане) – в теряемый мир (против Ирака как общества шиитов, суннитов, курдов). Уже сегодня Иммануэль Воллерстайн спрашивает, почему «нашим главным военным ответом на акты террора было вторжение в страну, которая не имела ничего общего с атакой 11 сентября?»

Сектантское насилие, разгоревшееся между шиитами и суннитами, грозит тем, что Ирак вместо достойной внимания и повторения демократии превратится в государство, охваченное тотальной гражданской войной и хаосом. Генерал Кейси сказал корреспонденту СНН, что конфликт будет долгим. «У повстанцев нет проблем с вербовкой новых рекрутов, в их распоряжении постоянно есть множество оружия и амуниции, которые ранее находились на бывших армейских складах, расположенных на территории всего Ирака».

Стратегическая усталость

Только на шестом году правления президент Джордж Буш-младший вымученно сказал, что реализация внешней политики «тяжелая работа». В Вашингтоне наконец заговорили о том, что «сократившийся торговый вес Соединенных Штатов в ВТО ныне исключает успешный *односторонний* курс этой страны в ней»²⁸⁸. Киотский протокол к концу правления Буша-младшего стал обсуждаемой темой. То же можно сказать и о Оттавской конвенции о запрете полевых мин, статуте Международного уголовного суда (МУС). Всем стало очевидно, что американское игнорирование этих договоренностей «не убило» их. Обозреватель римских переговоров по Международному суду заметил: «Прочие делегации ощутили, что надо остановить практику уступок Соединенным Штатам – те никогда не будут полностью удовлетворены и в конечном счете так и не подпишут международный договор о МУС. Решено идти вперед самостоятельно»²⁸⁹.

При этом стало заметно, что государственный секретарь Кондолиза Райс в определенной степени отошла от недавней очевидной черты – презрительного отношения к

---

²⁸⁷ General Wesley K. Clark. *Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism, and the American Empire*. New York: PublicAffairs, 2003, p. 210.

²⁸⁸ Wijkman P.M. *U.S. Trade Policy: Alternative Tacks or Parallel Tracks?* (in: Malone and Khong, eds. *Unilateralism and U.S. Foreign Policy*, p. 271–272).

²⁸⁹ Walt S. *Taming American Power. The Global Response to U.S. Primacy*. New York: W.W. Norton and Company. 2006, p. 151.

международным организациям.

В Вашингтоне стало приемлемым говорить об уходе из Ирака и Афганистана, даже если повстанческое движение не будет задавлено ни в одной из этих стран. Давление на Северную Корею, Иран, Сирию, Венесуэлу ослабло. В правительственную политику США возвратился традиционный упор на государственный департамент, как на заглавного проводника внешней политики страны.

Мир оказался упорнее и самостоятельнее, чем думали либеральные американские империалисты пять лет назад. А американская готовность «покончить с тиранией в нашем мире» оказалась не беспредельной. Америка продолжает быть экономическим гигантом, но обнаружились грозные черты: огромный внутренний долг, разбалансированность внешней торговли, растущий разброс социального фронта – различия в состоянии богатых и бедных – невероятное различие, не похожее на социальные проблемы других развитых стран; растущий перевод целых профессий вовне, в страны со значительно более низким жизненным уровнем; усиление и ожесточение международной конкуренции.

Но наиболее ощутимой для США является «сегодняшняя политическая стоимость имперской экспансии – именно она приводит к усталости американской государственной машины, более ощутимой даже, чем начала ощущаться экономическая стоимость имперских предприятий»²⁹⁰.

Быть единственной супердержавой (а не нацией «как все») оказалось быть постоянно на передовой линии огня – и повсюду. Вашингтон не ожидал, что самостоятельность, обернувшаяся одиночеством, окажется столь болезненной. Стратегическая задача «доминирования по всему спектру» оказалась изнурительной. Почти инстинктивно реализации этой цели воспротивились Европейский союз, Китай, Россия, Индия, Бразилия.

Несколько обстоятельств «работают» против продолжительного всемогущества имперского гегемона.

1. К власти в обеих палатах конгресса США в ноябре 2006 г. пришли демократы, доминирующий элемент их внутривластной философии – повышение уровня налогов в стране – ведь империя требует жертв, в том числе и финансовых. Не собираются ли они доминировать в мире «бесплатно», пользуясь просто ослаблением (последовательно) мусульманского мира после 1700 года, Китая после 1850 года, Западной Европы после 1914–1945 годов, России после 1991 года? Ведь все поименованные силы прилагают старания восстановить свою мощь – военную в том числе – и настроены на координацию своих усилий.

2. Встает вопрос, как могут Соединенные Штаты контролировать огромный внешний мир, если расходы двух главных внешнеполитических механизмов – Государственного департамента и Американского агентства международного развития совокупно составляют всего один (!) процент федерального бюджета? Американское правительство тратит 16 процентов на военные нужды, но ведь империя не может жить одним лишь покорением непокорных.

3. Изменить функции военных? На этот счет внутри республиканской администрации идет борьба и похоже, что побеждают те, кто, словами политолога Джозефа Ная, предназначает военному ведомству ограниченную функцию: «Вломиться в дверь, избить диктатора и возвратиться домой, а не приступать к тяжелой работе создания демократического общества»²⁹¹.

Главное. Даже если Соединенные Штаты произведут более серьезную (чем просто создание Министерства внутренней безопасности) внутреннюю мобилизацию – и идеологическую и материальную – все равно жестким фактом реальности будет то, что *все*

---

²⁹⁰ Fuller G. Strategic Fatigue («The National Interest», Summer 2006, p. 38).

²⁹¹ Nye J. U.S. Power and Strategy After Iraq («Foreign Affairs», July-August 2003, p. 67).

более растущий объем процессов в мире остается за пределами контроля даже самого могущественного государства. У Соединенных Штатов нет инструментов, воли и психологического настроя на постоянной основе вмешиваться во внутренние дела бесчисленного множества государств, заниматься постоянным мониторингом происходящих в этих государствах внутренних процессов, неблагоприятным силовым вмешательством на постоянной основе.

Не нужно быть пророком, чтобы в данном случае предсказать будущее: не входящие в НАТО страны так или иначе начнут координировать свои силы, и это поставит предел возвышению части над целым, региональной военной организации Североатлантического союза над международным обществом. Площадкой испытания сил НАТО сегодня является Афганистан, где повстанческое движение так и не было поставлено на колени. И весь мир смотрит на Ирак – чем заплатит он за утерю суверенитета. И уже ужасается.

Феноменальный период, последовавший за крахом коммунизма в 1991 г., характерный неукротимым ростом американской экономики, когда США добавили в свой национальный продукт ВВП Германии (первый срок Клинтона) и ВВП Японии (второй срок Клинтона) очевидным образом был ориентирован на глобализацию. Коммуникационный бум, давший Интернет, мобильные телефоны и спутниковое телевидение, обещал стереть национальные границы, подорвать ценность государственных механизмов, создать надежную международную систему глобальной безопасности.

Огромная проамериканская зона включила в себя половину человечества. В нее вошли «старые союзники» – соседи по Северной Америке, Западная Европа, Япония Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия и многие страны Латинской Америки. В благословенное для американцев десятилетие 1990-х годов к «старым союзникам» прибавились так называемые «новые союзники» – Восточная Европа, Россия, Китай, Индия, Бразилия. Теперь в эту зону входили более четырех миллиардов человек, более половины человечества, достигшего численности в шесть с половиной миллиардов.

Империя держит марку – держит войска в долине Рейна («чтобы замкнуть Германию в ограничительных структурах и не позволить разрушить существующий политический порядок на европейском континенте»²⁹²), на Окинаве («против возвращения Японии к практике 1930-х гг.»²⁹³), а с недавних пор в Центральной Азии и в Закавказье. Она контролирует Ближний Восток, умиротворяет Балканы, разрешает конфликты в Карибском бассейне, в Колумбии, в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове. «Ни одна нация, – напомнил *urbi et orbi* президент Дж. Буш-мл., – не может себя чувствовать вне зоны действия подлинных и неизменных американских принципов свободы и справедливости... Эти принципы не обсуждаются, по их поводу не торгуются»²⁹⁴.

Применение силы в межгосударственных отношениях, характерное для начала XXI века, первоначально придало Соединенным Штатам уверенности. Влиятельный американский журнал «Форин афферс» так пишет о наглядной эффективности применения американской мощи: «Успех военной операции в Афганистане продемонстрировал способность Америки проецировать свою мощь на нескольких направлениях одновременно и без всякого напряжения; при этом она увеличила военные расходы до 476 млрд дол. У Америки воистину уникальное положение. Если скепсис кому-то не позволяет видеть формирование современными Соединенными Штатами жесткой однополярной системы, тогда этих скептиков уже ничто не сможет убедить». Сомнения отставлены.

Идеологи гегемонии органически не выносят критики «единоначалия»: они

---

²⁹² Mandelbaum M. Inadequacy of American Power («Foreign Affairs», September/ October 2002, p.61).

²⁹³ Mandelbaum M. Inadequacy of American Power («Foreign Affairs», September/ October 2002, p.61).

²⁹⁴ Donnelly Th. The Past as Prologue: An Imperial Manual («Foreign Affairs», July/ August 2002, p.87).

утверждают, что со времен Геродота однополярность в мире – явление положительное, она приносила не только угнетение, но и порядок, своего рода справедливость, сдерживание разрушительных сил. Поэтому не стоит казнить себя. «Соединенные Штаты, – убеждает американский исследователь М. Гленнон, – делают то, что делала бы любая держава в сходных обстоятельствах – ставят собственные национальные интересы выше неясно очерченных „коллективных“ интересов – если эти интересы сталкиваются между собой; они делают это с меньшим лицемерием и с более очевидным успехом... В реальном мире нации защищают, прежде всего, *свои собственные* интересы»²⁹⁵. Действовать во имя неких абстрактных общих интересов – будь то интересы Запада или всеобщее братство людей – просто иррационально. Не следует гоняться за химерами, следует хранить и защищать свои собственные национальные интересы. В международной системе, где жизнь жестока, грязна и коротка, ставить предполагаемые коллективные интересы над конкретными национальными интересами могут лишь сумасброды, погрязшие в иррациональности.

Унаследовав от «холодной войны» масштабные союзы, военную мощь и несравненную экономику, Америка имеет все основания верить в *однополярный* мир. Помогает глобализация и сложившаяся в развитом мире взаимозависимость. «Создавая сеть послевоенных институтов, Соединенные Штаты сумели воплести другие страны в американский глобальный порядок... Глубокая стабильность послевоенного порядка – резюмирует известный социолог Дж. Айкенбери, – объясняется либеральным характером американской гегемонии и сонмом международных учреждений, ослабивших воздействие силовой асимметрии... Государство-гегемон дает подопечным другим странам определенную долю свободы пользоваться национальной мощью в обмен на прочный и предсказуемый порядок»²⁹⁶.

Единственный подлинно дебатированный вопрос: насколько долго будет существовать америкоцентричная система ²⁹⁷. Историк Пол Кеннеди ввел в обращение термин *перенапряжение*. Но к Америке это пока не относится. Разве военные расходы, составляющие всего 3,5 (!) процента валового национального продукта США, не стоят феноменального глобального влияния?

Огромность исторической трансформации завораживает, оставляя в ступоре даже многих идеологов американского глобального преобладания. «Придя в себя» они разворачивают настоящий общенациональный спор относительно оптимальной стратегии гегемона. Среди дебатированных вопросов определение того, какую степень мирового контроля Соединенные Штаты посчитают *достаточной*; как, и в какой форме Америка намерена провести революционные преобразования в целях упорядочения мира *по-своему*, может ли (и когда) занятие доминирующих мировых позиций превратить Америку в «удовлетворенную» сверхдержаву, решительно охраняющую статус кво²⁹⁸.

Итак, В Вашингтоне решили *на первом этапе* гнать в пустыни «террористов» – всех несогласных, *на втором этапе* постараться трансформировать политический ландшафт Ближнего Востока в духе, близком к обществу массового потребления Запада. А *на третьем этапе* «вписать» Ближний Восток в общемировую экономику.

Война в Ираке обходится американскому народу в 5,6 млрд дол. в месяц, здесь уже погибли более 3 тысяч американцев, а конца кровопролитию не видно. США завязли в песках Месопотамии тогда, когда их мощь должна показать себя визави Китая и

---

²⁹⁵ Glennon M. What's Law Got to Do with It («Wilson Quarterly», Summer 2002, p. 59).

²⁹⁶ Ikenberry J. America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).

²⁹⁷ Brooks S. and Wohlworth W. American Primacy in Perspective («Foreign Affairs», July/August 2002, p.24).

²⁹⁸ Ikenberry J. Getting hegemony right («National Interest», Spring 2001).

Европейского Союза.

Аналогия с Вьетнамом напрашивается все больше. Бывший военный министр Мелвин Лэйрд пишет в «Форин Афферс», что «во Вьетнаме и Ираке наши противники действуют сходным образом. Они хотят ослабить нашу волю продолжать борьбу и внушить как можно большему числу американцев мысль, что продолжение войны не стоит потерянных жизней американцев и затраченных на нее денег». Но не все согласны. «Неоконы» отметаут всякие аналогии с Вьетнамом, они напоминают, что во время покорения иракского восстания в 1920 г. англичане потеряли более 500 солдат – гораздо больше, чем (пока) сегодня в Ираке.

Но, если потери в Ираке не прекратятся, а миллиарды долларов, выделенных Ираку не стабилизируют там обстановку; если ценой борьбы с горцами будет кризис НАТО, если вместо демократии в новом Ираке воцарится режим шиитских аятолл, когда престижу Соединенных Штатов в мире будет нанесен жестокий урон, тогда Америка будет искать «козла отпущения». И она уже знает как его зовут.

Много цивилизаций видели берега Тигра и Евфрата, их подъем и падение. Впервые здесь видят попытку принести новую цивилизацию на броне танков. Слоны, верблюды, танки. Но цивилизационный код – это нечто крепче брони и поддается пересмотру только при помощи времени и благоприятных перспектив. Имперский наскок грозит обернуться провалом.

Приложение

Мировое мнение

Уроки, которые Запад должен извлечь из смерти тирана («The Observer», Великобритания)

Мэри Ридел (Mary Riddell), 04 января 2007

Вторжение Запада в Ирак стало фиаско, наше нежелание действовать в других частях света также обернулось катастрофой.

Может быть, кому-то и показалось, что в его глазах стоял страх. Трудно сказать наверняка. Саддам Хусейн спокойно взошел на виселицу. Учитывая всю важность факта его казни, само событие почти разочаровало. И если в момент смерти великий тиран и массовый убийца, казалось, стал меньше ростом, то же можно сказать и о тех, кто первыми приложили руку к его падению.

Там, за тенью совершенных им зверств, маячит ущербный евангелизм оккупантов, которые пришли, чтобы свергнуть его. Им это удалось, но какой дорогой ценой дались им эти надгробные плиты. Тысячи мирных жителей Ирака погибли с начала вторжения, и еще многие найдут свою смерть до начала Нового Года. В тот день, когда над Багдадом занялась еще одна кровавая заря, последним реквиемом Саддаму послужил отголосок свиста пуль и плача обездоленных.

Многие из его бывших подданных вспомнили другую казнь. Тогда опьяненная атмосферой праздника, кучка гуляк надела петлю на шею статуи Саддама, а ее лицо американский морской пехотинец накрыл флагом США. Дело было в апреле 2003 года, и многие тогда считали, что войне пришел конец. В действительности, крушение его образа явился символом конца одних событий и начала других: краха спеси неоконсерваторов и их мировоззрения; зарождения беззакония и невыдуманной угрозы; постепенной эрозии важных норм правосудия.

Не нужно было вешать Саддама. Прервать его жизнь с помощью негуманной казни, жестокого поступка, на которые он сам в свое время был так щедр, явилось еще одним попранием прав человека. Но, в конце концов, его смерть представляется скорее

бессмысленной, чем жестокой. Президент Буш в день, когда был подписан смертный приговор, лег спать пораньше. Тони Блэр не спешил прокомментировать случившееся из дома в Майами, где он проводил каникулы. Да и что еще можно было сказать? Смерть Саддама является скорее эпитафией безумию Запада, чем справедливым возмездием за кровожадность тирана. Нелицеприятная правда заключается в том, что в конечном итоге он преподал нам более важный урок, чем мы ему.

Саддам Хусейн заставил своих агрессоров позабыть, где лежат пределы их влияния и власти. Жажда уничтожить его была настолько сильна, что они уже не помнили, что Ирак никогда не был покорной игрушкой в руках Британии, и что не так-то просто победить врагов, если история и логика сражаются на их стороне. А теперь длинная тень Саддама распростерлась над Новым Годом, и затмила другие многочисленные события, о которых Запад не удосужился вспомнить.

Постсаддамовская эпоха служит водоразделом для многих линий разлома, которые почти все имеют отношение к войне с терроризмом. Во многих регионах Африки идут ужасные войны, частично из-за того, что Запад просто-напросто позабыл о кризисах былых времен. Катастрофа в Ираке, угроза Афганистана, война в Ливане и усиливающийся кризис в Палестине затмили этнические чистки, пытки и беспредел, царящие в Дарфуре и Сомали. Государства, принадлежащие к «оси зла» также не дают о себе забыть: у Северной Кореи уже есть бомба, а Иран семимильными шагами движется к обретению средств ядерного сдерживания.

Поэтому не может не вызывать удивления мнение, что 2007 суждено стать тишайшим годом. Доктрина, гласящая, что угрозу нужно уничтожить, а не пытаться урегулировать, уже почти почил в бозе, хотя ностальгирующие неоконсерваторы (и даже «ястребообразные» демократы) не исключают возможности нанесения ударов по Тегерану. Но тут звучат призывы к реализму в сочетании с национальными интересами. В случае США это означает: мирно сосуществовать, а не идти в атаку. Не высовывайся, убери палец со спускового крючка. Возлюби стол переговоров, а не пули, бомбы и виселицы.

Горькая ирония заключается в том, что понадобился Саддам для осознания очевидной истины, что взаимные уступки и компромиссы предпочтительнее иллюзорной веры в способную решить все проблемы военную мощь Запада. Только вот в чем состоит парадокс 2007 года. Запад подумывает о переходе от политики силы к политике «бархатных перчаток» в тот самый момент, когда из многих регионов мира раздаются тщетные призывы решить ситуацию силовыми методами.

Возьмите, к примеру, Дарфур, где насилие и бойня считается нормой социального диалога: за три года погибли 300 000 человек, и два миллиона остались без крова. Конфликт уже распространился на территорию Чада, а мир беспомощно наблюдает за происходящим, теша себя надеждой, что президент Башир, может быть, милостиво расстелет ковровую дорожку перед миротворцами ООН.

Или Сомали. Исламистская группировка, которая поддерживала жесткий закон и порядок, отступила из страны под натиском войск Эфиопии, которых негласно поддерживал Джордж Буш. Военные бароны уже занимают освободившуюся нишу в сердце одной из самых диких и анархичных столиц земного шара. Так был заложен краеугольный камень новой войны христиан против мусульман. Могадишо отчаянно нуждается в начале всестороннего переговорного процесса и в миротворческих силах ООН. Недавнее прошлое позволяет предположить, что на помощь может прискакать войско из Изенгарда Толкиена.

В этот вторник в должность заступает новый генеральный секретарь ООН. Выборный процесс, который настолько произволен, что, кажется, был разработан не для выборов генсека ООН, а казначея сельской общины, привел к тому, что им стал Пан Ги Мун, безусловно безызвестный южно-корейский дипломат. Хотя на родине его за умение ловко обходиться с прессой прозвали «скользящий угорь», он мало известен широкой общественности. Может быть, Пан Ги Мун – решительный человек? Ему понадобится это качество, впрочем, не ему одному. Мы имеем ту ООН, которую заслуживаем. Когда

резолюции принимаются с большим скрипом и редко претворяются в жизнь, преступники могут продолжать безнаказанно убивать. Старые великие державы ослаблены и напуганы мертвым Саддамом. Когда лидеры ведут разговоры о победе в Ираке, они имеют в виду: это было в последний раз. Но тогда нечего и мечтать о жизненно необходимых действиях в гуманитарных целях, о том, чтобы навсегда положить конец геноциду.

В 2007 году Африку подобная трусость не спасет. Масштабное кровопролитие притупило чувство горя и осушило слезы. Кто оплакивает детей Дарфура, чьи матери ушли за хворостом и так и не вернулись домой? Немногие, учитывая, что бюджет Комиссии ООН по делам беженцев составляет всего 550 миллионов фунтов стерлингов, а нуждающихся в заботе – 21 миллион человек.

Зоны военных действий нуждаются в дополнительных финансовых средствах, миротворческих силах, а не в помощи военных, которая либо бесполезна, либо неприменима. Речь идет о необходимости сокращения ядерного вооружения стран Запада и пересмотра Договора о нераспространении ядерного оружия. Великобритания, несмотря на утраченное благодаря Ираку влияние, может внести свой вклад в изменение сил в 2007 году. Она может объединиться с Европой и потребовать предпринять согласованные действия по урегулированию ситуации в Дарфуре и Сомали. Она может лоббировать вопрос о расширении количества постоянных членов Совбеза ООН. Парламент страны может остановить модернизацию Трайдент-2.

Таковы уроки, преподнесенные Саддамом и войной, которой не должно было случиться. Если Запад вновь вспомнит о человеколюбии и истории, может быть, некоторые катастрофы года минувшего можно будет похоронить в прошлом вместе с мертвым диктатором. Теперь, когда Саддам покоится в могиле, настало время вспомнить, кому нужна наша помощь, когда нужно сражаться, и что оплакивать.